

ЭКСЪ.

№ 1166.

НА ПОЛ-ПУТИ.

Рчерки и замѣтки.

... Теперь, складывая вотъ это, въ
итоги мы получаемъ... Ну-съ, что
мы получаемъ?...

(Изъ урока ариѳметики).

3139

ПРОВЕРКА
2007 г.

Перев. 1950

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія К. В Трубникова и В. А. Полетныи. Лит. д. № 42.

1874.

Лен. Гос. Ун-т
НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
Горького

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	страни.
Пьеръ Веселковскій. Сцены изъ московской жизни	1
Дѣтища русскаго реализма	50
Объективизмъ въ наукѣ и въ преподаваніи	74
Письма изъ „Rue Racine“	95
Отцы и дѣти. Новыя варіаціи на старую тему	155
Объ общественныхъ типахъ въ повѣстяхъ Тур- генева	241
О фантастическомъ въ поэзіи	265
Нѣсколько недомолвокъ. Музыкальныя письма	282
Изъ моего альбома фотографическихъ карточекъ:	
П. М. Садовскій	330
В. И. Кельсіевъ	338
И. Д. Бѣляевъ	347

ПЬЕРЪ ВЕСЕЛКОВСКІЙ.

сцены изъ московской жизни.

I.

30-го октября 1852 года, Настасья Васильевна Теребенева праздновала день своихъ именинъ. Вечеромъ, передъ ея домомъ стояло человѣкъ десять. Они перекидывались между собою словами и внимательно смотрѣли въ ярко освѣщенныя окна, хотя въ комнатахъ еще никого не было видно.

— Кто это, Арина Семеновна? таинственно спросила женщина лѣтъ сорока, съ виду похожая на кухарку, у другой, исправлявшей повидимому ту же должность, когда въ окнѣ показалась молодая разряженная блондинка.

— Софья Федоровна, старшая дочь, отвѣчала Арина Семеновна почти шепотомъ, словно боясь, чтобы ея отвѣта не услышала блондинка сквозь двойныя рамы.

— А не хороша! Даромъ, что принарядилась и подкрасилась, чай,—а что въ ней? Носикъ заковыркой, мозглявенькая, худенькая такая.

— Радоваться-то нечему, по неволѣ похудѣешь. Прошлаго года вышла она замужъ, пожили съ мужемъ безъ году недѣлю, да ужъ и разѣхаться успѣли. Говорятъ, плакала, плакала, бѣдная..

— Какъ, матушка, не плакать!

— И Богъ вѣсть, изъ-за чего такое дѣло вышло...

— Она-то-съ очень хороша сударыня, перебила рябоватая горничная голосомъ, недопуская возраженія и какъ будто обиженнымъ.— Ихняя Ариша-съ къ намъ ходитъ, такъ сказываетъ: такая, говорить, злющая, что Боже упаси-съ. Такъ вотъ видно Богъ-съ имъ и посылаетъ-съ.

Къ крыльцу подѣхалъ въ саняхъ пожилой мужчина съ усами.

— Начали наѣзжать, замѣтилъ кто-то.

— Кажется, барынинъ братъ-съ, сказала рябоватая горничная.

Въ окнѣ показалась пожилая барыня и съ нею другая, молоденькая-же, блондинка.

— Сама и меньшая дочь, шепнула Арина Семеновна.

Приѣхавшій мужчина перецѣловался съ Настасьей Васильевной и ея дочерьми, и всѣ они усѣлись въ гостинной. Рябоватая горничная, стараясь показать, какъ хорошо знала она все, относящееся до Терebeneвыхъ, говорила между тѣмъ;

— Онъ и есть, братъ-съ. Я его тотчасъ узнала, только съ разу не могла-съ навѣрно разглядѣть.

— Пади! Паади!

У подѣзда остановились другія сани. Изъ нихъ выскочилъ мужчина и вбѣжалъ на крыльцо.

— Иванъ! Пойдемъ, братъ, домой: насъ съ тобой ничѣмъ не угостятъ, сказалъ кучеръ своему товарищу.

— И гостямъ-съ не много достанется, злобно замѣтила рябоватая горничная.

— А что?

— Да такъ-съ. Они такъ нуждаются, что просто ужасъ!

Только-съ что топорщатся, а часто на рынокъ не съ чѣмъ послать-съ.

— Да, перебила Арина Семеновна, намеднись лавочникъ сказываль. Говорить, задолжали ужъ съ годъ пятьдесятъ рублей; никакъ, говорить, не могу получить.—И потомъ со вздохомъ прибавила:—А меньшая дочь невѣста. Съ чѣмъ выдать? Вотъ оно что, Мавра Ѳоминишна!

Мавра Ѳоминишна тоже вздохнула.

— Говорять-съ, наклеывается женихъ, уланскій офицеръ, только еще покажѣтъ ничего вѣрнаго-съ нѣтъ, сказала рябоватая горничная, становившаяся предметомъ общаго вниманія, и продолжала съ ироніей:— Софью Ѳедоровну сникнули-съ безъ приданого, а меньшую дочку — еще какъ Богъ дастъ-съ.

Между тѣмъ пріѣхавшій мужчина вошелъ въ лакейскую, снялъ шинель и охорашивался передъ зеркаломъ. Ему казалось не болѣе двадцати лѣтъ. Полный, румяный, онъ напоминалъ собой воскового херувима на вербочкѣ. Его бѣлокурые волосы были причесаны, какъ говорится, волосокъ къ волоску, а въ одеждѣ проглядывало неудачное притязаніе на франтовство.

Молодой человѣкъ былъ Петръ Михайловичъ Веселковскій; у всѣхъ знакомыхъ онъ слылъ просто подъ именемъ Пьера, иногда съ прибавленіемъ слова *monsieur*. Онъ родился и выросъ въ Костокинѣ и только съ годъ пріѣхалъ въ Москву. Это былъ мальчикъ скромный, застѣнчивый, подчасъ добрый, не глухой, не очень умный, довольно завистливый и очень самолюбивый. Не обладая ни ловкостью, ни любезностью, ни богатствомъ, онъ игралъ въ обществѣ второстепенную роль,— и страшно досадовалъ, видя, что какой-нибудь Сергій Петровичъ, или Ипполитъ Александровичъ являются царями бала,

предметомъ общаго лестнаго вниманія, тогда какъ онъ, Пьеръ, остается въ тѣни. Но онъ умѣлъ увѣрять себя, что не зависть къ ихъ мелочнымъ успѣхамъ мучить его, а грусть о томъ, что общество ставитъ ловкаго полькера выше благороднаго мыслителя-поэта (Пьеръ писалъ стихи). Ему очень хотѣлось убѣдить общество въ собственныхъ достоинствахъ и разоблачить ничтожность этихъ царей бала. Онъ и подтрунивалъ надъ ними изъ-подъ-тишка, но его никто не слушалъ; цари баловъ оставались преспокойно на своихъ тронахъ, а самаго Пьера все считали такимъ, каковъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ, и отказывали ему въ грандіозности, которой онъ добивался изо всехъ силъ.

Желаніе показать себя человѣкомъ, выходящимъ изъ общаго уровня, доводила Пьера до невѣроятныхъ глупостей. Живя въ Костокинѣ, влюбился онъ въ нѣкую Марью Степановну, которая кокетничала съ нимъ, чтобы возбуждать при случаѣ ревность въ своемъ возлюбленномъ, драгунскомъ ремонтерѣ. Пьеръ скоро понялъ, въ чемъ дѣло, и сталъ было ухаживать за другой, какъ вдругъ Марья Степановна умерла. Пьеръ недѣли двѣ никуда не ѣздилъ, морилъ себя на антоніевой пищѣ и, съ грустнымъ удовольствіемъ, упивался мечтами о томъ, какъ онъ явится въ свѣтъ худой, блѣдный, какъ будутъ жалѣть о немъ. Наконецъ, скука и голодъ проняли его до того, что онъ оставилъ свое уединеніе прежде назначеннаго срока. Ему было крайне конфузно слышать намеки, направленные двусмысленными улыбками, о причинѣ его удаленія отъ свѣта,—и онъ не выдержалъ ни минуты задуманной роли и всячески старался увѣрить публику въ ложности ея подозрѣній. „Увѣряю васъ, что я былъ боленъ простудою—и больше ничего“...

Москва поколебала много убѣжденій Пьера, во многомъ

измѣнила взглядъ его на жизнь. Окруженный уже не провинціальными франтиками, онъ теперь не досадовалъ на то, что остается въ тѣни на сценѣ московской жизни, гдѣ люди—съ наружною, внушающею страхъ и уваженіе, съ отличными манерами, самоувѣреннымъ голосомъ, смѣлой походкой. Пьеръ смиренно призналъ ихъ превосходство передъ собой и старался подражать имъ по мѣрѣ силъ. Онъ боялся быть совершенно уничтоженнымъ съ своими претензіями на грандіозность и оригинальность. Поэтому, въ Москвѣ, онъ оставилъ свои романтическія замашки. Онъ не смѣлъ заикнуться о своихъ стихахъ, которыми такъ чванился въ Костюкинѣ и конечно перепугался-бы до смерти, увидавъ во снѣ, что, предъ лицомъ московской публики, онъ разыгрываетъ трагедію, въ родѣ плача надъ гробомъ Марьи Степановны.

Но я слишкомъ заговорился о Пьерѣ, а онъ уже давнымъ-давно разговариваетъ съ Софьей Ѳедоровной.

— Я думала, что вы не исполните своего обѣщанія пріѣхать къ намъ пораньше, сказала она.

— Какъ-же это можно!

— Очень можно. Иные даже совсѣмъ у насъ не будутъ: сегодня вечеръ у Аникиныхъ.

— Только я ихъ на вашъ домъ не промѣняю. Лучше вамъ сказать: я не могу уважать того человѣка, которому скучно у васъ.

— О, ужъ это слишкомъ! насмѣшливо сказала Софья Ѳедоровна. Говорятъ, вамъ вездѣ скучно.

— Не стыдно-ли вамъ это думать? возразилъ Пьеръ тономъ нѣжнаго и любезнаго упрека.

— Вы еще не успѣли утѣшиться въ потерѣ Марьи Степановны.

Пьеръ покраснѣлъ до ушей и подхватилъ съ кислой, натянутой улыбкой:

— Положимъ, даже что я влюбился въ нее... Но вѣдь можно-же наконецъ и утѣшиться.

— Такъ скоро? спросила Софья Федоровна, забавляясь его смущеніемъ.

— Да... и... этимъ я обязанъ вамъ...

При этихъ словахъ онъ покраснѣлъ еще болѣе и поспѣшилъ обратить въ шутку неволью вырвавшійся намекъ на свою любовь:—потому что въ вашемъ домѣ самъ Байронъ утѣшится въ недѣлю.

— Полноте, пожалуйста! Я не изъ тѣхъ, которымъ нравится такая лесть.

(Но по лицу Софьи Федоровны было видно, что она надѣялась въ недѣлю утѣшить Байрона и что ей нравится такая лесть).

— Не я одинъ, все убѣждены въ этомъ.

— Изъ всѣхъ этихъ назовите хоть одного.

— Павелъ Павловичъ. Онъ вашъ поклонникъ.

— Даже поклонникъ? ха, ха, ха! Quelle idée!

— Я увѣренъ въ этомъ, сказала Пьеръ, очень довольный тѣмъ, что Софья Федоровна говоритъ съ одушевленіемъ и весело смѣется.

— Такъ Павелъ Павловичъ мой поклонникъ!

Изъ-подъ безпечной веселости, съ какой она сказала эти слова, проглядывало что-то болѣе простой веселой болтовни. Какъ будто ей было мало услышать одинъ разъ, что Павелъ Павловичъ ухаживаетъ за ней.

— Самолюбива, любить толковать о своихъ поклонникахъ, особенно о Павлѣ Павловичѣ; но что за милашка! подумалъ Пьеръ и продолжалъ:—Другой вашъ поклонникъ...

— Вы? спросила она, засмѣявшись.

— Конечно, отвѣчалъ Пьеръ, и снова легкій румянецъ покрылъ его щеки.

— Да... такъ и вы! сказала Софья Федоровна, разсѣянно улыбаясь и, казалось, думала о чемъ-то другомъ. Но мигъ задумчивости прошелъ и она быстро прибавила:—Такъ вы должны ухаживать за мной.

— Если позволите.

— Quelle idée! Развѣ въ этомъ просятъ позволенія!.. А Павелъ Павловичъ будетъ сегодня, вы не знаете?

Въ лакейской послышался стукъ шпоръ и сабли, громкій смѣхъ, нѣсколько бойкихъ французскихъ фразъ—и въ залъ вошли двое мужчинъ. Одинъ изъ нихъ, уланскій офицеръ, былъ одинакихъ лѣтъ съ Пьеромъ. Другой, статскій, казался лѣтъ тридцати съ небольшимъ. Онъ былъ очень хорошъ собой: высокій лобъ, красиво окаймленный черными, гладко остриженными волосами, сѣрые глаза сверкавшіе изъ-подъ густыхъ, нависшихъ бровей, орлиный носъ, блѣдное лице съ огромными усами и козлиной бородкой. Его костюмъ отличался роскошью и изящной простотой, начиная съ щегольского фрака и кончая великолѣпной запонкой на бѣлой какъ снѣгъ рубашкѣ.

— Веду робкаго любовника къ мечтательной постушкѣ, шепнулъ Софья Федоровнѣ усачъ, подмигнувъ на улана.

Уланъ усѣлся въ уголѣ съ меньшей дочерью хозяйки, Варинькой, и между ими начался какой-то разговоръ вполголоса. Усачъ, сказавъ нѣсколько фразъ Настасьѣ Васильевнѣ, воротился въ залъ и, подойдя къ Софья Федоровнѣ, сказалъ ей:

— Я къ вамъ сейчасъ отъ Лизаветы Дмитриевны.

(Усачъ говорилъ громко и отрывисто).

— Ухаживали за Аннетъ?

— Подите вы! Я тамъ умерь-было со скуки. Зоветь объ-
дать,—вообразите! Вино—въ ротъ взять нельзя. Подаютъ гуся...

— Будетъ вамъ говорить о гусяхъ. Скажите лучше,
нравится-ли вамъ мое платье?

— Творецъ мой, какъ вамъ не надоѣсть набиваться на
комплименты? (усаць пожалуй плечами). Знаете сами, что от-
личное платье... Удивительныя существа эти женщины: само-
любивы, какъ я не знаю что. Кто-бы ихъ ни хвалилъ, лишь-
бы хвалили.

— Однако моего мнѣнія о платьѣ она не спрашивала,
подумаль Пьеръ.

— Хорошаго-же вы мнѣнія о женщинахъ, Павелъ Павло-
вичъ! сказала Софья Ѳедоровна.

— Чтожъ тутъ дурнаго!... Ну, что вы подѣлываете?

— Ничего. Говорила съ monsieur Пьеромъ, который
гораздо любезнѣй васъ, не бранить женщинъ.

Павелъ Павловичъ такъ презрительно и насмѣшливо
взглянулъ на Пьера, что тотъ сконфузился и поспѣшилъ
уйти въ гостинную.

— Вашъ Пьеръ способенъ навести хандру: сидитъ какъ
къ смерти приговоренный и молчитъ. Что онъ всегда такой?

— Всегда! За то не бранить женщинъ.

— Еще-бы! Онъ, я думаю, таетъ при всякой, даже отъ
Аннетъ.

— Отъ чего-же и не отъ нея! Про нея всѣ говорятъ,
что *c'est une personne aimable*...

— *C'est une personne aromatique*...

— Ха, ха, ха! Перестаньте! Какой у васъ злой языкъ.
Вы не можете любить.

— Отъ чего-бы это? Что вамъ за охота это говорить!

Павель Павловичъ сдѣлалъ удареніе на словѣ *самъ*.

— Отъ чего-жъ-бы *мнѣ* этого и не говорить?

Софья Федоровна сдѣлала удареніе на словѣ *мнѣ*. Но вѣроятно она знала причину, почему не можетъ отрицать въ Павлѣ Павловичѣ расположенія къ чувству любви: она вспыхнула и глядѣла на него съ какимъ-то особеннымъ выраженіемъ лица. Павель Павловичъ продолжалъ:

— А не могу-жъ я влюбляться въ каждую, въ какуюнибудь нескладную Аннетъ!

Софья Федоровна засмѣялась, а Павель Павловичъ самодовольно поглядывалъ на нее, ловко расправляя усы.

Стали ваѣзжать гости. Приѣхала сестра Настасьи Васильевны, Анна Васильевна, съ тремя дочерьми и горбатой гувернанткой; приѣхало еще пять-шесть пожилыхъ дамъ съ мужьями и дочерьми, студентъ, нѣсколько военныхъ и статскихъ. Завязался общій разговоръ, въ которомъ главнымъ лицомъ явился Павель Павловичъ. Онъ рассказывалъ городскія сплетни, смѣшилъ анекдотами. Не принимая участія въ разговорѣ, Пьеръ перебиралъ въ своемъ умѣ происшествія настоящаго вечера и находился въ самомъ неопредѣленномъ расположеніи духа. Онъ вспоминалъ презрительный взглядъ, брошенный на него Павломъ Павловичемъ, и ему становилось грустно. — „Неужели я такъ ничтоженъ, что со мной позволяютъ себѣ такое обращеніе? Или онъ меня ревнуетъ къ Софьѣ Федоровнѣ?“ То досадовалъ онъ на себя, что ушелъ изъ комнаты, будто боясь новой, болѣе чувствительной обиды. То, припоминая свой разговоръ съ Софьей Федоровной, онъ веселѣлъ при мысли, что разговоръ шель живо и одушевленно. Потомъ, вслушиваясь въ общій разго-

воръ, онъ замѣчалъ общее вниманіе къ Павлу Павловичу, и какое-то темное чувство говорило ему: „Тебѣ-ли карлику тягаться съ исполиномъ! Ты передъ Павломъ Павловичемъ меньше, какъ застѣнчивый ребенокъ. Онъ не можетъ тебя ревновать, потому-что считаетъ тебя за нуль, да и Софья Ѳедоровна интересуется имъ, а не тобою.“ И беспокойство овладѣвало душой Пьера. Тысяча разнообразныхъ, противоположныхъ мыслей и чувствъ толпилась въ его головѣ и болѣзненно билось его сердце.

Между тѣмъ, горбатая гувернантка заиграла кадрили; танцующіе стали устанавливаться въ пары. Пожилые люди отправлялись къ карточнымъ столамъ. Пьеръ танцевалъ кадрили съ Софьей Ѳедоровной, которую ангажировалъ дня за два до именинъ.

Кадриль началась. Пьеръ хотѣлъ, чтобы Софья Ѳедоровна было веселѣй съ нимъ, чѣмъ съ Павломъ Павловичемъ. „Эта кадриль — поединокъ между мной и имъ“, думалъ онъ. И тревожное состояніе духа его усилилось еще болѣе. Съ лихорадочной веселостью приступилъ онъ къ дѣлу и повелъ разговоръ гораздо умнѣе и острѣе обыкновеннаго. Но Софья Ѳедоровна говорила съ нимъ не-хотя и все глядѣла въ ту сторону, гдѣ танцевалъ Павелъ Павловичъ. Пьеръ попробовалъ было возобновить разговоръ объ ея поклонникахъ, но на сей разъ она уже не заинтересовалась этимъ предметомъ. Заговорилъ онъ снова о томъ, что надо просить позволенія у своихъ возлюбленныхъ ухаживать за ними. — Фи! *quelle idée*, отвѣчала сухо Софья Ѳедоровна. Пьеръ болѣе и болѣе упалъ духомъ. Въ антрактѣ между пятой и шестой фигурой, онъ сказалъ ей:

— Мнѣ жалко, что вы танцуете со мной. Вамъ со мной скучно.

— Что за странная мысль!

— Я сегодня такъ не разговорчивъ, не занимателенъ...

— Напротивъ.

— Не думаю, тоскливо сказалъ Пьеръ.

— Мнѣ не изъ чего лгать.

— Но вы разсѣянны. скучны...

— Кто вамъ сказалъ?

— Ахъ, Боже мой! Я самъ это вижу.

— Вовсе нѣтъ.

Озадаченный сухостью ея отвѣтовъ, онъ замолчалъ. Грусть и досада овладѣли его душой. „Сама набивалась дать мнѣ двѣ кадрили, а теперь капризничаетъ! И къ чему эта насмѣшка надъ моей любезностью? Развѣ я виноватъ, что она любитъ этого усатаго дурня!“ Онъ танцевалъ съ самымъ унылымъ лицомъ и нетерпѣливо ждалъ окончанія кадрили.

И вотъ кадрили кончилась. Гувернантка заиграла вальсъ. Софья Федоровна стала вальсировать съ Павломъ Павловичемъ. Пьеръ смотрѣлъ на ея лице, оживившееся весельемъ, и думалъ: „Нѣтъ сомнѣнiя въ томъ, что она любитъ его, и она напрасно думаетъ увѣрить меня въ противномъ. Но Боже!— за чѣмъ она дѣлаетъ изъ меня какого-то шута, которымъ забавляются безъ Павла Павловича и которому говорятъ при немъ: пошелъ прочь, ты больше не нуженъ, знай свое время! За чѣмъ меня заводитъ? За чѣмъ не сказать прямо...“ Грустно сдѣлалось Пьеру; чуть слезы не показались на его глазахъ. Но заговорило самолюбiе и отчаянiе замѣнилось сомнѣнiемъ. „Изъ чего-жъ ей, однако, врать и обманывать меня? Кокетство? Но, стало-быть, она кокетничаетъ только со мной. Кромѣ того, она знала, что Павелъ Павловичъ будетъ, а все таки дала мнѣ двѣ кадрили, да еще сряду... Мо-

жетъ быть, она любитъ меня, а съ нимъ только кокетничаетъ... Но это одушевление въ разговорѣ съ нимъ... Кого-жъ она любитъ?" Пьеръ терялся въ безвыходномъ лабиринтѣ догадокъ.

— Monsieur Веселковскій! Вы танцуете и эту кадрили съ Софьей Ѳедоровной? сказалъ, подойдя къ нему Павелъ Павловичъ.

— Да. А что?

— Уступите мнѣ.

— Какъ-же это можно! Она...

— Она сама мнѣ поручила сказать вамъ это.

— Я этого ждалъ (подумалъ Пьеръ); такъ оно и вышло.

— А если вамъ хочется непремѣнно танцевать, такъ можете ангажировать любую: дамъ много.

— Я не такой охотникъ до танцевъ, какъ вы думаете; но я, право, не знаю...

Павелъ Павловичъ подхватилъ Пьера подъ руку и подвелъ его къ Софьѣ Ѳедоровнѣ.

— Выбирайте, съ кѣмъ вы хотите танцевать: онъ—ревность, я—надежда.

— Фи! Ревность! Я выбираю надежду. — Софья Ѳедоровна подала руку Павлу Павловичу и сказала:

— А мы съ вами, monsieur Пьеръ, протанцуемъ слѣдующую.

Пьеръ молча поклонился и отошелъ.

Кадриль началась.

Пьеръ одиноко расхаживалъ по гостинной, около карточныхъ столовъ. Потомъ онъ сѣлъ у двери въ залъ и неожиданно услышалъ за собой голоса Софьи Ѳедоровны и Павла Павловича. Между небольшой колонкой и притолкой двери было небольшое разстояніе, такъ что онъ могъ видѣть и

слышать разговаривавших. Но они танцевали и до Пьера долетали только отрывочныя фразы изъ ихъ разговора. „Послушаю, какими это разговорами занимается ее Павелъ Павловичъ, злобно подумалъ Пьеръ и подвинулъ стулъ еще ближе къ притолкѣ.

Пятая фигура кончилась. Софья Федоровна сѣла около самой колонки. Павелъ Павловичъ, облокотясь на спинку ея стула, сказалъ:

— Это такъ глупо, что я даже отъ него этого не ожидалъ.

— Не про меня-ли они толкуютъ? Пожалуй! подумалъ Пьеръ.

— Напротивъ, очень оригинально, возразила Софья Федоровна.

— Хороша оригинальность! говорить такія вещи: позволите-моль, сударыня, за вами ухаживать! (Павелъ Павловичъ передразнилъ Пьера). Это, это—чертъ знаетъ, что такое!

— Про меня говорятъ, такъ и есть, подумалъ Пьеръ. Сердце его забилося, онъ сидѣлъ ни живъ, ни мертвъ.

— Это очень умно, по моему мнѣнію.

— Для Пьера, конечно, умно. Я увѣренъ, что онъ заранѣе выдумалъ эту глупость и чрезвычайно доволенъ...

Софья Федоровна засмѣялась.

— Представьте, онъ мнѣ сейчасъ сказалъ, что онъ „не охотникъ до танцевъ“... Какое костокинское выраженіе!... Право, смѣшнѣе его я ничего не видывалъ: ногти вѣчно въ траурѣ, и руки холодныя и потныя, какъ лягушка... Мнѣ всегда гадко подавать ему руку... Хоть бы перчатокъ не снималъ, по крайней мѣрѣ.

— Онъ добрый мальчикъ...

— Но глупъ, глупъ, какъ я не знаю что... Намъ начинать!

Софья Федоровна засмѣялась.

Пьеръ, какъ говорится, свѣта не взвидѣлъ. Передъ самымъ его носомъ горячилась Настасья Васильевна на свою партнерку. Въ залѣ раздавался громкій смѣхъ танцующихъ, которые ошибались въ фигурахъ, сочиняемыхъ Павломъ Павловичемъ. Но Пьеръ не видалъ и не слышалъ ничего. Какое-то оступѣнiе, смѣшанное съ безсильной злостью, овладѣло его душой. Опъ глядѣлъ себѣ на руки: на правой рукѣ видѣлъ невычищенные ногти, лѣвую руку сжималъ въ кулакъ, чтобы расправить морщины широкихъ перчатокъ. „А вѣдь руки-то у меня, въ самомъ дѣлѣ, холодныя и потныя, думалъ онъ.“

Между тѣмъ кадрили кончилась. Къ гувернанткѣ подошли съ просьбой сыграть польку.

— Но mademoiselle Antonine ужъ устала. Я буду играть вамъ, сказала Софья Федоровна и подошла къ роялю, бросивъ на Павла Павловича лукавый взглядъ.

— Послушайте! Это ни на что не похоже, сказалъ онъ, идя за ней. Что за мысль играть вамъ! Съ кѣмъ же танцовать?

— Ха, ха, ха, quelle idée! Съ кѣмъ хотите! отвѣчала Софья Федоровна.

— Это варварство, продолжалъ Павелъ Павловичъ, притворяясь сердитымъ.

— Вы начинаете браниться?

— Да не могу-жъ я... Я вамъ не позволю играть.

— Вотъ какъ!

— Да, я съ вами буду говорить, мѣшать вамъ, вы будете ошибаться.

— Посмотрим!

Софья Федоровна принялась играть польку, безпрестанно ошибаясь. Павелъ Павловичъ, облокотясь на спинку ея стула и ловко поглаживая усы, нащипывалъ ей что-то очень смѣшное, потому что она безпрестанно смѣялась и говорила: «Полноте! Quelle idée! Перестаньте. Вы мнѣ мѣшаете!»

Пары шумно и весело неслись по залѣ. Варинька съ уланомъ вела подѣ шумокъ интимный разговоръ....

А Пьеръ былъ уже дома и въ волненіи расхаживалъ по комнатѣ.

III.

Софья Федоровна была далеко не красавица. Вотъ вамъ очеркъ ея наружности: небольшая ростомъ, рыжеватая, свѣтлосѣрые глаза, лице довольно красиво очерченное, но усѣянное веснушками и «носикъ заковырею», какъ выразилась Мавра Фоминишна. Но Софья Федоровна представляла собою олицетворенное самолюбіе, самолюбіе ребяческое до пошлости: она считала себя первой московской красавицей. Она была убѣждена, что всѣ женщины должны ей уступить въ искусствѣ одѣваться и завлекать въ свои сѣти мужчинъ, и что ни одинъ мужчина не можетъ не влюбиться въ нее. Ей казалось, что она была создана для того, чтобъ замѣчали и восхищались каждымъ ея взглядомъ, каждымъ движеніемъ. Встрѣтится-ли ей, бывало, кто-нибудь на улицѣ,—она тотчасъ начинаетъ съ своей матерью, или сестрой, разговоръ, засмѣется иногда вовсе не кстати, отвернется и какъ-будто не обращаетъ никакого вниманія на проходящаго, а сама, между тѣмъ, изъ-подъ-тишка, смотритъ, не оглядывается-ли онъ, пораженный ея красотой, ловкостью и нарядомъ. Какъ-то разъ, противъ дома Тербеневыхъ поселился студентъ. Софья Федоровна по цѣлымъ часамъ вертѣлась у окна. Пре-

жде она не читала никакихъ книгъ, но тутъ часто садилась подъ окномъ, въ картинной позѣ, съ книгой въ рукахъ и часто, держа книгу вверхъ ногами, «межь печатными строками она духовными глазами» видѣла другія строки, говорившія ей о томъ, что студентъ очарованъ ею и мучится отъ ея невниманія. Для студента она открыла давнымъ-давно неотпирравшуюся рояль и пискливымъ голосомъ напѣвала устарѣвшіе романсы, въ родѣ «Ненаглядный ты мой». Пусть онъ слушаетъ и пламенѣетъ! Не думайте, чтобы студентъ ей правился. Нисколько! На квартирѣ студента жилъ пожилой, красноносый чиновникъ. Софья Федоровна рисовалась и передъ нимъ. Задавать эффектъ своей персоной передъ кѣмъ-бы то ни было—вотъ въ чемъ проходила вся ея жизнь.

Стоило кому-нибудь протанцовать съ ней двѣ кадрили въ вечеръ и сказать ей самый обыкновенный комплиментъ, чтобы Софья Федоровна записала его въ число своихъ поклонниковъ. Послѣ каждаго вечера, она была въ восторгѣ отъ своихъ успѣховъ. Вѣря ея рассказамъ, Настасья Васильевна ждала со дня на день предложенія руки и сердца. Но время шло, Терebeneвы торчали на всевозможныхъ балахъ по прежнему и, по прежнему, никто не сватался, потому что всѣмъ были извѣстны разстроенныя дѣла Настасьи Васильевны, а про Софью Федоровну носились по Москвѣ самые неблагоприятные слухи. «Набита какой-то глупой спѣсью, всѣ хуже ея. А сама рѣшительно никакихъ приличій не знаетъ: вѣчно съ мужчинами, позволяетъ себѣ говорить разныя вольности... Просто, ни на что не похоже», говорили одни.—«А ужъ какъ глупа, какъ ломается!» прибавляли другіе...

Софьѣ Федоровнѣ минуло двадцать четыре года, когда въ Москву пріѣхалъ Алексѣй Дмитріевичъ Тюмянцевъ, отставной поручикъ, пятидесятилѣтній тучный холостякъ, помѣщикъ

шестисотъ душъ. Терebeneвы всячески старались заманить его и дѣло пошло на ладъ. Тюмянцевъ сдѣлалъ предложеніе и конечно не получилъ отказа.

Но еще не кончился медовый мѣсяцъ, а уже между молодыми начались частыя размолвки. Алексѣй Дмитріевичъ хотѣлъ жить въ деревнѣ; жена не соглашалась. Онъ былъ скупъ, а Софья Федоровна хотѣла жить на большую ногу: принудила его нанять большой домъ, завести двѣ четверки лошадей, покупала себѣ наряды не иначе, какъ на Кузнецкомъ мосту и (что всего досаднѣе было для Алексѣя Дмитріевича) выманивала у него деньги въ займы, разумѣется безъ отдачи, для своей матери. Между тѣмъ всѣ супружескія ласки со стороны Софьи Федоровны ограничивались тѣмъ, что она звала мужа своимъ бирюкомъ и цѣловала его иногда, при гостяхъ. Она выѣзжала всюду одна, завела себѣ знакомыхъ, не обращавшихъ на Алексѣя Дмитріевича ни малѣйшаго вниманія, и Тюмянцевъ замѣчалъ, что его присутствіе при гостяхъ было непріятно для Софьи Федоровны. Дѣло дошло до того, что онъ по цѣлымъ днямъ не видалъ своей жены и одинъ-одинешенецъ сидѣлъ у себя въ кабинетѣ. Какъ-то разъ онъ вышелъ изъ терпѣнія и сказалъ женѣ: «Послушай, Софья Федоровна, я взялъ тебя ни съ чѣмъ, такъ ты бы должна была по крайней мѣрѣ...» Софья Федоровна не дала ему кончить начатой рѣчи и упала въ обморокъ. Приѣхала Настасья Васильевна съ сестрой, накинулись на Тюмянцева, поднялась такая исторія, что Тюмянцевъ не зналъ, куда дѣваться. Двѣ недѣли его не пускали къ женѣ, говорили, что съ ней дѣлаются безпрестанныя истерики, что она больна при смерти; а Тюмянцевъ слышалъ, какъ больная хохочетъ, хоть-бы и здоровая, и вовсе не истерическимъ смѣхомъ (особенно когда ее навѣщали разные троюродные и четверюродные

3134

2
Лен. Г ос. У
НАУЧНАЯ БИБЛ
им. Горьк

ные братцы). «Ну, хорошо-жь, подумаль онъ: тутъ добра ждять нечего. Я посмотрю, посмотрю, да и того....»

Положеніе дѣла, какъ видите, было очень натянутое, когда въ домѣ Тюмянцевыхъ поселился Павелъ Павловичъ.

Павелъ Павловичъ былъ замѣчательный человѣкъ. Про него всѣ говорили, что онъ хотъ и вральманъ, и шулеръ, и мать родную готовъ промѣнять на бутылку шампанскаго, но препріятный человѣкъ. И въ самомъ дѣлѣ онъ былъ препріятный человѣкъ. Заговорите съ нимъ объ охотѣ за зайцами, волками и иными разными животными, — Павелъ Павловичъ знаетъ въ совершенствѣ всѣ роды охоты и расскажетъ вамъ массу любопытныхъ анекдотовъ по этому предмету. Заговорите съ нимъ про цыганъ, — онъ знаетъ, въ какомъ хорѣ цыганка красавица, и превосходно пародируетъ Петра и Ивана Соколовыхъ, Степку и Машку. Охотника до соблазнительныхъ исторій онъ можетъ уморить со смѣху: онъ знаетъ ихъ безчисленное множество и рассказываетъ мастерски. Онъ былъ знатокъ въ винахъ, въ лошадахъ.... Но я отказываюсь исчислить вамъ всѣ его качества, всѣ многостороннія свѣдѣнія. Когда-то онъ имѣлъ хорошее состояніе, но прокутилъ все и никто не зналъ, чѣмъ онъ жилъ. Злые языки утверждали, что онъ прибиралъ къ своимъ рукамъ, говоря его словами, «неопытныхъ птенцовъ», училъ ихъ жизни, т. е. возилъ къ цыганкамъ, по ресторанамъ, занималъ имъ деньги подъ жидовскіе проценты, обыгрывалъ ихъ — и этимъ прокармливался. Иные даже говорили про него, будто онъ не чистъ на руку. Но я никакъ не могу повѣрить, чтобы онъ, съ такой благородной наружностью, былъ способенъ на подобныя вещи.

Павелъ Павловичъ сталъ приволакиваться за Софьей Федоровной. «Не дурна, глупа и податлива; въ свободное время мож-

но позаняться», думалъ онъ, и въ свободное отъ благородной практики время повелъ осаду противъ крѣпости. Крѣпость беззаботно готовилась къ сдачѣ. Какъ вдругъ, однажды, часу въ двѣнадцатомъ ночи, Софья Ѳедоровна пріѣхала къ матери вся въ слезахъ, заперлась съ нею и что-то долго говорила. Три дня прожила она у Настасьи Васильевны, ожидая мужа съ повинной; наконецъ, видя, что ожиданія напрасны, она съ матерью отправилась къ нему, но воротилась ни съ чѣмъ. Тюмянцевъ тѣмъ временемъ уѣхалъ въ деревню, оставивъ письмо, въ которомъ объявилъ, что «послѣ случившейся сцены» она можетъ жить гдѣ угодно и съ кѣмъ угодно, только не съ нимъ. Что это была за сцена — неизвѣстно. Алексѣй Дмиріевичъ говорилъ только: «Скорѣе въ аду соглашусь жить, чѣмъ съ нею. Все истерики, да истерики; въ домѣ содомъ; гости съ утра до вечера; съ матерью комплотъ противъ меня составила, а сама....» Тюмянцевъ умолкалъ и потомъ, махнувъ рукой, прибавлялъ: «Да что! Изъ такого семейства чего путнаго ждать!» — А отъ Терebeneвыхъ и подавно нельзя было добиться никакого толка насчетъ случившейся катастрофы: онѣ только звали Алексѣя Дмиріевича мужикомъ, варваромъ, котораго въ Сибирь мало послать, и другими подобными именами.

Вскорѣ послѣ этого происшествія пріѣхалъ въ Москву Пьеръ, который приводился Терebeneвымъ какимъ-то дальнимъ родственникомъ.

Живя въ Костокинѣ, онъ влюблялся безпрестанно и нѣсколько разъ пользовался взаимностью. Но всѣ его любовныя похиженія кончались ничѣмъ, кончались, можно сказать, едва начавшись. Онъ любилъ чрезвычайно робко: съ краской смущенія на лицѣ, едва могъ онъ темнымъ намекомъ высказать свою любовь, напр. гадая при своей возлюбленной на трефовую

даму (если она была брюнетка), и т. д. Никогда, даже въ самыя удобныя минуты, не поцѣловаль онъ руки у своей Дульциней. Наединѣ съ любимой особой, Пьеромъ овладѣвало страшное смущеніе, сердце его замирало, голосъ прерывался и онъ находился въ такомъ смущеніи, что былъ и смѣшонъ и жалокъ. Въ это время, онъ ругаль вычитанными фразами общество съ его приличіями и условіями, и въ заключеніе говорилъ: «Вамъ только рѣшаюсь я высказать все это, потому что вы можете понять меня. Такія минуты выдаются такъ рѣдко, что... (Пьеръ краснѣлъ, какъ кумачъ) дайте мнѣ пожать вашу ручку въ воспоминаніе этого вечера (или утра, смотря по времени дня)». Но барышни, въ стыдливомъ смущеніи опустивъ глаза, ничего не отвѣчали на его просьбу— и Пьеръ, конфузясь своей излишней дерзости, торопился прервать свиданіе. Возвращаясь домой, на досугѣ, онъ припоминалъ всѣ подробности свиданья, разсуждалъ о томъ, какъ нужно было повести разговоръ, при какихъ словахъ взять за руку, раскаявался въ своей неумѣстной робости, сочинялъ рѣчи и мимику для подобнаго случая въ будущемъ. Но случай наступалъ, а Пьеръ, по прежнему,

ничего не помнилъ

Не находилъ затверженныхъ рѣчей, —

и снова повторялась прежняя исторія. «Да, я умѣю только любить, но не умѣю быть любимымъ», говаривалъ Пьеръ. И дѣйствительно, онъ не умѣлъ быть любимымъ. Вѣчно подвертывался какой-нибудь драгунскій ремонтеръ и отбивалъ у Пьера его возлюбленную. Конечно, дѣло не обходилось безъ того, чтобы Пьеръ не ревновалъ, не ругалъ измѣнницу. Къ счастью, онъ скоро утѣшался.

Софья Федоровна болѣе всѣхъ вскружила голову Пьеру и болѣе всѣхъ мучила его. Она явилась для него существомъ

загадочнымъ, непостижимымъ. Принимая короткость ея обхожденія съ собою за любовь, онъ не понималъ, какимъ образомъ могла она подсмѣиваться надъ нимъ, забывать его для другихъ. Онъ понималъ любовь такъ, что его Дульцинея должна говорить и молчать только съ нимъ, вѣрить только его словамъ, смѣяться однимъ его остроумъ, на всѣхъ прочихъ мужчинъ смотреть съ презрѣнiемъ. Стоило предмету его страсти разговориться съ кѣмъ-нибудь другимъ, или похвалить кого-нибудь въ его присутствii, какъ уже въ его груди поднималась буря ревности. Вы можете судить, каково дѣйствiе должна была производить на него Софья Федоровна! Самая беззащитность ея обращенiя, насмѣшливая смѣлость, съ какой принимала она робкiе знаки его любви, часто казались ему неоспоримымъ признакомъ того, что Софья Федоровна не любитъ его. Время проходило въ непрерывной смѣнѣ горя радостью, сомнѣнiя надеждою. Такъ прошло полгода. Софья Федоровна продолжала держать Пьера на благородномъ разстоянii отъ себя. Пьеръ вздыхалъ, ревновалъ и уже начиналъ чувствовать нѣкоторое влеченiе къ Варинькѣ, находя въ ней много ума и женственности. Любовь его къ Софьѣ Федоровнѣ, по видимому, должна была скоро кончиться въ мирѣ и тишинѣ. Какъ вдругъ именины Настасьи Васильевны измѣнили ходъ дѣла.

Еще никогда не былъ нанесенъ такой ударъ его самолюбiю. Полное отчаянiе овладѣло его душой; онъ ходилъ по комнатѣ, «досады и стыда румянами палимый»,—и... Я не берусь изобразить вамъ хаосъ мыслей и чувствъ, волновавшихъ его.

Наконецъ онъ нѣсколько успокоился, сѣлъ и задумался:

— Боже мой, что за странная моя судьба! Вѣчно случится со мною что-нибудь такое, чего не бываетъ ни съ кѣмъ

другимъ. Не предлагать-же другому отказаться отъ кадрили; а мнѣ предлагаютъ. Иному нанесутъ оскорбленіе, но такое оскорбленіе, за которое можно вступиться; а на меня только взглянуть презрительно. Обидно, унижительно,—а что прикажете дѣлать? Странно было-бы сказать: вы, милостивый государь, обидѣли меня. «Чѣмъ-съ?»—Презрительно взглянули.—Нельзя, никакъ нельзя! Меня ругаютъ дуракомъ,—и мнѣ нельзя заставить замолчать: скажутъ, что вы сами подлець, что подслушиваете.... Да, вѣчно случатся со мной такія обстоятельства, изъ которыхъ никто не выйдетъ съ честью, всякій будетъ смѣшонъ. И тотъ-же Иавель Павловичъ будетъ говорить, что меня можно безнаказанно оскорблять, расскажетъ все.... А что-бы онъ самъ сталъ дѣлать на моемъ мѣстѣ?... Боже мой! Отчего только со мной случается все это? Отчего только мнѣ одному живется такъ трудно, такъ горько? И какъ-то я чуждъ всѣхъ, никому не нуженъ; какъ-то неприязненно смотрятъ на меня. О другомъ пожалѣютъ, за другаго заступятся, а до меня никому нѣтъ никакого дѣла: утопи я, стори—все равно. Скажу, что мнѣ грустно,—не вѣрятъ; я страдаю,—надо мной насмѣхаются. Какъ будто у меня не можетъ быть ни горя, ни страданій!... Неужели я до того исключительный человѣкъ, что внутренняя моя жизнь непонятна никому? Или-же люди до того привыкли жить въ разладъ съ своими мыслями, такъ привыкли скрывать свои чувства, что имъ странно видѣть человѣка, который не боится открыть передъ ними свою душу? Или-же они до того погрузились въ тину мелочной жизни, что любятъ колоть человѣка, который сочувствуетъ всему высокому, ищетъ другой, лучшей жизни?... Я лишній гость на пиру жизни, именно лишній: всѣ мѣста заняты, приходъ незваннаго гостя только стѣсняетъ всѣхъ, и на него смотреть враждебно.... Но развѣ я виноватъ въ томъ, что

судьба насильно заставляет меня жить среди чуждых мнѣ людей!...

На глазахъ Пьера показались слезы.

— И нѣтъ никого, кому-бы я могъ повѣрить все, что лежитъ у меня на душѣ. Умру—и всѣ мои думы, мечты, все все

исчезнетъ безъ слѣдовъ,

Какъ легкой паръ вечернихъ облаковъ:

Едва блеснутъ,—ихъ вѣтеръ вновь уноситъ!

Куда они? Откуда?—кто ихъ спросить?

Вотъ что грустно. Умри я,—обо мнѣ скажутъ: «пустой былъ человѣкъ!» Припомнить все: что у меня руки потныя, что я плохо танцую польку. Но что составляло лучшую часть моей души, чѣмъ я былъ лучше какого-нибудь Поздрева, Собакевича,—все это останется неизвѣстнымъ, непонятымъ, осмѣяннымъ.... И какъ вяло, сонно идетъ моя жизнь! Сколько разъ я любилъ, былъ любимымъ, — и ни одного свѣтлаго воспомина- нія не даетъ мнѣ прошедшее: какія-то получувства, какая-то робкая полулюбовь, связанная приличіями, матушками, тетуш- ками.... Но она, она, эта Софья Ѳедоровна!...

Онъ вскочилъ съ кресель. Острая, жгучая грусть охва- тила его сердце.

— Что за самолюбивое, что за пустое это существо!... Ей только и хочется вѣчныхъ комплиментовъ отъ кого-бы то ни было, — и она для этого готова жертвовать всѣмъ: гово- рить со мной,—ругаетъ Павла Павловича, говоритъ съ нимъ— смѣется надо мной.... Но какъ позволять ему говорить про меня такія вещи! Положимъ, что я не обтерся въ обществѣ, нело- вокъ, глупъ, смѣшопъ; но моя любовь къ ней все-таки-же должна стоять чего-нибудь въ ея глазахъ. И на кого жъ она промѣняла меня? На пьяницу, собачника! Вѣдь онъ только о собакахъ и умѣетъ говорить, о Жоржъ-Зандѣ не имѣетъ ни-

какого понятія... Господи! И его находятъ любезнымъ! Что за люди! Имъ нуженъ не Гоголь, имъ нужна такая сатира, что...

Пьеръ ужъ и самъ не зналъ, какая сатира нужна для людей, хвалящихъ любезность Павла Павловича. Онъ возымѣлъ сильнѣйшее желаніе избить его до полусмерти, и пришелъ въ такой азартъ, что махнулъ нѣсколько разъ кулакомъ по воздуху.

— Она-то хороша, она-то! Онъ скажетъ ей глупость изъ глупостей, пошлость изъ пошлостей,—и она рада, смѣется, подзадориваетъ его сказать еще новую глупость... Это ни на что не похоже!...

Пьеръ въ негодованіи плюнулъ.

— Скажетъ ей: «веду робкаго любовника къ мечтательной пастушкѣ»—и она смѣется. Что тутъ смѣшнаго?—смѣю спросить. Смѣеть-ли она еще насмѣхаться надъ Варинькой! Та, конечно, пустая дѣвочка; но та, по крайнѣй мѣрѣ, можетъ влюбиться, а эта взяла на себя роль неприступной богини и думаетъ... Нѣтъ, кончено! Я могу долго терпѣть, но могу же наконецъ и выйти изъ терпѣнія. Ей хочется въ одно и тоже время быть любимой и не быть ничѣмъ связанной; ей хочется имѣть всегда возможность сказать: «Пьеръ любить меня, но я никогда не позволю ему забытья. Ругайте его, сколько душѣ угодно; я сама помогу вамъ бранить его, только не думайте, что я влюблена въ него».... Такъ нѣтъ-же! Я не хочу быть игрушкой ея самолюбія... Хочешь, чтобъ я любилъ тебя, такъ и ты люби меня, какъ я хочу, а не играй моею любовью. Я собою съ нея маску неприступности, я принужу ее выслушать мои признанія и сказать мнѣ рѣшительный отвѣтъ: да или нѣтъ, любить она меня или не любить?

Пьеръ рѣшился написать письмо и вручить его Софьѣ

Федоровнѣ.—«Самъ пойду и отдамъ, думалъ онъ; на словахъ я не съумѣю, да и случая не выходитъ, а на письмѣ другое дѣло. Ужъ она отъ меня не отвертится, не перебьетъ меня Марьей Степановной.»

Онъ торопливо схватилъ листъ бумаги и принялся за сочиненіе письма. Но, какъ на зло, ни одно перо изъ лежавшихъ на чернилицѣ не было хорошо очинено: одно писало толсто, какъ помеломъ возило; другое, напротивъ, имѣло такой маленькій раскѣпъ, что совсѣмъ не выписывало буквъ. Онъ принялся чинить перья, торопился, изрѣзалъ восемь перьевъ и очинилъ уже только девятое. Потомъ оказалось, что въ чернилицѣ почти совсѣмъ не было чернилъ. Онъ полѣзъ на окно за пузырькомъ съ чернилами и уронилъ на полъ свѣчку. Пославши кого-то къ черту и обругавши лакея Африкана за то, что тотъ долго не приносилъ огня, Пьеръ наконецъ, безо всякой помѣхи, принялся за дѣло. Долго писалъ онъ, перемарывалъ, рвалъ написанное, опять писалъ и опять рвалъ. Сердце его билось, щеки пылали.

Но вотъ онъ прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ, сѣлъ опять, взялъ въ руки листъ бумаги, исчерченный до-нельзя и сталъ читать шепотомъ:

«Еще никогда не было произнесено между нами ни одного слова,—скажу болѣе—ни одного намека; но вы безъ сомнѣнія давно знаете, что я люблю васъ. Да, я васъ люблю, какъ только можетъ любить человѣкъ, всѣми силами души, мысли, сердца.»

— Какъ все это слабо! подумалъ онъ и сталъ придумывать, какъ-бы еще сильнѣй выразить свою любовь; теръ лобъ, топалъ ногой, поднималъ глаза къ потолку,—и ничего не придумалъ. «Да, прошепталъ онъ, Кукольникъ правъ, говоря, что чувствъ много, а словъ мало, и тѣ слабы, блѣдны, какъ наше счастье,»—и сдѣлалъ на поляхъ приписку:

«Но напрасно-бы старался я сказать словами свои чувства: всякія фразы будутъ слабы, блѣдны и не дадутъ ни малѣйшаго понятія о степени той любви, которую я къ вамъ питаю».

Потомъ продолжалъ читать:

«Въ васъ нашелъ я женщину въ истинномъ, высокому значенію этого слова. Вы смѣло вступили въ жизнь, не боялись ударовъ судьбы, умѣли выйти чистой изъ борьбы. Я васъ люблю за то, что вы сохранили благородство мыслей, человѣчность чувствъ, что вы, подобно другимъ, не измѣнили высокому значенію женщины и изъ вѣнца творенія не обратились въ странное двусмысленное существо. Вотъ за что я полюбилъ васъ. Но поймите, какъ ужасно стараться скрыть любовь въ глубинѣ души, подъ маской притворнаго холода, стараться, чтобы ни одинъ взглядъ даже не открылъ истины, и въ тоже время мучиться желаніемъ высказать все, что наполняетъ грудь мою неодолимой страстью.»

— Эхъ, чортъ возьми! Сильно напоминаетъ Онѣгина!— Пьеръ долго думалъ, какъ передѣлать это мѣсто, и ничего не придумалъ.—Какъ-же впрочемъ иначе выразишься? Любовь всегда одинакова.

«Я не могу болѣе скрывать свою любовь. Осудите-ли вы меня за это? Вы разбудили во мнѣ мечты, запуганныя холодомъ жизни, вы возродили меня для счастья. Не одно признаніе приношу я вамъ, но и благодарность....»

— Благодарность!... Гмъ!... Тривиально. Ну, да какъ-же быть!

«.... но и благодарность за то, что вы мнѣ дали жизнь полную радостей и мучоной надеждъ и сомнѣній, за то, что вы вдохнули въ меня силы жить.»

— Не въ ея вкусѣ, не любить она этихъ высокопарностей, всегда смѣется.... Ну, да все равно!

«Одѣтый покровомъ вашей любви, я смѣло пойду въ путь, потому что знаю, что....»

— Все что да что; надо поправить.—И, вмѣсто: *потому что знаю*, написалъ *зная*.

«.... зная, что надо мной горитъ небесной звѣздой ваша любовь.»

Вы не должны отвергать моей любви; вы дали мнѣ жизнь,—не отнимайте-же ее. Я знаю, что это письмо необдуманно, некраснорѣчиво. Но оно безыскусственно, какъ и всякій робкій лепетъ истинной любви. И до краснорѣчія-ли мнѣ, когда въ вашихъ рукахъ моя жизнь и смерть, и я съ трепетомъ жду вашего приговора?!

Пьеръ остался доволенъ письмомъ, чистенько переписалъ его, прочелъ еще разъ и легъ въ постель. Но волненія настоящаго дня и ожиданіе будущаго долго не позволяли ему заснуть. Уже на зарѣ тревожный сонъ сомкнулъ его рѣсницы. Но ему снились все страшныя вещи. То видѣлъ онъ себя въ многолюдной залѣ и слышалъ насмѣшки надъ собой Павла Павловича, сопровождаемыя общимъ громкимъ хохотомъ; онъ бѣжить вонъ и наталкивается на улана, который идетъ подъ-руку съ Варинькой; уланъ грозно вызываетъ его на дуэль за то, что онъ назвалъ его робкимъ любовникомъ, а Вариньку мечтательной пастушкой. Наконецъ ему приснилось, что Софья Ѳедоровна говоритъ ему тихо, почти шепотомъ: «я люблю тебя; мужъ мой умеръ; я теперь свободна,»—и страстно прижимается къ его груди. Боже, какъ хороша она въ эту минуту! Пьеръ цѣлуетъ ее, сжимаетъ въ своихъ объятіяхъ. Вдругъ раздался громъ—и онъ проснулся.

Ясное утро весело глядѣло въ окно и блистало тысячами искръ на промерзлыхъ окнахъ.

— Зачѣмъ это былъ только сонъ! подумалъ Пьеръ, глубоко вздохнулъ и задумался. И сердце его билось мучительно и сладко въ одно и тоже время.

III.

Чѣмъ болѣе приближалось время къ вечеру, тѣмъ болѣе уменьшалась рѣшимость Пьера ѣхать къ Теребеневымъ и вручить письмо Софѣѣ Ѳедоровнѣ. Онъ боялся послѣдствій:

если Софья Федоровна пугнетъ его за признаніе,—но онъ старался увѣрить себя, что боится убѣдиться въ любви Софьи Федоровны къ Павлу Павловичу, ибо принадлежитъ къ разряду людей, которые предпочитаютъ сумрачное состояніе сомнѣнія печальному открытію истины. Пьеръ придумывалъ также, какъ ему вести себя въ предстоящемъ свиданіи, какъ повести дѣло, какъ подать письмо, сказавши: «я не могу иначе поступить. Можетъ быть я оскорбляю васъ, но....»

Въ такихъ размысленіяхъ проходилъ день. Часы пробили полчаса пятого.

— Пора запрягать лошадь, подумалъ Пьеръ и кликнулъ лакея.

Африканъ явился.

— А что, если она любить не меня, а Павла Павловича, да турнетъ меня,—тогда что? подумалъ Пьеръ и сказалъ лакею:

— Нѣтъ, ничего.... я забылъ, что.... Ступай! не нужно.

И снова принялся онъ обсуживать со всѣхъ сторонъ свое настоящее положеніе. Въ глубинѣ души, тайно отъ него самого, зародилось желаніе отыскать причину, по которой-бы онъ могъ отложить свое намѣреніе; но такой причины не оказывалось въ наличности. Часы пробили полчаса шестого.

— Ахъ, чортъ возьми! Опоздалъ....Когда еще заложать лошадь, когда одѣнусь, доѣду, будетъ ужъ осьмой часъ, Настасья Васильевна проснется....Опоздалъ!

Онъ нѣсколько разъ прошелся по комнатѣ.

— Однако глупо не ѣхать. Надо попробовать. Можетъ быть сонъ-то сбудется.... А какой былъ [славный сонъ!... Эхъ, чортъ возьми!... Африканъ! Закладывать лошадь и одѣваться!

Явился Африканъ съ платьемъ и Пьеръ усѣлся передъ

зеркаломъ. Его лице было блѣдно, въ движеніяхъ замѣтна была торопливость, а похолодѣвшія руки, какъ заледенѣлыя, съ трудомъ завязывали галстукъ и застегивали пуговицы жакета.

Одѣванье кончилось. Пьеръ не ѣдетъ. Онъ переставляетъ съ мѣста на мѣсто чернилицу, прессъ-папье и другія бездѣлки, перечитываетъ письмо, перебираетъ свои бумаги, инныя изъ нихъ рветъ, словно приготовляясь къ смерти. А лошадь уже стоитъ у крыльца и Африканъ сидитъ въ лакейской съ барской шубой въ рукахъ.

Дверь кабинета открылась. Африканъ всталъ и распялил на рукахъ шубу, приготовляясь надѣть ее на барина.

Остановясь въ дверяхъ, Пьеръ сказалъ:

— Послушай! я тамъ изорвалъ кое-какія бумаги. Какъ я уѣду, ты ихъ подмети.

— Слушаю-сь.

Пьеръ опять ушелъ въ кабинетъ. Африканъ снова сѣлъ на коникъ. Черезъ нѣсколько минутъ Пьеръ опять вышелъ.

— Африканъ! Ты, кажется, говорилъ, что сѣна нѣтъ?

— Точно такъ, сударь.

— Такъ ты.... сходи завтра на рынокъ, купи.

— Слушаю-сь.

Краткая пауза. Пьеръ силился что-то сказать.

— А ко мнѣ, можетъ быть, придетъ Николай Александровичъ....

Пьеръ замолчалъ. Африканъ вопросительно глядѣлъ на него.

— Такъ ты ему скажи, что меня дома нѣтъ.... А завтра, какъ пойдешь на рынокъ, кстати и ваксы купи.

— Слушаю-сь.

— Да.... Ну, теперь кажется все. Можно и отправляться.

Африканъ приготовился надѣть шубу.

— Впрочемъ, надо выкурить, сказалъ Пьеръ и, воротясь въ свою комнату, закурилъ папиросу. Онъ всячески старался отдалить минуту отъѣзда, Но, какъ на зло, папироса выкурилась чрезвычайно скоро. Больше не было причинъ оставаться дома и Пьеръ долженъ былъ отправиться.

Едва сани выѣхали изъ воротъ, какъ рѣшимость Пьера окончательно исчезла.

— Нѣтъ, лучше ворочусь; сегодня среда, тяжелый день. Сейчас-же скажу кучеру, чтобъ онъ ѣхалъ къ Владиміру Петровичу.

Но онъ ничего не сказалъ кучеру, и сани все ѣхали да ѣхали.

— А письмо-то мое! Она сейчасъ замѣтитъ заимствованіе изъ Онѣгина, подумаетъ что я неискренно писалъ, подниметъ на смѣхъ. А я и не думалъ объ Онѣгигѣ: само написалось. Да вѣдь ее не увѣришь! Она придерется къ этому и начнетъ. . . . И вотъ еще бѣда: окончаніе письма не имѣетъ смысла. Пишу, что она не должна отвергать моей любви. Какъ-же она не отвергнетъ, если не любитъ меня? Нѣтъ, надо воротиться и переписать письмо.

И опять онъ ничего не сказалъ кучеру, и сани все ѣхали, да ѣхали.

— Впрочемъ, окончаніе еще ничего: смыслъ понятенъ, если только не придираются къ словамъ. Но вотъ что: все письмо высокопарно, главнаго не сказано... Можно конечно досказать на словахъ. . . . Надо придумать, какъ-бы тутъ, это. . . . Да ничего въ лобъ не лѣзетъ, хоть зарѣжь. . . . Хотъ бы ѣхалъ я не такъ скоро!

А кучеръ безпрестанно подгонялъ лѣнливую лошадь, зная, что баринъ не любитъ тихой ѣзды. Пьеръ мучительно ста-

рался придумать будущія объясненія. Но ни одна фраза не приходила ему на умъ.

— Тпрр!

Сани остановились у подъезда Терebeneвскаго дома. Когда Пьеръ вошелъ въ лакейскую, какое-то омертвеніе овладѣло его душой. Такъ иной школьникъ, по разнымъ домашнимъ обстоятельствамъ, не успѣетъ приготовиться къ экзамену. Еще въ началѣ экзамена онъ перебираетъ тетрадки, мучительно силится приготовить хоть нѣсколько вопросовъ. Но вотъ очередь ближе и ближе подходитъ къ нему; онъ видитъ, что всѣ усилія его напрасны, что онъ забылъ даже тѣ немногія строчки, какія выучилъ тому за полчаса, — и бросаетъ тетрадку. „Пусть будетъ, что будетъ!“ думаетъ онъ и съ холоднымъ, безчувственнымъ отчаяніемъ ждетъ той минуты, когда онъ выйдетъ къ столу, возьметъ незнакомый вопросъ и получить единицу или нуль.

Софья Ѳедоровна сидѣла въ гостиной у стола и разсматривала узоры. На столѣ горѣла лампа подъ малиновымъ колпакомъ. Кромѣ нея въ парадныхъ комнатахъ никого не было. Подавая руку Пьеру, она сказала:

— Что съ вами вчера случилось. Отчего это вы такъ скоро ускакали?

Пьеръ, садясь у противоположнаго конца стола, отвѣчалъ:

— Мнѣ весь вечеръ нездоровилось, а потомъ вдругъ . . .

— Полноте, вы были здоровехоньки вчера. . . . И даже уѣхали не простясь. Какъ это мило!

Пьеръ предвидѣлъ этотъ разговоръ и хотѣлъ иначе объяснить ей причину своего внезапнаго ухода. Но всѣ придуманныя фразы вылетѣли изъ его головы, и стараясь увѣрить Софью Ѳедоровну въ своемъ неожиданномъ головокруженіи, Пьеръ напомнилъ собою школьника, который, когда его пой-

мають въ шалости, оправдывается такъ усердно, что самъ бываетъ увѣренъ въ своей невинности, хотя и знаетъ, что онъ виноватъ.

— Ну хорошо, вѣрю, что вы были больны, и прощаю... Послушайте, не правда ли, какой миленькій воротничекъ! Посмотрите.

Немного откачнувшись назадъ и кокетливо склонивъ голову на правую сторону, Софья Федоровна любовалась узоромъ. Пьеръ перегнулся черезъ столъ, взглянулъ на узоръ и, въ свою очередь, похвалилъ его.

— А какой воротничекъ вамъ больше нравится?

Пьеръ снова перегнулся было черезъ столъ. Но Софья Федоровна сказала ему:

— Сядьте сюда, рядомъ съ мной, на диванъ. Вѣдь вы, надѣюсь, меня не боитесь?

При этихъ словахъ она взглянула на него насмѣшливо и лукаво.

Пьеръ улыбнулся, покраснѣлъ, промычалъ что-то и поспѣшилъ сѣсть рядомъ съ ней.

— Вотъ этотъ воротничекъ, по моему, гораздо лучше, сказалъ онъ и, послѣ довольно долгой паузы, спросилъ:

— А что, какъ Настасья Васильевна въ своемъ здоровьѣ?

— Здорова, отвѣчала она такимъ голосомъ, какъ будто въ этомъ не могло быть никакого сомнѣнія. Вотъ уже часа три спить.

Она засмѣялась.

— А Варвара Федоровна.. она дома? (Слова съ трудомъ шли у него языка).

— Нѣтъ, ушла къ Лизаньѣ.

Въ глазахъ у Пьера помутилось: не было никакихъ препятствій исполненію его намѣренія. „Подавай сейчасъ письмо,

шпенталь ему на ухо тайный голосъ: судьба тебѣ благопріятствуетъ; торопись, иначе изъ рукъ упустишь счастье.“ Въ тоже время, другой голосъ говорилъ: «Не подавай, погоди, выжди благопріятную минуту; нельзя-же ни съ того ни съ сего вручить любовное посланіе».

— Долго у васъ вчера продолжался вечеръ? сказала Пьеръ, стараясь этимъ вопросомъ заглушить внутреннюю тревогу.

— Часу до четвертаго, Какъ меня смѣшили вчера Николай Сергѣичъ!

— Кто-съ?

— Николай Сергѣичъ... Развѣ вы его не знаете? Уланъ.

— Какъ не знать: Онъ все танцовалъ...

— Ну да, съ Варинькой. Онъ вчера забылъ рѣшительно всѣ приличія, цѣлый вечеръ не сводилъ съ нея глазъ. Ахъ какой смѣшной! Представьте себѣ...

Но Пьеръ ничего не могъ себѣ представить, потому что не слыхалъ ея словъ. Въ это время голосъ шпенталь ему: «Время дорого, минуты сочтены; если опоздаешь, то долго не дождешься такого случая.» Онъ полѣзъ въ карманъ за письмомъ, но рука его опустилась, потому что другой голосъ говорилъ очень резонно: „Погоди до тѣхъ поръ, пока она кончитъ рассказъ. Перерывать ея рѣчь и странно и неприлично.“

— Каково? Какъ вамъ покажется? смѣясь спросила Софья Ѳеодоровна.

Пьеръ не понималъ, что такое Софья Ѳеодоровна рассказывала ему, но счелъ долгомъ разсмѣяться.

— Подходить къ Павлу Павловичу и говорить: «Варинька Терebeneва самая очаровательная дѣвушка, какихъ я только видалъ. Какъ ты думаешь, пойдетъ она за меня замужъ»? Павелъ Павловичъ очень резонно ему говорить...

Софья Ѳеодоровна продолжала рассказывать Пьеру о любви

улана къ Варинькѣ и объ устроумныхъ отвѣтахъ Павла Павловича. А Пьеръ вертѣлся какъ на иголкахъ, блѣднѣлъ, краснѣлъ, поднималъ руку къ карману за письмомъ и снова опускалъ. Все представлялось ему въ какомъ-то туманѣ. Громче и громче кричали голоса: „Подавай! Не подавай“. Какъ сквозь сонъ видѣлъ онъ, что Софья Ѳедоровна кончила рассказъ и снова принялась, молча, разсматривать узоры. Въ глазахъ его запрыгали черныя точки, кровь прилила къ сердцу. Не помня себя, онъ вытащилъ изъ кармана письмо.

— Не подавай! Говорять тебѣ, будетъ плохо, закричалъ голосъ.

— Нѣтъ не подамъ, рѣшилъ Пьеръ, устремивъ на Софью Ѳедоровну остолбенѣлый взглядъ.

— Что это у васъ? спросила она.

Не говоря ни слова, онъ подалъ ей письмо.

— Что это? повторила она, развертывая почтовый листъ бумаги, сложенный вчетверо.

Пьеръ молчалъ. Онъ самъ не понималъ, что онъ подалъ ей. Ему смутно представилось, что дѣло идетъ что-то не такъ, что ему что-то надобно сдѣлать. Онъ хотѣлъ встать, — и остался на своемъ мѣстѣ; протянулъ руку за носовымъ платкомъ, — и рука осталась въ заднемъ карманѣ. Съ напряженнымъ вниманіемъ и бессмысленно смотрѣлъ онъ, какъ Софья Ѳедоровна развернула и стала читать письмо.

Прошло нѣсколько секундъ грознаго молчанія. Но вотъ Софья Ѳедоровна бросила письмо на столъ и съ напускной суровостью спросила Пьера:

— Ужь это вы не объясняетесь-ли въ любви?

На лицѣ его выразилась страдальческая гримаса. Онъ молчалъ, но его молчаливая фигура была лучшимъ отвѣтомъ на ея вопросъ.

— И вы осмѣлились?

— А что-жь? Пьеръ такъ смѣшно съезжился, такимъ убитымъ голосомъ сказалъ это: *а что-жь*, что она не могла выдержать принятой роли, не кончила своей грозной рѣчи и расхохоталась.

Этотъ смѣхъ какъ молотомъ ударилъ по сердцу Пьера. На поблѣднѣвшемъ лицѣ его заиграла яркій румянецъ, на глазахъ сверкнули слезы.

— Софья Федоровна, сказалъ онъ умоляющимъ, дрожащимъ голосомъ: хоть не смѣйтесь надо мной, по крайней мѣрѣ.... Мнѣ и безъ того грустно. Неужели моя любовь... За что все это?

— И вы еще спрашиваете: за что? Какъ-же позволить всякому мальчику забывать приличія, осмѣлиться...

— Но вы сами подали поводъ думать...

— Я?... Да вы съ ума сошли! Вы забываетесь!

Въ комнатѣ Настасьи Васильевны раздался звонокъ— знакъ, что она проснулась и зоветъ къ себѣ горничную. „Ну, теперъ я совсѣмъ пропалъ!“ подумалъ Пьеръ. Онъ уже не помнилъ, какъ выкатился на крыльцо и сѣлъ въ сани. Когда онъ опомнился, то ѣхалъ уже по Никитской.

Смутно сталъ онъ припоминать случившееся. Стыдъ! Срамъ! Неужели это на яву? Пьеръ мучительно старался убѣдить себя, что онъ спитъ, что онъ болѣнъ горячкой и бредитъ; но естественность, послѣдовательность событій неумолимо убѣждали его въ противномъ. „Нѣтъ, все это случилось въ самомъ дѣлѣ, тоскливо думалъ Пьеръ и въ тоже время какъ будто надѣялся, что какимъ-нибудь чудомъ дѣйствительность превратится въ сонъ и онъ очнется въ своей постелѣ.

Воротясь домой, онъ едва дотащился до своей комнаты и повалился въ кресло. Онъ былъ совершенно убитъ духомъ.

— И за чѣмъ мнѣ было дѣлать это? Какъ не понять, что она меня не любитъ? А вотъ теперь и расплачивайся!.. Настасья Васильевна откажетъ отъ дому, Анна Васильевна— тоже, напишутъ къ моему отцу, стануть вездѣ рассказы-вать... Но благородно-ли съ ея стороны поступать со мной такъ безчеловѣчно? Я не виноватъ въ томъ, что не хорошъ собой, неловокъ, глупъ... А ей грѣшно насмѣхаться надо мной! Я бы никогда не рѣшился на это, если-бъ она сама меня не заводила...

Весь вечеръ и все слѣдующее утро, Пьеръ ежеминутно ждалъ грознаго посланца отъ Теребеновыхъ. Онъ разгуливалъ по комнатѣ, выходившей окнами на дворъ, вздрагивалъ и краснѣлъ, если кто-нибудь входилъ, или въѣзжалъ въ ворота. Но минула недѣля, а объ Теребеновыхъ не было ни слуху, ни духу.

Однажды утромъ, когда Пьеръ сидѣлъ за чаемъ, Африканъ доложилъ, что пришелъ слуга отъ Теребеновыхъ. Сердце Пьера забилося.

— Кто пришелъ?

— Ихній дворецкій.

— За чѣмъ, — ты не спрашивалъ?

— Никакъ нѣтъ-съ.

— Такъ за чѣмъ-же?.. Хорошо, позови!

Вошелъ теребеновскій дворецкій, съдой старикъ, суровой наружности, въ сѣромъ нанковомъ сюртукѣ и въ синей чуйкѣ, съ небритой бородой, котсрая торчала, какъ щетина.

— Барыня приказали кланяться и объ здоровьѣ спросить.

— Значить, ничего особеннаго нѣтъ! — И лице Пьера про-

сіяло.—Поблагодари барыню. Я слава Богу здоровъ, то-
естъ, былъ болѣнь, а теперь здоровъ. Ну что, какъ ваши?

— Ничего-съ, всё, благодаря Богу, здоровы. Только объ
васъ барыня часто изволили вспоминать. Что это значить,
говорить, прежде Петръ Михайловичъ бывалъ каждый день,
говорить, а теперь совсѣмъ запропалъ, говорить.

— Я былъ боленъ... Ну что... Софья Федоровна?

— Слава Богу, здоровы-съ.

Пьеръ задумался.

— А мы безъ васъ, сударь, барышню просватали.

— Варвару Федоровну?

— Ее-съ, кого же больше!—за Николая Сергѣича.

— Поздравь барышню и Варвару Федоровну... Я самъ,
впрочемъ, къ вамъ сегодня прїѣду.

Дворецкій ушелъ.

Пьеръ радостно подпрыгнулъ на стулѣ: точно гора сва-
лилась съ его плечъ. Но когда прошелъ первый порывъ ра-
дости и онъ вспомнилъ о данномъ обѣщаніи прїѣхать къ
Теребеновымъ,—ему стало не ловко. Ъхать-ли?

Цѣлый день онъ находился въ неопредѣленномъ, смут-
номъ расположеніи духа и придумывалъ, какъ ему вести се-
бя съ Софьей Федоровной. При мысли о вечернемъ визитѣ
сердце его замирало, но онъ твердо рѣшился ѣхать и въ семь
часовъ былъ уже на дорогѣ къ Теребеновымъ.

IV.

Настасья Васильевна проснулась отъ послѣобѣденнаго
сна и сидѣла съ братомъ своимъ въ гостиной, толкуя о ка-
кой-то тяжбѣ. Въ залѣ было веселѣй. Тамъ Софья Федо-
ровна вела съ Павломъ Павловичемъ одушевленный разго-

воръ, часто прерываемый смѣхомъ. Варинька сидѣла за роялемъ, въ полуоборотѣ къ нимъ, вмѣшивалась по временамъ въ ихъ разговоръ и наигрывала одной рукой мазурку Шульгофа.

— Знаете-ли что, говорилъ Павелъ Павловичъ, напрасно вы не рассказали объ этомъ Настасьѣ Васильевнѣ. Вотъ-бы она его, я вамъ скажу! Мнѣ кажется, онъ умеръ бы со страху.

Софья Федоровна засмѣялась. А Варинька сухо спросила:

— Вы думаете?

— Представьте, Варя мнѣ сдѣлала выговоръ, что я съ нимъ такъ обошлась. Ха, ха, ха, quelle idée!

Павелъ Павловичъ вопросительно изглянулъ на Вариньку.

— Полно, пожалуйста!.. Мнѣ только такъ было жалко его.

— Что-жъ вы тутъ нашли жалкаго? подхватилъ Павелъ Павловичъ. Мальчишка глупенькій, съ розовыми щечками, амуръ, подаетъ письмецо, трясется, и вдругъ—ударъ!

Павелъ Павловичъ представилъ, какъ трясется человѣкъ, подавая любовное письмо. Софья Федоровна засмѣялась. Варинька улыбнулась, хоть и старалась казаться серьезной.

— Я увѣрена, что онъ вовсе такъ не тресся, какъ вы съ Соней думаете, сказала она.

— Значить, я лгу?

— Кто любить (продолжала Варенька, не отвѣчая на вопросъ сестры), кто рѣшается на объясненіе, тотъ...

— Что-жъ, тотъ храбрецъ? перебилъ Вариньку Павелъ Павловичъ.

— Да, мнѣ кажется.

— Ха, ха, ха, quelle idée! Ты пресмѣшная, Варя.

— По крайней мѣрѣ, я такъ думаю.

— Je vous assure, ma chère, que c'est très ridicule. Знаете-ли: Пьеръ сегодня прїѣдетъ къ намъ. Мамаша поутру посылала къ нему Алексѣя узнать отъ чего онъ пропаль... Что ей за охота!...

— Что-же онъ?

— Обѣщалъ прїѣхать.

— Воже! Есть-же такіе люди? Ни на грошъ самолюбія! Случись со мной такая исторія, я—честное слово—плюнуть туда бы не пошелъ.

— Даже еслибъ любили? спросила Варенька.

— Разумѣется.

— Хорошо-жъ вы любите!

— Но послушайте: во мнѣ должно-же быть благородство. И что за цѣль? Меня ударять по рожѣ,—зачѣмъ я пойду? За другой пощечиной?

Въ передней раздался звонокъ. Всѣ трое замолчали и съ любопытствомъ смотрѣли на дверь: кто войдетъ?—и если Пьеръ, то каковъ будетъ его входъ?

Дверь отворилась и вошелъ Пьеръ. На лицѣ его выразалась какое-то напряженное самодовольствіе, а въ движеніяхъ проглядывала излишняя, неприличная развязность. Вся его фигура какъ будто говорила: „Да не думаетъ никто, чтобы происшествіе съ письмомъ огорчало меня и что я дѣйствительно любилъ Софью Федоровну. Я просто подонжуанствовалъ; не удалось,—наплевать!“ Но Софья Федоровна такъ сухо ему поклонилась, Павелъ Павловичъ взглянулъ на него такъ презрительно и насмѣшливо, что онъ раскланялся очень неловко, сказалъ Варинькѣ двѣ-три несвязныя поздравительныя фразы и, въ смущеніи, поспѣшилъ пройти въ гостинную.

Не вмѣшиваясь въ разговоръ Настасья Васильевна съ

братомъ, Пьеръ сидѣлъ на угольномъ диванѣ и поглядывалъ въ залъ. Онъ понималъ, что ему бы слѣдовало выйти туда и повести веселый разговоръ, какъ ни въ чемъ не бывало. Но какъ онъ выйдетъ, съ кѣмъ заговорить? Съ Павломъ Павловичемъ? но и прежде Пьеръ робѣлъ въ его присутствіи, а теперь и подавно, тѣмъ болѣе, что Павелъ Павловичъ безъ сомнѣнія знаетъ о происшествіи съ письмомъ. Съ Варинькой? Но Варинька глядѣла на него какъ-то странно, когда онъ поздравлялъ ее. Пожалуй, и она не захочетъ говорить съ нимъ, — тогда ему придется отступить, а это отступленіе будетъ вдвое постыднѣе молчаливаго сидѣнья въ уголкѣ...

Но Настасья Васильевна за чѣмъ-то позвала къ себѣ Вариньку. Когда она отвѣтила на вопросъ матери и, возвращаясь въ залъ, поровнялась съ Пьеромъ, онъ попробовалъ завести съ ней разговоръ.

— Вы сегодня въ музыкальномъ расположеніи духа.

— А что? спросила Варинька съ улыбкой, которая ободрила Пьера.

— Вы все играете.

— Да, такъ, шалила, играла одной рукой.

— Такъ вы въ полу-музыкальномъ расположеніи, потому что играете одной рукой, сказалъ Пьеръ съ принужденной улыбкой.

Краткая пауза.

— Скоро-ли будетъ ваша свадьба? съ-усилиемъ продолжалъ Пьеръ.

Варинька сѣла около него, и между ними начался разговоръ о предстоящей свадьбѣ.

Варинька только-что вышла изъ института. Наивная, мечтательная, она была свидѣтельницей любви Пьера къ сестрѣ

и видѣла въ немъ не дюжиннаго человѣка. Въ минуты ревности къ Софьѣ Ѳеодоровнѣ, Пьеръ подсаживался къ Варинькѣ, говорилъ ей обиняками о своей любви, объясняя свою робость маской безпредѣльной покорности,—и она вѣрила ему. Происшествіе съ письмомъ еще болѣе расположило ее въ пользу Пьера: она была увѣрена, что только съ возвыщенной душой человѣкъ могъ рѣшиться на такой поступокъ. Видя, какъ Пьеръ, грустный и блѣдный, одиноко сидѣлъ, она пожалѣла его: — «Надо поговорить съ нимъ, утѣшить его; участіе дорого въ такомъ случаѣ,» думала она. Мысль, что она любитъ не его, а жениха своего, улана, придавала ей еще болѣе смѣлости исполнить задуманное намѣреніе.

— Значить, ваша свадьба будетъ, какъ только Николай Сергѣичъ воротится въ Москву? сказалъ Пьеръ, продолжая свои распросы о предстоящей свадьбѣ.

— Да.

— А зачѣмъ онъ уѣхалъ?

— Ему нужно распорядиться въ деревнѣ и похлопотать объ отставкѣ.

Пьеръ не находилъ болѣе предмета для разговора и замолчалъ. Варинька собиралась изъявить ему свое сочувствіе, но не знала, какъ начать, и тоже молчала. Послѣ довольно долгой паузы, она сказала ему: — Вы сегодня что-то грустны?—И легкій румянецъ заигралъ на ея щекахъ.

— Изъ чего вы это заключили?

— Ни съ кѣмъ не говорите...

— Съ кѣмъ-же мнѣ говорить? Я только слушаю.

— Какъ съ кѣмъ?

— Вы и Софья Ѳеодоровна говорили съ Павломъ Павловичемъ, Настасья Васильевна съ братомъ. Я выхожу лишній.

— Вы не хотите сознаться...

— Право, такъ. Павелъ Павловичъ такъ любезенъ, что при немъ я бы только мѣшалъ. А вы знаете: не въ-пору гость хуже татарина.

— Какого вы высокаго мнѣнія о немъ!

— Можетъ быть, я и не такъ думаю, но такъ думаютъ всѣ, а я долженъ покоряться и вѣрить общему мнѣнію, сказалъ Пьеръ съ худо скрытой желчью.

— Я съ вами несогласна...

— Такое мнѣніе, впрочемъ, вполне справедливо.

— Зачѣмъ вы говорите противъ себя? Да и не всѣ его считаютъ такимъ. Я первая...

— Все-таки вамъ веселѣй съ нимъ, чѣмъ со мной.

— Неправда.

Пьеръ вспыхнулъ отъ удовольствія.

— Теперь моя очередь упрекнуть васъ въ томъ, что вы говорите противъ себя.

— Напрасно.

— Гдѣ-жъ мнѣ съ нимъ равняться! Онъ выдаетъ себя такимъ знатокомъ во всемъ, такъ умѣетъ угодить всякому, похвалить во-время собачку....

Варинька, надувши губки, сказала:

— По вашему мнѣнію, я восхищаюсь такими молчалинскими достоинствами. Благодарю васъ.

— Я не то хотѣлъ сказать, Варвара Федоровна, подхватилъ, сконфузясь, Пьеръ. Вотъ въ чемъ дѣло. Положимъ, что я умѣю благородно мыслить, чувствовать, — все это хорошо для меня. А вамъ какое дѣло до всего этого, если я не ловокъ, не разговорчивъ? А Павелъ...

— Почему-жъ мнѣ нѣтъ дѣла?

— Я не говорю про васъ. Вы — извините за откровенность — лучшая изъ... изъ людей.... Такихъ, какъ вы, не много.

— Однако, по вашимъ словамъ, я безъ ума отъ любезности Павла Павловича.

— Я сказала только, что вы предпочтете провести вечеръ скорѣе съ Павломъ Павловичемъ, чѣмъ со мной.

— А я вамъ говорю, что нѣтъ, напротивъ, возразила Варинька и, опустивъ глаза, продолжала, говоря медленно, какъ-бы не находя выражений для своей мысли: — Конечно, есть женщины... то есть, вообще люди, хотѣла я сказать, которые не любятъ такихъ людей, какъ вы... не то, что не любятъ, а... а...

— Я васъ понимаю, подхватила Пьеръ, пристально глядя на нее.

— Только я не изъ ихъ числа.

— Ваша правда, что надъ такими людьми, какъ я, смѣются.

— Я не говорю: смѣются, торопливо сказала Варинька.

— Ну, все равно, какъ ни сказалось. Дѣло въ томъ, что нашего брата свѣтъ не долюбливаетъ, продолжалъ грустно Пьеръ. — Кто виноватъ, свѣтъ или мы, Богъ знаетъ!... А по вашему, кто?

— Конечно, свѣтъ, отвѣчала Варинька съ наивной серьезностью, сознавая важность своей роли утѣшительницы скорбящаго.

— Если бъ вы знали, Варвара Федоровна, какъ грустно бываетъ, когда видишь, что—Богъ знаетъ, почему?—на тебя смотреть враждебно. Что бы тамъ ни было, а все-таки, согласитесь! Счастливъ тотъ человѣкъ, который встрѣтитъ такую женщину, какъ вы, напимѣръ.

— Пожалуйста, безъ комплиментовъ.

— Вы еще не знаете, какъ сладко встрѣтить сочувствіе отъ такого человѣка...

— Пьеръ! закричала Настасья Васильевна, слышишь, что говоритъ братъ: онъ боится, что ты отобьешь Вариньку у Николая Сергѣича.

Всѣ четверо засмѣялись. Настасья Васильевна заговорила съ братомъ объ обозѣ, который она на дняхъ ждала въ Москву. А Пьеръ, послѣ минутнаго молчанія, сказалъ Варинькѣ:

— Знаете-ли, Варвара Федоровна? Я припоминаю прошлое и нахожу, что... съ вами я былъ ближе всегда чѣмъ съ кѣмънибудь.

— Едва-ли! замѣтила Варинька съ чуть замѣтною насмѣшкой. Намъ съ вами приходилось такъ рѣдко говорить....

— Я это знаю. Но вотъ что: вы меня всегда располагали къ откровенности. Вы такъ умѣете сочувствовать человѣку— какъ бы выразиться?—затронуть, разшевелить, что невольно заставляете говорить съ вами такъ, какъ ни съ кѣмъ другимъ.... По крайней мѣрѣ, я всегда говорилъ съ вами, какъ съ своимъ другомъ.... Вы не сердитесь за такую откровенность?

Варинька, потупивъ глаза, молчала Пьеръ продолжалъ:

— Бесѣда съ вами какъ-то нѣжитъ сердце; воспоминаніе объ этихъ бесѣдахъ можно причислить къ самымъ яснымъ минутамъ жизни.

— Однако вы, должно быть, не любите ясныхъ минутъ, потому что мы съ вами рѣдко....

— Мнѣ досадно, что я васъ чуждался.

— Что вамъ мѣшало сойтись?—И она быстро взглянула на него.—Конечно, вы не нуждались во мнѣ?

Пьеръ вспыхнулъ.

— О, нѣтъ! Я думалъ, что надоѣмъ вамъ. Бывало, поговорить съ вами, а послѣ раскаиваешься. Вы знаете: если

женщина не влюблена въ челоѵка, то держитъ его на почтительномъ разстоянн и скучаетъ съ нимъ; середины нѣтъ.

Варинька смотрѣла на него недовѣрчиво и насмѣшливо.

— Теперь наконецъ я узналъ васъ хорошо, но, къ несчастью, слишкомъ поздно.

— Несчастье небольшое: *miex tard que jamais*, и съ улыбкой отвѣчала Варинька, довольная тѣмъ, что роль утѣшительницы удалось ей исполнѣ.

— Нѣтъ, хуже, грустно возразилъ Пьеръ.

— Отчего?

— А вотъ отчего. Участвя, сочувствя, хорошей бесѣды, какъ сегодня на примѣръ, мнѣ еще не случалось встрѣчать. Нынѣшняго вечера я никогда не забуду. Такъ видите-ли: испытать разъ хорошее, для того только, чтобъ жалѣть о немъ, развѣ это весело? Лучше бы и не заманиваться.

— Развѣ мы съ вами нынче-же и поссоримся?

— Вы выйдете за мужъ, уѣдете изъ Москвы. Когда-то еще съ вами придется встрѣтиться!... Къ тому времени много воды утечетъ.

Онъ вздохнулъ и замолчалъ. Варинька тоже задумалась.

— Такъ вы выходите за мужъ, сказалъ Пьеръ, какъ-бы говоря самъ съ собою и, обратясь къ ней, съ жаромъ продолжалъ: — Вѣрьте, я отъ души желаю вамъ быть любимой, счастливой, словомъ, всего, всего хорошаго.

— Merci.

Варинька весело подала ему руку и онъ крѣпко пожалъ ее.

Пьеръ легко могъ догадаться, что Варинька знала о происшествя съ письмомъ. Ея снисходительность, участя къ

нему— все это повѣяло новымъ, чѣмъ-то невиданнымъ до- толѣ, на его душу и очаровало его. «Вотъ дѣвушка въ истинномъ, высокомъ значеніи этого слова», думалъ онъ. Николай Сергѣичъ не пріѣзжалъ въ Москву три недѣли. Въ это время Пьеръ бывалъ у Теребеневыхъ каждый день и цѣлый вечера присиживалъ съ Варинькой. Онъ говорилъ ей о томъ, какое высокое мнѣніе онъ имѣетъ о ней, какъ вы- соко цѣнить ея дружбу; онъ строилъ вмѣстѣ съ нею планы о будущей ея жизни...

Пьеръ влюбился въ Вариньку; но до тѣхъ поръ не по- нималъ своего чувства, пока одно событіе не открыло ему глаза. Онъ сталъ замѣчать, что Варинька избѣгаетъ разговоръ съ нимъ и вообще ведетъ себя въ отношеніи къ нему не попрежнему. Какъ-то разъ онъ сказалъ ей обиняками, что желалъ бы узнать причину этой перемѣны. Варинька, тоже обиняками, отвѣчала, что Настасья Васильевна находитъ ея прежнія отношенія къ Пьеру неприличными для невѣсты и совѣтовала ей вести себя осторожнѣе во избѣжаніе злыхъ толковъ. Вскорѣ за тѣмъ воротился въ Москву Николай Сер- гѣичъ и Пьеръ остался совершенно одинокимъ въ домѣ Те- ребеневыхъ. Варинька сидѣла неразлучно съ женихомъ, а Настасья Васильевна поглядывала на него какъ-то сурово и подозрительно. Пьеръ почти совершенно прекратилъ свои по- сѣщенія къ Теребеневымъ—и тутъ только онъ понялъ, что не дружба привязывала его къ Варинькѣ, но чувство болѣе сильное—любовь.

Такъ шло время. Наступилъ день Варинькиной свадьбы.

Въ семь часовъ, передъ домомъ Настасьи Васильевны сто- яло каретъ пятнадцать, а у подъѣзда толпилось многое мно- жество народа. Уже невѣстинъ лакей вышелъ на крыльцо и

закричалъ: «подавай карету!»— когда прѣхалъ Пьеръ. Онъ поспѣшно вошелъ въ залъ, великолѣпно освѣщенный лампами, люстрой и наполненный множествомъ провожатыхъ въ бальныхъ костюмахъ. Посреди зала стояла Настасья Васильевна и, горько плача, прощалась съ Варинькой. Всѣ гости дѣлали фізіогноміи приличныя этому важному случаю; иныя пожилыя дамы отирали платками глаза, показывая видъ, что очень разстроганы. Софья Ѳеодоровна стояла рядомъ съ Павломъ Павловичемъ и тоже морщилась. Она бы, вѣроятно, заплакала, но Павелъ Павловичъ нашептывалъ ей что-то очень смѣшное, и она безпрестанно подносила платокъ къ лицу, чтобы скрыть свой смѣхъ. Наконецъ прощанье кончилось. — Ну, съ Богомъ! сказала, рыдая, Настасья Васильевна. И всѣ, гурьбой, вслѣдъ за невѣстой, повалили изъ зала въ лакейскую.

Пьеръ прежде всѣхъ вышелъ на крыльцо и стоялъ, намѣреваясь сказать невѣстѣ пожеланіе счастья и всего хорошаго. И вотъ, дверь на крыльцо отворилась; показалась невѣста съ толпой провожатыхъ. Кареты гужомъ двинулись къ подъѣзду, всѣ головы вытянулись впередъ, всѣ глаза устремились на невѣсту, въ толпѣ пронесся шепотъ и нѣсколько восклицаній.

Садясь въ карету, Варинька замѣтила Пьера, довърчиво подала ему руку и сказала тихо, улыбаясь сквозь слезы: — Пожелайте мнѣ быть счастливой!

Слезы готовы были хлынуть изъ его глазъ. Онъ хотѣлъ ей что-то сказать— и не могъ, хотѣлъ поцѣловать ея руку— и не рѣшался. А уже дверца кареты, сверкнувъ стекломъ, захлопнулась и поѣздъ двинулся въ путь...

Свадебный вечеръ кончился. Пьеръ, грустный, блѣдный, сидѣлъ у себя въ комнатѣ. Передъ нимъ носился свѣтлый

образъ Вариньки, ея румяное, полное, свѣжее личико; въ его ушахъ раздавался ея энергичный, звучный голосъ, ея рѣзвый, дѣтскій смѣхъ. Онъ припоминалъ свои послѣднія свиданія съ нею, ея разговоры, дышавшіе свѣжестью молодой души... Воспоминанія, какъ острый ножъ, рѣзали его сердце, но онъ припоминалъ все, до малѣйшей подробности, и съ мучительнымъ наслажденіемъ упивался этими воспоминаніями.

— Не всегда-ли такъ бываетъ: что имѣемъ не хранимъ, потерявши плачемъ? думалъ онъ. Сойдись мы съ нею прежде, и она, можетъ быть, полюбила бы меня, и я бы обладалъ ею, этимъ неоцѣненнымъ сокровищемъ.... Настасья Васильевна, конечно, не отказала бы мнѣ... Но судьба, судьба!

И ему пришли на память стихи Пушкина:

А счастье было такъ возможно,

Такъ близко, но судьба моя

Ужъ рѣшена.

— А я люблю ее, видеть Богъ, люблю! тоскливо прибавилъ Пьеръ. До сихъ поръ я не любилъ, а только хотѣлъ быть любимымъ. Я сердился, если мнѣ измѣняли, ругалъ ихъ, скоро утѣшался, настроивалъ себя на любовь... Это-ли любовь! А теперь не то. Она любитъ не меня, и я только страдаю и чувствую, что любовь моя умретъ вмѣстѣ со мною. Я не могу не благословить ее на счастье, не могу обвинять ее. Откинувъ всякое самолюбіе, должно признаться, что я не стою ея...

Уже синеватое утро спорило съ краснымъ свѣтомъ огня, а Пьеръ все еще сидѣлъ передъ столомъ. Онъ не рисовался передъ самимъ собою, не думалъ о томъ, какая трогательная картина можетъ выдти, если описать его настоящее положеніе искуснымъ перомъ. О нѣтъ, напротивъ! Тупая, безчувственная грусть охватила его душу и ни одна мысль не прихо-

дила ему на умъ. Съ напряженнымъ и безсмысленнымъ вниманіемъ слушалъ онъ однозвучный стукъ маятника, смотрѣлъ, какъ оплывала нагорѣвшая свѣча; по временамъ на глазахъ его наворачивались слезы, выдавленные острой болью сердца,— и онъ не замѣчалъ ихъ. А въ ухахъ неугомонно и грустно звучали стихи:

А счастье было такъ возможно,
Такъ близко. Но судьба моя
Ужъ рѣшена!...

1855.

ДѢТИЩА РУССКАГО РЕАЛИЗМА

(По поводу «Мыслей о современныхъ научныхъ направле-
ніяхъ» г. Кавелина).

Письмо къ А. Е. Львову.

Когда я прочелъ заглавіе брошюры г. Кавелина, мнѣ невольно подумалось то, что не разъ думалось прежде, именно, что г. Кавелинъ своей литературной дѣятельностью нѣсколько напоминаетъ нашего знаменитаго повѣствователя Тургенева: оба они умѣютъ затрогивать вопросы во-время, когда эти вопросы начинаютъ особенно сильно занимать мысль общества, когда необходимость уяснить ихъ начинается чувствоваться съ особой силой.

Послѣ того, какъ я прочелъ «Мысли» г. Кавелина, мнѣ невольно опять пришло въ голову, что не разъ приходило и прежде, именно, что г. Кавелинъ далеко не такъ удачно относится къ тѣмъ вопросамъ, за которые берется, какъ г. Тургеневъ.

«Мысли», напечатанныя сперва въ Петерб. «Вѣдом.», а потомъ вышедшія отдѣльной брошюрой, возникли «по поводу диссертациі г. Неклюдова».—Конечно, всякій имѣетъ право по поводу этой книги думать, что угодно, напр. что въ ней опечатокъ много, или что вмѣсто дикой обертки красивѣе

было бы сдѣлать напр. зеленую. Но если «Мысли» печатаются сперва въ газетѣ, а потомъ выходятъ еще и отдѣльными оттисками, то естественно они должны имѣть т. ск. сугубое право на публичное существованіе. Кто можетъ быть въ претензіи на судью Тяпкина-Ляпкина за то, что онъ собственнымъ умомъ доходитъ до сотворенія міра? Пусть его доходитъ! Но если бы онъ свои Grübeleien задумалъ издать въ свѣтъ,—тогда другое дѣло.

Обязанность быть осмотрительнымъ, выступая на бесѣду съ публикой, и печатать только такія мысли, которыя почему-либо ей нужно принять къ своему свѣдѣнію, особенно сильно лежитъ на людяхъ съ авторитетнымъ именемъ, какъ г. Кавелинъ. Разсужденія Тяпкина-Ляпкина о созданіи міра можно еще оставить нечитанными. По званіе образованнаго человѣка *oblige* покупать и читать «мысли» гг. Кавелина, Чичерина и имъ под. Нужно же щадить карманъ и время образованныхъ людей! Положимъ даже, что публикѣ интересно знать напр. и то, что какой нибудь авторитетный человѣкъ на какомъ нибудь диспутѣ думалъ о томъ, что у него сапоги узки: слушаемъ же мы иногда съ любопытствомъ разсказъ человѣка, что онъ видѣлъ при такомъ-то случаѣ Пушкина въ синемъ фракѣ съ золотыми пуговицами и что у Пушкина были на рукахъ длинные ногти. Но самому авторитетному человѣку сообщать о себѣ такія извѣстія все таки не слѣдъ: на то есть «Русскій Архивъ»....

Впрочемъ, все это я говорю, вовсе не имѣя на умѣ того, что г. Кавелину нужно было не печатать своихъ мыслей,—нѣтъ! Я думаю только, что эти мысли *могли*, безъ ущерба для публики, и не являться въ печати, на вторичное же опубликованіе ихъ отдѣльной брошюрой онѣ не имѣли никакого права.

Книга г. Неклюдова навела г. Кавелина на мысли о чрезвычайно важных предметах: о материализмѣ и идеализмѣ въ наукѣ, о современномъ преобладаніи перваго надъ послѣднимъ, о нигилизмѣ и нашихъ нигилистахъ и ихъ будущей судьбѣ, о необходимости русскимъ людямъ жить своимъ умомъ, о реализмѣ какъ «единственно возможно плодотворной почвѣ при изученіи общественныхъ и нравственныхъ вопросовъ» и, наконецъ, о значеніи книги г. Неклюдова въ общемъ ходѣ нашего умственного движенія.

Вопросы, какъ вы видите, подняты такіе, которыхъ— какъ говорится—на тощакъ и не выговоришь... Но разсужденію обо всѣхъ этихъ вопросахъ авторъ посвятилъ только 40 страничекъ маленькаго формата.

Что же отсюда вышло?

Во первыхъ, вышло то, что при такомъ положеніи дѣла и должно было выйти: г. Кавелинъ отдѣлался (употреблю его собственное выраженіе) «мимоходными категорическими заявленіями», противъ которыхъ онъ самъ же возстаетъ и которыхъ, дѣйствительно, не слѣдовало бы писать людямъ авторитетнымъ, въ родѣ г. Кавелина.

Но это еще небольшая бѣда. Гораздо хуже вотъ что:

Заговоривъ о тѣхъ вещахъ, которыя явились предметомъ «мыслей» г. Кавелина, нужно было особое искусство (если не врожденная способность), чтобы оставить въ сторонѣ именно тѣ животрепещущія ихъ стороны, которыя особенно ярко бьютъ въ глаза и съ особой настойчивостью заставляютъ подать о себѣ голосъ. Между тѣмъ г. Кавелинъ какъ-то сдумѣлъ это сдѣлать. Отъ него, какъ отъ человѣка живаго, чутко отзывавшагося на «вѣянія эпохи», всего меньше можно было ожидать такого пассажи. Однако, тѣмъ не менѣе, пассажъ такой случился: г. Кавелинъ или вовсе от-

странить отъ себя разсмотрѣніе тѣхъ вопросовъ, которые должно было разсмотрѣть, или (что еще хуже) затронуть ихъ такъ, что лучше было бы ужъ и не затрогивать.

Въ самомъ дѣлѣ, посудите сами:

«Давно уже жалуются въ Европѣ, (говоритъ авторъ), что какая-то дряхлость умовъ и сердець больше и больше вытѣсняетъ энергію стремленій, горячую вѣру хотя бы въ софизмы, преслѣдованіе идеаловъ. Тускнѣютъ идеалы, меркнетъ вѣра, стремленія и желанія безраздѣльно обращены къ ближайшимъ, мелкимъ житейскимъ, почти всегда матеріальнымъ цѣлямъ. Наука, хотя издали, а идетъ въ томъ же направленіи... Взгляды, научный синтезъ, точка отправленія сильно отзываются господствующей болѣзнью нашего времени. Все сколько нибудь похожее на идеализмъ, традиціонный или философскій, потрясено въ основаніи и не пользуется почти никакимъ довѣріемъ. Естественныя науки вычеркнули его окончательно изъ своей сферы и надѣются обойтись безъ него вовсе. Въ обширной области наукъ, ближайшимъ образомъ касающихся умственной, нравственной или общественной жизни человѣка, идеализмъ еще кое-какъ держится, но видимо угасая; естественно-историческій взглядъ и методъ проторгаются и сюда всѣми порами» (стр. 1—2).

Съ другой стороны, люди начинаютъ понимать «ошибочность заключительныхъ выводовъ матеріализма», хотя еще и смутно и при томъ «пока больше по ихъ практическимъ дѣйствіямъ и результатамъ. До сознанія, до яснаго, отчетливаго разумѣнія, почему эти выводы теоретически неправильны, гдѣ, въ чемъ лежитъ ошибка,—современная мысль еще не доработалась» (стр. 19).

Въ частности, въ Россіи замѣчается «охлажденіе и недовѣріе къ нигилизму—важный симптомъ, показывающій, что умственное и нравственное направленіе, которое у насъ господствовало еще въ недавнее время, измѣнилось». Но «до сихъ поръ, къ сожалѣнію, это только переменна аппетитовъ, вліяніе случайныхъ обстоятельствъ, дѣло моды и каприза, и

потому позволительно не придавать большаго значенія этимъ колебаніемъ такъ назыв. общественнаго мнѣнія». (стр. 27).

Трудно разумѣется понять, почему г. Кавелинъ придаетъ „важность“ тому симптому, за которымъ онъ самъ же не признаетъ „большаго значенія.“ Но оставлю это. Дѣло въ томъ, что въ такой многозначительный моментъ, среди такого знаменательнаго движенія современной мысли, г. Кавелинъ вздумалъ подать свой голосъ «о современныхъ научныхъ направленіяхъ». Перефразируя извѣстное похвальное слово Карамзина Екатеринѣ II, г. Кавелинъ могъ съ полнымъ правомъ сказать: «мм. гг. я хочу говорить съ вами о современныхъ научныхъ направленіяхъ—и величіе предмета ужасаетъ меня».

Но самая значительность и, такъ сказать, щекотливость предмета обязываютъ взяться за него обдуманно: здѣсь нужно, по пословицѣ, десять разъ примѣрить, прежде чѣмъ отрѣзать. Г. Кавелинъ пишетъ для русскихъ читателей; русская мысль, по словамъ г. Кавелина, не имѣетъ ни послѣдовательности, ни устойчивости; мы мѣняемъ направленія, какъ попало, и бросаемся какъ дѣти на всякую новизну (стр. 27—28). Если это справедливо и вы собираетесь навести насъ на путь истинный, такъ пусть ваша рѣчь отличается трезвостью, строгой послѣдовательностью, дышетъ глубокимъ убѣжденіемъ; она должна какъ яркій лучъ ударить въ это темное море, по которому русская мысль носится «безъ вѣтрила и руля». Если же ваше слово можетъ еще болѣе сбить съ толку и безъ того заблудившуюся мысль и къ путаницѣ понятій прибавить еще новую путаницу, то это будетъ нравственнымъ преступленіемъ съ вашей стороны. Лучше вовсе оставаться дома, чѣмъ идти на пожаръ и неосмотрительно лить на огонь масло вмѣсто воды.

Кажется такъ?

Но у г. Кавелина это выходит со всёми иначе. Утверждая, что материализмъ въ настоящее время преобладаетъ надъ идеализмомъ, онъ продолжаетъ:

«Если бы можно было вообразить себѣ, что этотъ результатъ (т. е. побѣда материализма надъ идеализмомъ) уже достигнутъ, то естественнымъ послѣдствіемъ этого было бы»...

Какъ вы думаете, что бы тогда было?

А вотъ что (я буду, по возможности, держаться собственныхъ выраженій автора):

1) Добродѣтель и порокъ, доблестный поступокъ и преступленіе сольются тогда въ глазахъ нашихъ въ безразличное понятіе.

2) Доблесть и добродѣтель будутъ казаться донкишотизмомъ, странностью, граничащей съ умопомѣшательствомъ.

3) Для преступленія всегда будутъ найдены объясненіе и оправданіе, и потому оно будетъ оставаться безнаказаннымъ.

4) Вообще понуждать людей что нибудь дѣлать, наказывать ихъ за чтобы то ни было—и подавно не придется; суда и полиціи не будетъ, потому что судъ и полиція суть органы и жрецы идеализма.

5) Художество въовсе не будетъ, будутъ только одни научныя изслѣдованія, да и тѣхъ не будетъ, потому что даже и учеными изслѣдованіями, практически полезными для человѣчества, человѣку нельзя будетъ заняться: «чтобы чѣмъ нибудь заняться, нуженъ актъ воли, а гдѣ же у насъ тогда будетъ воля?»

Если г. Кавелинъ не считаетъ нашу публику за бессмысленныхъ дѣтей, которыми считаютъ позволительнымъ и нужнымъ говорить «не лѣзь, душечка, на это кресло: обожжешься,»— то трудно рѣшить, что и подумать обо

всемъ этомъ? Раскрываетъ недостатки матеріализма—дѣло похвальное. Но вѣдь нельзя же, при этомъ, обвинять его въ умыслѣ на то, чего онъ вовсе не имѣетъ въ виду, и пугать такими его послѣдствіями, которыхъ онъ произвести не можетъ. Если бы я имѣлъ хотя малѣйшее основаніе хоть сколько нибудь заподозрить образъ дѣйствій г. Кавелина, я бы непременно подумалъ, что онъ или шутить, или, въ интересѣ матеріализма, насмѣхается надъ недалеками въ наукахъ, наивными идеалистами, т. е. дѣйствуетъ въ родѣ Ульриха фонъ-Гуттена, когда тотъ издавалъ свои «Письма темныхъ людей».

«Добродѣтель и порокъ, доблестный поступокъ и преступленіе сольются въ нашихъ глазахъ въ безразличное понятіе, (говорить г. Кавелинъ): для преступленія мы находили бы всегда объясненіе и оправданіе; такъ за что же его наказывать? А доблесть и добродѣтель будутъ казаться донкишотизмомъ, странностью, граничащей съ упомѣшательствомъ».

Позвольте, что же это такое? Если преступленіе будетъ всегда находить себѣ оправданіе, а добродѣтель не найдетъ ни оправданія, ни объясненія и будетъ казаться глупостью,—въ такомъ случаѣ добродѣтель и преступленіе не будутъ въ нашихъ глазахъ «понятіями безразличными». Это первое. Столько же нелогичнымъ, во вторыхъ, должно признать положеніе автора, будто одна только доблесть будетъ считаться странной и смѣшной: вѣдь и для нея, точно также какъ для порока и преступленія, можно будетъ найти оправданіе и объясненіе. Къ чему же пересаливать? Наконецъ, на утвержденіе автора, будто съ отрицаніемъ воли упразднилось бы всякое различіе между добромъ и зломъ, добродѣтелью и преступленіемъ, можно замѣтить вотъ что: различіе между этими понятіями основывается не на одномъ только нравственномъ ихъ

достоинствѣ, но и на ихъ внѣшнихъ послѣдствіяхъ. Различіе между человѣкомъ, который дерется, и человѣкомъ, который не дерется, заключается не только въ томъ, что первый причиняетъ боль людямъ, которыхъ онъ бьетъ, а второй боли никому не причиняетъ. Если драчливость и будетъ признана дѣйствіемъ безразличнымъ въ нравственномъ отношеніи, все таки, въ глазахъ даже тѣхъ самыхъ людей, которые признаютъ ее дѣйствіемъ нравственно безразличнымъ, она не будетъ совершенно тождественна съ недрачливостью.

До сихъ поръ каждый полагаетъ, что если люди выдумываютъ персидскій порошокъ для истребленія клоповъ, если на собакъ надѣваютъ намордники, если бѣшеныхъ сажаютъ на цѣпь,—то все это дѣлается не потому, чтобы въ этихъ случаяхъ признавали за бѣшенымъ свободную волю, или считали кусанье собакъ и клоповъ нарушеніемъ съ ихъ стороны обязанности относительно человѣка и безнравственнымъ поступкомъ. У г. Кавелина выходитъ совсѣмъ другое. Онъ позабылъ про инстинктъ самосохраненія и увѣряетъ читателей, что при исключительномъ господствѣ матеріализма не можетъ уже быть никакой реакціи со стороны общества противъ преступленій и будто человѣкъ, въ защитѣ своей жизни и имущества, будетъ предоставленъ однимъ своимъ силамъ: всякій желающій можетъ тогда свободно расхаживать по улицамъ, грабить, бить и убивать—какъ говорится—встрѣчнаго и поперечнаго, а общество будетъ только смотрѣть, чѣмъ кончится дѣло, и ждать, кого еще вздумается этому самодуру побить, убить, или ограбить. Ради Бога, что это такое! Можно было сказать, что, при исключительномъ господствѣ матеріализма, мы получимъ уголовную систему лишенную всего своего достоинства, что съ преступникомъ будутъ также мало церемониться, какъ съ бѣшеной собакой, что мы получимъ самую

страшную тиранію общества надъ отдѣльнымъ лицомъ и пр. Но говорить то, что говорить г. Кавелинъ, это даже не смѣшно! Но игривость ума увлекаетъ г. Кавелина еще далѣе. «Даже и учеными изслѣдованіями — говоритъ онъ — тогда нельзя будетъ заняться: чтобы чѣмъ нибудь заняться, нуженъ актъ воли. А гдѣ же у васъ тогда будетъ воля?»

По моему мнѣнію, г. Кавелину слѣдовало продолжать далѣе: для того, чтобы встать съ мѣста, взять кусокъ въ ротъ, разжевать его и проглотить, — нужны акты воли; а такъ какъ воли не будетъ, то всѣ люди будутъ недвижимо лежать и т. обр. наживутъ себѣ сперва пролежни, а потомъ помрутъ съ голоду. Это было бы столько же остроумно и гораздо бо-
лѣе страшно.

Изъ уваженія къ г. Кавелину, мнѣ хочется вѣрить, что все это — остроты; но ему нужно было твердо помнить, что нѣтъ ничего непростительнѣе плохой остроты. Если г. Кавелинъ считаетъ русскую публику до того гоголевской Коробочкой, что на нее можно дѣйствовать такими аргументами, или хоть до того неразвитой, что ей могутъ нравиться такія остроты, — то ему не слѣдовало и печатать своихъ «мыслей»: съ такой публикой еще рано говорить «о современныхъ научныхъ направленіяхъ».

Впрочемъ, къ чести г. Кавелина, слѣдуетъ замѣтить, что остроты его занимаютъ изъ сорока страницъ только четыре (стр. 2—5). Уже съ шестой страницы онъ начинаетъ серьезно говорить объ идеализмѣ и материализмѣ въ наукѣ. Указавъ источникъ того и другаго, онъ, въ заключеніе, приходитъ къ тому, что идеализмъ и материализмъ одинаково односторонни и потому «осуждены роковымъ образомъ придти, въ послѣднихъ своихъ выводахъ, къ безразличію и за тѣмъ относить-

ся отрицательно къ дѣйствительной природѣ человѣка, ея проявленіямъ и дѣятельности» (стр. 25).

Этотъ выводъ совершенно справедливъ. Но, какъ вы знаете, все это настолько хорошо извѣстно мыслящей части нашего общества, что «мимолетныя категорическія заявленія» объ этомъ предметѣ если и могутъ имѣть мѣсто, то не иначе, какъ въ видѣ введенія къ разрѣшенію вопроса о томъ, какой можетъ и долженъ быть «правильный выходъ изъ двухъ противоположныхъ направленій науки, столько сходныхъ между собою по своимъ задачамъ, ошибкамъ и послѣднимъ результатамъ?» Но г. Кавелинъ, именно, этого-то вопроса и не захотѣлъ коснуться. «Говорить объ этомъ здѣсь не мѣсто, замѣчаетъ онъ: для нашей ближайшей цѣли этого вовсе и не нужно» (стр. 26).

Невольно при этомъ пожалѣешь, что г. Кавелинъ поставилъ себѣ такую несчастную цѣль, при которой оказывается нужнымъ плохо острить, разыгрывать вариаци на давно извѣстныя всѣмъ темы и... не касаться того, о чемъ слѣдуетъ и стоитъ говорить, о чемъ можно сказать много новаго, интереснаго и поучительнаго.

Отказавшись на 26-й страницѣ отъ отвѣта на этотъ вопросъ, г. Кавелинъ однако — какъ говорится — не выдержалъ характера и на 30-й страницѣ высказалъ, что «реальная почва есть единственно возможная, единственно плодотворная при изученіи общественныхъ и нравственныхъ вопросовъ».

И такъ, по мнѣнію г. Кавелина, для наукъ общественныхъ и нравственныхъ — единственно разумный исходъ есть реализмъ.

Реализму какъ-то особенно не посчастливилось у насъ на Руси, по крайнѣй мѣрѣ до настоящаго времени. О немъ очень

многіе говорятъ и слишкомъ немногіе его понимаютъ. Реалистами считаютъ себя такіе люди, которыхъ можно назвать чѣмъ угодно, но только не реалистами. За реализмъ выдаютъ у насъ вещи столько же похожія на реализмъ, какъ грибы на апельсины,—и всего страннѣе, что даже такіе люди, какъ г. Кавелинъ, не умѣютъ отличить грибовъ отъ апельсиновъ и судятъ по первымъ о вторыхъ.

Укажу для примѣра на одну книгу, вышедшую года три назадъ и написанную челоувкомъ, который пользуется, у насъ авторитетомъ не меньше г. Кавелина. Я говорю о г. Спасовичѣ.

Въ своемъ «Учебникѣ» авторъ, трактуя объ уголовномъ правѣ, назвалъ себя реалистомъ—и ему всѣ повѣрили, что онъ реалистъ. Но посмотрите, какая здѣсь произошла странная «комедія ошибокъ» и со стороны самого автора, и со стороны повѣрившихъ въ его реализмъ. Я считаю не бесполезнымъ съ нѣкоторой подробностью поговорить объ его книгѣ. Это довольно любопытно.

Въ началѣ, г. Спасовичъ слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ тотъ методъ, котораго онъ считаетъ необходимымъ держаться:

„Я никогда не могъ помириться съ теоріями безусловной справедливости; пришлось покончить и съ эклектическими попытками согласованія абсолютныхъ теорій съ относительными; пришлось отказаться и отъ всякаго вообще абсолюта, отвергнуть всѣ отвлеченности и, ставъ на почву реализма, цѣль и задачу науки поставить въ неусыпномъ наблюденіи явленій живой дѣйствительности.“

Вполнѣ согласно съ этой мыслью, онъ опредѣляетъ существо уголовного правовѣдѣнія такъ:

„Законы положительные, вытекаая изъ потребностей народа и выражая его юридическія понятія, имѣютъ всегда логическое основаніе, т. е. законодатель дошелъ до нихъ посредствомъ логическихъ выводовъ и соображеній. Но этихъ соображеній въ законѣ нѣтъ.

Законъ содержитъ обыкновенно сухой, безцвѣтный, не мотивированный ничѣмъ запретъ или приказъ. Юристъ долженъ доискаться сокровенной причины породившей законъ, онъ долженъ возстановить обратнымъ путемъ, посредствомъ наведенія, связь законоположенія съ породившими его потребностями народнаго быта, онъ долженъ осмыслить положительный законъ, свести законодательство во всемъ его объемѣ къ немногимъ кореннымъ юридическимъ идеямъ. Такая работа, состоящая въ осмысливаніи положительнаго закона, составляетъ задачу науки. Наука уголовного права есть систематическое изложеніе коренныхъ общихъ началъ отправленія уголовного правосудія, извлеченныхъ логическою дѣятельностью ума изъ извѣстнаго какого-нибудь законодательства, или всѣхъ вообще законодательствъ.“

Каждому, сколько нибудь знакомому съ литературой уголовного права, должно быть хорошо извѣстно, что до сихъ поръ задача уголовного правовѣдѣнія поставлялась совершенно не въ томъ, въ чемъ ее поставляютъ авторъ, и криминалисты держались вовсе не того метода, о которомъ говоритъ онъ. Хотя у многихъ криминалистовъ и прорывается иногда стремленіе, при рѣшеніи нѣкоторыхъ частныхъ вопросовъ, стать на путь реализма, тѣмъ не менѣе наука уголовного права все таки держится иного метода, т. е. она поставляетъ свою задачу въ томъ, чтобы установить общія начала уголовного права отвлеченнымъ путемъ логическихъ построеній и опѣнивать положительныя законодательства на основаніи составленнаго а ріогі масштаба. Обыкновенно криминалисты стремятся къ опредѣленію того, что должно быть, почти не заботясь о томъ, что бываетъ, и слишкомъ мало уважая права дѣйствительности. Но авторъ, такъ сознательно и смѣло бросивъ мерцатку господствующему направленію въ наукѣ уголовного права, такъ рѣзко собравшись разорвать съ нимъ всякую связь и такъ вѣрно опредѣливъ реальный методъ,— на этомъ и остановился. Онъ не только не сумѣлъ сойти

съ той торной дороги, которая сдѣлалась уже рутинной, но даже болѣе: приступая къ самому изложенію науки и заговоривъ при этомъ снова о задачѣ уголовного правовѣдѣнія, онъ прямо и положительно противорѣчитъ сказанному и даже не замѣчаетъ противорѣчія.— Вотъ что онъ говоритъ:

«Съ незапамятныхъ временъ существуютъ государства и употребляютъ наказанія для охраненія общесвеннаго порядка. Опытъ насъ учитъ, что уголовная власть государства не безусловна, но заключена въ извѣстные предѣлы. При изученіи наказанія, мы необходимо наталкиваемся на вопросы: какія дѣянія должно считать преступными и какъ соразмѣрять наказаніе съ виною? Эти два вопроса содержатся въ третьемъ: на чемъ основано право государства наказывать? Если намъ удастся уяснить себѣ существо уголовной власти, то отсюда легко будетъ вывести и дѣянія подлежащія этому правосудію, и мѣру наказанія. Мы не найдемъ отвѣта на эти вопросы въ положительныхъ законодательствахъ, такъ какъ они опираются на тотъ фактъ несомнѣнный и неопровержимый, что изъ-поконъ вѣка существовало наказаніе: этого факта для нихъ достаточно. Отвѣтъ можетъ дать одна только философія уголовного права. Въ трехъ сформулированныхъ мною вопросахъ заключается, можно сказать, все уголовное право. Безъ рѣшенія этихъ вопросовъ обойтись нельзя, также какъ нельзя довольствоваться изученіемъ положительнаго кодекса и его опредѣленій. Знаніе наперечетъ статей закона недостаточно ни для криминалиста, ни для законодателя, ни для судьи. Криминалистъ, оцѣнивая законодательства всѣхъ народовъ, нуждается въ масштабѣ для этой оцѣнки, а масштабомъ можетъ быть только разумъ, т. е. философія. Законодатель долженъ имѣть ясное сознаніе о томъ, что ему слѣдуетъ ввести, что измѣнить и т. д. Наконецъ, судья долженъ обращаться съ закономъ критически, безъ идолопоклонства, толкуя его въ сомнительныхъ случаяхъ, умѣряя по возможности его излишнюю строгость. Но сама философія не есть ничто законченное, совершенное. Ни одна изъ ея системъ не достигла, да и не можетъ надѣяться достигнуть полнаго, всеобщаго признанія. Она раздѣляетъ судьбу всего человѣческаго: преходячень. Всякая система вѣтшаетъ, становится пережитымъ моментомъ, покинутою точкою зрѣнія, чѣмъ-то пригоднымъ лишь въ смыслѣ мате-

ріала для будущей, болѣе громадной постройки. Всякая уголовная теорія есть только часть извѣстнаго философскаго міросозерцанія и опирается на ту или другую философскую систему. Криминалистъ долженъ всячески стараться слѣдить за ходомъ философіи, идти съ нею въ уровень, сообразоваться съ ея успѣхами и послѣдними добытыми ею результатами.»

Легко съ перваго взгляда увидать все непримиримое противорѣчіе между этими словами и той первой программой, которую авторъ только что передъ тѣмъ начертилъ для уголовного правовѣдѣнія,—и посмотрите, ради Бога, какая недостаточность изложенія въ каждой строкѣ этой тирады!

Авторъ полагаетъ, что современный криминалистъ, отказываясь отъ прежняго поклоненія абсолютамъ, долженъ поклониться предъ послѣдней по времени философской системой и на основаніи ея строить тотъ масштабъ, съ помощью котораго онъ будетъ оцѣнивать всѣ законодательства.

Въ такомъ важномъ вопросѣ автору слѣдовало объяснить пообстоятельнѣй и не оставлять въ недоумѣніи читателя напр. хоть относительно того, за какой изъ двухъ или трехъ одновременныхъ, но противурѣчащихъ между собою системъ слѣдуетъ признать честь добытія послѣднихъ результатовъ? Какъ поступать въ томъ случаѣ, если новѣйшая философская система начнетъ напр. намъ рекомендовать прежнее поклоненіе прежнимъ абсолютамъ? На чемъ основывается для криминалиста обязанность держаться и ратовать за тѣ воззрѣнія, которыя, не нынѣ такъ завтра, окажутся несостоятельными, ибо криминалистъ, по словамъ автора, долженъ знать, что каждая философская система преходяща, что истинъ непреложныхъ нѣтъ и быть не можетъ?

Авторъ поставилъ сперва задачу науки въ простомъ осмысливаніи положительныхъ законодательствъ, а потомъ, въ слѣдъ за всѣми прочими криминалистами,—въ критико-

философской оцѣнкѣ, такъ какъ, по его словамъ, нельзя ограничиваться однимъ изученіемъ положительнаго кодекса и знаніе на перечетъ статей закона не достаточно ни для криминалиста, ни для судьи.

По моему мнѣнію, авторъ, впадая въ противорѣчіе съ самимъ собою, сверхъ того совершенно напрасно забываетъ всякую среднюю ступень между простымъ знаніемъ на перечетъ статей закона и построеніемъ уголовной теоріи на основаніи послѣдней по времени философской системы. Онъ утверждаетъ что положительныя законодательства не даютъ отвѣта на основные вопроса уголовного права. На мой взглядъ это чистое недоразумѣніе—Безъ сомнѣнія ни одно законодательство ни одной своей статьи не посвящаетъ теоретическому рѣшенію вопроса о существѣ наказанія. Но та система, которой законодательство держится, можетъ быть выведена логическою дѣятельностью ума изъ совокупности его уголовныхъ постановленій.

Знаніе наперечетъ статей закона—говоритъ авторъ—не достаточно ни для судьи, который долженъ относиться къ закону безъ идолопоклонства, критически, ни для криминалиста, который долженъ оцѣнивать законодательства всѣхъ народовъ по тому масштабу, который можетъ бы данъ только философій.

Легко видѣть, что если критическая обязанность и лежитъ на криминалистѣ, то относительно тѣхъ только современныхъ законодательствъ, которыя могутъ быть исправлены по его совѣту. Изъ словъ автора отнюдь не выходитъ, чтобы криминалисту нужно было оцѣнивать всѣ законодательства, или изучать историческое развитіе уголовного права. Въ самомъ дѣлѣ: если въ вопросѣ о существѣ наказанія, какъ говоритъ авторъ, заключается все уголовное право, если въ положи-

тельныхъ законодательствахъ, по его же словамъ, мы не можемъ найти отвѣта на этотъ вопросъ, то изученіе ихъ для криминалиста не представляетъ ровно никакой пользы, а слѣд. и заниматься ими для него нѣтъ ни малѣйшей надобности. Правда, г. Спасовичъ утверждаетъ, что криминалистъ долженъ критически оцѣнивать *все* законодательства. Но съ какой же цѣлью онъ будетъ заниматься этимъ дѣломъ въ отношеніи законодательствъ, напримѣръ, уже отжившихъ, или такихъ, объ улучшеніи которыхъ онъ нисколько не заботится? Развѣ для того только, чтобы услаждаться сознаниемъ того, что у него есть въ рукахъ критическій инструментъ? Но вѣдь заниматься изъ подобнаго побужденія бесполезнымъ дѣломъ простительно только ребенку, который щиплетъ лучину не потому, чтобы это было нужно, а только для того, чтобы употребить въ дѣло находящійся въ его рукахъ ножикъ.

Наконецъ, легко видѣть, что авторъ, желая обрисовать новый путь реализма, изображаетъ подъ этимъ именемъ ту торную дорогу, въ которой нѣтъ ровно ничего ни новаго, ни реальнаго.

Наука уголовного права доселѣ искала истину только въ субъективномъ духѣ мыслителя;—и по словамъ нашего автора дѣйствительность служить только матеріаломъ для критики по масштабу составленному на основаніи послѣдней философской системы. Всегда криминалисты находились подъ вліяніемъ той или другой господствующей системы;—и нашъ авторъ совѣтуетъ криминалисту дѣлать тоже самое. Разница состоитъ только въ томъ, что прежніе криминалисты, при вѣрѣ въ абсолюты, ратовали во имя того идеала, который они считали непреложнымъ; авторъ же нашъ желаетъ, чтобы криминалистъ вѣрилъ только въ то, что нѣтъ непреложныхъ истинъ, и рато-

валъ за ту теорію, которая по метрическимъ справкамъ окажется позднѣе другихъ родившеюся на свѣтъ. Но даже и въ этомъ послѣднемъ отношеніи авторъ идетъ по дорогѣ, отчасти проложенной уже идеалистами, напр. Бернеромъ, котораго самъ авторъ называетъ гегеліанцемъ и который выражается о преходячести философскихъ системъ почти въ тѣхъ же фразахъ, какъ г. Спасовичъ, такъ что русскій текстъ кажется переводомъ съ нѣмецкаго. Мнѣ скажутъ, что г. Спасовичъ противопоставляетъ идеальному методу свой «методъ, основанный на томъ предположеніи, что справедливость не есть что-то трансцендентальное, а просто качество присущее человѣку (имманентное), вытекающее прямо изъ существа его природы.» Но дѣло въ томъ, что авторъ выводитъ это понятіе справедливости изъ существа человѣка вообще и, какъ всякій идеалистъ, раздѣляетъ уголовное право на положительное и—употребляю выраженіе Бернера—*begriffsmässiges*, т. е. одобряемое данною философскою системою. Я думаю, что авторъ не только не реалистъ, какъ онъ себя считаетъ, но что даже какой нибудь абсолютистъ Генке, или Беккеръ, послѣдователь теологической философіи Штаала и Краузе, болѣе реалисты во многихъ вопросахъ, нежели г. Спасовичъ. Генке и Беккеръ считаютъ напр. невозможнымъ опредѣлить объемъ преступныхъ дѣйствій въ виду различія мѣстныхъ и временныхъ условій. А нашъ авторъ даетъ преступленію такое опредѣленіе: „Какія дѣянія уголовно преступны? Тѣ, кои по разумному, согласному съ природою вещей сознанію общества несовмѣстны съ общежитіемъ и не могутъ быть охраняемы другими менѣе насильственными средствами.“

Реализмъ составляетъ въ настоящее время разумную потребность для уголовного правовѣдѣнія и необходимость его сознается все болѣе и болѣе. Но г. Спасовичъ имѣетъ о реализмѣ

смутное и невѣрное понятіе. Онъ думаетъ, что для современнаго криминалиста необходимо отказаться отъ вѣры въ возможность безошибочности. Мы думаемъ, что не здѣсь заключается источникъ реализма, который представляетъ собою только высшую, *вторую ступень исторической школы*, явившейся какъ противодѣйствіе прежнимъ системамъ естественнаго права (*jus naturale*). Реализмъ только исправляетъ тѣ недостатки и односторонности исторической школы, которыми она до сихъ поръ страдала. Реалистъ, какъ и всякій человѣкъ, не можетъ не вѣрить въ возможность открыть истину, открыть вѣчные непреложные законы, которымъ слѣдуетъ уголовное правосудіе,—иначе онъ и не сталъ бы заниматься наукой уголовного права. Кому придетъ охота толочь въ ступѣ воду, зная что изъ этого ничего не выйдетъ? Если правда, что человѣкъ не можетъ не ошибаться, то правда также и то, что въ человѣкѣ есть непреложная увѣренность въ возможность безошибочности. Нашему автору, какъ реалисту, непростительнѣе чѣмъ кому нибудь другому было и поставлять непремѣннымъ условіемъ реализма «бремя неудобноносимое», и забывать, что человѣкъ, говорящій «нѣтъ истины на свѣтѣ» — этими самыми словами претендуетъ сказать непреложную истину.

Кореннымъ условіемъ реализма является невѣріе въ цѣлесообразность прежняго отвлеченнаго синтетическаго метода въ наукѣ уголовного права и въ состоятельность построенныхъ этимъ путемъ абсолютныхъ, относительныхъ и эклектическихъ уголовныхъ системъ. Сущность реализма заключается въ убѣжденіи, что здравая уголовная теорія можетъ быть выведена только изъ наблюденія живой дѣйствительности, что лучшимъ уголовнымъ кодексомъ долженъ быть признанъ тотъ, который наиболѣе соотвѣтствуетъ потребностямъ даннаго народа въ данный моментъ времени, а слѣд. и масштабъ для

его оцѣнки долженъ быть отыскиваемъ въ характерѣ того народа, для котораго этотъ кодексъ предназначается, и въ тѣхъ условіяхъ народнаго быта, среди которыхъ онъ дѣйствуетъ. Реализмъ сознаетъ себя въ настоящее время безсильнымъ построить уголовную теорію, потому что у него подъ рукою нѣтъ нужныхъ для этой цѣли матеріаловъ. О собираніи ихъ не позаботилась доселѣ наука уголовного права;—въ собираніи и разработкѣ этихъ матеріаловъ реалистъ и составляетъ свою задачу. Вотъ что должно разумѣть подъ реальнымъ методомъ въ уголовномъ правовѣдѣніи. Реализмъ такъ обр. состоитъ только въ установленіи извѣстнаго пути разработки уголовного права, онъ отвергаетъ такую критико-философскую оцѣнку законодательства, о которой говоритъ г. Спасовичъ, и также мало вѣритъ въ состоятельность отвлеченнаго, приложимаго ко всѣмъ кодексамъ масштаба, какъ не вѣритъ медицина въ дѣйствительность универсальныхъ элексировъ, излѣчивающихъ ото всѣхъ болѣзней.

Г. Спасовичъ, какъ видно изъ сказаннаго, имѣетъ неправильное понятіе какъ о реализмѣ, такъ и о современныхъ задачахъ уголовного правовѣдѣнія. Онъ думаетъ, что признавъ ошибочность всѣхъ доселѣ явившихся уголовныхъ теорій, современный криминалистъ можетъ сказать: «нынѣ отпускаеши», если только ему удастся бросить на матеріаль уголовнаго права новый свѣтъ, заимствованный извнѣ, отъ той или другой философской системы. Наоборотъ: реалистъ думаетъ, что въ такихъ попыткахъ наука уголовного права не нуждается; онъ извѣрился въ состоятельность такихъ попытокъ, благодаря которымъ явились и безчисленные, до послѣдней степени ложныя уголовныя теоріи, и физики по Канту, и курсы сельскаго хозяйства по Гегелю. Реализмъ стремится къ тому, чтобы матеріаль уголовного права былъ освѣщенъ изъ самаго себя своимъ собственнымъ свѣтомъ.

Сверхъ того, нашъ авторъ...

• Впрочемъ, не довольно ли о немъ?

Изъ сказаннаго, кажется, можно довольно убѣдиться, до какой невѣроятной степени сбивчивы понятія о реализмѣ даже и у такихъ людей, отъ которыхъ можно было бы, повидимому, надѣяться яснаго пониманія дѣла, — а «для нашей ближайшей цѣли» (какъ выражается г. Кавелинъ) только это и требуется доказать.

Г. Кавелинъ признаетъ реализмъ единственно возможной, единственно плодотворной почвой при изученіи общественныхъ и нравственныхъ вопросовъ; г. Кавелинъ горько сътуетъ, глубоко возмущается духомъ (ст. 38—39), видя что реализмъ у насъ не понимается, что благомыслящихъ реалистовъ считаютъ за нецензурныхъ нигилистовъ (?) и что, вслѣдствіе такого недоразумѣнія, у насъ подвергаются разнымъ угнетеніямъ неповинные въ нигилизмѣ люди (?). Какъ бы, казалось, ему можно было воздержаться отъ того, чтобы, не ограничиваясь «мимолетными категорическими заявленіями», хорошенько разъяснить нашей публикѣ, что такое реализмъ? Какъ человекъ, какъ гражданинъ, онъ не могъ, онъ не долженъ былъ отложить разъясненіе этаго вопроса. Когда видишь, что люди страдаютъ, да еще и страдаютъ невинно — тутъ каждая минута дорога: чѣмъ скорѣе разсѣется печальное недоразумѣніе, тѣмъ лучше. Между тѣмъ г. Кавелинъ счелъ для „своей ближайшей цѣли“ не нужнымъ поговорить и объ этомъ.

Радоваться этому, или жалѣть? Въ выигрышѣ отъ этого наша публика, или нѣтъ?

Думаю, что въ выигрышѣ. Какъ ни мало сказалъ г. Кавелинъ о реализмѣ, — онъ все таки успѣлъ обнаружить, что понимаетъ реализмъ не лучше тѣхъ, которые его не понимаютъ, а слѣдовательно онъ прекрасно сдѣлалъ, что не распро-

страшился объ этомъ предметѣ: къ чему запутывать этотъ гордіевъ узель, когда и безъ г. Кавелина не могутъ его развязать!

Что г. Кавелинъ не способенъ имѣть правильный взглядъ на реализмъ, видно уже изъ того, что существеннымъ условіемъ реализма является возможно высшее безпристрастіе, а г. Кавелинъ не чувствуетъ къ нему никакой склонности. Реализмъ всего меньше расположенъ толковать о томъ, что, по выраженію г. Кавелина, лежитъ (а можетъ быть, и не лежитъ) „на неизмѣримомъ разстояніи, куда не достигаетъ зрѣніе.“ Реализмъ менѣе всего способенъ вмѣстѣ съ Кифой Мокіевичемъ разсуждать о томъ, что бы было, если бы слонъ носилъ яйца. Между тѣмъ г. Кавелинъ страшный охотникъ до подобныхъ вопросовъ. Изъ боязни быть непонятымъ или дурно понятымъ, (стр. 26) онъ счелъ за лучшее промолчать о томъ, о чемъ каждый живой человѣкъ, не могъ бы на его мѣстѣ не высказаться. — и однако онъ тутъ же, съ-оника, не выдержалъ, чтобы хоть голословно (даже голословно, совсѣмъ упуская изъ виду «опасность быть непонятымъ или дурно понятымъ») не подать своего мнѣнія по вопросу о томъ, будетъ ли такое время, когда совсѣмъ не будетъ преступленія, или не будетъ?... Нечего сказать, вопросъ для реалиста важной! Я бы рекомендовалъ вниманію г. Кавелина слѣдующій, еще болѣе важный вопросъ: что бы было, если бы *бы* не было?

Не правда ли, что г. Кавелинъ хорошо сдѣлалъ, не попытавшись разъяснить существо реализма!

На этомъ можно было бы мнѣ и закончить свое письмо, потому что я высказалъ все, что хотѣлъ, собственно по поводу «мыслей» г. Кавелина „о современныхъ научныхъ на-

правленіяхъ“. Но въ заключеніи его брошюры, я встрѣтилъ одно иѣсто, относящееся уже не къ научнымъ направленіямъ, — мѣсто, которое я прочелъ не съ меньшей душевной болью, чѣмъ и все предъидущее. Вотъ что говоритъ г. Кавелинъ (стр. 38—39):

„Мѣсто г. Неклюдова—очевидно на университетской кафедрѣ... Изъ г. Неклюдова вышелъ бы, мы не сомнѣваемся, замѣчательный профессоръ уголовного права. Въ Германіи это безъ сомнѣнія такъ и было бы. А у насъ? Г. Неклюдовъ говоритъ о нравственной статистикѣ, о фатализмѣ, о вліяніи внѣшнихъ условій на преступления, о возможности, измѣнивъ условія, измѣнить число преступленій, хвалить Кеттле, говоритъ смѣло, порой рѣзко,—не явно ли, что онъ нигилистъ? Ну, разумѣется, нигилистъ, и еще какой! А нигилистамъ какая же дорога на кафедре? Слава Богу, если въ какой нибудь канцеляріи писцами потерпять.“

Кого здѣсь имѣеть въ виду г. Кавелинъ, надъ кѣмъ раздражается его иронія?—трудно понять. Онъ вообще выражается съ жаромъ и чувствительностью, но очень не ясно, какъ это уже замѣтилъ прежде меня А. В. Думашевскій. Впрочемъ, прежде всего можетъ придти на умъ догадка, что слова его относятся къ нашимъ университетамъ, тѣмъ болѣе, что въ тѣхъ же „Петер. Вѣд.“ и по поводу же диссертациі г. Неклюдова г. Кирьякъ Даниловъ почти за тоже самое задѣлъ «ученый ареопагъ» (выражаясь его словами), т. е. здѣшній университетъ.

Повторяю: я съ душевной болью прочелъ эти слова г. Кавелина. Отъ него меньше чѣмъ отъ кого нибудь можно было ждать, чтобы онъ бросилъ камень въ наши университеты. Наши университеты, не смотря на всѣ свои недостатки, не смотря на неблагопріятную сферу, въ которой имъ приходилось дѣйствовать,—выставляютъ цѣлый, непрерывный рядъ личностей, которыхъ никто не заподозритъ въ обскурантизмъ.

Укажу Грановскаго, Мейера и ин. др. Наши университеты могут указать на то уваженіе и сочувствіе, которымъ они окружали своихъ передовыхъ вождей русской мысли, не смотря на невзгоды, пронесившіяся надъ ихъ головою. Въ стѣнахъ университетовъ всегда звучало чье нибудь живое, смѣлое, благородное слово. Можно за многое упрекать наши университеты, но только не за то, за что нападаетъ на нихъ г. Кавелинъ. Скажу болѣе: они грѣшили нерѣдко противоположнымъ недостаткомъ. Они нерѣдко ослѣплялись самонадѣянной, краснорѣчиво и смѣло говорящей пустотой и упорно признавали достойнымъ дѣятелемъ науки ловкаго фразера даже тогда, когда онъ весь размѣнивался на блестящую мелочь.

Все это г. Кавелинъ долженъ знать очень хорошо. Онъ долженъ знать и то, съ какимъ сочувствіемъ на диспутѣ отнесся университетъ къ избранному г. Неклюдовымъ методу. Можетъ быть, г. Кавелинъ и имѣлъ въ виду бросить упрекъ не университетамъ, а вообще всему русскому обществу. Но и въ такомъ случаѣ, правъ ли онъ, выражаясь съ такой неопредѣленностью, которой не долженъ былъ допустить человѣкъ, серьезно смотрящій на вещи? Да, наконецъ, гдѣ онъ видѣлъ эти гоненія на реалистовъ?..

Однако пора кончить.

Брошюра г. Кавелина такова, что о ней не стоило говорить такъ много. Но не отъ одного радостнаго избытка сердца глаголятъ уста. Намъ съ вами больно было читать статью г. Кавелина. Намъ съ вами, бывшимъ воспитанникамъ Московскаго университета, больно за нашихъ товарищей которые, бывало, встрѣчали рѣчь г. Кавелина, какъ какую нибудь манну небесную. Намъ дорогъ авторитетъ нашихъ университетовъ, которому вредить г. Кавелинъ—не своими выходками противъ университетовъ, а своими слабыми стать-

ями въ родѣ настоящей, статьями непозволительными для
самаго невиднаго профессора, тѣмъ болѣе для человѣка, ко-
торый какъ г. Кавелинъ, блисталъ на кафедрѣ...

Au ciel, un soir, cette étoile a brillé;
Dieu l'éteignit longtemps avant sa chute.

Видно, не всякому суждена эта участь.

1865.

СЕРГІЙ ВЪСЪ

Множество статей, посвященныхъ памяти покойнаго
государственнаго секретаря, въ 1865 году, въ журнале
"Современникъ", въ № 11 и 12, и въ "Русскомъ
Вѣстникѣ", въ № 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20,
21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35,
36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50,
51, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 65,
66, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 80,
81, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 95,
96, 97, 98, 99, 100, 101, 102, 103, 104, 105, 106, 107,
108, 109, 110, 111, 112, 113, 114, 115, 116, 117, 118,
119, 120, 121, 122, 123, 124, 125, 126, 127, 128, 129,
130, 131, 132, 133, 134, 135, 136, 137, 138, 139, 140,
141, 142, 143, 144, 145, 146, 147, 148, 149, 150,
151, 152, 153, 154, 155, 156, 157, 158, 159, 160,
161, 162, 163, 164, 165, 166, 167, 168, 169, 170,
171, 172, 173, 174, 175, 176, 177, 178, 179, 180,
181, 182, 183, 184, 185, 186, 187, 188, 189, 190,
191, 192, 193, 194, 195, 196, 197, 198, 199, 200,
201, 202, 203, 204, 205, 206, 207, 208, 209, 210,
211, 212, 213, 214, 215, 216, 217, 218, 219, 220,
221, 222, 223, 224, 225, 226, 227, 228, 229, 230,
231, 232, 233, 234, 235, 236, 237, 238, 239, 240,
241, 242, 243, 244, 245, 246, 247, 248, 249, 250,
251, 252, 253, 254, 255, 256, 257, 258, 259, 260,
261, 262, 263, 264, 265, 266, 267, 268, 269, 270,
271, 272, 273, 274, 275, 276, 277, 278, 279, 280,
281, 282, 283, 284, 285, 286, 287, 288, 289, 290,
291, 292, 293, 294, 295, 296, 297, 298, 299, 300,
301, 302, 303, 304, 305, 306, 307, 308, 309, 310,
311, 312, 313, 314, 315, 316, 317, 318, 319, 320,
321, 322, 323, 324, 325, 326, 327, 328, 329, 330,
331, 332, 333, 334, 335, 336, 337, 338, 339, 340,
341, 342, 343, 344, 345, 346, 347, 348, 349, 350,
351, 352, 353, 354, 355, 356, 357, 358, 359, 360,
361, 362, 363, 364, 365, 366, 367, 368, 369, 370,
371, 372, 373, 374, 375, 376, 377, 378, 379, 380,
381, 382, 383, 384, 385, 386, 387, 388, 389, 390,
391, 392, 393, 394, 395, 396, 397, 398, 399, 400,
401, 402, 403, 404, 405, 406, 407, 408, 409, 410,
411, 412, 413, 414, 415, 416, 417, 418, 419, 420,
421, 422, 423, 424, 425, 426, 427, 428, 429, 430,
431, 432, 433, 434, 435, 436, 437, 438, 439, 440,
441, 442, 443, 444, 445, 446, 447, 448, 449, 450,
451, 452, 453, 454, 455, 456, 457, 458, 459, 460,
461, 462, 463, 464, 465, 466, 467, 468, 469, 470,
471, 472, 473, 474, 475, 476, 477, 478, 479, 480,
481, 482, 483, 484, 485, 486, 487, 488, 489, 490,
491, 492, 493, 494, 495, 496, 497, 498, 499, 500,
501, 502, 503, 504, 505, 506, 507, 508, 509, 510,
511, 512, 513, 514, 515, 516, 517, 518, 519, 520,
521, 522, 523, 524, 525, 526, 527, 528, 529, 530,
531, 532, 533, 534, 535, 536, 537, 538, 539, 540,
541, 542, 543, 544, 545, 546, 547, 548, 549, 550,
551, 552, 553, 554, 555, 556, 557, 558, 559, 560,
561, 562, 563, 564, 565, 566, 567, 568, 569, 570,
571, 572, 573, 574, 575, 576, 577, 578, 579, 580,
581, 582, 583, 584, 585, 586, 587, 588, 589, 590,
591, 592, 593, 594, 595, 596, 597, 598, 599, 600,
601, 602, 603, 604, 605, 606, 607, 608, 609, 610,
611, 612, 613, 614, 615, 616, 617, 618, 619, 620,
621, 622, 623, 624, 625, 626, 627, 628, 629, 630,
631, 632, 633, 634, 635, 636, 637, 638, 639, 640,
641, 642, 643, 644, 645, 646, 647, 648, 649, 650,
651, 652, 653, 654, 655, 656, 657, 658, 659, 660,
661, 662, 663, 664, 665, 666, 667, 668, 669, 670,
671, 672, 673, 674, 675, 676, 677, 678, 679, 680,
681, 682, 683, 684, 685, 686, 687, 688, 689, 690,
691, 692, 693, 694, 695, 696, 697, 698, 699, 700,
701, 702, 703, 704, 705, 706, 707, 708, 709, 710,
711, 712, 713, 714, 715, 716, 717, 718, 719, 720,
721, 722, 723, 724, 725, 726, 727, 728, 729, 730,
731, 732, 733, 734, 735, 736, 737, 738, 739, 740,
741, 742, 743, 744, 745, 746, 747, 748, 749, 750,
751, 752, 753, 754, 755, 756, 757, 758, 759, 760,
761, 762, 763, 764, 765, 766, 767, 768, 769, 770,
771, 772, 773, 774, 775, 776, 777, 778, 779, 780,
781, 782, 783, 784, 785, 786, 787, 788, 789, 790,
791, 792, 793, 794, 795, 796, 797, 798, 799, 800,
801, 802, 803, 804, 805, 806, 807, 808, 809, 810,
811, 812, 813, 814, 815, 816, 817, 818, 819, 820,
821, 822, 823, 824, 825, 826, 827, 828, 829, 830,
831, 832, 833, 834, 835, 836, 837, 838, 839, 840,
841, 842, 843, 844, 845, 846, 847, 848, 849, 850,
851, 852, 853, 854, 855, 856, 857, 858, 859, 860,
861, 862, 863, 864, 865, 866, 867, 868, 869, 870,
871, 872, 873, 874, 875, 876, 877, 878, 879, 880,
881, 882, 883, 884, 885, 886, 887, 888, 889, 890,
891, 892, 893, 894, 895, 896, 897, 898, 899, 900,
901, 902, 903, 904, 905, 906, 907, 908, 909, 910,
911, 912, 913, 914, 915, 916, 917, 918, 919, 920,
921, 922, 923, 924, 925, 926, 927, 928, 929, 930,
931, 932, 933, 934, 935, 936, 937, 938, 939, 940,
941, 942, 943, 944, 945, 946, 947, 948, 949, 950,
951, 952, 953, 954, 955, 956, 957, 958, 959, 960,
961, 962, 963, 964, 965, 966, 967, 968, 969, 970,
971, 972, 973, 974, 975, 976, 977, 978, 979, 980,
981, 982, 983, 984, 985, 986, 987, 988, 989, 990,
991, 992, 993, 994, 995, 996, 997, 998, 999, 1000.

ОБЪЕКТИВИЗМЪ

въ наукѣ и въ преподаваніи.

(О народномъ представительствѣ. — Б. Чичерина. Москва, 1866. Стр. XI и 552).

Первымъ своимъ появившимся въ печати изслѣдованіемъ объ областныхъ учрежденіяхъ Россіи XVII в., г. Чичеринъ занялъ почетное мѣсто въ средѣ нашихъ ученыхъ и сталъ въ рядахъ той немногочисленной, но блестящей фаланги московскихъ профессоровъ, во главѣ которой нѣкогда стоялъ покойный Грановскій. Мы не принадлежали къ тому направленію, которому въ пятидесятыхъ годахъ служилъ „Русскій Вѣстникъ“ и къ которому примкнулъ г. Чичеринъ; мы не раздѣляемъ слишкомъ многихъ его воззрѣній. Но умѣя уважать свободу мнѣній, мы не можемъ не сказать, что талантъ и ученость г. Чичерина даютъ ему полное право на ту симпатію, которой онъ пользуется въ глазахъ лучшей части нашего общества; г. Чичеринъ, по нашему мнѣнію, имѣетъ полное право на то, что всякій претендующій на званіе образованнаго человѣка считаетъ обязанностью познакомиться съ каждымъ его новымъ трудомъ, или по крайней мѣрѣ вквивъ и вкось потолковать о немъ по слуху.

Такая репутація тѣмъ почетнѣе для г. Чичерина, что онъ выступилъ на сцену дѣятельности при крайне—неблагопріят-

ныхъ для этого условіяхъ. Въ сороковыхъ годахъ, у насъ, репутаціи дѣлались довольно легко. Исключительно господствующею въ литературѣ была та партія нашихъ передовыхъ людей, которая группировалась около „Современника“ и „Отечественныхъ Записокъ“: она въ то время была очень согласна между собою и безпрепятственно раздавала далеко не всегда справедливые аттестаты писателямъ; другіе литературные кружки или не имѣли возможности высказываться, или не имѣли силы бороться съ нею. — Но въ то время, когда вышло въ свѣтъ первое сочиненіе г. Чичерина, положеніе дѣла измѣнилось. Въ то время появилась и сразу завоевала себѣ вниманіе и сочувствіе «Русская Бесѣда» и побѣдоносно обратила свои тяжеловѣсные удары на т. наз. западниковъ и, въ томъ числѣ, на г. Чичерина. Въ дружномъ дотолѣ кругѣ западниковъ начало дѣлаться глубже и высказываться жестче разногласіе. Наконецъ, нѣкоторая часть нашей журналистики вступала на тотъ путь, который г. Чичеринъ охарактеризовалъ названіемъ «казачества», пользовавшагося непродолжительнымъ, но значительнымъ успѣхомъ.

Самый характеръ трудовъ г. Чичерина былъ всегда таковъ, что онъ долженъ былъ находиться постоянно на виду у нашей литературы и читающей публики. Онъ не принадлежитъ къ многочисленному классу тѣхъ нашихъ ученыхъ тружениковъ, которыхъ ни одна литературная партія не считаетъ ни своими, ни чужими, которымъ ни до чего живаго нѣтъ дѣла и до которыхъ ничему живому тоже нѣтъ дѣла. Нужно быть слишкомъ мертвымъ человѣкомъ, или слишкомъ много любить свой покой и слишкомъ мало любить науку и истину, чтобы съ олимпійскимъ спокойствіемъ видѣть торжествующую ложь, или втихомолку съ презрѣніемъ пожимать плечами на профанирующее науку и побѣдоносное казачество.

Г. Чичеринъ — человекъ на столько живой и обладаетъ на столько понимаемъ дѣйствительности, что не хотѣлъ (или не могъ) быть потвлеченнымъ жрецомъ науки для науки въ то время, когда, по его мнѣнію, русской мысли были нужны болѣе, чѣмъ когда либо, яркіе маяки, когда наука ждала отъ своихъ представителей, чтобы они выступили на ее защиту отъ новаго татарскаго нашествія. Онъ смѣло бросилъ перчатку своимъ противникамъ и, не стараясь — какъ говорится — угождать и нашимъ и вашимъ, честно, напрямикъ и рѣзко высказывалъ сполза все то, что думалъ.

При такомъ положеніи дѣла, очевидно, г. Чичеринъ не могъ безмятежно пользоваться той неоспариваемой репутаціей ученыхъ, держащихся въ сторонѣ отъ всякаго житейскаго тревоженія, которыхъ общество не знаетъ и на которыхъ никто не нападаетъ потому, что не представляется ни повода, ни надобности подрывать ихъ ученый авторитетъ въ глазахъ публики. Г. Чичеринъ сдѣлался предметомъ горячихъ нападковъ со стороны своихъ литературныхъ антагонистовъ, — и нападены были тѣмъ сильнѣе, что сила ударовъ обыкновенно соразмѣряется съ силою того, на кого они направлены.

Не смотря на всѣ эти обстоятельства, почетное мѣсто осталось за г. Чичеринымъ въ глазахъ всей истинно-образованной части нашей читающей публики. Всякій, кто хотя и не раздѣляетъ воззрѣній г. Чичерина, но умѣетъ цѣнить обдуманное, дѣльное слово, честную, талантливо высказанную мысль, — съ удовольствіемъ встрѣчаетъ каждое его появленіе въ печати, выступить ли онъ съ „Опытами по исторіи русскаго права“, или съ „Нѣсколькими современными вопросами“. Труды г. Чичерина не по однимъ названіямъ извѣстны не только ученому міру, но и читающей публикѣ. Это, главнымъ образомъ, объясняется складомъ его ума. Г. Чичеринъ —

сколько мы думаем—неспособенъ къ сухимъ, ученымъ, строго-объективнымъ работамъ, въ родѣ „Описанія Румянцевскаго музея“, и т. п. Онъ популяризаторъ науки и, при этомъ, во всемъ что написано имъ, онъ субъективенъ и тенденціозенъ. Въ каждомъ его сочиненіи видны не безстрастный труженикъ науки, а человекъ, который очень хорошо знаетъ, что и за чѣмъ онъ пишетъ. Во всемъ, даже въ его историческихъ изслѣдованіяхъ, ярко проглядываетъ личность автора, рѣзко выдаются его политическія убѣжденія, симпатіи и антипатіи *). Его занимаютъ историческіе факты не ради ихъ самихъ, но ради тѣхъ выводовъ, которые получаются изъ этихъ фактовъ. Онъ неспособенъ изложить государствен-

*) Особенно рельефно выдается эта черта, если сравнить наприм. главу изъ его настоящаго сочиненія о земскихъ соборахъ съ рѣчью профессора Бляева о томъ же предметѣ, написанной для акта Московскаго Университета въ текущемъ году (См. „Моск. Универ. Извѣстія“. 1867, № 4). Приведемъ для сравненія нѣсколько строкъ изъ того и другаго сочиненія:

Г. Чичеринъ, стр. 381.

«... Последняя была знаменитая коммиссія, созванная Екатериною. Екатерина говорила, что она отъ выборныхъ людей слышала много полезныхъ указаній; но въ законодательствѣ, дѣятельность всѣхъ этихъ коммиссій осталась совершенно бесплодною, и это весьма понятно, ибо собраніе выборныхъ можетъ обсуждать готовые проекты, но менѣе всего способно само составить обширное законодательство. При низкомъ уровнѣ политическаго развитія въ Россіи того времени, это было даже совершенно немислимо».

Г. Бляевъ, стр. 304.

«... Мы не можемъ отрицать, что коммиссія для сочиненія проекта новаго уложенія имѣла громадное вліяніе на государственное устройство при императрицѣ Екатеринѣ II, съ одной стороны тѣмъ, что правительство отъ выборныхъ земствомъ людей и изъ наказовъ и прошеній, ими представленныхъ, узнало ясно мѣстныя

ное право такъ, чтобы его читатель не понималъ, каковъ образъ мыслей самаго г. Чичерина. Онъ не только излагаетъ факты, но и оцѣниваетъ ихъ; онъ сообщаетъ не только то, какия учрежденія существуютъ въ томъ или другомъ государствѣ, но какъ они дѣйствуютъ и почему онѣ дѣйствуютъ такъ или иначе, лучше или хуже. Однимъ словомъ, г. Чичеринъ не способенъ написать книги настольной, необходимой только для ученыхъ справокъ и нужной для однихъ спеціалистовъ, въ родѣ Неволинской „Исторіи російскихъ гражданскихъ законовъ“. Но за то его сочиненія были по праву достояніемъ всѣхъ образованныхъ людей, которые привыкли встрѣчать въ нихъ всегда что нибудь такое, что по меньшей мѣрѣ шевелитъ мысль и обращаетъ ее къ тому или другому вопросу о ходѣ нашего политическаго и социальнаго развитія. Этотъ характеръ лежитъ и на новомъ его произведеніи, заглавіе котораго выписано въ началѣ нашей статьи. Въ этомъ же духѣ (какъ намъ сказывали) читаетъ г. Чичеринъ и свой курсъ государственнаго права въ московскомъ университетѣ.

По этому поводу намъ не разъ приводилось слышать мнѣніе, что подобный способъ преподаванія вообще не годится, что университетское преподаваніе должно быть совершенно объективнымъ преподаваніемъ, что профессоръ долженъ спокойно излагать „науку въ ея современномъ состояніи“—и только; что въ безмятежную область науки профессору не слѣдуетъ

нужды и недостатки разныхъ областей. А съ другой стороны важно было вліяніе комиссіи тѣмъ, что проекты законовъ, составленные частными комиссіями, по всему вѣроятію, дали правительству надежныя средства для разныхъ необходимыхъ реформъ. Стоитъ только припомнить, что всѣ важнѣйшія реформы послѣдовали послѣ созванія комиссіи и ясно отмѣчены печатью земскаго вліянія.

вносить ничего личного, ничего случайного и временного; однимъ словомъ, что на кафедрѣ профессоръ долженъ исчезать за „наукой въ ея современномъ состояніи“.

Подобное мнѣніе довольно распространено въ нашемъ обществѣ, но мы съ нимъ отнюдь не можемъ согласиться. Мы (признаемся откровенно въ своемъ невѣжествѣ) бессильны представить себѣ „науку въ современномъ ея состояніи“ въ видѣ какой-то вещи, имѣющей свое совершенно самостоятельное существованіе, которая можетъ показываться для желающихъ различными лицами въ совершенно одинаковомъ видѣ,—такъ, что самый даровитый и внимательный зритель не могъ бы догадаться, показываетъ ли ему современную науку г. А., или г. Б., или г. В. Мы знаемъ хорошихъ профессоровъ, толкующихъ о необходимости объективнаго преподаванія; но они читаютъ субъективно и напоминаютъ собою того философа Петра, который, какъ дорожный столбъ, «показываетъ путь, а самъ по немъ не ходитъ». Но мы не знаемъ хорошихъ преподавателей, которые были бы объективны. Мы можемъ вообразить себѣ только мнимо объективное, т. е. мертвенно-отвлеченное преподаваніе историко-политическихъ наукъ; въ немъ преимущественно упражняются: бессильный умъ, не идущій далѣе компиляціи; цѣховая ученость, не имѣющая ни ушей на голосъ жизни, ни отвѣта на ея вопросы; мелочный эгоизмъ, боящійся высказать свой образъ мыслей и ограждающійся окопами отвлеченности отъ всякаго соприкосновенія съ жизнью, чтобы не стать поперегъ дороги какому нибудь гарцующему борзописцу и не дать ему повода обругаться..... Но такое преподаваніе будетъ только безжизненно, ненаучно, иногда даже тупо, а отнюдь не объективно, хотя бы уже потому, что на такомъ преподаваніи ярко отпечатывается личность преподающаго.

Требованіе объективности въ преподаваніи основывается, какъ мы думаемъ, на нѣкоторомъ недоразумѣніи. Очевидно, профессоръ долженъ быть возможно безпристрастнымъ и въ содержаніи своихъ лекцій, и въ способѣ изложенія: онъ, на-примѣръ, при опроверженіи несогласныхъ съ нимъ мнѣній, не въ правѣ прибѣгать къ тѣмъ приемамъ, которыми нерѣдко журналистика въ пылу полемики старается изложить своихъ противниковъ; самый способъ изложенія долженъ быть чуждъ пафосу свойственнаго не кафедрѣ, а трибунѣ, ибо профессоръ долженъ дѣйствовать на умъ, а не на страсти своихъ слушателей. Но не быть страстнымъ еще не значитъ быть безстрастнымъ и покойное ученое изложеніе науки не есть еще изложеніе объективное: на немъ точно также могутъ ярко отражаться симпатіи и антипатіи преподающаго. Безпристрастное изложеніе непремѣнно должно быть субъективнымъ и болѣе или менѣе тенденціознымъ, если только на кафедрѣ сидитъ сколько нибудь живой ученый, а не ученый мертвецъ. Въ подтвержденіе нашихъ словъ мы можемъ указать на такихъ профессоровъ, какъ Гизо, Нибуръ. Смѣемъ думать, что Гизо годился бы на кафедру въ любой русскій университетъ. Но такіе курсы, какъ его «Histoire de la civilisation» или «Origines du gouvernement représentatif en Europe», также нельзя признать не научными; какъ и отказать имъ въ тенденціозности. Всякій (мы убѣждены въ томъ) признаетъ Нибура великимъ ученымъ;—но извѣстно, какъ современность пробивалась сквозь его лекціи по древней исторіи въ тѣхъ намекахъ, сближеніяхъ, въ которыхъ выражались его симпатіи и вѣрованія и которыми онъ иллюстрировалъ свое преподаваніе.

И это вполнѣ естественно.

Если немногіе изъ поэтовъ могутъ сказать про себя
вмѣстѣ съ Гете:

Jch singe wie der Vogel singt,
Der in den Zweigen wohnet;

если напр. Пушкинъ, увѣрявшій, будто

Не для житейскаго волненья,
Не для корысти, не для битвъ
Мы рождены,—

написалъ однако *Героя, Бородинскую годовщину* и пр.,—
то еще труднѣе примѣнима теорія «искуства для искусства»
къ дѣятелямъ историческихъ и политическихъ наукъ.

Въ наше время вопросы политическіе и общественные
настолько захватываютъ собою мыслящаго человѣка, что ну-
женъ особый аскетизмъ для того, чтобы отрѣшиться отъ
этихъ вопросовъ, замкнувшись въ отвлеченный міръ науки
для науки. Но умственный аскетизмъ не совмѣстенъ съ силь-
нымъ, живымъ умомъ. И дѣйствительно, блистательнѣйшіе
историки и публицисты нашего времени—субъективны, тен-
денціозны. Кромѣ упомянутыхъ двухъ именъ, укажемъ Шлос-
сера, Гервинуса, Карлейля, Маколея, Токвиля, Авг. Тьерри и
мн. др. Въ рядахъ же объективныхъ жрецовъ науки для науки
стоятъ почтенные и необходимые дѣятели, но не двигатели,
каменьщики, а не архитекторы. Но и эти послѣдніе, въ
своихъ самыхъ объективныхъ розысканіяхъ и изслѣдованіяхъ
по частнымъ вопросамъ науки, служатъ тому же дѣлу, ко-
торому служатъ субъективно-тенденціозные сильные умы, по-
тому что идутъ (иногда помимо своей воли) по той же самой
дорогѣ, которая имъ указывается двигателями науки.

Многіе, соглашаясь съ нами въ неизбежности такого по-
ложенія дѣла, жалѣютъ объ этомъ. Мы думаемъ, что жа-

лѣтъ о невозможности невозможнаго,—по меньшей мѣрѣ напрасно и также нераціонально, какъ жалѣть о томъ, что нельзя

Осинѣ дубомъ быть, или дубу быть осиною.

Но даже и жалѣть, по нашему мнѣнію, вовсе не о чемъ.

Земля давала силу Антею; живое, откликающееся на голосъ дѣйствительности сердце есть та земля миеологическаго героя, которой обязана современная наука всѣми своими пріобрѣтеніями, всей своей силой; отсюда почерпали (если можно такъ выразиться) свои вдохновенія великіе дѣятели историко-политическихъ наукъ.

Не любовь къ наукѣ для науки побудила Карамзина приняться за русскую исторію, а благородная національная гордость: за то и въ «Исторіи» его видѣнъ не кабинетный ученый, а на каждой страницѣ просвѣчиваетъ авторъ записокъ о Польшѣ и о древней и новой Россіи, гражданинъ глубоко любящій Россію и преклопяющійся передъ государственными ея ростомъ и величіемъ. Будь онъ кабинетнымъ ученымъ—онъ бы и не рѣшился писать русскую исторію; онъ бы, вслѣдъ за Шлецеромъ, съ ужасомъ смотрѣлъ на подобную попытку, безумную по ея преждевременности, когда еще не собраны акты, не очищены критически лѣтописи и т. д. и т. д. Если бы Карамзिवъ посвятилъ себя этимъ предварительнымъ, черновымъ работамъ, онъ поступилъ бы благо-разумнѣе, основательнѣе, заслужилъ бы благосклонную похвалу Шлецера и... и однимъ великимъ произведеніемъ было бы менѣе на свѣтѣ, и русская исторіографія вѣроятно не стояла бы теперь на той ступени, на которую помогла ей стать «Исторія государства російскаго». Представимъ болѣе общій примѣръ: историческая школа и блестящая фаланга германистовъ рождены на свѣтѣ не въ ученыхъ кабинетахъ за-

писныхъ гелертовъ, а на Поляхъ битвѣ за независимость Германіи. Историческая школа была тенденціознымъ протестомъ противъ космополитизма и отвлеченныхъ построений естественнаго права. Она при этомъ естественно впала въ крайность—но вѣдь эта же тенденціозность и породила ее. Она не могла быть ничѣмъ инымъ, какъ не можетъ быть бѣлокуримъ человѣкъ, родившійся брюнетомъ.—Не будь она тенденціозной, не было бы конечно на свѣтѣ сдѣланныхъ ею ошибокъ, но за то мы бы—пожалуй—до сихъ поръ не имѣли тѣхъ трудовъ, которыми началась новая эпоха въ разработкѣ права, давшая такіе богатые плоды.

Послѣ всего сказаннаго, мы думаемъ, что вопросъ о субъективномъ и объективномъ преподаваніи историко-политическихъ наукъ въ университетахъ разрѣшается самъ собою. Безъ сомнѣнія, каждый трудолюбивый, добросовѣстный, знающій, честно смотрящій на свое дѣло преподаватель можетъ быть болѣе или менѣе полезенъ. Конечно и золотая посредственность, и очень несильный умъ часто бываютъ субъективны, задорны, тенденціозны. Но если эти послѣднія качества составляютъ неизбѣжную принадлежность сильнаго ума, то возводя въ принципъ объективность преподаванія, ставя ее необходимымъ условіемъ профессорства, мы тѣмъ самымъ высказываемъ желаніе видѣть на кафедрахъ историко-политическихъ наукъ не сильные и живые умы, а безжизненную посредственность, или цѣховую ученость. Признавая вредною субъективность въ профессорѣ, мы тѣмъ самымъ приходимъ къ тому выводу, что Медовиковыхъ слѣдуетъ предпочитать Грановскимъ, что Гнейсты должны уступить мѣсто....

Но едва ли есть надобность приводить еще другіе примѣры. Прибавимъ только слѣдующее:

У насъ очень часто упускаютъ изъ виду, что университетъ (по крайней мѣрѣ, современный русскій университетъ) не имѣетъ исключительной своей задачей готовить учащихся, а потому онъ и не можетъ ограничивать свою задачу тѣмъ, чтобы научать, какъ учиться. Университетскій курсъ историко-политическихъ наукъ долженъ дать студенту не только подготовляющее руководство для дальнѣйшаго, самостоятельнаго изученія той или другой изъ наукъ этой отрасли, но и извѣстную сумму положительныхъ знаній, необходимыхъ ему такъ сказ. для его практическаго обихода. Большинство студентовъ поступаетъ прямо съ университетской скамьи на поприще практической дѣятельности и на всю жизнь разстается съ наукой. Это обстоятельство профессора должны имѣть въ виду и, согласно съ этимъ, располагать свои курсы такъ, чтобы они имѣли не только учебный, но и обще-образовательный характеръ. Профессоръ исторіи долженъ представить спеціальнымъ курсамъ и домашнимъ бесѣдамъ съ своими слушателями такіе вопросы, какъ, напримѣръ, подробное изложеніе античной историографіи, или библиографическій обзоръ русскихъ лѣтописей; но главнѣйшую задачу своего общаго курса онъ долженъ поставить въ изложеніи внутренней истины историческихъ явленій по возможности такимъ образомъ, чтобы слушатель изъ его курса вынесъ убѣжденіе въ благородномъ назначеніи исторіи быть наставницей жизни и пріобрѣсть то вѣрное чувство дѣйствительности, которое бы послужило ему оплотомъ противъ утопій, считающихъ возможными историческіе *salti mortali* и стремящихся нарушить несокрушимо правильный ходъ жизни. Профессоръ государственнаго права не долженъ гнаться за фактической полнотой: пусть его слушатели не узнаютъ мелочныхъ подробностей составленія *liste civile*, или формаль-

ностей парламентскаго дѣлопроизводства. Но нужно, чтобы каждый изложенный фактъ былъ осмысленъ и прочувствованъ слушателями, чтобы въ лицѣ профессора студентъ слышалъ укрѣпляющій мысль судъ науки о государственномъ устройствѣ данной страны, — науки, голосъ которой большинство студентовъ перестаютъ слышать, покидая свою школьную скамью. Вотъ этой-то пищи жаждетъ университетская молодежь, вотъ такія-то лекціи она записываетъ и запоминаетъ не для того только, чтобы сдать экзамень и получить дипломъ. На профессоровъ, дающихъ такую пищу, она смотритъ съ любовнымъ уваженіемъ: — память такихъ лекцій благоговѣнно сохраняется у бывшихъ студентовъ на всю жизнь въ полной гармоніи съ воспоминаніями обо всемъ томъ, чѣмъ хороша молодость, чѣмъ благотворно университетское время. Такъ называемые объективные курсы историко-политическихъ наукъ не удовлетворяютъ этой законной потребности. Когда на юбилейныхъ университетскихъ обѣдахъ раздаются теплыя слова благодарности этимъ разсадникамъ просвѣщенія за тѣ сѣмена правды и добра, которыя вынесены бывшими студентами изъ университетскихъ стѣнъ, — въ этихъ рѣчахъ вспоминаются имена Грановскихъ, а не Медовиковыхъ, Мейеровъ, а не Неволинныхъ. И въ этомъ есть глубокой смыслъ. Мы не знаемъ въ русской литературѣ ничего лучшаго въ объективномъ направленіи, какъ неволинская *Энциклопедія законовъдѣнія*. Но мы знаемъ также и то, что подобные курсы мертвымъ камнемъ ложатся въ большинство слушателей и лучшей изъ студентовъ, нагрузившись только этой сырой массою теорій, годовъ и именъ, не пойметъ всей нелѣпости положеній въ родѣ напр. того, что государство есть заговоръ богатыхъ противъ бѣдныхъ, или, что «la propriété c'est le vol». Мы полагаемъ, что десятокъ страницъ изъ

Игерингова *Geist des roemischen Rechts*» дать студенту болѣе живое и вѣрное пониманіе существа права, чѣмъ весь первый томъ неволинской *Энциклопедіи*. Мы уважаемъ Неволина, какъ ученаго, но мы знаемъ также и то, что неволинство въ преподаваніи является главнѣйшею причиною той жадности, съ которой молодежь кидается на разныхъ борзописцевъ, чтобы тѣмъ восполнить какъ нибудь свое историко-политическое образованіе, и той податливости, съ которой она преклоняется передъ любымъ ловкимъ памфлетистомъ, предъ каждымъ талантливымъ баши-бузукомъ журналистики. Лучшимъ доказательствомъ нашихъ словъ можетъ служить исторія германскихъ юридическихъ факультетовъ въ первой трети настоящаго столѣтія: каста ученыхъ, гордая своими академическими достоинствами, съ презрѣніемъ смотрѣла на шалости непосвященныхъ, на затѣи мальчишекъ, толковавшихъ объ обвинительномъ процессѣ съ устностью и гласностью и пустившихъ въ ходъ бездну историческихъ и догматическихъ ошибокъ. Не смотря однако на преимущество въ фактическихъ знаніяхъ на сторонѣ записныхъ юристовъ, этихъ жрецовъ науки для науки, — оказалось, что они не были въ силахъ вести борьбу съ мальчишками. Они потеряли смыслъ дѣйствительности, они торжествовали побѣду своего слѣдственнаго процесса надъ обѣтованнымъ обвинительнымъ, уличивъ какого-нибудь борзописца - либерала въ незнаніи наприм. того, что *Vambergensis* предшествовала *Каролинѣ*, — и не могли никакъ понять, почему такая побѣда не завербовываетъ ни одного рекрута въ ряды защитниковъ инквизиціоннаго процесса, почему студенты, вызубривая съ зѣвотой ихъ курсы, съ жадностью читаютъ авторовъ, не знающихъ о *Vambergensis*, и вѣрятъ ихъ бреднямъ? Положеніе жалкое и смѣшное! Но объективисту въ наукѣ всегда гро-

зять опасность врозь разойтись съ жизнью, впасть въ одно-сторонность, мертвенность, рутину, въ тупое самодовольство цѣхвой учености, запасть массовъ свѣдѣній и, въ концѣ концовъ, придти къ тому, что весь прибрѣтенный цѣлю жизнью огромный арсеналь ученаго оружія окажется бесполезнымъ противъ первой атаки менѣе ученаго, но живаго человѣка. Объективисты необходимы въ двоякомъ отношеніи. Не обладая смѣлостью мысли, любя поэтому торную дорогу и съ недовѣріемъ смотря на каждую попытку проложить новый путь, эти тори науки даютъ равномерность ходу научнаго прогресса; они образуютъ изъ себя тотъ консервативный элементъ, который сообщаетъ стойкость всякому поступательному движенію. Но этимъ не ограничивается ихъ заслуга. Эти трудолюбивые и близорукіе кроты берутъ на себя тѣ скрупулезныя работы, для которыхъ сильныя умы бывають менѣе способны и менѣе охочи и которыя однако столько же необходимы, какъ необходимы каменщики и плотники для архитектурныхъ работъ. Но когда человѣчество чувствуетъ архитекторовъ, а не каменщиковъ, Карамзиныхъ, а не Берединыхъ, — оно дѣйствуетъ, какъ легко видѣть, съ полнымъ правомъ. Повторяемъ: объективисты необходимы и почтенны, но настоящее ихъ назначеніе быть академиками, а не профессорами. На два человѣка, которые изъ лекцій объективиста извлекають пользу при дальнѣйшихъ своихъ ученыхъ работахъ, пятьдесятъ его слушателей, не имѣющихъ возможности предаваться научнымъ занятіямъ, выходятъ съ массой свѣдѣній, которыя нагрузили ихъ память, но не укрѣпили ихъ ума, не освѣтили ихъ мысли, не изошрили ихъ взгляда.

Такова ли задача университетовъ? — И мы имѣемъ полное право, перефразируя извѣстное изрѣченіе Платона, ска-

зять: «Объективиста слѣдуетъ увѣнчать цвѣтами и увести съ кафедры историко-политическихъ наукъ».

Мы слишкомъ много распространились о характерѣ университетскаго преподаванія историко-политическихъ наукъ. — Но вопросъ этотъ на столько важенъ, что едвали мы поступили неосновательно, представивъ нѣкоторыя свои соображенія по этому предмету. Настоящій случай мы сочли наиболее удобнымъ поводомъ къ этому, потому что сочиненіе г. Чичерина именно написано въ томъ духѣ, въ какомъ, по нашему мнѣнію, должно происходить преподаваніе государственнаго права.

Считаемъ нужнымъ оговориться. Мы вовсе не того мнѣнія, чтобы роль курса государственнаго права могла играть настоящая его книга. Подобная вещь, очевидно, можетъ составлять только часть курса даже по тому вопросу, который разсматриваетъ авторъ. Она предполагаетъ болѣе или менѣе извѣстную читателю организацію народнаго представительства въ различныхъ государствахъ, и цѣль настоящаго своего сочиненія авторъ полагаетъ въ слѣдующемъ: «Основной вопросъ о народномъ представительствѣ (говоритъ онъ, стр. 34) состоитъ въ пользѣ, которую оно приноситъ, и въ условіяхъ, которыя для него требуются», — и вотъ, разсмотрѣнію этихъ-то вопросовъ и посвященъ его трудъ. Этотъ трудъ представляетъ собою т. ск. прикладную часть науки государственнаго права, — ту часть, которая въ объективныхъ курсахъ обыкновенно или блещитъ полнымъ своимъ отсутствіемъ, или же проглядываетъ въ такихъ скромныхъ дозахъ и на такой отвлеченной высотѣ, что студентъ и днемъ съ огнемъ ея не замѣтитъ.

Съ другой стороны, во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній, мы считаемъ необходимымъ сдѣлать другую оговорку. Говоря,

что сочиненіе г. Чичерина написано именно въ томъ духѣ, въ какомъ должно происходить университетское преподаваніе государственнаго права, мы вовсе не хотимъ этимъ сказать, чтобы подобный курсъ вполне удовлетворялъ насъ и достоинствомъ своего содержанія.

Мы не потребуемъ отъ курса государственнаго права болѣе безпристрастія, какъ въ книгѣ г. Чичерина, при разсмотрѣніи свойствъ и условій народнаго представительства: излишнее безпристрастіе (мы знаемъ) часто стоитъ на рубежѣ съ недостойнымъ въ ученое и вреднымъ въ профессорѣ безстрастнымъ отношеніемъ къ своему предмету. Мы—далѣе—не только не упрекнемъ, но поставимъ въ истинную заслугу профессору, если онъ исходною точкой поставитъ мысль, «что степень развитія свободы, мѣсто, которое она занимаетъ въ общественномъ организмѣ, верховное или подчиненное ея значеніе опредѣляются не абсолютными требованіями разума, а относительными требованіями жизни» (Чичер., 33). Мы, наконецъ, поставимъ профессору въ заслугу, если въ своемъ курсѣ, при обыкновенной недостаточности лекціоннаго времени, онъ предпочтетъ дать мѣсто подробному изложенію физиологіи народнаго представительства на счетъ изложенія и критики разныхъ давнымъ-давно отжившихъ теорій (какъ это и сдѣлалъ въ своей книгѣ г. Чичеринъ). Безъ разныхъ Бодинусовъ, Томасовъ Аквинатовъ—мы знаемъ—никакъ не могутъ обходиться объективисты, какъ въ былое время купцы не могли обойтись безъ генераловъ на своихъ званныхъ обѣдахъ *).

Но отъ этого обыкновенно курсы (кромѣ толстоты) выигры-

* Неволинъ въ своей *Энциклопедіи* пошелъ еще дальше: онъ посвятилъ почти сотню страницъ (Сочин. I, 135—222) философамъ

ваютъ также мало, какъ кушанья на купеческихъ обѣдахъ не дѣлаются вкуснѣй отъ присутствія генераловъ.

Но отъ курса мы потребовали бы и болѣе глубины въ разсмотрѣнннхъ вопросовъ, и другаго метода при разрѣшенннхъ ихъ. Намъ привелось слышать мнѣннн, что книга г. Чичерина написана журнально. Въ этомъ мнѣннн, не смотря на его излишнюю строгость, есть большая доля правды.

Оставляя въ сторонѣ отдѣльныя частныя положеннн г. Чичерина, общими недостатками его новаго сочиненнн мы считаемъ то, что установивъ вѣрную точку зрѣннн, онъ не сполна слѣдовалъ ей въ своемъ сочиненнн, а это, въ свою очередь, было главною причиною того, что разсматриваемые имъ вопросы затронуты не такъ многосторонне и глубоко, какъ бы слѣдовало.

Въ самомъ дѣлѣ, сочиненнн г. Чичерина представляетъ намъ скорѣе отвлеченную теорнн народнаго представительства, иллюстрированную примѣрами изъ жизни различныхъ государствъ, нежели дѣйствительную фнзнологнн народнаго представительства. Читая его книгу, невольно чувствуешь, что у

древности, которые, какъ извѣстно, не умѣли еще выдѣлнть право отъ нравственности; онъ не могъ конечно обойтись безъ Бодина, Ольденборга, Гемминга; онъ счелъ нужнымъ коснуться Шефтесбури, не смотря на то, что (по его же словамъ) „Шефтесбури не раскрылъ своихъ мыслей въ особенномъ приложеннн къ законодательству“ (стр. 283). Въ тоже время онъ счелъ долгомъ не дать мѣста въ своей исторнн фнлософнн законодательства теорнямъ современныхъ писателей (см. стр. 499). Какъ будто ребяческнн лепетъ Бодина или фнлософнн Шефтесбури имѣютъ болѣе правъ на вниманнн науки и учительнѣй для русской публики!

него примѣры подбираются подъ теорію, а не народное представительство выясняется какъ бы само изъ своей исторіи.

Г. Чичеринъ конечно долженъ былъ уступить духу времени. Онъ сводитъ оцѣнку народнаго представительства къ вопросу о пользѣ, которую оно можетъ приносить, и къ условіямъ, которыя для него требуются. Но сьумѣвъ вѣрно и твердо установить, въ чемъ заключается основной вопросъ о народномъ представительствѣ, г. Чичеринъ далеко не такъ вѣрно понялъ, въ чемъ долженъ заключаться отвѣтъ.

Читая книгу г. Чичерина, мы не разъ вспоминали Льюиса, который совершенно справедливо замѣтилъ, что въ ученіи о пищѣ химія напрасно возымѣла бы притязаніе замѣнить собою физиологію: химическій анализъ свойствъ извѣстнаго вещества еще не можетъ дать, самъ по себѣ, вполне вѣрнаго понятія о дѣйствиіи этого вещества на человѣка, уже по той простой причинѣ, что желудокъ и реторта — двѣ вещи разныя. Химія—говоритъ Льюисъ—доходитъ только до рубежа жизни и здѣсь останавливается. Г. Чичеринъ представляетъ именно химическій анализъ существа и условій народнаго представительства. Каждое условіе онъ беретъ отдѣльно и разсматриваетъ его, взятое само по себѣ. Но подобная работа еще не даетъ понятія о дѣйствительной жизни народнаго представительства, которая необходимо представляетъ совокупность этихъ условій и неразрывное съ нею, постоянное взаимодѣйствіе ихъ другъ на друга. А эта-то сторона или вовсе ускользаетъ въ книгѣ г. Чичерина, или уходитъ слишкомъ на дальній планъ. Черезъ это, между прочимъ, очевидно, что у г. Чичерина мы напрасно надѣялись бы узнать дѣйствительное значеніе и относительный вѣсъ cadaго изъ разсматриваемыхъ имъ условій народнаго представительства.

Вмѣсто того, чтобы осмысливать явленія дѣйствительности, выводить ихъ законы,—авторъ занимается главн. обр. логическими конструкціями. Правда, почти при каждомъ своемъ положеніи онъ ссылается на историческіе факты. Но эти факты мало вяжутся съ теоріей и не имѣютъ того значенія, которое они должны были бы имѣть. Сложный конкретный фактъ одинаково можетъ быть пришиваемъ къ различнымъ простымъ тѣламъ логическихъ конетрукцій, но отъ такой пришивки дѣло, въ сущности, нисколько не выигрываетъ.

Представимъ примѣръ:

Г. Чичеринъ убѣдительно доказываетъ, что для союзнаго республиканскаго государства всего опаснѣе внѣшнія войны, и прибавляетъ (стр. 182): «Въ этомъ отношеніи оба существующія нынѣ союзныя государства, С. Штаты и Швейцарія, находятся въ чрезвычайно выгодномъ, но совершенно исключительномъ положеніи. Последняя составляетъ нейтральную территорію, отъ которой устранена опасность войны; Соединенныя же Штаты отдѣлены пространствомъ Океана отъ всѣхъ значительныхъ державъ».

А у Милля мы встрѣчаемъ столько же, если не болѣе убѣдительное замѣчаніе, что внѣшняя-то опасность именно и сплотила Швейцарію и дала ей федераціи такую крѣпость, которая замирила здѣсь различіе религій еще въ то время, когда это различіе было во всей Европѣ обильнымъ источникомъ политической вражды и дала союзу силу выдерживать недостатки въ самой федеративной организаціи.

При химическомъ методѣ г. Чичерина, можно одинаково доказывать Швейцарію и вредъ, и пользу внѣшней опасности для федераціи. Но ссылки будутъ только искаженіемъ исторіи, ибо фактъ внѣшней опасности оказываетъ различное вліяніе на жизнь федераціи по различію другихъ многообраз-

ныхъ условій. Точно также: при химическомъ методѣ можно совершенно съ одинаковымъ правомъ (или съ одинаковой неосновательностью) на одной страницѣ, указывать, что напр. социализмъ погубилъ февральскую республику во Франціи и, такимъ образомъ, подтверждать положеніе объ опасности для свободы отъ притязаній бѣдныхъ, находящихъ себѣ опору въ теоріяхъ социализма (стр. 78). А на другой страницѣ можно съ такимъ же правомъ сослаться на ту же Францію и сказать, что не социализмъ, а именно трусливый эгоизмъ буржуазіи погубилъ февральскую республику.

Но это будетъ простая игра историческими фактами, которая не оказываетъ никакого вліянія на вѣрность логическихъ выводовъ, не придаетъ теоріи жизненной полноты и нисколько не мѣшаетъ ей ударяться въ односторонность.

Таковъ, по нашему мнѣнію, общій недостатокъ книги г. Чичерина. Но спѣшимъ прибавить, что не смотря на это, мы признаемъ ее однимъ изъ крупныхъ явленій въ нашей современной публицистикѣ. Его сочиненіе имѣетъ наиболѣе правъ на вниманіе публики и наиболѣе общепольно изъ всѣхъ появившихся у насъ за послѣднее время произведеній по отрасли государственнаго права. Мы—сколько намъ кажется—всего болѣе нуждаемся въ такихъ книгахъ, которыхъ ученая или учебная вѣщность не мѣшала бы широкому распространенію ихъ въ публикѣ и которыя въ живомъ, популярномъ изложеніи давали бы ученое, серьезное разсмотрѣніе важнѣйшихъ вопросовъ публичнаго права. Таковы, напри- мѣръ, *Губернія* г. Лохвицкаго и настоящая книга г. Чичерина.—Читатель можетъ не соглашаться и съ отдѣльными положеніями авторовъ, и съ ихъ окончательными выводами, но во всякомъ случаѣ онъ найдетъ здѣсь для своего ума здорovou пищу, которая вызываетъ умъ на размышленія и

укрѣпляетъ мысль. Мы убѣждены, что если-бы чаще въ нашей литературѣ появлялись подобныя книги, то наша общественная мысль имѣла бы болѣе устойчивой серьезности, она бы сознательнѣе, самостоятельнѣе, дѣльнѣе умѣла относиться къ вопросамъ государственной жизни и не подчинялась бы съ такой податливостью наѣздамъ нашего ретрограднаго и радикальнаго „казачества,“ какъ теперъ.

1867.

ПИСЬМА ИЗЪ „RUE RASINE“

(1869 года.)

Письмо I.

Вы желаете, чтобы я писалъ вамъ письма—не простыя, а „заграничныя“, по той программѣ, по которой обыкновенно ихъ пишутъ наши литераторствующіе туристы. Исполняю ваше желаніе, берусь за перо,—и.... (признаюсь) затрудняюсь: о чемъ писать?

Новостей и слуховъ въ свѣтѣ много, а здѣсь, въ Парижѣ, они узнаются скорѣе, чѣмъ гдѣ нибудь. Но все это вы узнаете изъ газетъ и безъ меня и даже, можетъ быть, прежде, чѣмъ получите мое письмо. Сообщать вамъ о томъ, что я видѣлъ и слышалъ за-границей? Но дѣло вотъ въ чемъ. Кто поѣдетъ за-границу съ какой нибудь специальной цѣлью, тотъ конечно увидитъ много любопытнаго и поучительнаго. Я же, какъ вы знаете, поѣхалъ просто отдохнуть и пошляться. А такому туристу трудно увидать что нибудь такое, о чемъ бы стоило бесѣдовать съ русскими читателями.

Шляющіеся русскіе туристы, какъ вамъ разумѣется не безъизвѣстно, дѣлятся на простодушныхъ и на глубокомысленныхъ.

Простодушные имѣютъ дѣло, главнымъ образомъ, съ неодоушевленной природой, т. е. съ соборами, горами, мостами и т. д.,—и ото всего приходятъ въ умиленіе. Они умиляются, если имъ скажутъ, что на томъ мѣстѣ, гдѣ они

стоять, была улица (давно уже несуществующая), а на этой улицѣ былъ домъ (давнымъ-давно сломанный) и что въ этомъ домѣ, однажды, Лютеръ проспалъ ночь. Они считаютъ крайне важнымъ для себя и для человѣчества дѣломъ знать, что комната въ Шенбрунскомъ дворцѣ, гдѣ жилъ Наполеонъ и умеръ герцогъ Рейхштадтскій, обита малиновымъ. Они сходятъ въ Пантеонъ, услышать тамъ эхо и считаютъ это такою эпохой въ своей жизни, что готовы воскликнуть: „Нынѣ отпускаеши!“ Далѣе подобныхъ вещей они не идутъ и идти не могутъ и не желаютъ.

Я видѣлъ много такое, о чемъ могъ бы написать вамъ большое письмо въ жанрѣ простодушныхъ туристовъ. Но все, что я видѣлъ въ этомъ родѣ, давнымъ-давно описано сотни разъ, давно извѣстно и нисколько для русской публики не любопытно и не поучительно.

Но если являться въ роли простодушнаго туриста для меня скучно, то явиться въ образѣ и подобіи нашихъ глубокомысленныхъ туристовъ—и скучно, и совѣстно.

Простодушный туристъ, какъ я сейчасъ сказалъ, обращаетъ свое вниманіе главнымъ образомъ на неодушевленную природу и ограничивается внѣшнею стороной людской жизни. Глубокомысленный туристъ, напротивъ, хочетъ проникнуть въ глубь жизни и желаетъ имѣть дѣло не съ дворцами, соборами и бирсунами, а съ человѣкомъ и обществомъ.

Когда простодушный рассказываетъ свои путевыя впечатлѣнія, его рѣчи невольно принимаешь за невнятное и веселое щебетанье той сказочной птицы, которая „Бога прославляетъ, сама себя позабываетъ“. Напротивъ, глубокомысленный туристъ не рассказываетъ, а поучаетъ—какъ посредствомъ собственныхъ измышлений, такъ равно и съ помощью фактовъ, почерпнутыхъ имъ изъ географіи Ободовскаго и

исторіи Смарагдова. Онъ не сообщитъ вамъ ничего такого, чего бы вы не слышали сто разъ, сидя безвыѣздно въ Казани или въ Тулѣ, но онъ все-таки поучаетъ: подъѣзжая къ Англии и издали обоняя ея свободу, онъ задаетъ гонку Людовику-Наполеону и парижскимъ городовымъ; проѣзжая мимо Вормса, онъ вамъ, по Лоренцу, скажетъ кое-что о реформаціи и намылитъ голову папамъ и среднимъ вѣкамъ. Однимъ словомъ, онъ тужится изъ всѣхъ силъ быть либерально-глубокомысленнымъ и поучать во чтобы то ни стало. Въ то время, когда простодушный лѣзетъ, въ потъ лица и задыхаясь, на верхушку Пантеона, чтобы видѣть оттуда панораму Парижа,—глубокомысленный сходить подъ полъ и смотреть гробы Вольтера и Руссо, а потомъ, когда станетъ сообщать публикѣ свои путевыя впечатлѣнія, онъ не скажетъ объ эхо, а дастъ нѣсколько школьныхъ свѣдѣній о первой французской революціи и скажетъ нѣсколько либерально-похвальныхъ фразъ Вольтеру и Руссо за то, что они были умники. Въ то время, когда простодушный туристъ молча любитъ изъ вагона на Тирольскіе Альпы, глубокомысленный не смотритъ на горы, а рвется завести съ своимъ сосѣдомъ разговоръ о возвышенныхъ предметахъ. Изъ каждаго такого разговора онъ полагаетъ извлечь поученіе для себя и для Россіи. Если ему попадетъ какойнибудь малограмотный фермеръ, изъ-подъ Гратца,—онъ придаетъ своему разговору съ нимъ такое значеніе, какъ будто, въ лицѣ этого фермера, бесѣдовалъ съ половиной австрійскаго государства. Если же онъ, паче чаянія, осчастливится разговоромъ съ какимънибудь *substitut de procureur impérial*,—о! тогда онъ прямо считаетъ его взгляды за голосъ всего французскаго образованнаго общества. Изъ такихъ-то разговоровъ, съ помощью прочитанныхъ дома книжекъ, нашъ глубокомысленный туристъ судитъ и рядитъ о тѣхъ госу-

дарствахъ, о которыхъ пишетъ свои путевыя письма. При этомъ онъ и не замѣчаетъ, что въ своихъ вагонно-заграничныхъ разговорахъ онъ нерѣдко получаетъ свѣдѣнія въ родѣ тѣхъ, какія сообщалъ достолюбезному мистеру Пиквику кучеръ фіакра на счетъ вѣчной лошади.

Къ такимъ обобщеніямъ, которыя любитъ глубокомысленный туристъ, я рѣшительно не способенъ. Малограмотный фермеръ мнѣ такъ-таки и кажется малограмотнымъ фермеромъ, и его мнѣній я не могу принимать за голосъ всей Австріи. Каждаго встрѣтившагося мнѣ на дорогѣ французскаго товарища прокурора я не могу считать представителемъ всего образованнаго сословія Франціи. Съ первымъ попавшимся подъ-руку иностранцемъ я не рвусь вступать въ разговоры о предметахъ высшей политики, ибо не полагаю, чтобы каждый иностранецъ былъ непременно и уменъ, и для меня поучителемъ по той одной причинѣ, что я встрѣтилъ его не въ кофѣйной на Невскомъ, а въ вагонѣ между Страсбургомъ и Нанси, или за *table-d'hôte* въ Женевѣ.

Такимъ образомъ, я не рѣшаюсь дѣлать никакихъ общихъ выводовъ изъ тѣхъ разговоровъ, какіе мнѣ приводится имѣть съ иностранцами, хотя кое о чемъ и можно было бы распространиться, напримѣръ хоть о томъ, какъ одинъ эльзасецъ горячо и на плохомъ французскомъ языкѣ доказывалъ, что Эльзасъ никогда не будетъ нѣмецкимъ,—между тѣмъ какъ наши остзейскіе нѣмцы.... Словомъ, я не могу, съ подобающей важностью, передавать свои заграничныя разговоры и нахожу ихъ опубликованіе такъ же неумѣстнымъ, какъ еслибы я вздумалъ отпечатать всѣ свои петербургскіе разговоры.

„Сообщайте ваши непосредственныя личныя наблюденія“, скажите вы мнѣ.—Но дѣло вотъ въ чемъ. У меня не хватаетъ охоты написать что-нибудь въ родѣ статей г. Богда-

новскаго о Меттрейской колоніи; я не въ состояніи тратить золотое время заграничной жизни на компіляціи, въ которыхъ бы читатель не могъ разобрать, что принадлежитъ лично мнѣ и что—авторамъ книгъ, которыя меня углубокомыслили. Читать умныя книги и дѣлать компіляціи я съ гораздо большимъ удобствомъ могу у себя дома. Конечно, я могъ бы не хуже всякаго другаго морочить народъ; но чѣмъ корпѣть надъ компіляціями, я лучше пойду шататься по Итальянскому бульвару, или отправлюсь подышать свѣжимъ воздухомъ въ Сень-Клу.

Итакъ, мнимыхъ своихъ наблюденій я сообщать не могу, а дѣйствительныя мои личныя наблюденія не настолькоъ важны, чтобы о нихъ стоило сообщать. Я нахожу напр., что парижскіе городовые очень милые люди; когда вы у нихъ спрашиваете: гдѣ такая-то улица?—они съ нѣкоторой комической важностью, послѣ двухъ-трехъ секундъ соображеній, отвѣчаютъ вамъ съ нѣскольکو военнымъ шикомъ: „Première à droite“. Мнѣ рассказывали, будто едва сойдутся на тротуарѣ два-три человѣка, какъ уже городской ихъ разгоняетъ: „Circulez, messieurs, circulez“. Но я увѣряю васъ, что это чистая напраслина, распускаемая злыми врагами Наполеона, въ родѣ Бисмарка или г. Щербаня (котораго—какъ каждому ребенку извѣстно—Наполеонъ боится пуще Бисмарка). Я собственнымъ опытомъ убѣдился, что парижскій почтамтъ не такъ безукоризненно аккуратенъ, какъ мнѣ говорили: въ *poste restante* я оставилъ свой адресъ на печатномъ бланкѣ, который мнѣ тамъ дали, и ждалъ присылки писемъ къ себѣ на домъ. Но письма покойно лежали въ *poste restante* и адресъ мой пропалъ безъ вѣсти. Я вспомнилъ при этомъ случаѣ Россію и порадовался парижской неаккуратности: на людяхъ и смерть красна.

Вотъ каковы мои личныя наблюденія. Они слишкомъ мелки,

но въ этомъ я не виноватъ. Я не вдохновенъ свыше, какъ г. Марковъ, который (см. его заграничныя письма въ „Отеч. Зап.“) только что въѣхалъ въ Швейцарію, какъ уже на границѣ, изъ окна вагона, успѣлъ пронзить окомъ до корня и уразумѣлъ всю сущность различія между государственнымъ и общественнымъ строемъ Швейцаріи и Франціи. Можно-ли винить обыкновеннаго туриста за то, что онъ не г. Марковъ и что на него, поэтому, не сошли огненные языки? Теперь, вотъ уже двѣ недѣли я живу въ Парижѣ; но и по сей день знаю о Франціи ровно столько же, сколько зналъ и прежде,—ни на одну іоту не больше. Иначе и не можетъ быть. Посудите сами.

Я пріѣхалъ въ Парижъ къ Наполеонову дню и живу здѣсь въ знаменательное время: при мнѣ дана амнистія политическимъ преступникамъ; при мнѣ опубликованъ проектъ сенатусъ-консульта, измѣняющаго нынѣшнюю конституцію; муниципальные совѣты обнаруживаютъ небывалое движеніе; Наполеонъ боленъ. Обо всемъ этомъ толкуютъ газеты и обо всемъ я знаю столько же, какъ и вы: разница только въ томъ, что я читаю газеты на мѣстѣ ихъ производства и читаю ихъ раньше тремя днями, чѣмъ вы. Вторая имперія переживаетъ тяжелое для себя время,— а что видитъ туристъ, слоняющійся по Парижу? Онъ видитъ, что въ кофейныхъ здѣсь наиболѣе читаются двѣ газеты, „Ganlois“ и „Figaro“,—а эти двѣ газеты всего менѣе занимаются политикой, а наполняются преимущественно хроникой общественной жизни, театрами, городскими сплетнями и пр., словомъ—эти двѣ газеты въ родѣ нашего „Петербургскаго Листка“ или „Петербургской Газеты“. Съ другой стороны, туристъ съ трудомъ найдетъ въ палаткахъ, гдѣ продаются газеты, такія газеты, какъ на примѣръ „Le Réveil“,

„Le Rappel“,—и не по той причинѣ, чтобы всѣ экземпляры этихъ газетъ раскупались съ ранняго утра, а потому, какъ отвѣчаютъ вамъ продавцы, что этихъ газетъ они не держатъ.» *) Туристъ увидитъ ежедневно по вечерамъ, какъ блузники беззаботно катаются по улицамъ на велосипедахъ, какъ полны всѣ театры, кофейныя, какъ неистово веселятся и, въ родѣ бѣсноватыхъ, канканируютъ массы народа въ bal Mabille и т. под. мѣстахъ. Туристъ увидитъ, какъ въ Наполеоновъ день, безъ всякой тѣни оппозиціи, народъ съ утра валилъ на Трокадеро, на Марсово поле, какъ онъ съ праздника благодушно, шумно и весело возвращался домой, а гамены толпами ходили съ фонарями и пѣснями и жгли фейерверкъ по улицамъ. Вотъ что увидитъ туристъ. Что же изъ этого выходитъ? Стало быть, французы веселы, довольны, покойны? Стало быть, рѣзко враждебныя правительству газеты мало читаются? Значитъ Наполеону остается потирать отъ удовольствія руки и заснуть на лаврахъ? Нѣтъ, далеко нѣтъ! Не даромъ явился проектъ сенатусъ-консульта. Но одинъ только вдохновенный свыше туристъ, въ родѣ г. Маркова, съ помощью личныхъ своихъ наблюдений, подмѣтитъ тотъ невидимый для обыкновеннаго смертнаго кризисъ, который переживаетъ теперь вторая имперія.

Другой примѣръ.

Туристъ ходитъ по Парижу и видитъ зрѣлище истинно умилительное: какой нибудь кучеръ фіакра, въ ожиданіи сѣдока, читаетъ «Le petit journal»; простонародье наполняетъ въ значительномъ количествѣ, даже по буднямъ, залы Лувр-скаго музея, Люксамбургской галереи и т. д. Зрѣлище при-

*) Розничная продажа этихъ газетъ въ палаткахъ воспрещена.

ятное! А между тѣмъ, въ той же самой Франціи случаются событія невѣроятныя даже для Москвы, въ которой извошки газетъ не читаютъ и которая вѣритъ въ Ивана Яковлевича и М. П. Погодина.

Вы, можетъ быть, помните исторію съ Лурдской Богородицей, какъ толпы народа вѣрили, что дѣвочка Вернадетта разговариваетъ дѣйствительно съ настоящей Мадонной. Такія исторіи случаются здѣсь за-частую и еще на дняхъ подобное событіе произошло въ Арсѣ (Энскій деп.). Въ день годовщины смерти аббата Віане, котораго тамъ считаютъ за святаго, ждали какого-нибудь чуда. Чудо дѣйствительно и совершилось. Вдругъ въ церкви является видѣніе женскаго пола, съ закрытымъ лицомъ, въ бѣломъ съ золотыми блестящими платьѣ, съ короной на головѣ. Одни утверждаютъ, что это сама Мадонна, другіе — что св. Филомена. Видѣніе даетъ знакъ — и, по этому знаку, къ его ногамъ посыпались дождемъ деньги отъ благочестивыхъ прихожанъ — свидѣтелей чуда. Но одинъ дерзкій сдернулъ вуаль съ видѣнія и что же? Святая Филомена оказалась Жервезой, которую всѣ очень хорошо знаютъ. Конечно, ее немедля препроводили съ жандармомъ въ полицію, и, безъ сомнѣнія, правосудіе (говоря высокимъ слогомъ) покараетъ сей наглый обманъ, — но дѣло не въ этомъ. Я привелъ вамъ этотъ случай въ доказательство того, какъ недостаточны и часто обманчивы наблюденія обыкновеннаго туриста.

Недавно читаю я въ „Rapport“ слѣдующее извѣстіе, имѣющее всѣ признаки достовѣрности, такъ какъ авторъ письма изъявилъ готовность подтвердить и присягой и свидѣтелями сообщаемый имъ фактъ:

Недѣль семь тому назадъ, въ Этерне, одинъ драгунскій солдатъ Гоге отлучился самовольно изъ своего полка на нѣ-

сколько дней, для свиданія съ родными. Когда онъ воротился, его приговорили къ слѣдующему наказанію: его привязали къ телѣгѣ съ багажемъ, наложили на него вьюкъ, который возить въ походѣ драгунская лошадь, и такимъ манеромъ, по палящему жару, онъ долженъ былъ прогуляться изъ Этерне въ Сезанну,—что составляетъ 4 лье. Истомленный на полдорогѣ, бѣднякъ молилъ о пощадѣ, о смягченіи наказанія. Ему въ этомъ было отказано. Съ него сняли вьюкъ и положили его на багажъ уже тогда, когда онъ упалъ; но было поздно. Онъ едва достигъ Сезанны, какъ умеръ.

Черезъ нѣсколько дней появилось въ газетахъ официальное опроверженіе этого извѣстія. Изъ communiqué видно, что Гоге шелъ въ походѣ вмѣстѣ съ своимъ полкомъ, несъ на себѣ ту же ношу, какую несутъ всѣ прочіе драгуны, и когда почувствовалъ себя дурно, то ему было оказано все, возможное въ дорогѣ пособіе. Послѣ тщательнаго изслѣдованія дѣла (говоритъ официальное сообщеніе) оказывается вѣрнымъ только то, что Гоге заболѣлъ на походѣ изъ Этерне въ Сезанну и умеръ.

Кому вѣрить? Заказнили ли до смерти драгуна Гоге или нѣтъ? Выдвинемъ вопросъ на болѣе обширное поле: положимъ, что Гоге былъ дѣйствительно наказанъ. Случай такого. непредусмотрѣннаго въ военно-уголовномъ кодексѣ, наказанія составляетъ-ли собою исключительное явленіе, или же подобныя взысканія, изобрѣтаемыя вдохновенными командирами случаются во французской арміи ияътой отъ тѣлесныхъ наказаній, но только не всегда кончаются смертью и не всегда находятъ себѣ обличителя въ литературѣ? На основаніи того, что я узналъ въ своемъ петербургскомъ кабинетѣ о французской дисциплинѣ, я могу дать отвѣтъ на этотъ вопросъ. Но какъ туристъ, временно пребывающій въ Парижѣ, я бы не могъ оты-

скать отвѣта на такіе вопросы ни на лицахъ, ни на красныхъ штанахъ и бѣлыхъ камашахъ французскихъ солдатъ.

Да, я не вдохновенъ свыше. Я хожу по парижскимъ улицамъ, встрѣчаю солдатъ, не вижу офицеровъ (потому что офицеры не носятъ военной формы внѣ службы) и собственнымъ окомъ вижу только мундиры различныхъ полковъ, названія которыхъ не знаю и знать не любопытствую. Мнѣ, правда, случается видѣть, какъ французскіе солдаты ѣздятъ по улицамъ, ловко развалиясь въ фіакрахъ, или сидятъ съ своими дамами въ кофейныхъ и распиваютъ разные напитки (только не водку). Изъ всего этого я не рѣшаюсь дѣлать никакихъ выводовъ относительно напр. французской и русской арміи, хотя наши солдаты въ фіакрахъ не ѣздятъ, въ кофейныхъ не сидятъ и пьютъ не абсентъ, а водку: нельзя же русскимъ солдатамъ ставить въ упрекъ то, что они не пьютъ абсента, котораго у насъ нѣтъ, и нельзя же ставить въ заслугу французскому солдату, что онъ не забавляется водкой, потому что водка не можетъ быть въ большомъ употребленіи въ такихъ благоуханныхъ воздухахъ, какъ юго-западъ Европы. А любители здѣсь находятъ возможность напиваться и безъ водки. Парижскій рабочій умѣетъ пропиться нисколько не хуже нашего мастераваго.

„И такъ—скажете вы, прочтя все мною написанное—выходитъ, что путешествіе не доставляетъ никакой пользы, что можно проѣхать всю Европу и ровно ничему не научиться“? Я не держусь этого мнѣнія. Я представилъ вамъ только одну сторону дѣла. Меня всегда поражали наши туристы, которые, проѣхавшись на почтовомъ поѣздѣ по Европѣ, начинаютъ вкривь и вкосъ судить и рядить о національномъ характерѣ пруссаковъ, о соотвѣтственности французской конституціи съ духомъ французскаго народа и пр.,—и толкуютъ съ необычайной самоувѣренностью, безпрестанно вставляя „я встрѣтилъ“, „я

говорилъ“, „я видѣлъ“, „всѣ французы такого мнѣнія“, „всѣ нѣмцы стремятся“, и т. д. и т. д. Я всегда зналъ, какъ мало основательна такая самоувѣренность нашихъ глубокомысленныхъ туристовъ. Теперь, мнѣ вспомнились эти туристы — и мнѣ невольно захотѣлось сказать нѣсколько словъ о томъ, какую вѣру можно придавать этимъ „я лично убѣдился“ и какую цѣну — этимъ „мнѣ говорили“ и „я разговаривалъ“.

Но я вовсе не хочу сказать того, чтобы путешествіе было бесполезною тратой времени и что, слѣдовательно, благоразумнѣе сидѣть дома. Путешествіе даетъ вамъ возможность провѣрить кое что изъ того, что вы знаете, — и это важно. Еще важнѣе то, что путешествіе даетъ вамъ случай прочувствовать многія вещи такъ, какъ вы никогда не могли бы прочувствовать съ помощью книгъ и газетъ. Многія вещи, съ перваго взгляда и рѣзко, бросаются вамъ въ глаза. Походите въ Вильнѣ, поглазьте по улицамъ: ваша прогулка живѣе и сильнѣе покойнаго „Дня“ убѣдитъ васъ, что дѣйствительно бывшее польское королевство было безъ польскаго народа. Зайдите въ костелы, посмотрите на виленскую панну, идущую съ молитвенникомъ въ рукахъ: этого довольно, чтобы вы могли прочувствовать фанатизмъ польскаго католицизма. Безъ сомнѣнія, такіе путевые плоды не приходится пожинать на всякомъ шагу и не все бросается въ глаза съ перваго взгляда. Не нужно себя насиловать и слѣдуетъ быть искреннимъ. Живя въ Вѣнѣ, я ѣздилъ въ загородный дворецъ Лаксенбургъ. При этомъ дворцѣ есть порядочный паркъ, который (не выдавши нашихъ петербургскихъ парковъ) Вѣнцы находятъ превосходнымъ, а въ паркѣ на острову построенъ маленький средне-вѣковой замокъ, въ родѣ Романовскаго домика въ Москвѣ. При замкѣ, какъ и слѣдуетъ, сдѣлана тюрьма, а въ тюрьмѣ сидитъ отвратительный манекенъ и, по мановенію лакея, по-

казывающаго дворець, гремитъ цѣпами, висящими на его рукахъ. Кажется, чего лучше? Все сдѣлано самымъ предусмотрительнымъ образомъ. Между тѣмъ, однако, этотъ игрушечный замокъ не производитъ далеко такого впечатлѣнiя, какъ напр. развалины настоящаго замка подъ Зальцбургомъ; тюрьма же съ манекеномъ вовсе не ужасна, а только отвратительна и то не для всѣхъ, потому что большинство публики, осматривавшей вмѣстѣ со мною Лаксенбургъ, очень добродушно смѣялось, когда манекень махалъ руками и гремѣлъ цѣпами. Гораздо болѣе заставляетъ васъ почувствовать средневѣковую жизнь... какъ бы вы думали, — что? Парижъ. Не шутя. Новый, гаусмановскiй Парижъ еще не совсѣмъ стеръ съ лица земли старый Парижъ, съ его историческими памятниками, которые были свидѣтелями или ареною столькихъ грандіозныхъ событiй, съ его лабиринтомъ узенькихъ, кривыхъ, непроѣжаемыхъ улицъ, съ его грязными закоптѣлыми домами (не знаю, какъ ихъ вѣрнѣе назвать: домищами или домишками. Они почти всѣ имѣютъ не больше какъ три-четыре окна въ этажъ и въ то же время выстроены въ шесть-семь этажей; я вчера видѣлъ домъ, въ родѣ башни: въ одно окно и въ восемь этажей). Пойдите по старому Парижу и онъ вамъ живѣе Гюльмана расскажетъ о той средневѣковой жизни, которую съ такою художественной правдой умѣютъ рисовать В. Гюго и Вальтеръ-Скоттъ. Согласитесь: прямо съ современнаго бульвара унесите въ старый Парижъ, съ его Клодъ-Фроллами, подземными трущобами, душегубцами, дворами чудесь. — это чего нибудь да стоитъ....

Однако, я слишкомъ заболтался. Пора кончить. Въ заключеніе, не могу не рассказать вамъ слѣдующій анекдотъ, случившійся въ здѣшнемъ полицейскомъ трибуналѣ; очень жалѣю, что соль этой исторiи нельзя передать на русскомъ языкѣ.

На спенѣ подсудимая. Предсѣдатель обращается къ ней съ обычными вопросами и, между прочимъ, говоритъ:

„*Quel métier faites-vous, jeune fille? Vous rougissez?*“

„*Non, monsieur, je blanchis*“, отвѣчаетъ она.

Письмо II.

Всякому, слѣдящему за нашей прессой, случалось не разъ читать, какъ она задаетъ гонку Наполеону за тѣ преслѣдованія, которымъ подвергается французская печать, какъ она ужасается числу предостереженій и литературныхъ процессовъ во Франціи и какъ она иногда хвастливо даетъ чувствовать, что она, т. е. русская пресса, болѣе независима, чѣмъ французская.

Не знаю, какое впечатлѣніе производятъ такія статейки на другихъ читателей. Что до меня касается, то всякій разъ, когда я читаю такія вещи, мнѣ вспоминается слѣдующій казусъ.

Дѣло было въ концѣ сороковыхъ или въ началѣ пятидесятихъ годовъ. Нѣкій гимназистъ былъ влюбленъ въ одну барышню, которая оказывала склонность не къ нему, а къ одному студенту. Это старая исторія, такъ желчно воспѣтая Гейне: „*Er liebte sie, und sie liebte ihn nicht*“. Однажды гимназистъ доказывалъ барышнѣ, что влюбиться въ студента не разумно, ибо студентъ — еще школьникъ и мальчишка, котораго стригутъ и сажаютъ въ карцеръ.....

Представьте себѣ подбарышней Европу, вниманія которой ищутъ французская и русская печать, и наша пресса вамъ невольно представится въ образѣ гимназиста. Сходство тѣмъ болѣе разительно, что барышня-Европа несовсѣмъ отвѣчаетъ на ухажи-

ванье гимназиста и предпочитаетъ студента. „Er liebte sie, und sie liebte ihn nicht“.

Гимназистъ и русская пресса вспомнились мнѣ недавно, когда я читалъ французскія газеты отъ 2 Сентября (нов. ст.)

Наканунѣ въ Парижѣ былъ ненастный день и осенній вѣтеръ разсыпалъ пыльные, желтѣющіе листья по тротуарамъ бульваровъ. А за нѣсколько дней передъ тѣмъ лвы растерзали одного укротителя звѣрей.

Безчинство осенняго вѣтра дало случай «Réveil» ювспомнить какіе политическіе листья попадали во Франціи съ 1852 года „Второго декабря (говорить онъ) пала свобода, залившая своею кровью бульвары; пало верховенство народа, попранное и подвергшееся клеветамъ ренегатовъ; потомъ пошелъ безконечный рядъ проскрипцій и ссылокъ болѣе свирѣпыхъ, чѣмъ во времена Тиверія. Всякая доблесть исчезла, залитая волнами всевозможныхъ пошлостей и низостей. Всѣ славныя пріотрѣтенія нашихъ предковъ были растоптаны въ прахъ; всякій протестъ, всякая жалоба были подавлены. Побѣдители, увѣнчавшись лаврами, наполнили міръ шумомъ своей печальной побѣды. Но народъ мало по малу сталъ просыпаться отъ своей летаргіи и чувствовать свой позоръ на помощь ему пришла смерть: дѣятели 2-го декабря, Сентъ Арно и Морни, сошли въ могилу. Цѣпь разбилась и съ тѣхъ поръ ежечасно ея звѣнья падаютъ одно за другимъ, какъ падаютъ осенніе листья. Имперія дожила до своей осени; ея горькіе плоды совсѣмъ созрѣли. Наше вліяніе въ Европѣ потеряно; довѣріе къ намъ подорвано; нашъ кредитъ палъ. Въ императорскихъ паркахъ листья осыпаются также, какъ падаютъ они по бульварамъ“.

У насъ, слава Богу, печать не имѣетъ поводовъ къ такимъ желчнымъ, ядовитымъ выходкамъ. Но вообразимъ себѣ, что нынѣшнимъ родомъ, въ іюнѣ, уничтожены были бы земскія учрежденія,

въ іюль отмѣненъ судъ присяжныхъ, въ августѣ заведена вѣ-
чинная полиція и уничтожена несмѣняемость судей. Вообразимъ
себѣ, что, послѣ всѣхъ такихъ перемѣнъ, втораго сентября сто-
итъ ненастная погода и желтые листья падаютъ по Лѣтнему
саду и петербургскимъ скверамъ. Могли ли бы мы на другой день
въ одной изъ газетъ прочесть передовую статью въ родѣ той,
какую я сейчасъ цитировалъ?

Думаю, что нѣтъ. И всякій, мнѣ кажется, долженъ согласиться
со мною, что подобная статья была бы у насъ прочтена только
наборщиками и корректорами, но до публики она бы не дошла.

Послѣ «Réveil» — я принялся за «Rappel»-я По поводу пе-
чального приключенія съ укротителемъ звѣрей эта газета, ус-
тами Рошфора, говоритъ о другомъ укротителѣ, котораго львы
растерзываютъ въ ту самую минуту, когда онъ всего менѣе
ожидалъ этого послѣ 18 лѣтъ, въ теченіе которыхъ онъ такъ
часто подвергалъ своихъ львовъ и тигровъ ударамъ бича и вся-
кому позору и ни разу не видалъ сопротивленія. Его растерзы-
ваютъ въ то время, когда онъ вообразилъ себѣ даже, что онъ
любимъ своими плѣнниками, и когда онъ собирался вводить къ
нимъ въ клѣтки своего сына, чтобы звѣри къ нему привыкали
какъ къ наслѣднику и будущему хозяину звѣринца. Львы ра стерзы-
ваютъ его, не смотря на то, что онъ, хрипя и задыхаясь под-
ихъ могучей пятой, обѣщаетъ дать имъ больше свободы, улуч-
шить пищу, расширить клѣтки. Такой конецъ (замѣчаетъ «Rap-
pel») неизбеженъ для людей, которые хотятъ укрощать то, что
неукротимо.

Очень можетъ быть, что эта статья подвергнется судеб-
ному преслѣдованію и редакторъ будетъ обвиненъ. Это—дру-
гое дѣло. Но наши газеты часто толкуютъ о томъ, что во
Франціи нельзя безнаказанно печатать самыя невинныя вещи.
Съ французской точки зрѣнія, можетъ быть, и „Rappel“, и

„Réveil“, и „Lanterne“—вещи невинныя. Правда, что при-
 норовляться къ чужимъ воззрѣнiямъ и обычаямъ—характеристи-
 ческая черта русскаго народа, какъ это замѣтилъ еще Лермон-
 товъ по поводу Максима Максимыча. Однако, Максимъ Макси-
 мычъ все-таки сказалъ, что украсть женщину не считается
 дурнымъ „по-ихнему“, т. е. по черкесскимъ нравамъ. Если же
 наши газеты, съ голоса французовъ, толкуютъ, что во Фран-
 цii преслѣдуются невинныя вещи, и не знакомятъ съ содер-
 жаниемъ этихъ невинныхъ вещей,—то онѣ вводятъ въ заблуж-
 денiе своихъ читателей, тогда какъ дѣло прессы—освѣщать
 предметы настоящимъ свѣтомъ. Пусть читатели, зная о зло-
 ключенiяхъ Рошфора съ его „Фонаремъ“, не упускаютъ въ то
 же время изъ виду, что Наполеонъ считалъ бы себя необы-
 чайно счастливымъ, если бы могъ промѣнять (не ухо на ухо,
 а съ огромнымъ придаткомъ) своихъ Рошфоровъ на нашихъ,
 потому что во Францii либерализмомъ русскихъ Рошфоровъ съ
 братьею только заборъ подпираютъ. Пусть читатели, зная
 число литературныхъ процессовъ во Францii, знаютъ также и
 то, что въ Парижѣ можно безпрепятственно покупать, у самаго
 Тюльери, газеты съ статьями такого содержанiя, которыя у
 насъ ведутъ рукописное существованiе, не покупаются и не
 продаются, а переписываются и передаются изъ рукъ въ руки
 тихимъ манеромъ, какъ ворованныя вещи на Ильинской тол-
 кучкѣ въ Москвѣ.

Не думайте, что я хочу начать сѣтованiе о томъ, что
 наша печать легально стѣснена. Отнюдь нѣтъ! Я, правда,
 желаю, чтобы дѣйствiе закона 6-го апрѣля было распростра-
 нено на всю Россiю, чтобы постановленiя Уложенiя о преступ-
 ленiяхъ печати подверглись значительнымъ перемѣнамъ. Но
 не въ дѣйствующемъ законодательствѣ я вижу главную суть
 дѣла. Напрасно было бы надѣяться напр. на то, что стоишь отмѣ-

нить административныя предупредительно-карательныя мѣры, — и печать съ-оника зацвѣтетъ.

Вы мнѣ пишете, что наше законодательство о печати подвергнется или уже подвергается теперь пересмотру и скоро подвергнется кореннымъ перемѣнамъ *). Консерваторы, называющіе себя „сторонниками порядка“, ждуть спасенія отечеству отъ этого пересмотра, надѣясь, что онъ поведетъ къ стѣсненію правъ печати. Либералы тоже ждуть золотого вѣка, въ надеждѣ, что этотъ пересмотръ дастъ въ своемъ результатѣ измѣненія нынѣ дѣйствующаго законодательства въ либеральномъ направленіи.

Требуютъ-ли интересы „порядка“ скрутить нашу печать? Чѣмъ кончится пересмотръ нашихъ законовъ о печати? Вотъ одинъ изъ любопытнѣйшихъ вопросовъ настоящей минуты.

Постараюсь отвѣтить на него по мѣрѣ своего разумнія.

Начну съ того, что законы о печати могутъ быть раздѣлены на двѣ группы: 1) на законы формальныя, опредѣляющіе порядокъ испрошенія разрѣшенія на изданіе газетъ и журналовъ, порядокъ выпуска въ свѣтъ отдѣльныхъ сочиненій и проч., и 2) законы матеріальныя, опредѣляющіе, что можно и чего нельзя писать, о чемъ можно толковать и чего нельзя касаться.

Легко видѣть, что суть дѣла заключается въ законахъ матеріальныхъ. Всѣ формальныя постановленія законодательства расчитываютъ на то, чтобы по возможности предупредить, возможно энергично пресѣкать и подвергать наказанію нарушенія законовъ матеріальныхъ. Такимъ образомъ, содержаніемъ законовъ матеріальныхъ обусловливается содержаніе

*) Слухи эти, какъ извѣстно, не оправдались.

законовъ формальныхъ, а примѣненіе послѣднихъ обусловливается какъ пониманіемъ законовъ матеріальныхъ со стороны примѣнителей, такъ (и еще болѣе) ихъ личными воззрѣніями на объемъ тѣхъ правъ, какія должна имѣть печать. Индивидуальный взглядъ органовъ администраціи печати играетъ особенно видную роль потому, что матеріальныя постановленія о печати, по самому существу подлежащаго ихъ нормированію матеріала, никогда не могутъ быть настолько точны и опредѣленны, чтобы устранить возможность самага широкаго и произвольнаго ихъ толкованія. Едва-ли въ какой нибудь странѣ такъ уважаются и строго исполняются законы, какъ въ Англіи, и едва-ли гдѣ въ Европѣ печать такъ свободна, какъ тамъ. Но въ Англіи до сихъ поръ живетъ и дѣйствуетъ законъ о либеллахъ: этотъ законъ во времена Стюартовъ не давалъ литературѣ дохнуть, а теперь не мѣшаетъ печати самымъ рѣзкимъ образомъ и совершенно безнаказанно нападать на правительство. Законъ остался, а пониманіе его измѣнилось. Иначе и быть не можетъ. Неопредѣленность, эластичность—есть существенно-характерическая черта матеріальныхъ законовъ о печати. Въ самомъ дѣлѣ, положимъ, что законъ говоритъ: „Можно въ печати обсуживать дѣйствія правительственныхъ мѣстъ и лицъ, но съ должнымъ къ нимъ уваженіемъ“. Прекрасно. Но что такое „должное уваженіе“? Въ Англіи никто не считаетъ „нарушеніемъ долгаго уваженія“ самую ѣдкую каррикатуру „Punch“ - а на премьеръ-министра, а у насъ я знаю не одно лицо судебного вѣдомства, которыя считаютъ нарушеніемъ „должнаго уваженія“ даже то, если, разбирая судебное рѣшеніе, критикъ выскажетъ только, что „оно прямо противорѣчитъ такой-то статьѣ закона“. Въ Пале-Рояль продаются трости, у которыхъ набалдашниками служатъ каррикатурные бюсты Жюль-Фавра, Тьера

и др., имена которых тутъ же, на палкахъ, и прописаны en toutes lettres. Попробуйте-ка у насъ пустить такія палки въ продажу: думаю, что дѣло не обошлось бы безъ процевсовъ. Да, наконецъ, зачѣмъ далеко ходить? До 6-го апрѣля 1864 года наше законодательство о печати оставалось безъ всякихъ переменъ—и между тѣмъ та же цензура, которая до 1855 года затруднялась пропускать „вольный духъ“ въ поваренныхъ книжкахъ,—та же цензура съ 1855—56 года стала пропускать такія вещи, которыя потомъ, подъ господствомъ болѣе либеральнаго закона 6 апрѣля, начали подвергаться обвиненію по суду.

Исторія нашей печати за послѣднее время не доказываетъ того, чтобы цензура лучше суда служила „интересамъ порядка“, какъ это стараются иногда нѣкоторые мужи доказывать. Чтобы говорить такія вещи, нужно умышленно или неумышленно забыть о подцензурномъ положеніи нашей литературы послѣ 1855 года. Этотъ примѣръ доказываетъ только то, что законы о печати, сами по себѣ, играютъ, говоря вообще, не перво-степенную роль. Исключеніе изъ этого общаго правила составляютъ только тѣ немногіе законы, которые или устанавливаютъ напр. судъ присяжныхъ по дѣламъ о печати, или дозволяютъ всякому, безъ всякаго предварительнаго разрѣшенія, издавать газету и журналъ и т. п. Но даже и такіе законы не всегда слѣдуетъ признавать имѣющими абсолютное значеніе. Дорого-ли стоитъ мое полное право свободно издавать газету, если администрація можетъ призвать меня къ себѣ и сказать мнѣ самымъ любезнымъ образомъ: „мы слышали, что вы хотите издавать газету. Мы бы вамъ совѣтывали отказаться отъ этого намѣренія. Конечно, вы имѣете полное право дѣйствовать, какъ вамъ вздумается. Но мы считаемъ долгомъ васъ предупредить, что если вы не послушаетесь нашего доброжелатель-

наго совѣта, то васъ тотчасъ, послѣ перваго же номера, отправятъ въ Каэнну. Выбирайте любое“. Другими словами: „законъ о кухняхъ запрещаетъ васъ изжарить, но законъ о водахъ позволяетъ васъ сварить, а потому не угодно-ли вамъ раздѣться и броситься въ этотъ чанъ съ кипяткомъ“. Спрашиваю всѣхъ и cadaго: хорошо-ли гарантирована моя жизнь закономъ о кухняхъ, если существуетъ законъ о водахъ?

Итакъ, не въ законахъ о печати заключается главная сила. Если же законодатель, несмотря на это, желаетъ реформировать эти законы въ анти-либеральномъ духѣ, то это онъ обыкновенно дѣлаетъ, имѣя на то важныя основанія: или находя, что данные законы о печати понимаются исполнителями слишкомъ либерально и что, слѣдовательно, нужно сократить либерализмъ исполнителей, или же находя, что печать, такъ сказать, черезъ-чуръ разыгралась и существующія постановленія, даже и при нелиберальномъ ихъ пониманіи, не въ состояніи ее унять.

Существуютъ-ли эти основанія въ данную минуту по отношенію къ русской печати?

Всякій скажетъ, что нѣтъ. И вотъ, почему можно спокойно смотрѣть на будущее, въ полной увѣренности, что законодательство наше о печати, вслѣдствіе его пересмотра, не пойдетъ регрессивнымъ путемъ.

Постараюсь доказать мое положеніе.

Въ теченіе четырнадцати лѣтъ (т. е. съ 1855 г.) наша печать, сперва *de facto*, а потомъ *de jure*, получила расширеніе своихъ правъ,—и не только получила, но и воспользовалась своимъ правомъ говорить многое такое, о чемъ прежде не смѣла заикнуться. И вотъ, она превратилась изъ молчащей въ говорящую, причемъ одна ея часть оказалась благоправной,

а другая шаловливой и даже занозистой. Спрашивается: къ какимъ результатамъ пришла наша литература?

На этотъ вопросъ отвѣтилъ до меня Щедринъ, которому художественное чутье помогаетъ прямо смотрѣть на вещи и видѣть ихъ въ истинномъ свѣтѣ (иногда, поэтому, далеко не въ томъ свѣтѣ, въ какомъ бы хотѣлось видѣть вещи людямъ того лагеря, къ которому онъ принадлежитъ).

Щедринъ совершенно справедливо находитъ, что печать наша потеряла въ глазахъ общества весь тотъ авторитетъ, какимъ пользовалась у него въ годы своего насильственного молчанія. Фактъ если печальный, то тѣмъ не менѣе истинный! Щедринъ видитъ причину исключительно въ консервативно-благонамѣренномъ настроеніи, которое въ послѣдніе годы охватило наше общество. Съ этимъ вполнѣ нельзя согласиться. Главная причина заключается въ томъ, что когда печать наша молчала, отъ нея общество ждало услышать дѣльное слово. Но когда печать заговорила — и тѣ самые люди, на которыхъ общество смотрѣло съ особой любовью, когда тѣ самые органы нашей прессы, на которые возлагались особенно сильныя ожиданія, — когда они стали дописываться до чортиковъ, тогда, очевидно, общество имѣло полное право сказать: „Вы не оправдали моихъ надеждъ, вы обманули мои ожиданія“. Да и чего инаго могла ожидать наша литература? Очевидно, что съ наличностью большинства своихъ силъ занозистая наша литература тогда только могла подавать обществу надежды, когда она молчала и, слѣдовательно, не пуская въ ходъ свои силы, не могла выказать и всю ихъ несостоятельность. Насильственное молчаніе давало ей престижъ. Прежній порядокъ вещей былъ ей такъ же полезенъ, какъ то обманное скриваніе фатою хромыхъ и убогихъ невѣсть, о которомъ рассказываетъ Котошихинъ. Передъ глазами нашихъ консерваторовъ,

как кошмаръ, носятя соціалистическія тенденціи, проводившіяся нѣкоторыми дѣятелями нашей прессы. Но они забываютъ, что если сторонниками соціализма и матеріализма и оказалось у насъ десятка три-четыре людей, то честь даже и этой скромной этой побѣды принадлежитъ не нашимъ Прудонамъ и Бюхнерамъ. Если даже они имѣли тутъ маленькое участіе, все-таки побѣда эта одержана была ими, главнымъ образомъ, съ помощью контрабандныхъ заграничныхъ изданій, которыя издавна составляли насущную пищу нашихъ «непримирныхъ». Съ другой стороны, не слѣдуетъ забывать того, что эта побѣда была хуже пораженія, потому что была куплена дорогою цѣной. Наши Прудоны и Луи-Бланы не сообразили того, что у насъ нѣтъ того общественнаго слоя, съ которымъ говорятъ французскіе соціалисты, что у насъ нѣтъ почвы для воспринятія соціалистическихъ идей. «Эге, братьцы! Вы насъ вотъ куда хотите вести! Нѣтъ спасибо, мы туда за вами не пойдѣмъ», сказала наше общество—и русскіе Луи-Бланы остались въ дуракахъ. За небольшое „панургово стадо“ они опельмовались въ глазахъ той именно массы, на которую хотѣли воздѣйствовать. Это хуже, чѣмъ продать первородство за чечевицу! Занозистое движеніе нашей литературы кончилось тѣмъ, что всѣ симпатіи нашего общества обратилась къ органамъ Каткова и Аксакова.

Выиграли или проиграли интересы власти и порядка отъ такого результата? Я думаю, что выиграли. Если бы Наполеонъ могъ ожидать у себя такого результата, то онъ не только бы не старался зажимать ротъ соціалистамъ, но—смѣю полагать—занялся бы собственноручно искусственнымъ ихъ разведеніемъ, лишь бы только ускорить ходъ событій.

Теперь наша литература совершенно оставила свою занозистость и скромно занимается текущими, непосредственно

практическими вопросами. Съ прекращеніемъ «Москвы» не слышится даже тотъ рѣзкій, грубовато-честный тонъ, который былъ главною причиною паденія этой газеты. Литература говоритъ такимъ мягкимъ языкомъ, такія безобидныя вещи, какъ будто ведетъ разговоръ въ модномъ салонѣ. Правда, инымъ господамъ все-таки кажется, что наша литература—опасный звѣрь. Но эти господа совершенно ошибаются и только напоминаютъ собою того Щедринскаго героя, который смотритъ на невозмутимо покойную тину, разгарается, подозрѣвая здѣсь затаенное коварство, и требуетъ себѣ подкрѣпленій для укрощенія несуществующихъ революціонеровъ. Если эти господа находятъ, что литература наша черезъ-чуръ извольничалась, то это происходитъ единственно отъ ихъ слабонервности, отъ того, что они—люди стараго порядка и привыкли къ полному молчанію литературы. Натурально, если чловѣкъ выросъ въ тихомъ Козмодемьянскѣ, то для него долго будетъ невыносимъ шумъ Парижа, а обычное движеніе парижскихъ улицъ долго будетъ казаться ему подозрительнымъ: не стремятся-ли эти массы людей дѣлать революцію? Но какой же не козмодемьянскій гражданинъ можетъ заподозрить нашу литературу въ опасности? Помилуйте! Да въ ней нѣтъ ни одной черты, характеризующей опасную, сильную прессу,—ни силы, ни сознанія своей силы, ни смѣлости, ни прямоты, ни возмужалости, ни твердости духа,—а безъ этихъ качествъ можно ли быть опаснымъ звѣремъ? Чтобы убѣдиться въ этомъ стоитъ только сравнить французскую прессу съ нашей. Представлю, для параллели, два-три примѣра.

Французская пресса дерзко отстаиваетъ свое право на свободу слова, прямо требуя права имѣть возможность сполна и безнаказанно высказывать тѣ мнѣнія о политическихъ вопросахъ, какія она считаетъ нужнымъ высказать. Во времена са-

мья для себя тяжелыя, въ 30-мъ году, когда Карль X заготовлялъ свои знаменитые ордоннансы, печать французская не смирялась, не старалась отвратить готовившійся ей смертельный ударъ обѣщаніями исправиться на будущее время, а, напротивъ, боролась насколько хватило силъ и въ послѣдній моментъ борьбы произнесла эти слова, получившія такую извѣстность: „Вѣдный король! Вѣдная Франція!“

Наоборотъ, когда наша пресса говоритъ о расширеніи или сохраненіи существующихъ ея правъ, она напоминаетъ смиреннаго чиновника, когда тотъ выхлопатываетъ себѣ пенсію или прибавку оклада. Въ этомъ случаѣ, обыкновенно, наша пресса ссылается главнымъ образомъ на свое хорошее поведеніе въ прошедшемъ и обѣщается впредь вести себя такъ, что любой капитанъ-исправникъ поставитъ ей полный баллъ за благо нравіе и скромность. Французская пресса молчитъ, когда не можетъ говорить, но если говорить, то она говоритъ искренно: затѣмъ она и хочетъ говорить, чтобы сполна и прямо высказать то, что считаетъ нужнымъ высказывать. Возьмите напримѣръ „Réveil“ Онъ—органъ партіи „непримиримыхъ“; онъ и не скрываетъ этого,—напротивъ! Когда газеты противоположныхъ направленій (*Temps, France*) стараются доказать, что партія „непримиримыхъ“ не имѣетъ *raison d'être*, что она умираетъ, если ужъ не умерла,—„Réveil“ сердится и заявляетъ, что эта партія жива и что ей принадлежитъ будущность.

Наша пресса труслива и лжетъ; она труситъ чуть ли не болѣе, чѣмъ нужно трусить; она изоггалась не меньше покойной супруги старика Вагрова,—изоггалась потому, что боится дѣйствовать на чистоту. Представимъ себѣ русскую газету, которая сочувствуетъ нашимъ „непримиримымъ“—нигилистамъ. Какъ она дѣйствуетъ? Она прежде всего старается

доказать, что нигилистовъ въ Россіи нѣтъ, что ихъ и прежде никогда не было, а теперь они ужъ совсѣмъ перевелись, что Базаровы теперь поумнѣли и ежедневно служатъ молебны. Она готова купить, на собственный коштъ, шпильоны для каждой стриженной барышни, лишь бы надуть капитанъ-исправника, чтобы капитанъ-исправникъ не видалъ ни одной стриженной женской головы. Если газета противоположнаго направленія скажетъ, что, молъ, такой-то органъ нашей прессы сочувствуетъ нигилистамъ, —этотъ органъ тотчасъ поджигаетъ хвостъ, словно его кипяткомъ ошпарили, и визжитъ, пркидываясь угнетенной невинностью и чураясь нигилистовъ, какъ чорта: „Нашъ литературный антагонистъ, въ полемикѣ съ нами, прибѣгаетъ къ системѣ доносовъ“.... Жалобы на доносы! Возможно-ли они въ сильной прессѣ?

Это трусливое мальчишество съ его жалобами на фискальство, съ его стремленіемъ спалить изъ-подтишка, чтобы начальство не замѣтило, съ его оправдательнымъ лганьемъ („я не шалилъ, я сидѣлъ смирно“), —это мальчишество встрѣчается у насъ не только на газетныхъ столбцахъ, но и въ судѣ, когда начальство поймаетъ зашалившагося литератора и ведетъ его на расправу. Вспомните наши литературные процессы, литературные процессы Франціи и сравните напр. рѣчь Дюпена по дѣлу Веранже, или рѣчь Жюля-Фавра по дѣлу Монталамбера съ рѣчью, напримѣръ.... Впрочемъ, обойдусь безъ примѣра.

Наша пресса вполне убѣждена въ своей независимости, храбрости, возмужалости. Эта ребяческая неспособность ея видѣть свое положеніе въ настоящемъ свѣтѣ служить лучшимъ доказательствомъ ея безопасности. Не напоминаетъ-ли она школьника, который чувствуетъ себя вполне взрослымъ человѣкомъ, если онъ, гдѣ нибудь въ уголку, потихоньку,

выкурить папироску, а потомъ, выполоскавъ ротъ, идетъ на глаза начальства, надѣясь въ случаѣ надобности вывернуться: я, моль, не куриль-сь. Развѣ можно бояться такого милаго мальчика? Онъ можетъ спалить—это правда; но какъ же видѣть въ немъ опаснаго человѣка для интересовъ власти и порядка! Развѣ можетъ быть опасна печать, которая довольствуется столь малымъ? Развѣ можетъ быть опасна печать, которая до того безтактна, что и переводства не получаетъ, и чечевицы лишается? Можетъ ли быть опасна печать, которая такъ наивно думаетъ, что начальство не замѣтитъ страуса, если его голову засунуть подъ крыло; которая такъ добродушно почитаетъ себя совершающею высокій гражданскій подвигъ, если она на стриженую дѣвицу надѣваетъ шиньонъ подъ носомъ начальства, которое все это продѣлки видитъ и все мотаетъ себѣ на усы? Какъ можетъ быть опасна та печать, которая до того близорука, что не понимаетъ того, въ какой степени она чрезъ свое вранье теряетъ и у начальства, и у общества: „Помилуйте (думаетъ иной читатель), какъ же печать хочетъ меня увѣрить, что нигилистовъ совсѣмъ нѣтъ, когда у меня племянникъ-нигилистъ въ Бога не вѣруетъ и двоюродная сестра косу себѣ обрѣзала, мечется всюду по улицамъ съ портфелемъ и не хочетъ ничего носить кромѣ коричневаго шерстянаго платья!.. Эти сочинители сидятъ у себя въ Петербургѣ и ровно ничего не знаютъ, что дѣлается въ Россіи!>.. А начальство, въ свою очередь, читаетъ медоточивыя увѣренія печати о томъ, что она ни разу ни грубаго, ни вольномысленнаго слова не сказала и впередъ, кромѣ благонамѣренной скромности, ничего не окажетъ,—начальство читаетъ эти увѣренія и думаетъ: „Экъ, бестія, какой казанской сиротой прикидывается! Дай-ка тебѣ, матушка, волю, такъ ты покажешь себя“....

И начальство право, не вѣря печати. Если оно и заблуждается, — то единственно въ томъ отношеніи, если думаетъ, будто печать надѣлаетъ разныхъ опасныхъ вещей, какъ только ей дать волю. Начальство питаетъ эти опасенія въ виду вѣроломнаго вранья нашей печати. Но изъ сказаннаго видно, что наша печать слишкомъ юна, чтобы имѣть затаенную опасную злокозненность, и слишкомъ слабосильна, чтобы надѣлать опасныхъ для порядка шалостей. Объ ея простодушіи лучше всего свидѣтельствуешь наивность ея лганья

Печать, по самому своему назначенію, непременно должна быть болѣе или менѣе оппозиціонной; оппозиція — это ея пища, безъ которой она немыслима. Кромѣ того, чѣмъ болѣе развивается общество, тѣмъ болѣе печать мужаетъ, смѣлѣетъ и становится дѣйствительной общественной силой. До этого времени доживетъ и наша печать. Но опередить время — нельзя, точно также какъ нельзя остановить прогрессивный ходъ событій. Реакціонныя мѣры, правда, иногда замедляютъ ростъ печати, но за то иногда даже ускоряютъ ея возмужалость. Печать мужаетъ и крѣпнетъ вмѣстѣ съ обществомъ, въ которомъ лежитъ ея корень и ея сила. Печать сильна только тогда, когда она является органомъ сильнаго, возмужалаго общества. Наша печать слаба потому, что до сихъ поръ у нея нѣтъ подъ ногами почвы и она (употребляя выраженіе покойнаго Шевырева) „дрыгаетъ ногами въ воздухъ, какъ Антей“.

Матеріальные наши законы о печати гораздо строже французскихъ; формальные законы скопированы съ французскихъ, — мало того: они заключаютъ въ себѣ нѣсколько такихъ постановленій, отъ которыхъ французское законодательство отказалось, находя ихъ излишней роскошью. Г. Арсеньевъ, въ своей дѣльной статьѣ: „Русскіе законы о печати“, подробно

разсмотрѣлъ наше дѣйствующее законодательство о печати и положительно доказалъ, что оно заключаетъ въ себѣ даже не одинъ излишекъ мѣръ, гарантирующихъ интересы порядка отъ своевольствъ прессы. Если наполеоновское правительство находить достаточными свои законы, чтобы не только справиться съ своей печатью, но даже скрутить ее,—неужели этихъ мѣръ можетъ быть недостаточно для надлежащаго обузданія нашей смиренной и малосильной печати? Вѣдь если иногда наша печать и разбурлится, то это бурленье представляется французу бурей въ стаканѣ воды. Если для усмиренія какой нибудь взбунтовавшейся провинціи достаточно шестидесяти-тысячнаго войска, неужели этого войска можетъ оказаться мало, чтобы усмирить взбунтовавшуюся школу? Можетъ быть, со временемъ, наша печать пріобрѣтетъ такую дерзость и силу, что законъ 6-го апрѣля будетъ недостаточенъ для ея обузданія. Можетъ быть. Но это время такъ далеко, что предпринимать теперь мѣры предосторожности было бы излишнимъ благоразуміемъ.

Наконецъ, если мы будемъ слѣдить за нашей административной и судебной практикой по дѣламъ печати,—мы должны, вслѣдъ за г. К. Арсеньевымъ, сказать, что эта практика скорѣе строга, чѣмъ мягка въ примѣненіи законовъ о печати.

Однимъ словомъ, въ настоящее время представляется мнѣе, чѣмъ когда нибудь, оснований, которыя бы побуждали законодателя идти регрессивнымъ путемъ въ его постановленіяхъ по дѣламъ печати.

Откуда же выходятъ слухи о томъ, что нашу печать имѣется въ виду укротить?

Это вопросъ посторонній, о которомъ пришлось бы много говорить и котораго въ настоящемъ письмѣ я затрогивать не намѣренъ. И такъ, до свиданья.

Письмо III.

Читая мое прошлое письмо, вы, я думаю, не мало подивились тому, что я, живя въ Rue Racine, говорю очень мало о Парижѣ и очень много о Россіи.

Такъ приходится,—что дѣлать! Вотъ и нынче, напримѣръ, пообедалъ я у Траппа, послѣ обѣда прочиталъ русскія газеты въ Cafe de la Rotonde и, сидя за чашкой кофе, глазѣлъ на гуляющихъ въ Палерояльскомъ саду. Кругомъ меня шумъ, гамъ, громкая одушевленная болтовня, веселый, заразительный смѣхъ; около меня рѣзвятся маленькіе дѣти,—одни бѣгаютъ въ запуски, другіе пускаютъ кораблики въ бассейнѣ...

Смотрю, прислушиваюсь,—и мысленно уношусь въ Россію... Миѣ вспоминаются наши лѣтнія гулянья,—и я невольно сравниваю ихъ съ здѣшними.

Какая разница!

Если прикинуть на нашу кожу тотъ слой публики, который сегодня собрался въ Палерояльскомъ саду, то выйдетъ воскресная публика Лѣтняго сада,

Гдѣ нѣкогда гулялъ и я.

Лѣтній садъ, особенно воскреснымъ вечеромъ, представляетъ собою такое любопытное зрѣлище, что я удивляюсь, какъ наши фельетонисты обыкновенно ничего не говорятъ о немъ. Сюда выплываетъ весь низменный слой петербургскаго населенія, который только здѣсь вы можете увидетьъ въ всей его красѣ и въ полномъ составѣ. Если вы человекъ высшаго полета, то вы тутъ увидите такую не-

уклюжую галантность и ломанье кавалеровъ, такое же-манство дамъ, претендующихъ на свѣтскость манерь, какихъ вамъ и во снѣ не снилось. Если вы, повѣря словамъ славянофиловъ, считали Петербургъ нѣмецкимъ городомъ, вы разубѣдитесь, увидѣвъ цѣлое море чисто русскихъ лицъ и безвкусную, совершенно азіатскую пестроту женскихъ нарядовъ, отъ которой невольно рябитъ въ глазахъ...

Смѣяться надъ несвѣтскостью темныхъ людей не позволено, даже немислимо для порядочнаго человѣка. Трунить надъ скромнымъ обитателемъ Коломны, или надъ скромною жительницей Песковъ за то, что они одѣты плохо, можетъ только великосвѣтскій дурень, да аристократствующій выскочка изъ плебеевъ. Я считаю себя порядочнымъ человѣкомъ и не думаю высокоумно забавляться надъ лѣтнею публикой Лѣтняго Сада за то, что у нея нѣтъ ни изящныхъ манерь, ни изящныхъ костюмовъ, какими щеголяютъ кавалерыи красавицы елагинскаго пункта. Право, нѣтъ ничего ни веселаго, ни забавнаго, что бѣдняки не въ состояніи одѣваться у Оди, или у Мошра. Но бѣдность костюмовъ и безвкусіе—двѣ вещи совершенно разныя. Дѣло вотъ въ чемъ.

Мнѣ привелось, разъ, провести цѣлое лѣто въ деревнѣ, и я насмотрѣлся, какъ тамъ справляются воскресные дни. Выйдешь, бывало, на улицу — встрѣчаешь крестьянскую дѣвку. Она разряжена въ пухъ и прахъ: ярко-красный платокъ съ желтыми мушками на головѣ, панева изъ розоваго ситца съ малиновыми клѣтками, передникъ пунцовый съ какими-то зелеными, синими и бѣлыми разводами, на шеѣ янтари, на ногахъ коты и синія чулки съ желтыми стрѣлками. Безвкусно, пестро, — но крестьянка въ своемъ нарядѣ нисколько не смѣшна: это обычно, съ изстари узаконенное, такъ сказать, національное соединеніе цвѣтовъ, и личный вкусъ здѣсь точно такъ же

не играет никакой роли, какъ въ уродливомъ покрое чепцовъ, въ которыхъ щеголяютъ нормандки. Я отдыхалъ душою, глядя на пестро-красныя одежды крестьянокъ, на ихъ хороуды, на своеобразную манеру кокетничать и любезничать, причемъ парнямъ приходится получать здоровыя затрещины отъ своихъ дульциней, а дульцинеямъ достаются отъ ихъ кавалеровъ щипки до синяковъ. Для этихъ людей праздникъ вовсе не то, что для счастливецевъ міра, у которыхъ всякій день — праздникъ и для которыхъ, слѣдовательно, праздничный день не имѣетъ никакой цѣны. Въ деревнѣ для крестьянъ праздничный день — настоящій праздникъ: онъ даетъ имъ случай отдохнуть, подвыпить, повеселиться, нарядиться, — и этимъ случаемъ они отъ души пользуются, каждый по своему вкусу и склонностямъ, по просту, безъ затѣй. На ихъ веселье смотрѣтъ весело, даже ихъ любезничанье съ затрещинами и щипками не лишено своеобразной граціи...

Но тяжелое чувство испытывалъ я всегда, сидя лѣтнимъ, воскреснымъ вечеромъ въ Лѣтнемъ Саду. Вотъ идетъ мимо меня какой-то лавочникъ съ женою: мужъ — кулакъ и ерыга, племянникъ Подхалузина, а жена разодѣта, какъ райская птица, и отликаетъ всевозможными яркими цвѣтами:

Красно, зелено, лилово,
И пестро, пестро!

На лицѣ у ней — лица нѣтъ; она безбожно насурмлена, набѣлена, нарумянена, точно богатая казанская татарка въ день свадьбы. Вы смотрите на эту штукатуренную, шутовски-распестренную, безжизненную фигуру, на ея сонныя глаза, на ея тупую фізіономію, и видите, что въ ней нѣтъ ни ума, ни сердца, ни чувства изящнаго, что ни разу ни мысль, ни чувство не сверкнули въ этомъ вяломъ, рыхломъ мясѣ; въ

понимаете, что это самка, райская птица, кукла, — что хотите, только не женщина...

Вслѣдъ за этой парой идетъ другая: горничная съ своимъ кавалеромъ. Господа уѣхали за городъ, а горничная разрядилась въ ярко-желтое платье, въ свѣтло-зеленую кофту, въ розовую шляпку съ пунцовымъ розаномъ и васильками, на-тянула перчатки на свои красныя, толстыя руки, повязала шею ленточкою, которую стибрила въ комодѣ у барыни, держитъ въ рукѣ кружевной зонтикъ, который она подхватила потихоньку отъ барышни, и гуляетъ по саду, жеманно съеживъ губы на своемъ скуластомъ, рябоватомъ лицѣ, съ чисто-русскимъ носомъ въ родѣ груши, и корча изъ себя «благородную». Она до того самоувѣренно довольна собою, она такъ старается обратить на себя общее вниманіе, она говоритъ такъ громко и такъ щедро и безъ смысла посыпаетъ свою рѣчь ломаными иностранными словами, что смотрѣть на нее противно...

Слѣдомъ за этою аристократкой изъ дѣвичьей идетъ печальная жертва общественнаго темперамента изъ дешевыхъ. Завидѣли ее юнкеръ и гимназистъ, переглянулись между собою, какъ-то плотоядно улынулись — и устремились къ ней: у гимназиста я вижу подозрительные синяки подъ глазами, у юнкера — угреватое, истасканное прежде времени лицо... Зрѣлище невеселое!

За жертвой общественнаго темперамента движется чиновниче семейство. Мать — выжига и прощальга — рассказываетъ другой старушкѣ, какъ она таскалась по разнымъ генераламъ, выхлопотывая себѣ «пансіонъ» (причемъ русскій *n* въ родѣ французскаго *n* произноситъ, для пущей важности, въ носъ). Она очень чванится своимъ чиномъ коллежской совѣтницы, гордится умѣньемъ говорить съ генералами и успѣшно дѣйстви-

вать насчетъ «пансіона»,—и нисколько не подозрѣваетъ всего униженія, которое приходится испытывать вдовамъ коллежскихъ совѣтниковъ въ переднихъ и приѣмныхъ генераловъ. Рядомъ съ нею идутъ двѣ бѣлобрысыя ея дочки, съ какимъ-то желтовато-грязнымъ цвѣтомъ лица: одна—въ свѣтлорозовомъ платьѣ, другая—въ ярко-голубомъ. Онѣ ломаютъ изъ себя великосвѣтскихъ барышень и уснащаютъ рѣчь французскими фразами, которыя, въ свою очередь, богато уснащены граматическими и синтаксическими ошибками. Вы смотрите на это семейство—и вамъ живо представляется, сколько семейной руготни стоить пиньйонъ, который украшаетъ ярко-голубую дѣвицу, цѣною какихъ лишеній насчетъ домашняго комфорта приобрѣтено свѣтло-розовое платье другой дѣвицы. И вся эта руготня, всѣ эти лишенія, вѣроятно, пропадутъ даромъ, потому что обѣ дѣвицы останутся въ дѣвкахъ...

Потомъ идутъ три сидѣльца изъ гостинаго двора съ такимъ гостинодворскимъ изяществомъ манеръ и языка, что, глядя на нихъ, невольно думается: «Вѣдь можетъ же человѣкъ такъ себя искалѣчить!»

А тамъ опять цѣлыхъ четыре Подхалузина съ четырьмя наштукатуренными подругами своей жизни; опять двѣ жертвы общественаго темперамента; потомъ какой-то мастеровой съ тѣмъ неприятнымъ, зелено-желтымъ, испитымъ лицомъ, какое бываетъ только у мастеровыхъ и фабричныхъ. За нимъ, дальше...

Но отрады не видишь и дальше...

Глядишь, глядишь на эти фигуры, на это ломанье, на это безвкусіе нарядовъ, на это безмысліе лицъ, на эту истасканность, на это глупое самодовольство—и, наконецъ, сдѣлается такъ тяжело, что захочется или уйти поскорѣе изъ Лѣтняго Сада, или посидѣть на площадѣ передъ дѣдушкой Крыловымъ и

тамъ хоть немного отдохнуть душою, глядя на играющихъ дѣтей, которыя еще не успѣли потерять человѣческой образъ... Но они подростутъ и потеряютъ его — и, какъ въ ихъ родителѣхъ,

Въ нихъ отразится божество,

Какъ солнца лучъ въ поганой лужѣ...

Да, нехорошъ Лѣтній садъ воскреснымъ, лѣтнимъ вечеромъ! Совѣмъ другую, несравненно болѣе пріятную картину представляютъ вамъ парижскіе сады. Да и не они одни. Возьмите вы здѣшнія загородныя гулянья по воскресеньямъ, когда Парижъ пустѣетъ и сотни тысячъ народа отправляются въ omnibusахъ, на пароходахъ, по желѣзнымъ дорогамъ, въ Сен-Клу, въ Сен-Жерменъ подъ ихъ тѣнистыя вѣковыя аллеи, или въ прилизанный Версаль любоваться тамошними фонтанами... Какъ хороши эти гулянья! Не говорю уже про то, что ѣдете вы, напримѣръ, въ Версаль, или Сен-Жерменъ не по такой безжизненной, чахоточной, болотистой пустынѣ, какая тянется между Петербургомъ и Петергофомъ или Царскимъ Селомъ, а по живописной мѣстности, среди богатой и разнообразной растительности, мимо безчисленныхъ, сплошныхъ, красивыхъ городковъ и фермъ, мимо щеголевато-воздѣланныхъ садовъ, огородовъ, полей и рощъ. Не говорю уже про то, какъ хороша терраса въ Сен-Клу, съ которой открывается великолѣпная панорама Парижа, или терраса сен-жерменскаго парка, съ которой видѣнъ обширный живописный, веселый ландшафтъ, увѣнчиваемый суровою готическою громадою темнаго сен-денисскаго аббатства... Ничего этого вы не найдете въ петербургскихъ окрестностяхъ; самый парголовскій Парнасъ, въ сравненіи съ террасою Сен-Клу, все равно, что Боско передъ М. В. Кречинскимъ: мальчишка и щенокъ... Но, не говоря о природѣ и не сравнивая «бла-

гословеннаго неба Франціи» (по выраженію Карамзина) съ чухонскимъ небомъ Петербурга (это—двѣ величины несоизмѣримыя), сравните публику на здѣшнихъ и на нашихъ русскихъ гуляньяхъ. Какая безконечная разница! Сколько здѣсь жизни, беззаѣтной веселости! Сколько невинныхъ дурачествъ, беззлыхъ шутокъ и задушевнаго смѣха! Какая граціозная непринужденность, какая самоувѣренная естественность! У насъ ничего этого нѣтъ. На павловской площадкѣ движется публика точно въ похоронной процесіи; въ Лѣтнемъ Саду вы видите точно такое же похоронное движеніе гуляющихъ. Мы отправляемся на гулянье не для того, чтобы подышать чистымъ воздухомъ, повеселиться, подурачиться, посидѣть въ травѣ, погулять въ тѣнистыхъ аллеяхъ—нѣтъ! Мы отправляемся за тѣмъ, чтобы «людей посмотреть и себя показать». Это — тяжелая и скучная обязанность для всякаго чело-вѣка, особенно же для насъ, русскихъ, потому что мы постоянно терзаемся мыслью, что у насъ (какъ говорится) рожа крива, потому что насъ мучитъ холопское благоговѣніе передъ внѣшнимъ лоскомъ людей высшаго полета и одо-лѣваетъ болѣзненная потребность бонтонничать. Скажите, пожалуйста, можетъ ли быть весело въ Лѣтнемъ Саду какому-нибудь гостинодворскому сидѣльцу, если онъ идетъ туда за тѣмъ, чтобъ «себя показать», если его мучитъ при этомъ печальная мысль, что у него рожа крива, если его еже-секундно терзаетъ чувство унижительнаго сознанія, что онъ сидѣлецъ, и всѣ его помыслы устремлены на то, чтобъ по-искуснѣе разыграть роль самозванца и показаться публикѣ не гостинодворскимъ сидѣльцемъ, а полированнымъ купцомъ-баричемъ? Очевидно, онъ веселиться не можетъ; онъ только перетягиваетъ свою фізіономію съ одной стороны на другую, чтобъ она была пряма, и трусливо посматриваетъ по сторо-

намъ: не засмѣется ли кто надъ нимъ, не ткнетъ ли кто-нибудь на него пальцомъ, разгадавъ его настоящее званіе... Можетъ ли быть весело ярко-голубой дочери коллежскаго совѣтника? Конечно, нѣтъ. Она всячески хлопочетъ о томъ, чтобъ ее не сочли какъ-нибудь за «не-благородную»; она постоянно имѣетъ въ виду дѣйствовать такъ, чтобы публика знала, что она умѣетъ говорить по французски; ее одолеваетъ забота осмотрѣть до нитки всѣ дамскіе туалеты для сравненія съ своимъ; ее мучитъ зависть отъ шутовски-распестренной купчихи, потому что купчиха надѣла платье изъ толстой шолковой матеріи, а она, дочь благородныхъ но бѣдныхъ родителей, принуждена судьбою щеголять въ дешевомъ шерстяномъ нарядѣ. Правда, она довольна тѣмъ, что купчиха одѣта безвкусно;—но это удовольствіе жолчное, завистливое. Она съ презрительной улыбкой смотритъ на рябоватую горничную. Конечно, горничная смѣшна и къ ея рябоватому, широкому лицу шляпка идетъ такъ же мало, какъ къ коровѣ сѣдло. Но эта ядовитая улыбка невесела и непріятна. Есть униженіе паче гордости; въ этой улыбкѣ я вижу гордость паче униженія: «образованная» дочь коллежскаго совѣтника чванится передъ расфрантившеюся горничной и рада, что она полирована нѣе... Есть чему радоваться!.. Изъ всей публики веселѣе всѣхъ горничная: она очень довольна своими манерами и своимъ туалетомъ и вполне увѣрена, что всѣ мимоходящіе считаютъ ее за „благородную барышню“. Но и ея веселье не настоящее, а съ нѣкоторой непріятной примѣсью. Она, строго говоря, даже и не веселится, потому что веселыми мы можемъ быть только тогда, когда мы просты, непринужденны, не пускаемъ въ глаза пыли и, смѣясь своему смѣху, не чувствуемъ потребности ни людей смотрѣть, ни себя имъ показывать.

Нѣтъ, мы не умѣемъ веселиться; наши общественныя гулянья мертвы и церемонны до невозможности. Мы мастера только на то, чтобъ у буфета налижаться до положенія ризъ и потомъ натворить скандаловъ. Мы не умѣемъ и созавать своего достоинства: мы или самодурствуемъ въ родѣ Тита Титча, или унижаемся; середины для насъ не существуетъ.

Какъ много еще нужно намъ развиться хоть настолько, чтобы умѣть быть веселыми! Какъ далеко еще отстали мы, даже въ этомъ отношеніи, отъ французовъ!

Не думайте, впрочемъ, чтобъ я былъ пламенный поклонникъ Парижа. Мнѣ здѣсь живется легко, я готовъ признать его столицей Европы, и при всемъ томъ, надо вамъ сказать, я небольшой охотникъ до Парижа. Мнѣ не нравится ни мыльный запахъ жесткихъ, холстинныхъ салфетокъ, ни черствый, трехаршинный полубѣлый хлѣбъ, которымъ васъ угощаютъ въ *Etablissements de bouillon* знаменитаго Дюваля, ни натертыя воскомъ, скользкія, узкія, витыя лѣстницы въ шамбр-гарни Латинскаго Квартала, по которымъ надо ходить съ большой осторожностью, чтобъ не скатиться кубаремъ внизъ. Мнѣ не нравится трактирная жизнь, на которую осуждена небогатая часть парижскаго населенія, принужденная, цѣлыми семействами съ малолѣтними дѣтьми, кочевать съ утра до вечера по кафе и ресторанамъ. Конечно, это дешево. Но, будучи русскимъ, я привыкъ жить своимъ домомъ, люблю неторопливыя обѣды съ веселою бесѣдой у домашняго очага (это — хорошее отдохновеніе послѣ утреннихъ трудовъ). Мнѣ жаль видѣть, что тѣ же самые люди, которые, при своихъ доходахъ, могли бы въ Петербургѣ завтракать и обѣдать у себя дома, не имѣютъ средствъ на такую роскошь въ Парижѣ и принуждены насыщаться въ ресторанахъ средней руки и туда же приглашать своихъ го-

стей на обѣдъ. А парижскіе рестораны средней руки, гдѣ вы получаете обѣдъ за два, за три, четыре франка—вещь не очень комфортабельная: одна или нѣсколько большихъ комнатъ, сплошь уставленныхъ столами и плетеными стульями; вамъ не позволяютъ тутъ покурить, нельзя и побесѣдовать послѣ обѣда за чашкой кофе или бутылкой вина: отобѣдайте и очищайте мѣсто для другихъ. Кофе пить, курить и болтать отправляйтесь въ кафе,—а тамъ опять вы вертитесь на плетеномъ стулѣ и опять вы находитесь въ такой обстановкѣ, которая не располагаетъ къ тихой, задушевной бесѣдѣ, возможной только у семейнаго очага, у домашняго камина. Цѣлый день жить на улицѣ—дешево, но неудобно. Дешевая жизнь на улицѣ, это—послѣднее, но отнюдь не лучшее слово европейской цивилизаціи.

Какъ хотите, европейская цивилизація, по части удобствъ жизни, идетъ ненормальнымъ путемъ, и эта ненормальность бросается вамъ въ глаза въ Парижѣ ярче, чѣмъ въ другихъ столицахъ континентальной Европы. Чѣмъ болѣе развивается цивилизація, тѣмъ болѣе и болѣе процвѣтають (или, вѣрнѣе, болѣзненно пухнутъ) большіе города, т. е. число домовъ и народонаселеніе въ нихъ увеличивается, дома все растутъ выше и выше, жизнь становится все дороже и дороже. Предокъ жилъ въ третьемъ этажѣ, недалеко отъ центра города, имѣлъ свою лошадь и какую-нибудь таратайку; владѣя небольшимъ капиталцемъ, онъ былъ хозяиномъ собственной лавочки или маленькой фабрики. Потомокъ отодвинулся на край города, живетъ въ седьмомъ этажѣ, о собственной лошади и таратайкѣ уже и не мечтаетъ, а фабрику его предка давнымъ-давно проглотили громадныя фабрики съ миллионными капиталами. Потомокъ—не хозяинъ собственнаго маленькаго заведенія: онъ служитъ вторымъ помощникомъ вице-бухгалтера въ чьей-

нибудь богатой конторѣ, или стоитъ за прилавкомъ въ чьемъ-нибудь, чудовищномъ по размѣрамъ и блеску, магазинѣ. Громадный капиталистъ — вотъ новый Наполеонъ I, который поглощаетъ самостоятельность маленькихъ владѣтельныхъ хозяйствъ, а прежнихъ маленькихъ владѣтельныхъ хозяевъ, лишенныхъ своего скромнаго престола, дѣластъ своими царедворцами у себя въ конторахъ, магазинахъ, фабрикахъ. Для этого промышленнаго Наполеонида нѣтъ седьмыхъ этажей, нѣтъ омнибусовъ, нѣтъ необходимости пользоваться дешевизною улично-трактирной жизни. У него все свое: свой загородный замокъ, свой городскій отель, свой экипажъ, свой обѣдъ, безчисленная прислуга, своя картинная галерея и библиотека — словомъ, все свое; даже по желѣзнымъ дорогамъ ѣдетъ онъ словно нашъ помѣщикъ въ тарантаѣ или рыдванѣ, — особнякомъ, въ особомъ отдѣленіи вагона. Онъ живетъ, какъ прежній феодалъ, условія его жизни остались тѣ же, какъ и въ средніе вѣка; эта жизнь только увѣнчана всѣми утонченностями и роскошью новаго времени. Что же касается тѣхъ общественныхъ удобствъ, которыми такъ богата современная жизнь и которыми такъ восхищаются въ Парижѣ наши русскіе путешественники, то они остаются на долю царедворцевъ буржуазнаго Наполеонида, да и то не высшихъ его царедворцевъ, а придворныхъ средняго и низшаго разбора: для нихъ омнибусы, табль-доты, шамбр-гарни, машинки для надѣванія сапоговъ, для варенія кофе и яицъ, роскошныя больницы, прекрасныя богадѣльни и пр. и пр. Помните ли вы, какъ Э. Абу, въ своемъ трактатѣ «О прогрессѣ», колѣнопреклоняется передъ омнибусомъ, видя въ немъ лучшій символъ нашего времени? Согласенъ, что омнибусъ — хорошая и полезная вещь. Но восхищаясь этимъ продуктомъ цивилизаціи, не забывайте вотъ чего: эта же самая цивилизація расширила Парижъ до та-

кой степени, что концы, которые вамъ теперь приходится дѣлать, превышаютъ силу пѣшехода. Не забудьте также, что при тѣхъ доходахъ, при которыхъ въ Казани вы можете имѣть собственную лошадь, при которыхъ въ Петербургѣ вы уже должны пробавляться извозчикомъ,—въ Парижѣ, вы не только не заведете своей лошади, но даже и фіакръ вамъ не по карману. Цивилизація стняла у васъ собственный экипажъ, сдѣлала для васъ извозника недоступною роскошью и, взаменъ того, дала вамъ омнибусъ. Конечно, лучше хоть что-нибудь, чѣмъ ничего; соглашаюсь и съ тѣмъ, что парижскій фіакръ лучше нашей извозничьей пролетки. Но когда вы ждете омнибуса, стоя на вѣтру, подъ дождемъ, и послѣ довольно-долгого ожиданія, видите, что въ омнибусѣ нѣтъ мѣста и что вамъ, слѣдовательно, приходится ждать новаго омнибуса, который, пожалуй, будетъ тоже полонъ,—то вы невольно согласитесь со мною, что омнибусъ хоть и послѣднее, но не лучшее слово европейской цивилизаціи. Я не безъ содроганія ожидаю того времени, когда Петербургъ двинется до такой степени по пути цивилизаціи, что вытѣшніе плохіе, но дешевые извозчики уступятъ свое мѣсто хорошимъ, но дорогимъ фіакрамъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ изъ людей, которые теперь ѣздятъ на извозникахъ, цѣлая треть, по малой мѣрѣ, принуждена будетъ ѣздить въ омнибусахъ. Поэтому, я всегда съ негодованіемъ смотрю на тотъ нумеръ газеты, гдѣ поднимается вопросъ объ извозничьей реформѣ. Помилуйте! Ужь и теперь за гривенникъ никуда не доѣдешь, ужъ пягалтыннымъ не всякаго извозчика соблазнишь, а вы тутъ еще поднимаете вопросъ о фіакрахъ! Какъ хотите, но плохой извозчикъ лучше хорошаго омнибуса.

Положимъ, что цивилизація даетъ средства ѣздить въ омнибусахъ цѣлой массѣ людей, которые прежде принуждены были ходить пѣшкомъ. Это хорошо. Но зато порядочная доля

людей, имѣвшая прежде своихъ лошадей или ѣздившая на извозникахъ, принуждена ѣздить въ омнибусѣ. Это дурно. Цивилизація сажаетъ сотню бѣдняковъ въ омнибусъ на счетъ тѣхъ десяти людей, которыхъ она принудила разстаться съ собственнымъ экипажомъ, и на счетъ двухъ-трехъ десятковъ людей, которыхъ она лишила возможности ѣздить въ фіакрахъ. Наша цивилизація никакъ не можетъ обойтись безъ того, чтобъ одолжить однихъ, не обидѣвъ другихъ. Спрашиваю васъ: развѣ за такой образъ дѣйствій, со стороны цивилизаціи, можно ей сказать спасибо? Я бы тогда только назвалъ ее безукоризненною умницей и совершенною благодѣтельницей, еслибъ она все большее и большее число людей дѣлала частными той жизни, которую ведутъ счастливыцы міра, имѣющіе полное свое домашнее хозяйство. А цивилизація, напротивъ, дѣлаетъ такую жизнь все болѣе и болѣе дорогою и доступною все меньшему и меньшему числу людей...

Фанатики современности, конечно, не согласятся со мною. По ихъ мнѣнію, человѣкъ созданъ для табль-дотовъ и омнибусовъ, для ассоціацій, для жизни сообща, для машинокъ вмѣсто прислуги и т. д. Но мало ли что говорятъ фанатики! Совершенно наоборотъ. Человѣкъ созданъ для жизни особнякомъ. Повидимому, парижанину какъ нельзя болѣе привольно среди всѣхъ этихъ удобствъ, доставляемыхъ омнибусами, табль-дотами, машинками. Да, конечно, онъ ими пользуется, пока не имѣетъ средствъ жить иначе. Но задушевная его мечта состоитъ въ томъ, чтобъ нажать такія средства, которыя дали бы ему возможность жить въ своемъ домѣ, ѣздить въ собственномъ экипажѣ, держать столь у себя дома и, вмѣсто машинокъ, завести многочисленную прислугу въ ливреяхъ и во фракахъ...

«Ну, вы ужь дошли даже до ливрейной прислуги! ска-

жетъ мнѣ иной фанатикъ современнаго прогресса: «Но вѣдь согласитесь, что ливрейная прислуга—безмысленная роскошь»

Согласенъ. Да что же прикажете дѣлать? Человѣческая натура всегда беретъ верхъ надъ разумомъ. Еще король Лиръ замѣтилъ, что только звѣри могутъ довольствоваться однимъ необходимымъ,—и онъ правъ. Человѣкъ до сихъ поръ не дошелъ еще до такого звѣринаго благоразумія и, думаю, никогда не дойдетъ. По крайней мѣрѣ, со времянь Лира и по сей день, человѣкъ, въ отношеніи роскоши, не сдѣлался ни на волосъ благоразумнѣе....

Письмо IV.

Недавно, въ кафе-Тортони, сидѣли передо мною французъ съ газетой (сколько я могъ заключить, адвокатъ) и русскій, изъ породы проматывающихся за-границей шалопаевъ, со стеклышкомъ въ глазу. Вотъ отрывокъ изъ ихъ разговора.

„Однако—говорилъ французъ русскому—вотъ я сейчасъ прочелъ, что у васъ назначена коммисія для устраненія столкновеній между администраціей и юстиціей *). Странное дѣло! Какія возможны столкновенія въ средѣ самого правительства!

— Мнѣ говорилъ N. (тутъ шалопай назвалъ имя одного туза), что администрація жалуется на притѣсненія со стороны юстиціи... Но, говоря откровенно, я вамъ не умѣю объяснить что нибудь болѣе по этому предмету, потому что я мало интересуюсь этимъ вопросомъ...“

*) Извѣстіе это, какъ потомъ оказалось, было неосновательно.

Мнѣ стало досадно, что наши тузы иногда серьезно говорятъ о важныхъ предметахъ съ разными великосвѣтскими шалопаями, съ которыми можно разсуждать только о томъ, хорошъ-ли у Тортони sherry—cobbler и какъ его вкуснѣе пить—просто или черезъ соломенку... Но не въ томъ дѣло. Я не считаю себя шалопаемъ и „этимъ вопросомъ“ интересуюсь; но признаюсь, во всеуслышаніе, что и я не могу вполне уяснить себѣ, въ чемъ могутъ состоять занятія комисіи, имѣющей разсматривать вопросъ о пререканіяхъ администраціи съ юстиціей?

Пререкаются—это характеристическая черта славянскаго племени. Наши предки пререкались до того, что вынуждены были призвать Варяговъ, и съ тѣхъ поръ начались и продолжаютъ до дня сего чиновничьи пререканія. Причины этихъ пререканій всегда были чисто домашняго свойства: предсѣдательская жена напр. не оплатитъ скоро визита вице-губернаторской женѣ,—и вотъ вамъ начинается пререканіе. Вѣроятно, потому, прежде и не назначались комисіи для изысканія причинъ и средствъ къ устраненію пререканій. И дѣйствительно, чтобы тутъ стала дѣлать комисія? Нельзя же во II-й томъ Свода губернскихъ учрежденій вносить предписанія такъ сказ. нравственнаго свойства, на примѣръ, что жены предсѣдателя и вице-губернатора должны оказывать взаимное уваженіе и безъ замедленія оплачивать другъ другу визиты! Притомъ, для устраненія этихъ пререканій нужны были не новыя статьи въ Сводѣ, а нужно было только задать острастку обѣимъ пререкающимся сторонамъ и не велѣть имъ впредь пререкаться.

До судебной реформы были у насъ пререканія между Петромъ Ивановичемъ и Иваномъ Петровичемъ, между предсѣдателемъ палаты гражданскаго и уголовнаго суда и гу-

бернаторомъ и т. п. Но о столкновеніяхъ не между лицами, а между администраціей и юстиціей—не было слышно. Строго говоря, этихъ столкновений и быть не могло, потому что и самой юстиціи не было, а была одна администрація, которая въ одной своей части администрировала, въ другой—судила и рядила, давала судъ и расправу.

О столкновеніяхъ между администраціей и юстиціей стали говорить только со введеніемъ въ дѣйствіе Судебныхъ Уставовъ. Едва принялись дѣйствовать новые суды, какъ администрація начала жаловаться, что юстиція ее обижаетъ, должной аттенціи ей не оказываетъ, словамъ ея вѣры не даетъ и желанія ея оставляетъ безъ исполненія. Такихъ жалобъ прежде не было. Иванъ Петровичъ не простираетъ своихъ претензій далѣе личности Петра Ивановича, и если входилъ съ слезнымъ ходатайствомъ въ Петербургъ, то обвинялъ не юстицію, даже не всю палату, а писалъ только, что Петръ Ивановичъ препятствуетъ ему на всѣхъ путяхъ его жизни и что не будь Петра Ивановича, то не было бы мѣры благоденствію и тишинѣ въ той мѣстности, гдѣ сей злокозненный Петръ Ивановичъ предсѣдательствуетъ и ехидничаетъ.

Наступили инья времена, поднялись инья жалобы—и вотъ учреждается коммисія для изысканія мѣръ къ устраненію столкновений между администраціей и юстиціей.

Что коммисія нужна,—объ этомъ, пожалуй, не можетъ быть рѣчи. Въ самомъ дѣлѣ, если Иванъ кричитъ, что Петръ его обижаетъ, то начальству, очевидно, нужно же разобратъ, кто тутъ правъ, кто виноватъ, и дѣйствительно-ли Петръ обижаетъ Ивана? Но у насъ давно уже ходятъ тревожные слухи, будто Судебные Уставы предполагается измѣнить въ томъ направленіи, чтобы юстиція потеряла часть нынѣшней своей независимости и чтобы администрація получила большее.

чѣмъ нынѣ, вліяніе на отправленіе правосудія. Теперь эти слухи какъ бы находятъ себѣ подкрѣпленіе. Вотъ почему наше общество задумывается о тѣхъ результатахъ, къ которымъ придетъ коммисія.

Зачѣмъ преждевременно тревожиться за исходъ праваго дѣла? У коммисіи будетъ матеріаловъ подъ руками болѣе, чѣмъ у каждаго частнаго человѣка,—и нѣтъ основанія думать, чтобы на эти матеріалы она смотрѣла пристрастно. Вотъ почему я, съ своей стороны, хочу вѣрить, что коммисія должна придти и придетъ къ слѣдующимъ выводамъ:

Неудовольствій у администраціи противъ юстиціи накопилось дѣйствительно много, но столкновеній между этими двумя вѣдомствами нѣтъ, а слѣдовательно, и устранять нечего. Неудовольствія эти въ непродолжительномъ времени утихнутъ сами собою. Калѣчить Судебные Уставы нѣтъ никакой надобности.

Въ самомъ дѣлѣ. Что администрація недовольна своимъ положеніемъ—это фактъ несомнѣнный и неизбѣжный; что она боится за сохраненіе порядка и тишины съ отнятіемъ у нея судебныхъ функцій—это явленіе не непредвидѣнное: его слѣдовало ожидать еще въ то время, когда приступлено было къ составленію Судебныхъ Уставовъ. У меня есть одинъ знакомый, очень умный помѣщикъ, который, съ освобожденіемъ крестьянъ, пересталъ жить въ своихъ деревняхъ и пребываетъ за-границей. Недавно мы съ нимъ разговорились о причинахъ абсентизма русскихъ помѣщиковъ,—и вотъ что, между прочимъ, онъ говорилъ по этому поводу:

„Послушайте: я не могу жить въ своемъ Ивановскомъ. Почему?—я надѣюсь, вы поймете меня. До освобожденія крестьянъ, я былъ у себя властелинъ; деревня—это было мое маленькое царство: я имѣлъ въ нѣкоторомъ родѣ поли-

тическую власть... Вы знаете, что я всегда былъ съ крестьянами хорошъ; я ни одного изъ нихъ пальцемъ не тронулъ во всю свою жизнь; я далъ имъ полное самоуправленіе; я завелъ оброчное хозяйство. Все это вы хорошо знаете. Но понимаете: это все я имъ далъ и все это я могу отнять; я могу забрить имъ всѣмъ лбы—словомъ, я былъ хозяинъ, судья, властелинъ. Я не дѣлаю — но могу сдѣлать. Теперь—я ничто; меня мой же крестьянинъ можетъ потащить въ судъ и меня же обвинять. Я не могу ѣхать къ себѣ въ деревню, все равно, какъ я бы не могъ показаться въ общество, послѣ того какъ мнѣ дали пощечину... Вотъ вамъ причина дворянскаго абсентизма“.

Въ подобномъ положеніи отчасти находится наша администрація со введеніемъ въ дѣйствіе Судебныхъ Уставовъ. Прежде она сама поднимала преслѣдованіе противъ того, что считала преступнымъ или вреднымъ, и сама же по своему преслѣдованію давала рѣшеніе. Своя рука, стало быть, была владыка. Теперь иное дѣло: нужно, чтобы юстиція произнесла свое мнѣніе, правленъ-ли взглядъ администраціи. Очевидно, для администраціи, послѣ столькихъ лѣтъ безконтрольной власти, неловко, унижительно являться въ судѣ истцомъ или даже отвѣтчикомъ. Это вполне естественно и понятно. Вѣдь и помѣщику унижительно тягаться въ мировомъ судѣ или у мирового посредника съ крестьяниномъ, котораго онъ еще вчера могъ стереть съ лица земли! А тутъ вдругъ судъ находитъ преслѣдованіе неправильнымъ и даетъ оправдательный приговоръ. Помилуйте, да тутъ небо за овчинку покажется! Помѣщику, проигравшему свое дѣло съ крестьяниномъ въ мировомъ судѣ, чудится, что крестьяне высовываютъ ему языкъ и вся деревня укаетъ: „А, братъ! Что взялъ? Фигу съ ма-слоемъ съѣлъ!“ Помѣщикъ трепещетъ за благосостояніе госу-

дарства, щеки его покрыты яркимъ пурпуромъ сгъда, голова униженно опускается на грудь. Онъ идетъ домой отъ судьи и не смотритъ кругомъ—и жаль, что не смотритъ! Еслибы онъ смотрѣлъ, то увидалъ бы, что языка ему никто не высовываетъ, уваженіе къ его личности питаютъ по достоинству, какъ прежде, и всякій спокойно занятъ своимъ дѣломъ, такъ что государству не грозитъ ни малѣйшей опасности. Положимъ, что мой знакомый правъ на счетъ причинъ дворянской эмиграціи. Но вѣдь нельзя же крѣпостить 20 милліоновъ душъ потому только, что ста дворянскимъ семействамъ не живетъ въ Россіи и что для усвоенія ихъ души нужна хоть вотчинная полиція, въ которую такъ влюблена *Въсть*? Нужно только переждать: помѣщики привыкнутъ къ своему новому положенію и снова начнутъ ѣздить въ свои деревни. Больше ничего!

Такъ и въ настоящемъ случаѣ. Администрація ропщетъ. Но ропотъ ропоту рознь. Иной ропотъ уже по одному тому, что онъ раздается, имѣетъ право на то, чтобы устранены были его причины. Другой ропотъ есть только послѣдній симптомъ болѣзни, за которымъ начинается выздоровленіе. Коммисія, имѣющая изслѣдовать причины столкновений администраціи съ юстиціей, конечно, не упуститъ изъ виду тотъ фактъ, что сословія, вѣдомства, учрежденія обыкновенно не безъ боли сердца теряютъ отнимаемая у нихъ, тѣ или другія, права и привилегіи. Утишать возникшій вслѣдствіе этого ропотъ, лишь бы только онъ прекратился,—непослѣдовательно. Нельзя не предвидѣть, что при такомъ-то порядкѣ вещей непременно долженъ быть ропотъ: нужно или установить законъ, несмотря на имѣющій быть ропотъ, или ужъ вовсе не заводить новыхъ порядковъ. Законы—не карточные домики; ими нельзя играть, разрушая одною рукою то, что не болѣе какъ за полчаса было создано другою.

Итакъ комиссія, конечно, будетъ имѣть въ виду, что одинъ ропотъ администраціи, самъ по себѣ, еще не имѣетъ такихъ правъ на уваженіе, чтобы нужно было во чтобы то ни стало дать ей удовлетвореніе. Безъ сомнѣнія, комиссія сочтетъ необходимымъ войти въ ближайшее разсмотрѣніе тѣхъ фактовъ, которые заявляетъ администрація. А разсматривая эти заявленія, комиссія, очевидно, не упуститъ изъ виду, что ихъ слѣдуетъ подвергать строгой повѣркѣ, ибо они дѣлаются въ такое время, когда администрація, еще не привыкнувъ къ новымъ порядкамъ, не можетъ вполне спокойно и непристрастно смотрѣть на дѣло.

Возьмемъ другую сторону вопроса.

У меня есть знакомый администраторъ. Я люблю его, какъ и того помѣщика-абсентиста, о которомъ я сейчасъ говорилъ, за ихъ рѣдкую въ наше время искренность. Они не принадлежатъ къ числу тѣхъ людей, которые обливаются слезами умиленія, говоря напр. объ уничтоженіи тѣлеснаго наказанія и крѣпостнаго права, а сами въ тоже время думаютъ: „Ахъ, какъ бы хорошо этого подлеца Петрушку въ части отодрать, или хоть бы зуботычины двѣ ему дать“. Вотъ, этотъ администраторъ мнѣ и говорилъ однажды слѣдующее:

„Дѣло не въ томъ, правильно-ли дѣйствовала администрація по тѣмъ дѣламъ, по которымъ послѣдовали оправданія. Мы и не будемъ касаться этого пункта. Но подумайте вотъ что: эта разладица между администраціей и судомъ ведетъ къ тому, что подрывается уваженіе къ администраціи, подрывается авторитетъ самой государственной власти. Положимъ даже, что администрація и будетъ неправа по иному дѣлу. Но судъ долженъ быть въ гармоніи съ администраціей, потому что и юстиція, и администрація— двѣ части одной, обще-государственной власти“.

Другими словами: судъ долженъ плясать по административной дудкѣ и судебная власть должна полагать свой животъ за власть административную, покрывая всякій ея промахъ, если таковой случится.

Этого мнѣнія держатся, сколько мнѣ извѣстно, очень многіе органы администраціи, хотя и не всегда рѣшаются его высказывать такъ откровенно, какъ мой знакомый. Вотъ почему я долженъ сказать о немъ нѣсколько словъ, хотя несостоятельность этого взгляда такъ велика, что даже не знаешь, откуда начать его опроверженіе.

Представимъ себѣ слѣдующій примѣръ:

Административное лицо подходитъ ко мнѣ во время моей прогулки и, въ силу своей власти, приказываетъ мнѣ идти вверхъ ногами. Я не слушаюсь этого приказанія и меня подвергаютъ судебному преслѣдованію. За тѣмъ является двоякій исходъ: судъ меня или обвиняетъ въ неповиновеніи власти, или оправдываетъ.

Вообразимъ, что судъ даетъ оправдательный приговоръ. Теряетъ-ли, вслѣдствіе этого приговора, административный чиновникъ, приказавшій мнѣ идти вверхъ ногами, уваженіе въ глазахъ подвѣдомыхъ лицъ? Очевидно, не теряетъ, ибо ему нечего терять: уваженіе къ нему потеряно уже съ того момента, когда онъ сталъ отдавать приказаніе, чтобы граждане ходили вверхъ ногами. Теряетъ-ли уваженіе къ себѣ администрація? Нѣтъ; подрывается только вѣра во всемогущество ея произвола. Подрывается-ли оправдательнымъ приговоромъ уваженіе къ государственной власти? Очевидно, что государственная власть не только не проигрываетъ, а выигрываетъ въ уваженіи гражданъ, ибо граждане видятъ, что эта власть не прикрываетъ своимъ авторитетомъ противозаконныя или незаконныя дѣйствія своихъ органовъ.

Не должно смѣшивать двухъ вещей: уваженія къ власти и страха предъ ея безконтрольной и безапелляціонной силой. Если я не послушаюсь приказанія, не пойду вверхъ ногами и судъ, вопреки закону, признаетъ меня виновнымъ въ сопротивленіи власти,—подобныя приговоры конечно не внушаютъ уваженія ни къ такимъ приказаніямъ, ни къ административной власти. Сила тогда только внушаетъ къ себѣ уваженіе, когда она разумна и справедлива; въ противномъ случаѣ она вызываетъ къ себѣ только страхъ, ненависть, и т. п. Степень этихъ чувствъ соразмѣряется со степенью произвола и безконтрольности силы. Но всякому извѣстно, что не этими чувствами крѣпокъ бываетъ государственный порядокъ и сильна государственная власть.

Прибавлю наконецъ: желаютъ, чтобы у насъ были судебныя мѣста и въ тоже время желаютъ, чтобы юстиція не была юстиціей и удовлетворяла администрацію въ каждомъ ея требованіи *quand même*. Не есть ли это вопіющій *nonsense*? Если юстиція должна быть покорною слугою администраціи, — тогда за чѣмъ же судъ? Въ такомъ случаѣ пусть по всѣмъ дѣламъ, гдѣ замѣшана администрація, она сама будетъ и истцомъ, и отвѣтчикомъ, и судьей.

Но такова наша характеристическая черта. Мы желаемъ, чтобы у насъ, какъ и у порядочныхъ людей, были разныя хорошія вещи: и независимая юстиція, и судъ присяжныхъ и т. п. Куда люди, туда и мы! Но намъ хочется, чтобы всѣ такія хорошія вещи дѣйствовали у насъ совсѣмъ не такъ, какъ они дѣйствуютъ у хорошихъ людей. Такъ, иной самодуръ, Титъ Титычъ, желаетъ, чтобы у его сына женою была образованная барышня — и въ тоже время, чтобы эта образованная барышня была также безотвѣтна, какъ его дражайшая половина Агафья Филимоновна, чтобы онъ ей

кричалъ: „Ты, баба-дура, не дыши предо мной, не огорчай меня!“—а она бы съ ослинымъ терпѣніемъ выслушивала эти рѣчи, съ нечеловѣческой безответностью подчинялась его самодурству и съ рабскимъ подобострастнымъ благоговѣніемъ отвѣчала ему: „Кто васъ можетъ обидѣть, Китъ Китычъ, вы сами всякаго обидите“... Да! Киты Китычи и Степаны Михайловичи Багровы все еще продолжаютъ быть героями нашего времени.

Прибавлю къ этому, что мы о своихъ согражданахъ не лучшаго мнѣнія, чѣмъ Багровы о своихъ женахъ. Едва только Судебные Уставы стали дѣйствовать, какъ уже поднялся съ разныхъ сторонъ глухой ропотъ. „Гм! (зарычалъ вчерашній поклонникъ судебной реформы) мужичья понасажали въ присяжные и зовутъ ихъ *господами*! Хороши господа! Будетъ тутъ съ ними судъ правый и милостивый!“—„Ванька-то Бардадымовъ, Ванька-то! Въ мировые судьи попалъ! Вчера мы съ нимъ въ карты дулись, а сегодня онъ натянулъ цѣпь и корчитъ изъ себя настоящаго судью! Хороша тутъ будетъ мировая юстиція“—рычитъ другой недавній поклонникъ судебной реформы... Но, господа, побойтесь Бога! Вѣдь вы же знали, что присяжными будутъ не одни князья. Вѣдь вы же знали, что присяжныхъ не станутъ выписывать изъ-за границы вмѣстѣ съ галантерейными вещами! Чего же вы умилялись отъ *Основныхъ Положеній* и обливали слезами радости *Судебные Уставы*? Да, наконецъ, прежде чѣмъ возроптать, вы вникните въ дѣло: можетъ быть, мужичье, хоть оно и сѣро, даетъ хорошіе вердикты, а Ванька Бардадымовъ, хоть и игралъ съ вами вчера въ карты и хоть вы его окрестили Ванькой, дѣйствуетъ сегодня весьма основательно.—«Гдѣ у насъ идти хорошо судебной реформѣ! (восьлицаетъ третій недавній поклонникъ судебной реформы, читая какую нибудь

забористую рѣчь Жюль-Фавра) Возмите хоть одно это: развѣ у насъ есть такіе адвокаты, какъ Жюль-Фавръ!“—Господа, примите, ради Бога, вотъ что въ соображеніе: заведется у насъ Жюль-Фавръ,— да вѣдь вы его въ порошокъ изотрете! Скажи у насъ адвокатъ такую забористую рѣчь,— да вѣдь вы поднимете стопъ на цѣлый свѣтъ, вѣдь вы потребуете Сибири и для забористаго адвоката и для предсѣдателя суда, который не зажалъ ему своевременно ротъ.

И это опять таки Багровщина! Старикъ Багровъ питалъ уваженіе къ женѣ сына и презиралъ свою жену за то, что она—не Софья Николавна. Онъ не могъ понять того, что женами Багровыхъ не могутъ быть Софьи Николавны. Онъ не могъ понять того, что Степаны Михайловичи только бьютъ своихъ безотвѣтныхъ женъ, но все таки живутъ съ ними кое-какъ въ долгодѣтнемъ бракѣ; а заведись у нихъ женой Софьи Николавны—они бы убили ее, или она бы утопилась на другой же день послѣ свадьбы. Багровъ не можетъ понять всего этого—и въ этомъ глубокой трагизмъ его положенія. . .

Да, Киты Китычи и Багровы—все еще герои нашего времени!

Коммисіи вѣроятно придется услухать мнѣніе не отъ одного административнаго лица, что юстиція должна поблажать администраціи. Но коммисія безъ сомнѣнія понимаетъ, какой вѣсь слѣдуетъ придавать эдакимъ мнѣніямъ: коммисіи должно быть извѣстно лучше, чѣмъ кому нибудь другому, что подобнымъ желаніямъ нельзя удовлетворить иначе, какъ исказивъ одно изъ лучшихъ дѣлъ настоящаго царствованія—искалѣчивъ Судебные Уставы. Софья Николаевна не можетъ оставаться Софьей Николаевной, если мы хотимъ низвести ее на роль запуганной и забитой Агафьи Филимоновны.

Пойдемъ далѣе.

Толкують о столкновѣнiяхъ между администраціей и юстиціей, происходящихъ вслѣдствіе какой-то систематической вражды, которую будто бы питаетъ юстиція къ администраціи. Слушая всѣ такіе толки (хотя бы они исходили даже изъ устъ тузовъ въ бесѣдахъ ихъ съ великосвѣткими шапопаями), невольно восклицаешь:

Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ!

Дѣйствительно, не только французу, сидѣвшему у Торто-ни, но и всякому другому покажется (и покажется вполне основательно) непонятнымъ и невѣроятнымъ, какой систематическій антагонизмъ можетъ существовать между двумя однородными частями одной и той же государственной власти?—Систематическое противодѣйствіе, столкновѣнiя мыслимы только между двумя разнородными силами, напримѣръ между парламентомъ и правительствомъ конституціоннаго государства, между жюри и прокуратурой и т. д.,—но отнюдь не между двумя коронными вѣдомствами. Я не отрицаю возможности случаевъ, что въ новые суды иной Петръ Ивановичъ и перенесъ изъ прежнихъ палатъ и губернскихъ правленій изстаринное влеченіе пререкаться съ Иваномъ Петровичемъ. Но вѣдь съ Петромъ Ивановичемъ можно управиться легко: на это въ Судебныхъ Уставахъ дано столько средствъ, что усмиряющая дѣятельность комисіи была бы излишествомъ богатства, или (какъ выразился одинъ нашъ писатель) политическимъ плеоназмомъ. Правда, что бывали времена систематической вражды между французскими до-революціонными парламентами и администраціей. Но не забудемъ, что парламенты эти имѣли не только судебныя, но и политическія функціи, какихъ наши новые суды не имѣютъ, что они пользовались такой самостоятельностью, какой нашимъ по-

вымъ судамъ не дано, что французскіе парламенты могли замѣнять въ извѣстной степени для французскаго народа представительство, когда états-generaux перестали дѣйствовать,—между тѣмъ какъ наши суды ни въ какомъ случаѣ такой роли играть не могутъ. Въ подтвержденіе, укажу хоть на одно слѣдующее обстоятельство:

Люди стариннаго закала съ ужасомъ указываютъ на несмѣняемость судей, установленную Судебными Уставами. „Помилуйте (вопять они) да теперь нашимъ судьямъ, какъ говорится, чортъ не брать!“ Эти люди съ-испугу не замѣчаютъ, что самостоятельность судей, по Судебнымъ Уставамъ, вовсе не такъ велика, какъ имъ кажется, что въ рукахъ власти есть много средствъ, которыми она, если только захочетъ, можетъ значительно и постоянно подрывать судейскую независимость. Министерство юстиціи имѣетъ громадное вліяніе на назначеніе въ судебныя должности и на перемѣщеніе съ низшихъ должностей на высшія. Лица судебного вѣдомства не получаютъ чиновъ, но за то они могутъ быть награждаемы крестами, звѣздами, арендами, а эти вещи для слабыхъ смертныхъ бываютъ часто гораздо пріятнѣе, нежели чинъ. Неужели этихъ средствъ мало, чтобы человѣкъ соблазнился? Съ другой стороны, замѣтимъ слѣдующее: чины судебного вѣдомства пользуются несмѣняемостью. Но, сколько мнѣ извѣстно, статьи Судебныхъ Уставахъ о несмѣняемости не вошли въ «Основные законы» а слѣдовательно и при господствѣ Судебныхъ Уставовъ, лице судебного вѣдомства, экстраординарнымъ путемъ, можетъ быть лишено своего мѣста, даже съ потерей права когда либо вступить въ службу. Неужели этаго мало, чтобы человѣкъ боялся? Прибавлю къ этому: французское законодательство, нормируя inamovibilité судей, устанавливаетъ, что, въ случаѣ закрытія извѣстнаго

суда, оставшіеся за штатомъ судьи сохраняютъ пожизненно свое судейское содержаніе. Наши Уставы этого правила во- все не знаютъ.

Словомъ, между администраціей и юстиціей у насъ воз-моженъ былъ бы систематическій антагонизмъ только тогда, если бы эти два вѣдомства были силами разнохарактер-ными, если бы наши суды въ своемъ личномъ составѣ носили тотъ общественный элементъ, какой былъ при-сущъ до-революціоннымъ французскимъ парламентамъ, или если бы наши судьи имѣли такую независимость, какую имѣютъ англійскіе судьи, которые «могутъ ничего не боятъ-ся и не могутъ ни на что надѣяться». Всего этого у насъ нѣтъ, а слѣдовательно и то систематическое противодѣйст-віе, которое будто бы юстиція оказываетъ администраціи,— есть не болѣе какъ плодъ пугливой и озлобленной фантазіи лицъ, неумѣющихъ еще свыкнуться съ новыми порядками. Имъ чудится антагонизмъ со стороны юстиціи по той же самой причинѣ, почему Щедринскому помѣщику чудилось, что его Ванька смотритъ на него звѣрообразно и служить ему неуважительно: Ванька и смотритъ и служитъ по преж-нему, но помѣщику чудятся и звѣрообразность и неуважи-тельность только потому, что Ванька пересталъ быть крѣ-постнымъ и что онъ смотритъ и услуживаетъ барину послѣ 19 февраля.

Комисіи безъ сомнѣнія будутъ указывать на оправда-тельные приговоры по административнымъ преслѣдованіямъ, какъ на доказательство того противодѣйствія, которое юсти-ція оказываетъ администраціи. Я не знаю точно процентнаго отношенія между благопріятными и неблагопріятными для администраціи рѣшеніями новыхъ судебныхъ мѣстъ; думаю, однако, что число неблагопріятныхъ рѣшеній довольно зна-

чительно. Но само собою разумѣется, что коммисія не ограничить своихъ дѣйствій сложеніемъ и дѣленіемъ чиселъ, потому что числа эти, сами по себѣ, не только не доказываютъ систематическаго антагонизма между судебнымъ и административнымъ вѣдомствами, но и ровно ничего не доказываютъ, если коммисіи будутъ неизвѣстны причины происхожденія этихъ чиселъ. А эти-то причины и важны.

Вы конечно помните знаменитое миллионное дѣло о Прокудино-алексинскомъ борѣ. Вы помните, какой шумъ и гамъ подняли сторонники администрація, когда владимірскій судъ призналъ искъ ямщиковъ къ казнѣ правильнымъ. Между тѣмъ рѣшеніе суда было вполнѣ правильно, при той обстановкѣ, въ какой дѣло явилось на судъ со стороны казеннаго вѣдомства, которое не озаботилось обставить его надлежащими доказательствами. Что бы дать иное рѣшеніе, суду пришлось бы быть не судомъ, а баловнемъ казеннаго вѣдомства: ему нужно было самому выискивать доказательства за казенное вѣдомство и, такимъ образомъ, нарушать основное начало новаго нашего гражданскаго судопроизводства—состязательность. При разсмотрѣніи дѣла о Прокудино-алексинскомъ борѣ въ палатѣ, оно было обставлено надлежащимъ образомъ со стороны казеннаго вѣдомства—и палата признала неправильнымъ искъ ямщикомъ, которые такимъ образомъ и остались ни при чемъ.

Кто былъ виноватъ въ рѣшеніи владимірскаго суда? Конечно, не судъ. Если ужъ непременно нужно заподозрѣть кого-нибудь въ желаніи подкузывать ближняго, такъ не судъ, а скорѣе казенное вѣдомство: „Расклебывай-моль дѣло! Я не хочу много заботиться, а ты имѣй въ виду, что тутъ пострадають казенные миллионы, если ты дашь рѣшеніе въ пользу ямщиковъ“!

Боже меня избави подозрѣвать казенное вѣдомство въ желаніи напакостить судебному, или—выражаясь деликатнѣе —поставить его въ критическое положеніе. Я говорю это только въ виду господствующаго у насъ теперь стремленія непремѣнно видѣть всюду антагонизмъ, да и антагонизмъ не простой, а систематическій, или такъ сказ. сугубый. Я уже сказалъ, что между двумя коронными вѣдомствами, никакой систематической вражды быть не можетъ.

Подобныхъ случаевъ конечно комиссія встрѣтитъ не мало въ практикѣ нашихъ новыхъ судовъ. Эти случаи необходимы, ибо мы привыкли къ процессу инквизиціонному, къ юному порядку отправленія правосудія. Формализмъ процессуальный намъ немножко дикъ. Но вѣдь изъ того, что мы привыкли такъ сказ. къ халатной жизни, нельзя же держать правосудіе въ вѣчномъ несовершеннолѣтіи: пора ему бросить дѣтскіе воротнички и панталончики! Не колеблется же государственный порядокъ, чтобы нужно было калѣчить Судебные Уставы ради нашего неумѣнья, или (вѣрнѣе) нежеланья умѣть. Комиссія, конечно, должно понимать это очень хорошо.

Есть и другая группа причинъ, порождающихъ неблагопріятныя для администраціи рѣшенія новыхъ судебныхъ мѣстъ. Сообщу вамъ рассказъ одного мирового судьи, которому я не имѣю права не вѣрить:

Приводятъ къ этому мировому судѣ изъ полиціи извозчика, обвинявшагося въ какомъ-то легкомъ проступкѣ, за который слѣдовало ему назначить замѣчаніе, или внушеніе. На судоговореніи извозчикъ между прочимъ говоритъ: „Что жъ отецъ, съ одного вола двухъ шкуръ не дерутъ. Мнѣ генералъ ужъ и безъ того наклалъ“. — Чего наклалъ? — „Извѣсти чего: оглаушинъ пять вкатилъ“. Я (говоритъ мировой судья) спрашиваю полицейскаго: „Наклали ему?“ — „Оогла-

ушинъ пять ему не дали, онъ вретъ, отвѣчаетъ полицейскій“: „а точно, что ихъ превосходительство изволили ему затрещины двѣ дать“.

Мировой судья оправдалъ извозчика, хотя тотъ былъ и дѣйствительно виноватъ. Но мировой судья, оправдывая извозчика, не желалъ насолить полиціи, а исходилъ изъ того, что съ одного воля, дѣйствительно, двухъ шкуръ драть не слѣдуетъ и что двѣ затрещины есть наказаніе болѣе сильное, чѣмъ замѣчаніе или выговоръ. *Roena major absorbet minorem.*

Положимъ даже, что мировой судья поступилъ неправильно. Но вы согласитесь: свѣжему человѣку немножко странно очутиться лицомъ къ лицу съ затрещинами. Если мировому судѣ можно поставить въ вину, что онъ человѣкъ слишкомъ новый, свѣжій, то и ихъ превосходительство немножко виноваты въ томъ, что они—персона несвѣжая.

Бываютъ и такіе случаи: тянутъ человѣка въ судъ за проступокъ, влекущій не болѣе трехъ дней ареста, а этотъ человѣкъ уже до суда сидѣлъ при полиціи недѣлю.

Говорять, такихъ и подобныхъ случаевъ бываютъ не одинъ. И въ этомъ нѣтъ ничего невѣроятнаго. Это—привычки прежняго времени, это—отпрыски стараго лѣса, который такъ счастливо вырубается въ настоящее царствованіе.

Кстати. Въ послѣднее время, какъ я вижу изъ русскихъ газетъ, наши алармисты снова взгомозились противъ присяжныхъ по поводу нѣкоторыхъ оправдательныхъ вердиктовъ.

Признаюсь, еслибъ я могъ чему нибудь удивляться, я подивился бы тому легкомысленному запанибратству, съ которымъ наши благонамѣренныя либералы относятся къ нашему новому суду. Возьмемъ для примѣра хоть знаменитое гусевское дѣло.

Разбирается это дѣло въ теченіи нѣсколькихъ дней. Судь видитъ и слышитъ подсудимыхъ, выслушиваетъ множество свидѣтелей, знакомится съ дѣломъ во всѣхъ его подробностяхъ; адвокаты и прокуроръ стараются вырисовать и осмыслить всякое мельчайшее обстоятельство, — словомъ, суду даются всевозможныя средства для того, чтобъ онъ могъ произнести правдивый приговоръ.

Въ это время алармистъ рыщетъ по городу, обдѣлываетъ свои дѣлишки и, между дѣломъ, мелькомъ пробѣгаетъ газеты, гдѣ, между прочимъ, печатается и отчетъ по гусевскому дѣлу.

Спрашивается: кто болѣе знакомъ съ дѣломъ? кто болѣе можетъ прочувствовать всѣ факты процесса—судь ли, встрѣчающійся съ преступленіемъ, свидѣтелями и подсудимыми лицомъ къ лицу, или рыскающій по городу алармистъ, мелькомъ пробѣгающій газеты, которыя даютъ о процесѣ отчетъ не всегда вѣрный и всегда мертвенный? Кто способенъ правильнѣе рѣшить дѣло?

Очевидно—судь.

Но алармистъ полагаетъ, что именно онъ-то и есть то всевидящее око, которому доступна абсолютная истина по всѣмъ уголовнымъ дѣламъ. Это онъ—новѣйшій Юлій Цезарь, который «пришелъ (къ Вольфу или Доминику), увидѣлъ (газету) и постигъ». При томъ самоувѣренномъ нахальствѣ, съ которымъ наши алармисты бранятъ приговоры новыхъ судовъ, я не знаю, отчего они до сихъ поръ не предложатъ слѣдующаго проекта судебной контр-реформы:

- 1) Учрежденіе жюри и судейскія должности упраздняются.
- 2) Разбирательства дѣлъ производится въ тѣхъ только случаяхъ, когда это признаетъ нужнымъ алармистъ.

3) Разбирательство производится въ зданіи суда, но не передъ судьями (ихъ не нужно), а передъ пустымъ мѣстомъ.

4) Отчеты о судебномъ засѣданіи, въ полномъ или сокращенномъ видѣ (смотря по тому, насколько дѣло имѣетъ значеніе интересовать алармиста) посылаются въ тотъ ресторанъ, гдѣ онъ обыкновенно завтракаетъ.

5) Этотъ ресторанъ и есть то высшее судебное учрежденіе, гдѣ, безъ апелляціи и кассациіи, алармистъ за завтракомъ, творитъ судъ и расправу по всѣмъ судамъ Россійской Имперіи.

И почему бы, въ самомъ дѣлѣ, не организовать такъ юстицію?

ОТЦЫ И ДѢТИ.

Новыя варіаціи на старую тему.

ИНТРОДУКЦІЯ.

„Отцы“ и „дѣти“—это такая наша особенность, которой нѣтъ ни въ одномъ современномъ государствѣ западной Европы. Тамъ есть отцы и матери, сыновья и дочери, но нѣтъ „отцовъ“ и „дѣтей“ въ томъ видѣ, какъ у насъ, т. е. тамъ нѣтъ ни той, повидимому, непереходимой бездны, которая бы раздѣляла старое и молодое поколѣніе, ни происходящей отсюда розни между тѣмъ и другимъ.

Многіе радуются тому, что Россія быстро идетъ по пути развитія. Дѣйствительно, если не вникать въ суть дѣла, то можно подумать, что дистанція между „отцами“ и „дѣтьми“ у насъ такова, какая въ западной Европѣ отдѣляетъ развѣ дѣдовъ отъ внуковъ. Мѣряя наши, смѣняющія другъ друга поколѣнія на иностранный аршинъ, неопытный наблюдатель можетъ подумать, что у насъ собственно ни отцовъ, ни дѣтей нѣтъ, а что у русскаго отца рождается съ-оника внукъ и отецъ, такимъ образомъ, приходится своему сыну не отцомъ, а прямо дѣдушкою.

Но дѣло въ томъ, что дистанція, отдѣляющая „отцовъ“ отъ „дѣтей“, вовсе не такъ велика, какъ кажется съ перваго взгляда. Если же намъ и кажется, что „сыновья“ слишкомъ

далеко увзжаютъ впередъ, то это происходитъ главнымъ образомъ оттого, что они слишкомъ яро гикаютъ, слишкомъ ухарски подбочениваются и пускаютъ слишкомъ большую пыль въ глаза. Ослѣпленному этою пылью, оглушенному этими гиканьями наблюдателю аршинъ кажется за версту, сынъ является правнукомъ... Но это чистая иллюзія! Въдъ не можетъ же отъ отца родиться прямо внукъ.

И такъ, дѣти есть. Но эти дѣти у насъ, по недоразумѣнію, идутъ за внуковъ.

Повторяю, что это—недоразумѣніе, не болѣе. Справедливо только то, что на Западѣ между старымъ и молодымъ поколѣніемъ нѣтъ такого антагонизма, какъ у насъ; старое поколѣніе тамъ не питаетъ озлобленія къ молодому, молодое не чувствуетъ презрѣнія къ старому. И это понятно. Дѣти, правда, идутъ впередъ; но разница между молодымъ и старымъ поколѣніемъ вовсе не такъ велика, чтобы отецъ не узнавалъ себя въ сынѣ: ихъ связываетъ общность преданій, интересовъ; сынъ, опережая отца, продолжаетъ его дѣло; между поколѣніями есть преемственность, которая чувствуется и молодымъ и старымъ поколѣніемъ; новые дѣятели питаютъ почтеніе къ предшествующимъ борцамъ, старые съ любовью смотрятъ на своихъ преемниковъ. И отцы и дѣти хорошо знаютъ, что они образуютъ общую семью и дѣлаютъ общее дѣло. Связь поколѣній не прерывается и перерожденіе прадѣда въ правнука совершается дружно и незамѣтно.

Въ самомъ дѣлѣ, возьмите Англію, эту классическую страну постепенности въ развитіи. По вѣрному замѣчанію покойнаго А. С. Хомякова, всякій англичанинъ—тори въ душѣ; исторія Англіи не есть дѣло прошедшее для современнаго англичанина: она живетъ во всей его жизни, во всѣхъ его обычаяхъ, почти во всѣхъ подробностяхъ его быта. „Онъ хо-

дять по длиннымъ галереямъ Вестминстерскаго аббатства не съ хвастливою гордостью француза, не съ антикварнымъ наслаждениемъ нѣмца,—нѣтъ! онъ ходитъ съ глубокою, искреннею, облагораживающею любовью: эти гроба—его семья, его великая семья. Въ Англии тори—всякій старый дубъ съ его длинными вѣтвями, всякая древняя колокольня, которая вдали вырѣзывается на небѣ; подъ этимъ дубомъ много веселилось, въ той древней церкви много молилось поколѣній минувшихъ“. Иной англичанинъ-сынъ далеко, далеко уйдетъ отъ отца, и похожи они другъ на друга, какъ (употребляя сравненіе одного русскаго писателя) портретъ Кутузова, писанный Доу, на лубочный портретъ Кутузова,—а сынъ все-таки съ любовью смотритъ на тотъ наслѣдственный замокъ, гдѣ жили отцы; ему дороги тѣ люди, на рукахъ которыхъ протекло его дѣтство; онъ все-таки хочетъ „лечъ костями“ въ томъ мѣстѣ, гдѣ покоятся его предки, среди ихъ гробовъ.

У насъ мы видимъ совсѣмъ иное.

Воспоминанія дѣтства не имѣютъ власти надъ нашимъ „сыномъ“. Послѣ долгихъ лѣтъ странствованій возвращаясь въ родительскій домъ, „сынъ“ не умиляется духомъ, а съ презрительною улыбкою помышляетъ только о томъ, что отецъ его по прежнему проводитъ цѣлые дни за картами, а мать по прежнему лечитъ всѣ болѣзни наговорною водицею съ уголька. Нашъ „сынъ“—вполнѣ отрѣзанный ломоть. Презрѣніе къ тѣмъ, кого онъ считаетъ остающимся позади себя—это первая отличительная черта нашихъ „сыновей“.

„Сынъ“ не умѣетъ цѣнить ближняго во всей цѣлостности его природы. Какъ бы ни была богата эта натура непосредственными дарами природы, но если ближній не одѣтъ, такъ сказать, въ духовный костюмъ прогрессизма, то онъ уже сливается, въ глазахъ „сына“, со всею безразличною темною

массою необразованнаго люда. „Сынъ“ относится къ этому ближнему съ такимъ же пренебреженіемъ, съ какимъ шармеровець высшаго полета относится къ человѣку не изъ «нашего круга», одѣтому не Шармеромъ, а какимъ-нибудь *Ильео Петровымъ изъ Парижа*.

Отсюда же естественнымъ послѣдствіемъ является то, что „сынъ“ не считаетъ нужнымъ относиться съ пощадою къ тому, что онъ счтаетъ отсталостью въ „отцѣ“, —напротивъ! «Сынъ» хвастливо носится передъ „отцомъ“ съ своими передовыми тенденціями и часто безъ всякой нужды забавляется отсталостью „отца“ и дразнить его. «А ну-ко, братъ (ядовито улыбаясь, думаетъ „сынъ“), дай-ко я тебя огорошу такими вещами, какихъ ты и во снѣ не видываль!»—и огорошить. „Отець“ злобится, „сынъ“ злорадно смѣется. «А ну-ко, братъ, я тебя стану выковыривать изъ твоей скорлупы!»—и выковыриваетъ, и отрываетъ его съ мясомъ отъ его скорлупы. «Отець» вопить, «сынъ» забавляется, смотря на то, какъ «отець» корчится отъ негодованія и боли.

Зачѣмъ дѣлаетъ все это «сынъ»? Думаетъ ли онъ такимъ способомъ цивилизовать „отца“? Нѣтъ. Въ большинствѣ случаевъ „сынъ“ понимаетъ, что „отець“ слишкомъ устарѣлъ для перерожденія, а потому онъ выковыриваетъ его просто для того, чтобы „отець“ чувствовалъ боль выковыриванія изъ скорлупы. Происходитъ ли отъ эдакихъ выковыриваній какая-нибудь польза для развитія просвѣщенія? Богъ вѣсть! Кто знаетъ тѣ пути, которыми идетъ человѣчество по пути исторіи? Дѣятельность смѣняющихся поколѣній ложится въ исторію какъ таинственное сѣмя, изъ котораго вырастаетъ плодъ, по большей части совершенно невѣдомый и неожиданный даже для наиболѣе глубоко смотрящихъ въ даль историческихъ дѣятелей.

Такая рознь встрѣчалась и въ древней Россіи. Что такое какъ не „сынъ“ — герой древне-русской повѣсти о «Горѣ-злочастіи», для котораго было

Своему отцу стыдно покориться

И матери поклониться,

А хотѣлъ жить какъ ему любо?

И что такое самъ авторъ этой повѣсти, какъ не Стебницкій или Ключниковъ того времени? Но до Петра I рознь между молодымъ и старымъ поколѣніемъ выражалась въ отдѣльныхъ, единичныхъ фактахъ. Какъ общее явленіе, она началась съ петровскихъ временъ и была прямымъ порожденіемъ его реформы. Въ самомъ Петрѣ I вы замѣтите многія черты «сына», а его реформаторская дѣятельность во многихъ случаяхъ напоминаетъ ту операцію выковыриванія изъ скорлупы, которую съ его времени начали производить и понынѣ производятъ «дѣти» надъ «отцами».

Дѣйствительно, было бы совершенно ошибочно приписывать глубокую сознательность дѣйствіямъ Петра (какъ это утверждаютъ безусловные его поклонники), когда онъ деспотически вторгался въ сокровенныя глубины домашней жизни русскаго человѣка и ругался надъ тѣмъ, что тотъ считалъ неприкосновенною святынею. Петръ чувствовалъ инстинктивную ненависть ко всему старорусскому строю жизни, начиная съ теремовъ и кончая длиннополыми боярскими одѣянiями. Родись такой человѣкъ, какъ Петръ, не сыномъ, а подданнымъ царя Алексѣя Михайловича, онъ, по всей вѣроятности, или эмигрировалъ бы изъ Россіи, какъ Котошихинъ, или былъ бы заѣденъ жизнью. Но онъ вступаетъ на престолъ — и вотъ, онъ возводитъ на степенъ законовъ капризы своей геніальной и деспотической натуры. Старинныхъ плакальщицъ при погребеніяхъ онъ замѣняетъ похоронными маршами. Онъ

великъ быть всѣмъ и каждому „брадобрѣйцами“, хотя „брадобрѣйцамъ“, по словамъ патріарха Адріана, „входъ въ церковь возбранѣнъ, и причастія св. тайнъ они лишены и христіанскаго погребенія и церковнаго поминовенія“. Петръ съ покрытою головою вѣзжаетъ въ „святыя ворота“ одного изъ монастырей и, къ ужасу и соблазну присутствующихъ, говоритъ, что святыхъ воротъ не бываетъ, а бываютъ только ворота каменные... Словомъ, тяжелому деспотизму обычая онъ противопоставляетъ беспощадный деспотизмъ новизны и сурово подавляетъ первый послѣднимъ.

Что должны были чувствовать люди стараго закала, видя, какъ глубоко поруганъ и нарушенъ былъ весь строй жизни, всѣ тѣ обычаи, которые были такъ неразрывно связаны съ ихъ религіозными вѣрованіями, со всѣмъ ихъ кодексомъ нравственности? Казалось, огонь содомскій долженъ былъ пожрать дѣло рукъ Петровыхъ. Не даромъ для нашихъ раскольниковъ Петръ явился какъ еретикъ, антихристъ. Старинные люди, «отцы» того времени, должны были чувствовать болѣе жгучую скорбь, глядя на дѣла царственнаго «сына», чѣмъ нынѣшніе „отцы“ отъ своихъ „дѣтей“.

Какъ бы мы ни были справедливы, утверждая, что Петръ далеко переходилъ тѣ границы, за которыя, строго говоря, не долженъ переходить законодатель,—нельзя не сказать, что реформа Петра имѣла для Россіи великое и благодѣтельное значеніе. Но это значеніе ея доселѣ остается непонятнымъ ни ея поклонниками, ни ея противниками. Обыкновенно говорятъ, что Петръ „прорубилъ въ Европу окно“, что онъ вывелъ на свободу женщину изъ ея заточенія въ теремѣ и пр. и пр. Но дѣло въ томъ, что и до Петра Европа не была для Россіи terra incognita; и до Петра посылались на выучку русскіе люди за границу; и до него жен-

щины не были заключенницами въ теремахъ, а преспокойно, сидя у окошечка, поглядывали „сѣмо и овамо, юношамъ угождали и всякаго льстили“; и до Петра вызывались иностранцы на русскую службу; и до Петра у насъ была (не осуществленная и въ его царствованіе) мысль о заведеніи въ Россіи университета.

Словомъ, царствованіе Петра было только продолженіемъ дѣла, начатаго древнею Россіею. И та грань, которая отдѣляетъ новую Россію отъ старой, не есть непосредственный результатъ того, къ чему сознательно стремился Петръ I. Ему, какъ и всякому другому историческому дѣятелю, не суждено было совершить своего подвига во всей его задуманной опредѣленности. Его царствованіе произвело такой плодъ, о которомъ онъ не думалъ и котораго едва ли желалъ: это — эманципація русской мысли отъ тѣхъ внутреннихъ оковъ, которыми она была опутана въ древней Россіи.

Дѣйствительно, какими бы розовыми красками вамъ ни рисовали древне-русскую жизнь, вы чувствуете, что въ новой Россіи дышется свободнѣе; вы согласитесь скорѣе жить въ губернскомъ городѣ Новгородѣ, нежели въ господинѣ-Новгородѣ на всѣхъ правахъ и вольностяхъ новгородскихъ. Сравните цивилизацію Россіи времени царя Алексѣя Михайловича съ цивилизаціею тогдашней западной Европы, — и вы непременно признаете между ними разницу не только количественную, но и качественную. Въ нашей древней образованности не было того, что даетъ ей силу, жизненность, плодотворность, что дѣлаетъ ее европейскою: не было внутренней свободы мысли. Гдѣ мысль внутренно не свободна, гдѣ она покорно подчиняется вѣншаему гнету, — тамъ нѣтъ европейскаго просвѣщенія, тамъ возможна только безжизненная вѣншность, тамъ возможны только оторванные отъ корня,

безжизненные вѣтви европейской цивилизаціи. Одѣньте Китай въ европейское платье, прорѣжьте его желѣзными дорогами, и т. д.—и со всѣми этими плодами европейской цивилизаціи Китай все-таки останется неподвижнымъ Китаемъ до тѣхъ поръ, пока не сокрушитъ въ себѣ того, что мы называемъ китаизмомъ, т. е. пока онъ не уничтожитъ рабства мысли.

Петръ имѣетъ для нашего развитія тоже значеніе, какое для средневѣковой западной Европы имѣли гуманисты. Эта мысль покажется многимъ не только не вѣрною, но даже и неостроумнымъ парадоксомъ. Дѣйствительно, странно, по-видимому сопоставлять скромныхъ, гонимыхъ гуманистовъ, дѣйствовавшихъ мирнымъ орудіемъ слова, съ грознымъ царемъ, который какъ буря пронесся надъ Россією, беспощадно сокрушая все, что лежало препоною на его пути. Но результатъ дѣятельности былъ въ обоихъ случаяхъ одинаковъ.

Заслуга гуманистовъ состоитъ въ томъ, что они разбили схоластическія оковы, опутывавшія умъ, и тѣмъ завоевали для человѣчества свободу ума, смѣлость мысли къ изслѣдованію и сомнѣнію. Отъ внутренняго рабства освободилась русская мысль въ царствованіе Петра.

Русскій человѣкъ, по природѣ, консервативенъ. Консерватизмъ—могучая стихія поступательнаго движенія. Онъ даетъ ему правильность, стройность, устойчивость, твердость. Но если нѣтъ равновѣсія между прогрессивными и консервативными стремленіями, если послѣдніе берутъ верхъ надъ первыми,—тогда поступательное движеніе прекращается и переходитъ въ застой, въ регрессивное движеніе. Этого равновѣсія не было въ древней Россіи: ея жизнь впадала въ слѣпоту мертвеннаго инстинкта, народная гордость впадала въ тупость народнаго самодовольства, религіозность переходила въ изуверство,

обрядность съ узкою моралью Домострой восходила на степень догмата, жизнь должна была идти мѣрною, торною дорогою старины и даже сердечныя движенія, радость и горе, при свадьбахъ и похоронахъ, должны были выражаться обычными причитаньями. Деспотизмъ обычая и преданій тяготѣлъ надъ Россією и мысль смиренно подчинялась оковавшему ее гнету. Эта святыня обычая и преданій, при Петрѣ, пала въ прахъ, опозоренная и осмѣянная. Оковы были разбиты и разъ эманципированная мысль не могла уже вернуться къ прежнему рабству. Внутренно свободную мысль нельзя вновь закабалить, подобно тому, какъ можно, на примѣръ, послѣ либеральныхъ законовъ о печати, возвратиться къ законамъ антилиберальнымъ. Но было бы ошибочно думать, что Петръ желалъ и стремился къ такому результату. При своей реформѣ онъ стремился къ цѣлямъ часто практическимъ: на примѣръ, изъ инструкціи, данной Толстому при отправкѣ его за границу, особенно ясно видно, что Петръ цѣнилъ только специально-техническую сторону западно-европейскаго образованій. Ему, конечно, хотѣлось, чтобы наша цивилизація была также продуктивна, какъ западная; но онъ не догадывался, что, именно, составляетъ источникъ этой производительности; онъ не былъ сторонникомъ свободы мысли и Глѣбовъ имѣлъ полное право сказать ему: «умъ любить проторъ, а у тебя ему тѣсно».

Какъ бы то ни было, но при Петрѣ, помимо или даже противъ его воли, совершилась эманципація русской мысли. Вотъ почему намъ представляется въ такомъ мрачномъ свѣтѣ до-петровское время, время рабства мысли. Вотъ отчего тяжелое для Россіи, грозное, полное казней и страданій, царствованіе Петра является намъ въ какомъ-то лучезарномъ свѣтѣ. Вотъ отчего жертвы, павшія въ борьбѣ за ста-

рину, не находили себѣ въ насъ до сихъ поръ сочувствія.

До сихъ поръ русская мысль еще празднуетъ свое освобожденіе и потому до сихъ поръ отрицалась и отрицается односторонне отъ всего, на чемъ лежитъ печать ея прежняго рабства. И здѣсь-то лежитъ главная причина розни между «отцами и дѣтьми».

И эта рознь началась вовсе не съ нашихъ дней, какъ утверждаютъ наши алармисты. Самъ Петръ, какъ вы видите, есть родоначальникъ «сыновей», характеристическія черты которыхъ вы встрѣтите на всѣхъ тогдашнихъ сторонникахъ новизны, начиная съ самыхъ разумныхъ приверженцевъ реформы, каковы напр. Кантеміръ, Теофанъ Прокоповичъ, и кончая тѣми пустоголовыми птимерами, которые кичились своею образованностью и своимъ знакомствомъ съ Западомъ, хотя изъ-заграницныхъ своихъ поѣздокъ выносили только знакомство съ оргіями Палерояля и (какъ говоритъ Кантеміръ), предпочитая Virgilio и Цицерону портнаго Рекса, были специалистами только въ томъ, что у кафтана

Фалды должны тверды быть, не жидки,

Въ поларшина глубоки и ситомъ подбиты и пр.

Вспомните, на примѣръ, фонъ-визинскаго Иванушку, бригадирскаго сына: онъ не менѣе современнаго «сына» является депотствующимъ проводникомъ въ своемъ семействѣ «новыхъ идей», отъ которыхъ бригадиръ несказанно озлобляется, а бригадирша проходитъ въ ужасъ; онъ не съ меньшимъ презрѣніемъ глядитъ на своихъ родителей, чѣмъ нынѣшній «сынъ». Если же онъ не выказываетъ этого презрѣнія такъ безцеремонно и такъ систематически, то единственно потому, что боится отцовской дубинки.

Но повторяю: не одни эти птметры болѣли этою болѣзнию; ею въ извѣстной мѣрѣ страдали и лучшіе, истинно образованные люди того времени. Возьмите, на примѣръ, Кантемира. Кантемиръ въ своихъ сатирахъ сурово казнить невѣжество, — но одно только невѣжество. У него нѣтъ строгаго нравственнаго идеала и нравственная его философія или невѣрна, или черезъ-чуръ снисходительна. Онъ мягко относится къ придворному пролазу Клиту, который съ ранняго утра трется по пріемнымъ вельможѣ, «всѣхъ льститъ и никому не вѣритъ» и который

Спины своей не жалѣеть, кланяясь и мухамъ,
Кои́мъ доступъ дозволенъ къ временщи́чьимъ ухамъ.

Кантемиръ многое готовъ простить петровцу, — и только для приверженцевъ старины онъ не находитъ ни искры сочувствія, ни слова оправданія. Теофанъ Прокоповичъ идетъ еще дальше Кантемира: необразованному люду онъ отказываетъ, на примѣръ, въ священнѣйшемъ правѣ человѣка размышлять и толковать о вопросахъ вѣры — и, въ тоже время, осуждаетъ его за то, что онъ безсознательно и твердо исполняетъ религіозные обряды и обычаи. Въ порывѣ своего негодованія на необразованный людь, Теофанъ Прокоповичъ не замѣчаетъ всей несообразности своего осужденія. Въ самомъ дѣлѣ: что оставалось, по его мнѣнію, дѣлать необразованному люду? Быть невѣрующимъ? — но это невозможно и самъ Теофанъ этого не желаетъ. Учиться всѣмъ тонкостямъ богословія? — но чтобы сдѣлаться богословомъ, нужно слишкомъ много и досуга, и средствъ. Что же остается дѣлать необразованному люду, чтобы угодить Теофану Прокоповичу? Онъ можетъ быть неучемъ — но неучемъ либеральствующимъ; онъ можетъ оставаться слѣпымъ, — но долженъ идти слѣпо за прогрессистомъ; онъ можетъ безотчетно и безсознательно подчиняться автори-

тету, но авторитетомъ для него долженъ быть Теофанъ, а не Аввакумъ раскольникъ.

Словомъ, я хочу сказать, что рознь между «отцами» и «сыновьями» не есть порожденіе нашихъ дней и нигилизма, какъ увѣряютъ наши алармисты. «Сынъ» есть продуктъ вообще нашей послѣ-петровской цивилизаціи, — и «сыновей» вы встрѣтите не только среди нашего образованнаго общества. Эта рознь проникаетъ даже и въ тѣ низшіе, темные слои нашего общества, гдѣ «сынъ» нюхаетъ какой бы то ни было цивилизаціи, хотя бы цивилизаціи, почерпаемой въ кабакахъ и трактирахъ. Дѣйствительно: хлестаковскій лакей Осипъ, который не заразился петербурго-манією и съ наслажденіемъ мечтаетъ о деревенской жизни, не смотря на то, что вкусилъ даже прелесть парламентаризма въ табачныхъ лавочкахъ, — Осипъ встрѣчается не часто. Гораздо чаще встрѣчаешься съ явленіями иного свойства: какой-нибудь камердинеръ, научившійся называть себя *камардиномъ* и лепечущій коверканныя иностранныя слова, уже дѣлается «сыномъ» и съ презрѣніемъ смотритъ на «отцовъ»-односельчанъ, потому что они «мужичье неотесанное и никакихъ просвѣщенныхъ чувствъ не имѣютъ». Вспомните комедію Островскаго — «Свои люди сочтемся»: развѣ полуграмотная Липочка не носится съ своимъ «образованіемъ», какъ курица съ яйцомъ, развѣ она не суетъ его въ глаза всѣмъ и каждому и развѣ она не также свысока и безсердечно относится къ своимъ родителямъ, какъ тургеневскій Базаровъ къ своимъ? Вспомните дѣтей гоголевскаго Пѣтуха...

Ограничусь однако указанными примѣрами. Мнѣ кажется, и ихъ достаточно, чтобы признать рознь «отцовъ» и «дѣтей» явленіемъ изстариннымъ и общимъ, — такъ что базаровщина тутъ вовсе не причемъ.

Presto agitato.

Въ 1862 году мнѣ привелось быть свидѣтелемъ слѣдующей сцены на вступительномъ экзаменѣ въ университетъ.

Выходить къ экзаменаціонному столу кончившій курсъ гимназистъ, маленькій, но задорный и вихрастый. Изъ русской словесности достался ему билетъ о Карамзинѣ.—«Позвольте другой вопросъ; этотъ билетъ я нѣсколько плохо знаю», говоритъ онъ. «Ничего, попробуйте отвѣчать, что знаете.»— Гимназистъ соображаетъ свой отвѣтъ, поднявъ глаза къ потолку.—«Ну-съ, скажите напримѣръ, когда жилъ Карамзинъ? спрашиваетъ экзаменаторъ, послѣ продолжительной паузы. „Кажется, сколько я помню, въ концѣ XVII вѣка, отвѣчаетъ гимназистъ смѣло и небрежно.— „Гмъ! Такъ ли это?“— Гимназистъ молчитъ, сердито смотритъ въ потолокъ, сисясь припомнить время жизни Карамзина, и наконецъ, сухо и съ презрѣніемъ, отвѣчаетъ: «Навѣрно не помню, кажется въ концѣ XVII вѣка.»—Въ чье царствованіе онъ жилъ?“— „Сколько помнится, при Екатеринѣ Петровнѣ.“— „Гмъ...ну, не помните ли что онъ писалъ?“— „Нѣтъ-съ, не помню.“— «Какъ же это такъ? (говоритъ озадаченный экзаменаторъ.) „неужели таки ничего не помните?“— „Да-съ, я не изучалъ Карамзина, потому что онъ ужъ устарѣлъ для насъ, потерялъ всякое значеніе. Я не считалъ нужнымъ тратить на него время“.

Слыша такіе отвѣты, я глубоко удивился той революціи, которая совершилась въ учебномъ мірѣ такъ радикально и въ такой короткій промежутокъ времени.

Я кончилъ курсъ ученія только за шесть лѣтъ передъ тѣмъ. Въ мое время въ гимназіяхъ болѣе или менѣе отда-

вало бурею и такіе вихрастые, съ сознаниемъ собственнаго ученаго достоинства, гимназисты были немислимы. Были у меня товарищи, которые ничего не знали о Карамзинѣ, — но они молчали на экзаменѣ или съ сознаниемъ собственнаго окаянства, или съ бузчувственно-тупымъ страхомъ передъ грозящимъ пулемъ. Были товарищи, бравировавшіе на экзаменахъ своимъ незнаніемъ, — но они дѣйствовали во имя школьничества и беззаботно-удалой лѣвни. Но такихъ, которые бы признавали за собою право не знать того, что требуется программю, которые бы признавали за собою даже обязанность не убивать время на Карамзина, — такихъ въ наше время не было. Мы даже и не *изучали* ничего въ гимназіяхъ; мы только *учили* уроки, а потому намъ въ голову не приходило отговариваться на экзаменахъ тѣмъ, что мы чего нибудь не *изучали*. Между тѣмъ, вихрастый гимназистъ представляетъ дѣло въ такомъ видѣ, какъ будто въ гимназіи онъ вовсе словесности не учился, а если что и знаетъ объ этомъ предметѣ, то обязанъ этимъ себѣ, а отнюдь не учителю русской словесности. Мы считали, что намъ нужно знать все, что требуется на экзаменахъ, ибо мы учились для того, чтобы выдержать экзаменъ. Между тѣмъ, вихрастый гимназистъ представляетъ дѣло въ такомъ видѣ, какъ будто онъ изучаетъ предметы не для экзамена, а для своего т. ск. внутренняго употребленія, а потому и считаетъ обязательными для себя только тѣ требованія программы, которыя онъ признаетъ разумными.

Все это въ наше время было немисливо. Появленіе вихрастыхъ гимназистовъ было взрывомъ заносчивости, — взрывомъ, правда, легкомысленнымъ и уродливымъ, — но во всякомъ случаѣ вихрастый гимназистъ не былъ явленіемъ одиначнымъ. Заносчивость охватила въ то время всѣхъ — отъ грудныхъ младенцевъ до сѣдовласыхъ старцевъ. Остались,

конечно, люди прежняго закала, которые не соблазнились духомъ времени,—но и тѣ сробѣли. Самъ грозный учитель математики Спасопреображенскій, который прежде тузилъ гимназистовъ, съ наслажденіемъ пыталъ ихъ до безконечности на экзаменахъ, изображая игру кошки съ мышкой, и съ чувствомъ нарочитаго злородства осыпалъ учениковъ градомъ единицъ и нулей,—самъ Спасопреображенскій спасоваль: пересталъ давать волю рукамъ, прекратилъ на экзаменахъ игру въ кошку съ мышкой и началъ ставить тройки за такіе отвѣты, которые прежде подвергались единицѣ. Противъ трехъ директоровъ отвоевывалъ онъ свою свирѣпость, а передъ взрывомъ заносчивости не устоялъ и сдался безъ боя.

Очевидно, быди глубокия и многочисленныя причины этого взрыва. Серьезно, безпристрастно изучать эту эпоху заносчивости—дѣло любопытное и поучительное. Но далеко не въ такомъ видѣ представляется это время нашимъ благомыслящимъ либераламъ. Они забываютъ, что не насъ однихъ и не только съ половины 50-хъ годовъ обуялъ духъ заносчивости. Подобные взрывы заносчивости случались и періодически повторяются въ каждомъ обществѣ. Наша недавняя заносчивость была побочнымъ дѣтищемъ прежняго режима и взрывъ ея былъ неизбеженъ при рѣзкомъ переходѣ отъ старыхъ порядковъ къ новымъ. Благомыслящіе либералы объясняютъ это иначе. По ихъ мнѣнію, заносчивости и въ поминѣ не могло бы быть, если бы только на свѣтѣ не было вихрастыхъ гимназистовъ; появленіе же на свѣтѣ вихрастыхъ гимназистовъ они объясняютъ тоже очень просто, а именно вотъ какъ:

Они замѣтили то грустное выраженіе лица, они подслушали тѣ тихіе вздохи, съ которыми учитель математики Спасопреображенскій началъ ставить тройки, вмѣсто прежнихъ

нулей. Они замѣтили, какъ нѣкогда грозный гувернеръ Фликъ началъ, съ затаеннымъ скрежетаніемъ зубовъ, говорить гимназистамъ *вы* и пересталъ ихъ трепать за уши, стараясь не замѣчать, что они ему высовываютъ языкъ.

Стало быть (заключаетъ благомыслящій либерализмъ изъ этихъ своихъ наблюденій), вихрастый гимназистъ произошелъ вслѣдствіе ослабленія школьной дисциплины вообще и слабости экзаменовъ въ частности.

Конечно, такое заключеніе ошибочно, потому что: 1) вихрастые гимназисты появились прежде, чѣмъ Спасопреображенскій укротился и Фликъ пересталъ свирѣпствовать; 2) появившіеся либеральные педагоги, ослабившіе строгость дисциплины и экзаменовъ и пившіе съ своими учениками брудершафтъ, воспитались на единицахъ Спасопреображенскаго и на подзатыльникахъ Флика. Слѣдовательно, корень зла лежитъ въ порядкахъ прежняго времени, такъ что ослабленіе дисциплины тутъ не причемъ. Тѣмъ не менѣе, однако, благомыслящій либерализмъ здѣсь увидаль одну изъ причинъ появленія па свѣтъ вихрастыхъ гимназистовъ.

Анализируя, далѣе, положеніе дѣла, благомыслящій либерализмъ замѣтилъ, что вихрастые гимназисты и нигилисты возстаютъ противъ изученія сѣдой древности (о которой они не имѣютъ ни малѣйшаго понятія) и пылаютъ страстью къ естественнымъ наукамъ (въ которыхъ впрочемъ они тоже ничего не понимаютъ). Отсюда благомыслящіе либералы вывели то заключеніе, что реализмъ есть источникъ разнузданности и заносчивости, а классицизмъ — источникъ смаренномудрія и благодравія. Слабость классическаго образованія — вотъ, по мнѣнію благомыслящихъ либераловъ, вторая и послѣдняя причина, почему явился у насъ вихрастый гимназистъ. И вотъ почему наши благомыслящіе либералы съ та-

кимъ рвеніемъ стоятъ за классическое образованіе, хотя за классицизмъ говорятъ совсѣмъ иные доводы совершенно не полицейскаго характера и этихъ разумныхъ доводовъ они уразумѣть не въ состояніи.

Очевидно, благомыслящіе либералы и здѣсь ошибаются. Легко видѣть, что нѣтъ никакой существенной связи между вихрастымъ гимназистомъ и естественными науками. Положимъ, что нигилистки заявили свое расположеніе къ этимъ наукамъ. Но вѣдь онѣ также возлюбили и шерстяныя платья коричневаго цвѣта. Однако ни въ шерстяной матеріи, ни въ коричневой краскѣ нѣтъ ничего вреднаго и либеральнаго. Коричневый цвѣтъ и реализмъ могутъ быть, пожалуй, признаны знаменами, но ужъ отнюдь не родителями нигилизма. Въ естественныхъ наукахъ, самыхъ по себѣ, нѣтъ ничего опаснаго, какъ и въ коричневомъ цвѣтѣ. Точно также нельзя черезъ-чуръ полагаться и на классицизмъ. Естественныя науки порождаютъ, правда, Бухнеровъ и Молешоттовъ; но за то на почвѣ классицизма выросла вся «разрушительная философія XVIII вѣка» и вырастаютъ Штраусы и Ренаны. Если сосчитать количество неблагонамѣренныхъ людей изъ реалистовъ и классиковъ, то вопросъ: кому слѣдуетъ выдать волчій паспортъ, классицизму или реализму?—представится весьма и весьма спорнымъ. Недаромъ благонамѣренные люди, нѣсколько лѣтъ назадъ, стремились искоренить въ гимназіяхъ изученіе древнихъ языковъ.

Какъ бы то ни было, но на свой планъ атаки противъ вихрастыхъ гимназистомъ благомыслящіе либералы возлагаютъ самыя смѣлыя ожиданія. Они надѣются отрѣзать вихрастыхъ гимназистовъ со всѣхъ сторонъ: съ одной—греческимъ языкомъ, съ другой—латынью, съ третьей—строгостью экзаменовъ, съ четвертой—усиленіемъ дисциплины вообще. Благомыслящіе либералы твердо увѣрены, что война противъ вихра-

стыхъ гимназистовъ можетъ быть окончена скорѣе, чѣмъ прусская компанія 1866 г., и притомъ окончена даже не Садовской побѣдой, а по малой мѣрѣ—Везинской переправой.

Что вихрастыхъ гимназистовъ побѣдить не трудно—это не подлежитъ сомнѣнію. Но возможно ли извести вихрастыхъ гимназистовъ такъ, чтобы отъ нихъ никакого потомства не осталось и чтобы отнынѣ и навсегда, вплоть до свѣтопре- ставленія, были одни только смиренномудрые юноши?—это совершенно другой вопросъ. Благомыслящіе либералы думаютъ, что да; я позволяю себѣ утверждать, что нѣтъ. И вотъ почему.

Но—предварительно—небольшое отступленіе.

Когда либеральствующіе органы нашей прессы дебатируютъ какойнибудь вопросъ—они по большей части прибѣгаютъ къ такой тактикѣ, которая всякому человѣку постороннему покажется и недостойной и неловкой. Вопросъ обыкновенно не ставится прямо: либеральствующій органъ прежде всего старается увѣрить всѣхъ и каждого, что онъ вовсе не либераль, а—напротивъ—по образу своихъ мыслей, можетъ быть прекраснымъ капитанъ-исправникомъ. Если онъ симпатизируетъ вихрастому гимназисту, то онъ не рѣшается выступить на его защиту иначе, какъ снабдивъ его фальшивымъ паспортомъ полицейской благонамѣренности и сляся доказать, что вихрастый его любимецъ вовсе не вихрастъ. Обмануть такую тактикою они, разумѣется, никого не могутъ, а между тѣмъ вопросъ все-таки запутывается и усложняется. Въмѣсто того, чтобы прямо приступить къ разрѣшенію дѣла по существу, споръ принимаетъ совсѣмъ иное, окольное направленіе: консерваторствующій органъ прессы выходитъ изъ себѣ, доказывая, что у гимназиста на головѣ вихры; а либеральствующій органъ всячески старается зау-

шить и осмѣять своего литературнаго противника, силясь доказать, что гимназистъ остриженъ подъ гребенку и что слѣд. одна только галлюцинація благонамѣренности способна видѣть вихры тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ и быть не можетъ.

Поставимъ же вопросъ прямо.

Извести вихрастыхъ гимназистовъ—это значить вырвать съ корнемъ, разъ и навсегда, терніе легкомысленной запосчивости и насадить на полѣ прогресса одинъ кустарникъ благочиннаго благоразумія.

Возможно-ли это?

Вникнемъ хорошенько: что такое запосчивость и каково, именно, міровоззрѣніе благомыслящихъ либераловъ?

Благомыслящій либераль, по существу своему, есть консерваторъ. Но неодолимая сила времени сорвала его съ консервативнаго корня, а наша недавняя разнузданность—эта *fille naturelle* нашего прежняго времени—испугала. Вотъ изъ сліянія-то этихъ двухъ противоположныхъ теченій и выработался благомыслящій либерализмъ нашего времени.

Сущность его состоитъ въ томъ, что онъ представляетъ собою реакцію противъ той невѣроятной развязности, съ которой мы, нѣсколько лѣтъ назадъ, кинулись за свѣточемъ прогресса, и противъ того легкомысленнаго безстрашія, съ которымъ алкали всякихъ плодовъ цивилизаціи, и горькихъ, и сладкихъ. Благомыслящій либераль самъ убѣжденъ и другихъ горячо увѣряетъ, что онъ не боится прогресса, даже любить его. Онъ только желаетъ устроить дѣло такъ, чтобы человѣчество вкушало одни только сладкіе плоды цивилизаціи и чинно шло за свѣточемъ прогресса, держась отъ него на благородной дистанціи, такъ чтобы онъ насъ освѣщалъ, но не обжегъ. Лозунгомъ своимъ благомыс-

лящій либерализмъ ставитъ — «благоразумное благочиніе прогресса».

Какъ не желать благочиннаго прогресса! Какъ не желать того, чтобы человѣчество шло впередъ твердою стопой, не подавалось назадъ и не забѣгало черезъ-чуръ впередъ! Какъ не желать того, чтобы человѣчество жило и росло безъ увлеченій и заблужденій, безъ борьбы и безъ жертвъ!...

Но, прельщаясь этою картиной, не оставимъ вовсе безъ вниманія вотъ какое обстоятельство: хилымъ и болѣзненнымъ всего чаще бываетъ тотъ ребенокъ, котораго воспитываютъ въ теплицѣ и держатъ на помочахъ, съ тѣмъ, чтобы онъ выросъ, ни разу не простудившись и ни разу не спотыкнувшись. Не забудемъ и того, что всего болѣе опасность погибнуть отъ увлеченія грозитъ тому, кого съ особымъ стараніемъ застраховываютъ отъ заблужденій и увлеченій: возьми напр. грустно-поэтическій образъ Вѣры въ тургеневскимъ «Фаустѣ»....

Впрочемъ, предположимъ, что благочиніе прогресса представляетъ однѣ только выгоды и не заключаетъ въ себѣ ни одной невыгоды, ни одной опасности. Но дѣло вотъ въ чемъ. Наши благомыслящіе либералы не только желаютъ благочиннаго прогресса, но и вѣрятъ въ его возможность, и не только вѣрятъ, но даже считаютъ истиннымъ прогрессомъ только тотъ, который совершается разсудительно и благочинно. вмѣстѣ съ тѣмъ, на ихъ взглядъ, каждое проявленіе заносчивости представляется мальчишествомъ, нравственнымъ распутствомъ, явленіемъ неразумнымъ и, слѣдовательно, недѣйствительнымъ, такъ сказать, несуществующимъ (ибо дѣйствительно-существующимъ можетъ быть, по Гегелю, признано только то, что разумно).

Очевидно, здѣсь благомыслящій либерализмъ жестоко опи-

бается. Вся всемірная исторія служитъ несомнѣннымъ опроверженіемъ его взгляда. Заносчивость была обыкновеннымъ симптомомъ зародившейся въ обществѣ потребности измѣнить тѣ или другія условія своей жизни; она искони служитъ вѣрнымъ признакомъ того, что общество собирается сдѣлать поступательный шагъ, или уже дѣлаетъ его. На долю заносчивости досталась печальная роль въ исторіи. Какъ все преждевременное и незрѣлое, она является на свѣтъ хилымъ и некрасивымъ недоноскомъ, который и погибаетъ прежде времени и безъ всякой видимой пользы, какъ тотъ ранній снѣгъ, который не дѣлаетъ зимы, а только увеличиваетъ собою осеннее ненастье и грязь. Но заносчивость—все-таки неизбежное историческое явленіе; а то, что неизбежно, что не можетъ не быть,—то должно быть признано явленіемъ дѣйствительно, существующимъ, законнымъ.

Благомыслящій либерализмъ возмущается отъ той уродливой формы, въ какую вылилась наша современная заносчивость. Въ этомъ отношеніи нельзя съ нимъ во многомъ не согласиться. Конечно, благомыслящій либерализмъ хватается ужъ черезъ-чуръ далеко, полагая, что каждый современный представитель заносчивости не можетъ въ концѣ концовъ не провороваться. Но нельзя не сознаться и въ томъ, что Бамбаевъ, Ворошиловъ, Галкинъ, Кукшина, Суханчикова — все это вѣрные и живые образы дѣйствительности. Современный типъ заносчиваго человѣка дѣйствительно непривлекателенъ. Вихрастый гимназистъ курьезенъ до такой степени, что съ его курьезностью можетъ сравниться только однообразіе и бездарность тѣхъ повѣстей, въ которыхъ идеализируются какія-то мертвыя, безплотныя тѣни «новыхъ людей», непременно изъ окончившихъ курсъ на медицинскомъ или естественномъ факультетѣ. Безъ сомнѣнія, не теперешнимъ «но-

вымъ людямъ» принадлежитъ будущее. Сами они пройдутъ безъ пользы для насъ, въ родѣ того, какъ въ знойный лѣтній день крутящаяся пыль, поднятая вѣтромъ-предвѣстникомъ дождя. Пыль эта не освѣжаетъ воздуха, не освѣжаетъ зелени и только ослѣпляетъ глаза. Но благомыслящій либерализмъ забываетъ, что вѣтеръ, крутящій эту пыль, несетъ тучу, которая и разрѣшится обѣтованнымъ ливнемъ. Вихрастый гимназистъ есть предвѣстникъ дѣйствительныхъ новыхъ людей. Время новыхъ людей пока не пришло; новыхъ людей пока нѣтъ. Но они будутъ; время ихъ приближается. Когда это время наступитъ, тогда у насъ явится и свой Шпильгагенъ, съ его живыми, чарующими образами новыхъ людей. Отнесемъ же благодушно къ пыли, зная, что вихрастый гимназистъ ведетъ за собою нашихъ доморощенныхъ Лео и Эриховъ, а нынѣшніе несчастные воспѣватели панегиристы нынѣшнихъ новыхъ людей знаменуютъ наступленіе русскихъ Шпильгагеновъ и Ауэрбаховъ.

Кромѣ того, при оцѣнкѣ заносчивости, не забудемъ еще слѣдующее обстоятельство: вмѣстѣ съ Бамбаевыми, Суханчиковыми и разными вихрастыми гимназистами, возбуждающими въ благомыслящемъ либерализмѣ желчь превыше всякой мѣры, тотъ же самый взрывъ заносчивости породилъ героиню Тургеневскаго романа „Наканунъ“, въ которую ни одинъ самый благомыслящій изъ благомыслящихъ либераловъ не осмѣлился бросить камень. Елена бѣжала съ Ицаровымъ въ то время, когда Базаровъ кончалъ курсъ въ университетѣ, а мой вихрастый гимназистъ изучалъ въ гимназій русской словесность и воспитывалъ въ себѣ презрѣніе къ устарѣлости Карамзина. Тотъ же дождевой вихрь, который закрутилъ столпомъ пыль, оторвалъ отъ вѣтви и этотъ поэтический листокъ...

De ta tige détachée,
Pauvre feuille desséchée,
Ou va-tu?—„Je n'en sais rien...
Je vais ou le vent me mène. . . .

Всѣ эти соображенія благомыслящій либераль упускаеть изъ виду. И въ немъ это вполнѣ понятно. Онъ не можетъ покойнымъ окомъ смотрѣть на поступательное движеніе жизни и всесторонне оцѣнивать его: онъ труситъ. То голубиное незлобіе протеста, съ которымъ относится Елена къ окружающей ея средѣ, та кротость твердости, съ которою она инстинктивно слѣдуетъ влеченію своей натуры—мирать съ Еленой благомыслящихъ либераловъ. Но дерзкое лицо вихрастаго гимназиста, самоувѣренная грубость Базарова, ихъ стремленіе возвести свою заносчивость въ принципъ и пропагандировать ее—вотъ чего благомыслящій либераль не можетъ переварить.

Все крутое, все сознательно и дерзко воюющее противъ рутины благочинія—все это возбуждаетъ къ себѣ его ненависть и пугаетъ его. Базаровъ—несравненно лучше Чичикова съ Поздревымъ, а Кукшина и Суханчикова ни въ какомъ случаѣ не хуже тѣхъ заѣзжихъ камелій, у которыхъ

на лбу роковыя слова:

Продается съ публичнаго торга.

Но благомыслящій либерализмъ спокойно переноситъ существованіе Чичиковыхъ и заѣзжихъ камелій; нигилизмъ—вотъ его *bête noire*, на котораго онъ вызываетъ всѣми силами крестовый походъ.

Благоразумный либераль понимаетъ, впрочемъ, необходимость заносчивости и, въ извѣстныхъ случаяхъ, сочувствуетъ ей. Ставя безусловнымъ для насъ правиломъ благочиніе прогресса, онъ прикидываетъ на иную мѣрку времени и мѣстно-

сти отдаленныя. Онъ понимаетъ и цѣнить заносчивость минувшихъ временъ, какъ бы она ни была преждевременна и какъ бы глубоко ни возмущала мирное теченіе жизни. Онъ глубоко уважаетъ бойцовъ за новыя и смѣлыя идеи, когда эти идеи уже сдѣлали свое дѣло и перестали быть новыми смѣлыми и опасными для благочивія. Онъ рѣшается даже оправдывать заносчивость Гейне и Берне. Въ послѣднее время, ободренный „Московскими Вѣдомостями“, благомыслящій либераль началъ сочувствовать даже нашимъ соотечественникамъ, Гоглибу Меркелю и Вольдемару. Но всѣмъ этимъ господамъ благомыслящій либераль сочувствуетъ потому только, что они не дѣятели или того времени, или той среды, среди которыхъ приходится жить и дѣйствовать ему, ибо ему симпатичны тѣ только скромныя цѣли, достиженіе которыхъ ни на волосъ не возмущаетъ гладкую поверхность благочивія; онъ боится всего, что хоть сколько нибудь будоражить мирное теченіе жизни. Предоставь на полное распоряженіе благомыслящихъ либераловъ дѣло освобожденія крестьянъ,—не только мы, но и дѣти наши не дожили бы до 19 февраля. При каждомъ подобномъ случаѣ они являются трусливыми купальщиками, которые долго-долго ходятъ около воды, не рѣшаясь окунуться. Успѣютъ они окунуться—имъ и самимъ нравится полоскаться въ свѣжей водѣ. Но имъ страшенъ моментъ погруженія въ воду. Эту свою трусость, это замираніе сердца при каждомъ новомъ разѣ купанья, они возводятъ въ правило политическаго благоразумія. Каждый разъ они злобнымъ окомъ смотрятъ на всякаго, кого они боятся, что онъ или спихнетъ ихъ въ воду, или бросившись самъ въ воду безъ всякой постепенности, обдастъ ихъ брызгами, при чемъ тѣло ихъ вздрогнетъ, а сердце замретъ.

Появись у насъ, при существованіи крѣпостнаго права,

свой Готлиб Меркель гдѣ нибудь въ Тулѣ, появишься въ Костромѣ свой Вольдемаръ—о! Благомыслящіе либералы возстали бы противъ нихъ всюю силою своей ненависти: костромскаго Вольдемара окрестили бы въ бараны Панургова стада, а тульского Меркеля тосыпали бы градомъ упрековъ за то, что по его подстрекательству Вольдемаръ палъ жертвою своей энергіи, достойной лучшаго дѣла.

Благомыслящій либеральщикъ исходитъ изъ того основнаго начала, что тѣмъ болѣе чинно и благоразумно ведетъ себя общество, тѣмъ скорѣе и тѣмъ болѣе получить оно всякой благодати. „Не волнуйся (говоритъ благомыслящій либерализмъ человѣчеству), заботься о внутреннемъ своемъ совершенствованіи (въ чемъ никто тебѣ не препятствуетъ), вѣрь въ силу вещей и терпѣливо ожидай, воздерживаясь легкомысленнаго забѣганія впередъ, отъ дѣтскихъ попытокъ насильственно ускорять ходъ событій“.

Въ этомъ положеніи благомыслящаго либералима есть много справедливаго. Опережать ходъ исторіи конечно нельзя, сила вещей несокрушима, а выжидательная политика благочиннаго благоразумія представляетъ много практическихъ удобствъ. Возьмемъ для примѣра хоть наше недавнее прошлое. При господствѣ крѣпостнаго права, заносчивость отдѣльных личностей изъ крѣпостныхъ не приносила для этихъ личностей никакой пользы. Тотъ, кто тяготился своимъ положеніемъ, кто заявлялъ барину свою строптивость,— тотъ не получалъ вольной, а попадалъ въ солдаты или на поселеніе. Все это правда,—и благомыслящіе либералы имѣютъ за себя резонъ. Но спрашивается: мыслимо ли, чтобы всѣ крѣпостные были пропитаны началами выжидательной политики благочиннаго благоразумія, чтобы ни одинъ изъ нихъ не былъ строптивъ, чтобы всѣ они одушевлялись преданностью

и имѣли веселую наружность? Возможно ли, чтобы никого изъ нихъ не обуялъ на разудѣльнѣе заносчивости, чтобы вся эта масса съ безупречнымъ благонаравіемъ ждала того времени, когда всѣ крѣпостные, одинъ за другимъ, получатъ вольныя въ награду за свою преданность и веселую наружность? Очевидно, *нѣтъ*, отвѣчаетъ здравый смыслъ. Очевидно, *да*, отвѣчаютъ благомыслящіе либералы—и, поэтому, отрицаютъ у заносчивости значеніе историческаго факта, признавая всякое, самонаибольшее уклоненіе отъ выжидательной политики благочиннаго благоразумія явленіемъ, котораго въ наше время быть не должно.

Очевидно, это—грубое заблужденіе. Какъ ни была вредна для нашихъ крѣпостныхъ заносчивость, — все таки безъ нея дѣло необходимо. Заносчивость можетъ быть вредна правильному ходу жизни; заносчивость, вызывая противъ себя реакцію, можетъ отдалять время прогрессивнаго шага; заносчивость бываетъ причиною жертвъ Согласимся со всѣмъ этимъ. Но все таки вы здѣсь ничего не подѣлаете. (Я говорю не о томъ, что желательно, а о томъ, что бываетъ). Благомыслящій либерализмъ, который стремится къ тому, чтобы вырвать съ корнемъ, разъ и навсегда, терніе заносчивости и развести одинъ кустарникъ благочиннаго благоразумія, стремится къ невозможному. Благомыслящій либерализмъ упрекаетъ заносчивость за ея неосуществимое стремленіе ускорить движеніе жизни. Заносчивость, въ свою очередь, съ меньшимъ правомъ можетъ упрекнуть его за то, что онъ порывается стереть съ лица земли самые естественные и неизбѣжные симптомы жизненнаго движенія. Заносчивость есть такая же невымирающая и непреходящая сила и служитъ такимъ же необходимымъ колесомъ въ общемъ механизмѣ общественной жизни, какъ и самъ благомыслящій либерализмъ.

Да, заносчивость—необходимое колесо! Будь на свѣтѣ одни благомыслящіе либералы, эти трусливые купальщики, которыхъ не-кому было бы ни обдавать брызгами, ни спихивать въ воду,—человѣчество ни на шагъ не двинулось бы впередъ и ни разу не выкупалось, а только ходило бы, въ полубнаженномъ видѣ, около воды и окунало въ нее мизинцы ногъ. Дѣйствительно. Все, нарушающее гладкую поверхность жизни, кажется благомыслящему либералу преждевременнымъ. Всякій шагъ впередъ—пугаетъ, какъ дѣйствіе легкомысленное. Всякій успѣхъ прогресса кажется ему невозможнымъ; потому что общество еще недостаточно для того созрѣло. «Волка бояться—въ лѣсъ не ходить», говоритъ русская народная мудрость, а французская поговорка прибавляетъ: «qui ne risque n'a rien». Такъ всегда, искони вѣковъ, и шло дѣло. Но всемірная исторія—не указъ благомыслящему либералу: онъ считаетъ благоразумной только ту прогулку въ лѣсъ, во время которой нельзя натолкнуться на волка. Очевидно, это нельзя. Благомыслящій либераль желаетъ, чтобы челоѣчество играло въ прогрессъ, не рискуя ни одной денежкой. Но вѣдь навѣрняка даже и шуллеръ играть не можетъ, ибо и онъ всегда рискуетъ или проиграться болѣе искусному шуллеру, или быть побитымъ.

Въ нашей современной заносчивости всего болѣе возмущаетъ благомыслящихъ либераловъ то дерзкое легкомысліе, съ которымъ она готова бросаться въ небо за журавлемъ, рискуя не поймать его и потерять даже ту синицу, которая находится у нея въ рукахъ. Безъ сомнѣнія, заносчивость очень смѣла и очень легкомысленна. Но благомыслящій либерализмъ упускать изъ виду, что самъ онъ впадаетъ въ противоположную крайность.

Благомыслящій либерализмъ требуетъ, чтобы общество не

руководилось инстинктивными симпатиями, чтобы оно не поддавалось ни на какія «жалкія слова», чтобы оно не вѣрило на слово журнальнымъ бойцамъ, чтобы оно не волновалось изъ-за того, чего оно хорошенько не понимаетъ, чтобы легкомысленно не хлопотало объ осуществленіи той или другой цѣли, прежде чѣмъ серьезное и всестороннее изученіе жизни не покажетъ возможность, полезность и лучшій способъ осуществленія этой цѣли.

Безъ сомнѣнія, такое умное и разсудительное общество — вещь весьма хорошая. Но возможно ли оно? Очевидно, невозможно. Требовать къ непремѣнному исполненію, чтобы общество не смѣло пикать по тѣмъ вопросамъ и интересамъ своей общественной жизни, которыхъ оно не изучило въ корень, — это требованіе столько же неразумно, какъ если бы кто отрицалъ у массы православныхъ право стоять за «вѣру отцевъ своихъ», на томъ основаніи, что масса не знаетъ свей вѣры такъ хорошо, какъ Бьерингъ. Можетъ быть, когда нибудь и наступитъ такое время, что каждый мужикъ будетъ совмѣщать въ себѣ Бьеринга съ Гладстономъ. Но этого времени ждать слишкомъ долго. Наконецъ, въ самомъ этомъ требованіи благомыслящаго либерализма есть внутреннее противорѣчіе: если общество дѣлаетъ глупость, добиваясь измененія тѣхъ или другихъ порядковъ своей жизни, прежде чѣмъ основательно изучить ихъ, то оно также точно будетъ дѣлать глупость, если явится охранителемъ этихъ невѣдомыхъ ему порядковъ. Благодушествующій либерализмъ не понимаетъ того, что, осуждая на смертную казнь легкомысліе заносчивости, онъ рекомендуетъ человечеству такое же легкомысліе, но только легкомысліе косности, неподвижности. А которое легкомысліе лучше? — это еще вопросъ, который едва ли разрешится въ пользу благомыслящаго либерализма.

Да не за чѣмъ и трудиться надъ его разрѣшеніемъ! Достаточно уже тотъ всемірно-историческій фактъ, что недовольство всегда предшествуетъ сознанию зла и удовлетвореніе потребности происходитъ повсюду прежде, чѣмъ всестороннее изученіе дѣла устранить возможность всякихъ сомнѣвій и прекословіи на этотъ счетъ. Рекомендую человѣчеству слѣдовать не влеченіямъ сердца, а голосу строгаго благоразумія, совѣтуя дѣлать каждый шагъ впередъ не иначе какъ послѣ того, когда этотъ шагъ будетъ всесторонне обсуженъ въ ученномъ трактатѣ, увѣнчанномъ академической преміею,—благомыслящіе либералы даютъ совѣтъ весьма разумный. Но... если бы человѣчество слѣдовало этому совѣту,—оно не сдѣдало бы ни одной ошибки,—это правда, но за то не двинулось бы и ни на полвершка впередъ: вѣдь ни одинъ вопросъ общественной жизни не рѣшенъ окончательно и не сданъ безповоротно въ архивъ. Прогрессивное легкомысліе есть всегдашній и могучій двигатель человѣчества. Будь человѣчество такъ благоразумно, какъ того желаютъ благомыслящіе либералы,—оно не имѣло бы даже и рекомендуемыхъ имъ увѣнчанныхъ академическими преміями руководителей прогресса: оно не имѣло бы ихъ по той простой причинѣ, что не сочло бы себя вправѣ устроить академіи съ преміями, ибо вопросъ о томъ—полезны ли академіи и преміи, или вредны?—еще не рѣшенъ окончательно. Да и кто бы могъ быть тутъ компетентнымъ судьей?

Я старался показать, что стремленіе благомыслящаго либерализма искоренить заносчивость на всегда—есть стремленіе неосуществительное. Тѣ средства, которыя благомыслящій либерализмъ считаетъ необходимыми для достиженія своей цѣли, еще болѣе неосостоятельны. Возьмите напр. „Московскія Вѣдомости“ и послушайте что они говорятъ.

Они полагаютъ, будто заносчивость будетъ вырвана съ корнемъ тогда, когда ни одинъ вихрастый гимназистъ не пройдетъ черезъ гимназическія таможи, не занесетъ въ университетъ контрабанды заносчивости и не получитъ аттестата объ удовлетворительномъ окончаніи курса наукъ. И вотъ, въ средѣ нашихъ педагоговъ они желаютъ энергичныхъ бойцовъ благомыслящаго либерализма: воскресенія Спасопреображенскихъ и народненія доморощенныхъ Кавеньяковъ, которые бы считали школу Парижемъ въ осадномъ положеніи, вели облаву на вихрастыхъ гимназистовъ и лупили сплеча и праваго, и виноватаго... Тщетныя надежды! Визорукіе расчеты!..

Сколько бы народа они на извели своими педагогическими шаспо и экзаменаціонными картечницами, они все-таки не изведутъ всѣхъ вихрастыхъ гимназистовъ и контрабанда заносчивости все-таки благополучно будетъ проходить сквозь педагогическія таможи. Это первое.

Но предположимъ, что наши Кавеньяки избиваютъ, въ самомъ дѣлѣ, вихрастыхъ гимназистовъ всѣхъ до единого и что университетскіе дипломы, дѣйствительно, достаются только духовнымъ Плотичнымъ. Спрашивается, во вторыхъ: много ли выигрываетъ общество и государство отъ того, что права кандидатомъ и дѣйствительныхъ студентовъ достаются Плотичнымъ? Предстоитъ ли завидная будущность скопческому обществу? Найдеть ли государство надежную опору въ голощенныхъ дѣятеляхъ?

Третье. Благомыслящій либерализмъ увѣряетъ всѣхъ и каждого въ своемъ уваженіи къ наукѣ; онъ громко и горячо толкуетъ объ отрезвляющей силѣ науки и т. д. Но взгляните на сущность той травли, которую желаетъ онъ вести противъ вихрастыхъ гимназистовъ, — и вы поймете, что наши благомыслящіе либералы не далеко ушли отъ тѣхъ грибоѣдовскихъ героевъ, которые полагали, будто

Ученье—вотъ чума, ученье—вотъ причина,

Что нынче пуще чѣмъ когда

Безумныхъ развелось людей, и дѣлъ, и мнѣній.

Дѣйствительно. Благомыслящій либерализмъ, съ горячей ревностью, достойной лучшаго дѣла, ревниво заботится о томъ, чтобы въ университетъ не проникала контрабанда заносчивости. Что это означаетъ? Значить, наши благомыслящіе либералы не вѣрятъ въ питательность и отрезвляющую силу науки? Значить, они не надѣются, чтобы университетъ могъ пригладить вихрастаго гимназиста? Значить, они опасаются, что его вихры станутъ тотчасъ еще болѣе? Значить, они думаютъ, что тѣло для холощенной молодежи не опасна пища университетской науки? Вѣдь если бы они не болтали только о своемъ уваженіи къ наукѣ, а дѣйствительно вѣрили въ благую ея силу, то они старались бы вербовать въ студенъы всякаго вихрастаго гимназиста, именно по той причинѣ, что онъ вихрастъ и что слѣдоват. наука должна его пригладить и облагодѣлать.

Наконецъ, четвертый пунктъ. Кто выигрываетъ отъ того, если школа изрыгаетъ изъ своихъ нѣдръ, выкидышемъ, всякаго вихрастаго гимназиста и удерживаетъ въ своемъ чревѣ однихъ Плотициныхъ, которыми и разрѣшается благополучно отъ бремени? Если даже мы согласимся, что Плотицины есть идеаль гражданинъ и человѣкъ, то и въ этомъ случаѣ, на поставленный вопросъ мы должны отвѣтить: выигрываетъ одна школа и никто болѣе. Школа, какъ извѣстно, имѣетъ право исключать лѣнливыхъ и непокорныхъ, но она не облечена властью предавать ихъ смертной казни. Вслѣдствіе этого, вихрастые гимназисты остаются на бѣломъ свѣтѣ, живутъ и долгоденствуютъ (иногда даже благоденствуютъ) послѣ того, когда школа законфискуетъ ихъ на одной изъ своихъ та-

можень и изрыгнуть. Онъ перестаетъ идти по пути ученія и сворачиваетъ на другую дорогу, но остается въ живыхъ и не перестаетъ быть вихрастымъ.

При такомъ положеніи дѣла школа, очевидно, выигрываетъ. Она можетъ похвастаться передъ начальствомъ своею благонамѣренной предусмотрительностью: я-де такъ безпощадно преслѣдую заносчивость и съ такимъ искусствомъ отдѣляю плевелы отъ пшеницы, что въ стѣнахъ моихъ нѣтъ ни одного козлища, а есть одни только благонамѣренно блестящіе бараны, которые ни въ пьянствѣ, ни буянствѣ никогда не попадаютъся.

Прекрасно. Легко можетъ быть, что начальство похвалитъ и наградитъ эту школу. Школа, стало быть, выигрываетъ. Но общество не только не выигрываетъ, а проигрываетъ. Вѣдь вихрастый гимназистъ, изрыгнутый школой, живъ и дѣйствуетъ;—но онъ озлобляется и становится еще вихрастѣй. Благонамѣренный либерализмъ находитъ, что вихрастый кандидатъ университета вреденъ для общества. Согласенъ. Но для общества еще вреднѣе вихрастый гимназистъ, неокончившій курса. Заносчивость образованія все-таки лучше, чѣмъ заносчивость озлобленной малограмотности.

Глядя на нашихъ Робеспьеровъ и Бареровъ и понимая безцѣльность всѣхъ ихъ стремленій и надеждъ, можно было бы удивляться, что въ наше время возможны сторонники системы приснопамятнаго Магницкаго. Но дѣло въ томъ, что все это бывало прежде и будетъ всегда: человѣчество живетъ долго, но, къ несчастью, изъ прожитаго имъ оно, какъ Бурбоны, ничего не забываетъ и ничему не научается....

ANDANTINO GRAZIOSO.

Странное дѣло! Что бы ни говорили нессимисты, я все-таки буду стоять на томъ, что наша общественная жизнь въ послѣдніе годы двинулась впередъ — не такъ значительно, конечно, какъ полагають оптимисты, но все-таки двинулась. Казалось бы, и общественной мысли слѣдовало быть зрѣлѣе. Но въ дѣйствительности мы видимъ совсѣмъ другое.

Вспомните имена тѣхъ людей, которые составляли либеральную партію въ нашей литературѣ, группируясь сперва около „Отечественныхъ Записокъ“, потомъ — около „Современника“: Вѣлинскій, Грановскій, Тургеневъ, Боткинъ, Милютинъ, Дружининъ... Вспомните представителей славянофильскаго направленія, считавшагося въ то время консервативнымъ: Хомяковъ, братья Кирѣевскіе, Ю. О. Самаринъ, Аксаковы... Почти всѣ эти люди вносили въ свою литературную дѣятельность, кромѣ прирожденнаго таланта, широту взгляда просвѣтленнаго серьезнымъ, разностороннимъ научнымъ образованіемъ, и живое, чуткое пониманіе потребностей жизни. Литература того времени, несмотря на всю плачевность своего легальнаго положенія, умѣла быть представителемъ общества и выразителемъ его лучшихъ стремленій, его дѣйствительныхъ, насущныхъ интересовъ.

Взгляните на теперешнюю литературу въ большинствѣ ея представителей. Васъ невольно поражаетъ ея отчужденность отъ жизни, ея близорукая мелкота идеекъ, ея узкая одно-сторонность взглядовъ, а подчасъ и крайнее невѣжество.

Въ самомъ дѣлѣ... Возьмите нашихъ писателей заносчиваго направленія. Главнѣйшими своими задачами они ставятъ адвокатуру за „новыхъ людей“ вообще и за „женскій вопросъ“ въ частности.

Возмите наших писателей благомыслящаго направленія. Главнѣйшими своими задачами они ставятъ сокрушеніе „новыхъ людей“ вообще и оплеваніе „женскаго вопроса“ въ частности.

Встрѣчая всѣ такія произведенія „изящной словесности“, наталкиваясь чуть не въ каждой книжкѣ любого журнала на ученую статью, прямо или косвенно касающуюся нигилизма, или женскаго вопроса, непрерывно слыша неистовый ревъ отчаянія, испускаемый гг. Лѣсковыми, Достоевскими, кн. Мещерскими и др., которые со страху морозятъ самую невѣроятную гиль и съ-испугу позабываютъ все то, что слѣдуетъ знать каждому мало-мальски образованному человѣку, — скажите: что долженъ подумать человѣкъ, который бы, не зная лично Россіи, захотѣлъ составить себѣ понятіе о положеніи нашихъ общественныхъ дѣлъ по нашей прессѣ? Онъ долженъ былъ бы подумать, что „женскій вопросъ“ есть самый жгучій вопросъ, что по малой мѣрѣ половина русскихъ женщинъ остриглась и порѣшила отказаться отъ гражданскаго и церковнаго брака, промѣнявъ сладости брачной жизни на чтеніе Дарвина съ Боклемъ и на изученіе повивальнаго искусства. Онъ долженъ былъ бы заключить, что нигилисты составляютъ въ Россіи огромную по количеству и могущественную по вліянію партію, которая не сегодня-завтра можетъ взорвать на воздухъ весь существующій порядокъ...

Вотъ что онъ долженъ подумать. Но, развѣ это такъ? Къ счастью (или къ несчастью—какъ вамъ будетъ угодно) совсѣмъ не такъ.

„Женскій вопросъ“... Я васъ спрашиваю: за исключеніемъ какихъ нибудь двухъ-трехъ сотенъ людей на все народонаселеніе великія, малыя и бѣлыя Россіи, кто живо интересуется этимъ вопросомъ? Рѣшительно никто. Въ са-

момъ Петербургѣ (откуда, по мнѣнію нашихъ алармистовъ) идетъ пропаганда всяческаго либеральнаго неистовства) вы можете присвататься къ любой, первой-встрѣчной дѣвицѣ безъ всякой боязни и почти безъ риска найти въ ней сколько-нибудь нигилистическія наклонности: ваша жена будетъ симпатизировать не праву женщины на трудъ, а праву ея жить безъ труда на мужнинъ счетъ, и широко станетъ пользоваться этимъ правомъ; вы можете быть увѣрены, что ваша жена станетъ тяготиться своимъ „рабствомъ“ и горячо примется защищать свою женскую самостоятельность только тогда, если вы попытаетесь учитывать ее и сокращать ея расходы, или пожелаете стать ей камнемъ ревниваго препятствія на пути амурничанья съ какимъ-нибудь *ami de la maison*.. Ради Бога: когда этого не бывало и причеиъ тутъ нигилизмъ съ „женскимъ вопросомъ“? Правда, вы встрѣтите много такихъ женщинъ, которыя съ наклонностями восточной одалиски соединяютъ любовь къ разговорному либерализму и, вслѣдствіе этого, толкуютъ вкривь и вкось, по наслышкѣ, о всѣхъ тѣхъ страшныхъ вещахъ, которыя приводятъ въ трепеть князей Мещерскихъ, въ родѣ того, какъ слово „жупель“ наводило трепеть на одну московскую купчиху Остроескаго. Но вѣдь искренности и серьезности во всѣхъ этихъ страшныхъ словахъ гораздо меньше, чѣмъ въ демократизмѣ аристократическихъ посѣтительницъ парижскихъ литературныхъ салоновъ конца XVIII вѣка... Такъ ли кутили античныя дамы временъ римской имперіи (прочтите седьмую сатиру Ювенала) или французскія барыни премень *ancien régime*! А вѣдь въ тѣ времена не было ни Добролюбова съ Писаревымъ, ни всей петербургской литературы, которая приводитъ въ содраганіе нашихъ алармистовъ.

«Уравненіе мущины съ женщиною по праву на трудъ»...

Но вѣдь объ этомъ уравненіи идутъ толки въ одной только ничтожной по числу части женскаго городскаго (преимущественно столичнаго) пролетаріата, которая составляетъ собою каплю въ морѣ. А возьмите крестьянку:

Вѣка протекали, все къ счастью стремилось,

Все въ мірѣ по нѣскольку разъ измѣнилось,

Одну только Богъ измѣнить забывалъ

Суровую долю крестьянки...

И поэтъ съ истинно художественною правдою обрисовалъ русскую крестьянку, когда, обращаясь къ ней, онъ говоритъ:

Ты вся—воплощенный испугъ,

Ты вся—вѣковая истома!

Русская крестьянка, и безъ права на трудъ, трудится до нельзя. Отъ уравненія въ правахъ съ мущиною она тоже ничего не выиграетъ и въ этомъ уравненіи она пока нѣсколько не нуждается, ибо жизнь мужика со всѣми его мужскими правами вовсе не сладка. Она скорѣе нуждается въ томъ, чтобы ее уравниали въ правахъ съ рабочей лошадью: авось тогда общество покровительства животнымъ возьметъ ее подъ свое покровительство—и ей будетъ хоть немножко лучше жить на свѣтѣ, чѣмъ теперь.

Нигилисты... Гдѣ они? Они кончились вмѣстѣ съ занозистой эпохой начала 60-хъ годовъ; у остриженныхъ дѣвицъ выросли волосы; нигилизмъ давно выцвѣлъ и полинялъ; народились новыя явленія въ нашей общественной жизни; наступилъ иной день съ его новой злобой; вмѣсто уморительнаго утилитариста, предпочитавшаго пару салоговъ Шекспиру, героемъ дня сдѣлался не менѣе уморительный поклонникъ чистаго искусства, который готовъ предписать всѣмъ и каждому восторгаться всякими искусствами подъ страхомъ строгой кары за неблагонамѣренность; вмѣсто либеральствующихъ

подъячихъ російская земля снова закишила щедринскими ташкентцами... Словомъ, все измѣнилось. А литература ваша, все еще продолжаетъ жить заднимъ числомъ и никакъ не можетъ вырваться изъ заколдованнаго круга, раздувая мертворожденную лягушку нигилизма въ цѣлаго слона...

И вотъ, послѣ того какъ начитаешься „учеными“ и и „изящными“ твореніями нашихъ либеральствующихъ и ретроградствующихъ дурней о неизмѣнномъ нигилизмѣ и неминуемомъ женскомъ вопросѣ, — чувствуешь нѣчто въ родѣ того, что чувствуетъ человѣкъ, насидѣвшій въ непривычной для него, прокислой духотѣ какого нибудь петербургскаго угла.

На прошлой недѣлѣ, мнѣ привелось все утро перелистывать разныя либеральныя повѣствованія нашей современной „изящной словесности“ въ честь російскихъ юношей и дѣвицъ прогрессивнаго калибра. Всѣ эти юноши и дѣвицы, какъ по повѣркѣ оказалось, обладаютъ всяческими либеральными добродѣтелями: юноши возмущаются всѣмъ низкимъ и безчестнымъ и набиваютъ мозоли на рукахъ (безъ мозолей, какъ извѣстно, нельзя быть истинно-передовымъ человѣкомъ) учеными занятіями по естественнымъ наукамъ, а дѣвицы идолопоклонствуютъ передъ Португаловыми, Антоновичами и иными писателями занозистаго направленія; одна изъ героинь даже укатила за чѣмъ-то въ Америку. Чего бы казалось лучше? А между тѣмъ, чѣмъ больше я перебиралъ повѣствованія объ этихъ либерально-добродѣтельныхъ юношахъ и дѣвицахъ, тѣмъ болѣе задыхался въ прокисломъ запахѣ душнаго, убогаго ума.

Къ счастью, вечеромъ въ тотъ же день, мнѣ привелось видѣть Нильсонъ въ „Фаустѣ“.

Танцуетъ кордебалетъ, ломается самымъ противоестественнымъ образомъ Мефистофель-Видалъ, (впрочемъ, оно, можетъ

быть, такъ и нужно: бѣсовъ я никогда не видалъ и какъ они ходять — не знаю); граціозно рисуется истиннымъ итальянскимъ любовникомъ-теноромъ Фаустъ-Николини (какъ и подобаеть любимцу здѣшнихъ дамъ); словомъ, идетъ все какъ слѣдуетъ. Вдругъ вальсъ прерывается, оркестръ возвѣщаетъ приближеніе Гретхенъ, — и вотъ, она появляется, — повторяю — появляется не Нильсонъ, а Гретхенъ сама, живьемъ. Неторопливою, скромною, но твердою походкой, съ молитвенникомъ въ рукахъ, идетъ она, возвращаясь изъ церкви домой. Скромно и просто отвѣчаетъ она Фаусту, отказываясь отъ его предложенія проводить ее, — и продолжаетъ свой путь. Двѣ-три фразы произнесла она — но и ихъ достаточно было, чтобы передъ вами, какъ живой, возсталъ знакомый вамъ, очаровательный образъ Гретхенъ. Эта дѣвушка слишкомъ невинна, чтобы скандализироваться неожиданнымъ ухаживаньемъ незнакомаго ей мужчины. Она слишкомъ скромна и женственна для того, чтобы отвѣчать ему смѣлой насмѣлкой, или отрѣзать жесткимъ отказомъ. Она слишкомъ чиста, непорочна, чтобы ей могло придти на умъ кокетливо похвастаться своей добродѣтельной неприступностью. Ей столько же чуждо уличное минутное кокетство, или баловство въ платонически-легкую любовь, сколько незнакомо сознаніе своей красоты...

Кончился второй актъ. Еще подъ обаяніемъ свѣтлаго образа этой поэтической дочери сѣвера, я поглядѣлъ по сторонамъ, на женъ и дочерей сѣвера, наполнившихъ ложи и кресла... Многихъ я знаю самъ; о многихъ знаю (какъ говорится) изъ достовѣрныхъ источниковъ; иныхъ я не знаю и ничего объ нихъ не слыхалъ, но я вижу ихъ лица, а лицо есть зеркало души... На меня пахнуло совсѣмъ инымъ... Прямо передо мною, къ креслахъ, сидѣла раздушенная, разрисованная, съ цѣлымъ возомъ волосъ на головѣ,

красавица Гликерія младая,

Равно всё́мъ общая, какъ чаша круговая.

Позади меня сидѣла одна барышня съ необыкновенными претензіями на знаніе разныхъ наукъ и искусствъ, съ невѣроятной самоувѣренностью и невѣжествомъ толкующая „о матерьяхъ важныхъ“ и желающая пустить въ оборотъ свою образованность, свой жалкій голосокъ и несчастное брянчанье на фортепьяно для того, чтобы какъ-нибудь составить выгодную партію и блистать въ свѣтѣ, въ который ей теперь нѣтъ доступа. Рядомъ — матушка, одна изъ тѣхъ безсердечныхъ жриць формальной нравственности, которыя слѣдятъ за чужимъ поведеніемъ не менѣе усердно, чѣмъ покойница Хлестова за чужими имѣніями, и съ видомъ оскорбленнаго чувства, но съ злорадной готовностью вѣрять всякой черной клеветѣ и распускаютъ всякую грязную сплетню, — одна изъ тѣхъ кумушекъ, которыя гениально изображены Каульбахомъ въ ту минуту, когда онѣ собравшись у водорма, пересудачиваютъ бѣдную Маргариту, въ невыразимъ и мукѣ распростершуюся передъ ликомъ Мадонны:

Ach neige

Du, Schmerzenreiche,

Dein Antliz gnaedig meiner Noth!

Въ первомъ ярусѣ я вижу знакомую мнѣ, изящную головку одной барышни, у которой женственность вся вылилась въ одни женскіе недостатки: виѣ бала, раута она немислима; она, какъ говорится, ни дѣтямъ мать, ни мужу жена; она создана для того, чтобы выдти замужъ безъ любви, капризничать отъ скуки, водить интрижки безъ увлеченія, отдаться другому отъ нечего дѣлать и мотовато паразитствовать на мужнины доходы. Въ бель-этажѣ — я вижу — сидятъ тоже знакомые мнѣ люди: мать, составившая карьеру своему

мужу съ помощью своей, теперь уже увядшей, красоты; позади нея—мужъ, благодарно преклоняющійся передъ ея нравственно-политическими способностями; рядомъ съ нею—дочь, одна изъ тѣхъ барышень, которыя, по жесткому выраженію Дюма-сына, рождаются на свѣтъ непорочными только потому, что не имѣли еще возможности пасть: она сознаетъ свою красоту, сознаетъ достоинство своего бюста и потому, съ смѣлостью замужней женщины и съ ловкостью военнаго человѣка, спекулируетъ своимъ декольте.... Неужели чистый образъ Маргариты, сверкнувши въ-очію среди всѣхъ этихъ женъ и дочерей сѣвера, какъ свѣтлая и свѣжая струя въ душевной тѣмнѣ, не заставилъ ни одну изъ нихъ дрогнуть сердцемъ?... Неужели ни одной изъ нихъ не сдѣлалось хоть немножко совѣстно или хоть сколько-нибудь грустно за себя?...

Мои наблюденія и размышленія прервалъ третій актъ. Гретхенъ возвращается къ себѣ домой, въ свой садикъ. Съ обычной домовитостью садится она за свою прялку; какъ всегда принимается она напѣвать; но на этотъ разъ пѣсенка прерывается мечтами, а работа не спорится... Любовь запала ей въ душу—и ей грустно...

Meine Ruh' ist hin,
Mein Herz ist schwer...

Такова всегда любовь сѣверной дѣвушки. Къ сладостному чувству любви вѣчно у нея примѣшивается какая-то свѣтлая грусть; самое блаженство любви для нея сливается съ желаніемъ смертной истомы на груди любимаго человѣка, которая бы незамѣтно перервала нить ея жизни въ тѣ свѣтлыя, лучшія минуты первой страсти, когда еще далека печальная пора привычки, охлажденія, сомнѣній, ревности...

...Mein Busen draengt
Sich nach ihm hin.

Ach dürfst' ich fassen
 Und halten ihn,
 Und küssen ihn
 So wie ich wollt',
 An seinen Küssen
 Vergehen sollt'!

Но вотъ, Гретхенъ увидала подарокъ Фауста. — Лукка любовалась драгоценностями съ радостью слишкомъ порывистой; Патти въ арии передъ зеркаломъ была слишкомъ кокетлива. Нильсонъ была здѣсь тѣмъ, чѣмъ должна быть Маргарита: она любовалась подарками и примѣряла ихъ на себя съ тихимъ, свѣтлымъ чувствомъ невиннаго удовольствія и скромной шаловливостью ребенка. Въ этомъ занятіи застаютъ ее сперва Марта, потомъ Фаустъ съ Мефистофелемъ. Застѣнчивая Гретхенъ сконфузилась постороннихъ людей, ушла въ себя и спѣшитъ снять съ себя серьги, ожерелье, браслеты, убрать свои драгоценности. Отсюда начинается полное торжество Нильсонъ. Начиная съ того момента, когда она, стыдливо опустивъ головку, подаетъ, впервые, свою руку Фаусту, и до той минуты, когда побѣжденная очарованіемъ ночи и любви, она падаетъ въ его объятія и замираетъ въ первомъ поцѣлѣ, — вы видите всѣ перепетіи развивающейся любви въ чистомъ сердцѣ этой застѣнчивой, сосредоточенной въ себѣ дѣвушки, которая полюбить не скоро, отдастся не легко, но разъ полюбивъ, полюбитъ беззавѣтно, безгранично — и нѣтъ той жертвы, передъ которой бы она остановилась, которой бы она не принесла для любимаго ею человѣка. Для васъ, въ лицѣ Нильсонъ, становится понятнымъ все то, что является не осмысленными обрывками изъ гетевского «Фауста» въ оперѣ Гуно. Маргарита шаловливо бѣжитъ отъ Фауста, который ее догоняетъ: эта шаловливая игра въ прятки является кокетливымъ заигрываньемъ благовоспитанной институтки, въ игрѣ

г-жи Левицкой; у г-жи Арто эта вспышка веселости вамъ кажется какою-то неожиданной странностью, и такая шути-ливая выходка, изображаемая этою берлинской примадонной, напоминаетъ вамъ корову, которая, находясь безъ всякой видимой причины въ хорошемъ расположеніи духа, ни съ того, ни съ сего взыграетъ и начинаетъ прыгать по лугу, изогнувъ спину, и приподнявъ хвостъ. Въ игрѣ Нильсонъ, эта бѣготня получаетъ смыслъ: она необходима, какъ симптомъ того, что Маргарита мало-по-малу ознакомилась съ Фаустомъ, не стѣсняется болѣе въ его присутствіи и, подь вліяніемъ усиливающагося (хоть, можетъ быть, еще и не сознаваемаго ею хорошенько) чувства любви къ нему, уже осмѣливается дать волю порыву той свѣтлой веселости, которая всегда освѣщаетъ собою первыя свиданія двухъ влюбленныхъ, — эти „ясные дни“, которые послужили темой для одного изъ наиболѣе симпатичныхъ произведеній одного изъ нашихъ современныхъ беллетристовъ. Въ игрѣ Нильсонъ для васъ становится понятнымъ и слѣдующій за тѣмъ рассказъ Маргариты Фаусту о своей тяжелой жизни въ семьѣ: это — новая и необходимая ступень ея любви. Маргарита — не южная женщина съ горячей кровью и пылкимъ сердцемъ, у которой въ сердцѣ быстро вспыхиваетъ всепожирающій пламень любви, которая можетъ отдаться человѣку, прежде чѣмъ успѣетъ узнать его, и у которой дружба съ любимымъ человѣкомъ идетъ уже за первымъ увлеченіемъ страсти. Съ другой стороны, Маргарита — и не какая-нибудь чувственная, эманципированная жительница одной изъ европейскихъ столицъ, которая отдается мушнѣ тѣломъ, но не душою, и при этомъ старается сохранить за собою полную „свободу дѣйствій“, причемъ, разумѣется, мушнѣ играетъ роль только любовника: для нея онъ только средство къ удовлетворенію ея страсти, но она

не сближается съ нимъ какъ съ другомъ, передъ которымъ бы открыты были всѣ ея помышленія и чувства, вся ея жизнь. У Маргариты любовь разгорается не скоро; она не отдастся человѣку прежде, чѣмъ довѣрится ему; она понимаетъ любовь такъ, что ея жизнь сливается съ жизнью любимаго человѣка, который точно также долженъ принимать живо къ сердцу всякую ея радость и горе, какъ и она, вся, проникнута участіемъ къ нему. Въ русскомъ языкѣ слово *любитъ* замѣняется иногда словомъ *жалеть*—и это послѣднее слово прекрасно выражаетъ ту идеальную сторону любви, придающую чувству обаятельную прелесть, которой не знаютъ наши современные Мессалины, но безъ которой не понимаетъ любви чистая Гретхенъ. Въ любимомъ человѣкѣ ей нуженъ не любовникъ, а другъ, съ которымъ бы рука объ руку она могла пройти трудный путь жизни... И какая безграничная любовь, какая глубина страсти, какая тихая, но несокрушимая сила слышалась въ ту минуту, когда наконецъ Гретхенъ говоритъ Фаусту первое слово любви и прильнула своей головкой къ его груди!..

Кончился третій актъ. Снова пришлось мнѣ глѣзѣть по сторонамъ. Первое, что мнѣ попало на глаза, — двѣ знакомыя барышни-сестры. Одна — въ родѣ гоголевскаго мичмана Дырки, смѣшлива и вѣчно весела до того, что раздражаетъ ваши нервы: вы чувствуете, что эта вѣчная веселость происходитъ не отъ избытка молодой жизни, а просто отъ пустоты и дурковатости. Другая сестра увѣрена въ своей красотѣ (которой у нея нѣтъ), любезности (хотя ею она вовсе не обладаетъ) и побѣдоносности (хотя еще никого не побѣдила), а сама безъ трепетанія не можетъ говорить ни съ однимъ холостымъ мужчиной, такъ что достаточно холостому мужицѣ (годному въ женихи, даже и негодному) подойти къ

ней, какъ она мгновенно преобразается и дѣлается еще пошлѣе, чѣмъ обыкновенно...

При выходѣ изъ театра...

„Позвольте (можетъ быть, полюбопытствуетъ иной читатель): скажите же мнѣ, нашли ли вы въ театрѣ Маргариту?

— Я не смѣю сомнѣваться, почтенный читатель, что въ театрѣ была даже не одна Гретхенъ, а цѣлый десятокъ. Но, во первыхъ, Маргариту всего скорѣе можно найти въ пятомъ ярусѣ, гдѣ собираются истинные меломаны нашего столичнаго „третьяго сословія“ — а пятый ярусъ такъ высокъ и головъ тамъ такъ много, что изъ кресель разглядѣть тамошнюю публику я не могъ. Затѣмъ, между вторымъ и третьимъ актомъ я не имѣлъ достаточно времени проштудировать всю публику съ специальной цѣлью отыскать современную Маргариту. Наконецъ, послѣ третьяго акта я — признаюсь вамъ — старался на всякій случай не смотрѣть по сторонамъ...

Многихъ исполнительницъ видѣлъ я въ этой роли, начиная съ Барбо, въ которой видна была страстная итальянка неудачно прикидывающаяся Маргаритою, до г-жи Левицкой, у которой, вмѣсто Гретхенъ, получается какая-то благовоспитанная пансіонерка жиденькой натуры; — но такой Маргариты, какъ Нильсонъ, я еще не видалъ до сихъ поръ, а лучше ея, вѣроятно, никогда и не увижу. Нильсонъ исчезла — вмѣсто нея мы видѣли Гретхенъ; актрисы не было — а на подмосткахъ сцены жила, любила и страдала настоящая, живая сѣверная дѣвушка, которая навѣяла великому поэту одно изъ лучшихъ созданій его фантазіи и предъ которой преклоняется самый строгій моралистъ даже послѣ того, когда она уже пала...

Я вышелъ изъ театра подъ обаяніемъ героинь Шекспира, Гете, Гюго, изображаемыхъ двумя нашими дивами — и мнѣ

вспомнились либерально-добродѣтельные юноши и дѣвицы, изготовляемыя на кухнѣ нашей современной беллетристики... Что значить сила таланта! Казалось бы, изъ какихъ матеріаловъ Шекспиръ, Гете и Гюго могли создать свѣтлые образы своихъ героинь? Не было Португалова, которымъ бы могла поучаться Гретхенъ; не было „женскаго вопроса“, надъ которымъ могла бы бѣсноваться Джильда; не было открыто еще Америки, куда могла бы закатиться Офелія; не въ кого было автору влюбить свою Дездемону, ибо въ то время не было на Выборгской сторонѣ медико-хирургической академіи, которая обыкновенно поставяетъ *jeune premier*’овъ для либерально-добродѣтельныхъ героинь; наконецъ, всѣ эти героини имѣли несчастье жить въ такое время, когда человѣчество еще ничего не знало ни о „рефлексахъ головного мозга“, ни „о происхожденіи видовъ“, — а я спрашиваю васъ: можетъ ли быть истинно-идеальною та героиня, которая не нюхнула ни Сѣченова, ни Дарвина? И однако, странное дѣло! Эта Джильда имѣвшая глупость влюбиться и пожертвовать жизнью изъ-за развратника и консерватора, эта Офелія позорящая себя любовью къ своему пошляку отцу, эта Гретхенъ имѣвшая пошлость стыдиться своего гражданскаго брака съ Фаустомъ, — всѣ онѣ, какъ видите, страшно грѣшатъ противъ катехизиса казенно-либеральной нравственности. Тѣмъ не менѣе, какою неземной красотой блестятъ эти образы и съ какою неотразимую силою чаруютъ они нашу душу! Какъ жалки, жидки, мизерны и глупы кажутся всѣ безукоризненные героини современныхъ беллетристовъ съ ихъ форменнымъ либеральничаньемъ, съ ихъ рутинно-казенными прогрессивными поползновеньями! Какими пигмеями кажутся наши современные авторы либеральныхъ повѣстей, съ ихъ худосочнымъ міровоззрѣніемъ, передъ Шекспиромъ, несмотря на то, что онъ не читалъ ни

Дарвина, ни Бокля, ни Португалова и вѣрилъ во многое такое, надъ чѣмъ теперь смѣется каждый семиклассникъ-гимназистъ... Да, читатель, знаніе даетъ человѣку очень многое,—это правда. Но если каждый гимназистъ седьмага класса и знаетъ теперь больше, чѣмъ Шекспиръ,—отсюда еще нельзя все-таки заключить, чтобы каждый семиклассникъ былъ умаѣ Шекспира...

ALLEGRO MA NON TROPPO E SOSTENUTO.

«Господинъ Сидоровъ! говоритъ одинъ господинъ мировому судѣ, когда тотъ сидитъ въ цѣпи, за судейскимъ столомъ, при отправленіи своихъ обязанностей: вы, г. Сидоровъ, для меня просто господинъ Сидоровъ, а не мировой судья!»

Кто этотъ господинъ, сказавшій такую громкую и такую нерациональную фразу?

«Отецъ!»

Къ мировому посреднику является молодая баба за какимъ-то дѣломъ. «Что вамъ угодно?» — «Да вотъ, кормилецъ»... — «Подите сюда, сядьте вотъ тутъ, не бойтесь и расскажите ваше дѣло», говоритъ посредникъ, показывая ей на стулъ, стоящій у того самаго стола, за которымъ сидитъ онъ самъ. Баба, не привыкшая въ такой вѣжливости начальства, подозреваетъ преступные замыслы въ посредникѣ, которыхъ у того нѣтъ: — «Нѣтъ ужъ это за чѣмъ! (говоритъ она) Ужъ вы это оставьте: я вѣдь мужняя жена»...

Кто этотъ вѣжливый посредникъ?

«Сынъ!»

Мировой судья производитъ разбирательство дѣла, сидя себя въ кабинетѣ на диванѣ; рядомъ съ нимъ на диванѣ

помѣщается отвѣтчикъ-помѣщикъ; передъ диваномъ столъ; на столѣ закуска. Мировой судья и отвѣтчикъ пьютъ, закусываютъ и благодумствуютъ. У дверей кабинета стоитъ истецъ - крестьянинъ, слушаетъ барскую бесѣду, не пьетъ, не закусываетъ и не благодумствуетъ, а серьезно смотритъ изъ подлобья и ждетъ, когда начальству заблагодарасудится велѣть ему излагать свое дѣло.

Кто этотъ гостепріимный мировой судья, выдумавшій невиданный на западѣ Европы способъ судебно-закусочнаго съ выпивкой, разбирательства?

«Отецъ!»

Мировой судья вызываетъ графа Кисельникова свидѣтелемъ по дѣлу о побитіи мѣщанки Акулины Петровой дворовымъ челоуѣкомъ Анкудиномъ Елизаровымъ. Когда доходить очередь до разбора этого дѣла, судья вызываетъ свидѣтеля такъ: „Господинъ Елизаровъ!... Господинъ (а не графъ) Кисельниковъ!“

Кто этотъ мировой судья, который уравниваетъ права всѣхъ передъ судомъ до такой степени, что даже, безъ судебного приговора, сказ. такъ лишаетъ графа принадлежащаго ему титула?

„Сынъ!“

Все это—факты не крупные, ежедневные. Но они стоятъ того, чтобы въ нихъ вдуматься. Они очень характеристичны и наводятъ на многія размышленія.

Въ самомъ дѣлѣ, когда смотришь на отцовъ, невольно хочется имъ сказать: «господа, да двиньтесь же хоть немного впередъ, перестаньте закусывать и будьте настоящими судьями!» Когда смотришь на дѣтей, изъ груди невольно вырывается крикъ: «Господа! Полегче, не такъ шибко, не такъ задорно! Тихе ѣдешь дальше будешь!»

„Отец“, не умѣющій понять того, что г. Сидоровъ, когда онъ сидитъ за судебнымъ столомъ, есть мировой судья, а не г. Сидоровъ, — этотъ „отецъ“ есть весьма типичный „отецъ“. Онъ никакъ не въ состояннн понять то простое обстоятельство, что и мировой судья и сенаторъ — оба они судьи, органы юстиціи, и что, слѣдовательно, залъ сената и камера мирового судьи имѣють одинаковое право на уваженіе. Камера мирового судьи ему представляется не судомъ, а квартирой г. Сидорова, гдѣ разбирается простонародье, но куда порядочному человѣку нѣсколько унижительно идти судиться.

Зовутъ его свидѣтелемъ въ сенатъ. Онъ ничего, идетъ и даетъ свои показанія, и не чувствуетъ свою честь униженной. Въ самомъ дѣлѣ: чего тутъ обижаться? Находится онъ, такъ сказать, въ аристократическомъ салонѣ и нѣкоторымъ образомъ ведетъ бесѣду съ важными господами. Правда, онъ даетъ свои показанія, стоя; но вѣдь онъ стоитъ не передъ кѣмъ нибудь, а передъ сенаторами. Словомъ, баринъ изъ „отцовъ“ не имѣетъ ничего противъ. Его только смущаетъ нѣсколько публика, въ которой много разночинцевъ, но съ этимъ маленькимъ неудобствомъ онъ легко мирится.

Но вотъ зовутъ этого „отца“ свидѣтелемъ въ окружной судъ. Ему тамъ ужъ не совсѣмъ ловко; окружной судъ ему представляется учрежденіемъ нѣсколько разночинскимъ. Въ самомъ дѣлѣ, даетъ онъ свои показанія, стоя — а передъ кѣмъ онъ стоитъ? За краснымъ столомъ сидятъ на половину неизвѣстные, малочинные *raguenus* — члены суда и въ числѣ ихъ какой нибудь членъ, который лѣтъ пять тому назадъ, будучи студентомъ, былъ домашнимъ учителемъ его дѣтей. „Можетъ быть, и всѣ прочіе только вчера еще были домашними учителями, а теперъ (смотри-ка!) сидятъ важно, корча

изъ себя сенаторовъ, думаетъ „отецъ“. И въ душѣ его закипаетъ нѣкая злоба на судъ.

Вообразите же себѣ, что графа Кисельникова-„отца“ вызываетъ свидѣтелемъ мировой судья. Судья — сынъ бывшаго чиновника крѣпостныхъ дѣлъ; дѣло — о побитіи мѣщанки Акулины Петровой дворовымъ человѣкомъ Анкудиномъ Елизаровымъ. Вообразите себѣ, что долженъ чувствовать графъ? Я бы не желалъ быть на его мѣстѣ.

Начнемъ съ повѣстки, которая грозитъ отвѣтственностью за самовольную неявку. Кто грозитъ графу этой отвѣтственностью? Сидоровъ т. е. сынъ того самаго человѣка, который у самаго этого графа по сихъ поръ на кончикѣ стула сидитъ. Чьему призыву онъ долженъ повиноваться? Онъ долженъ повиноваться тому самому Сидорову, который „въ нашемъ обществѣ“ не принять, женатъ на дочери титулярнаго совѣтника Христо-рожденственскаго...

Согласитесь!

Возьмемъ самое дѣло, по которому „отецъ“ вызывается свидѣтелемъ. Дѣло это — о побитіи мѣщанки Петровой дворовымъ человѣкомъ Елизаровымъ. „Да помилуйте! (думаетъ графъ) Всякая дрянь подерется на улицѣ, а я изъ-за нихъ иди въ судъ! Я, который четыре трехлѣтія былъ предводителемъ дворянства, который“ и т. д.

Да, много злобы накапливается въ душѣ графа, когда онъ идетъ въ мировой судъ!

А мировой судья Сидоровъ есть „сынъ“. Онъ сидитъ себѣ въ камерѣ и съ нѣсколько злобною радостью поджидаетъ прибытія графа-„отца“. Онъ знаетъ, что происходитъ въ его душѣ, и заранѣе наслаждается созерцаніемъ тѣхъ колѣнцевъ, которыя будетъ передъ нимъ выкидывать графъ, глубоко уязвленный и формою повѣстки, и необходимостью

стоять передъ зятель титулярнаго совѣтника Христорожественскаго, и наконецъ поскудностью самаго дѣла, по которому онъ вызывается.

«Я покажу ему, этому г. Сидорову, что благороднаго челоуѣка не слѣдуетъ тревожить изъ-за всякой дряни, думаетъ графъ и заранѣе восхищается презрительною миною своей физиономіи, когда онъ будетъ говорить слѣдующую фразу съ такой изысканной вѣжливостью, которая становится обидной: «Признаюсь, г. мировой судья, я ничего по этому дѣлу не знаю. Я не привыкъ обращать вниманіе, какъ по улицамъ пьяное простонародье дерется, и не интересуюсь знать, кто изъ нихъ правъ, кто виноватъ. Я—признаюсь—даже очень, крайне удивленъ, зачѣмъ я привлеченъ по этому дѣлу» и т. д.

Въ свою очередь, Сидоровъ все это предугадываетъ и съ своей стороны, злорадно готовится дать „отцу“ практическій урокъ того, что мировой судъ есть судъ, что передъ судомъ всякій свидѣтель есть только свидѣтель и что дворовый челоуѣкъ Елизаровъ — точь въ точь такой же подсудимый, какъ и тайный совѣтникъ Гаевскій, судившійся въ сенатѣ.

Пріѣзжаетъ графъ въ мировой судъ и прямо къ мировому судѣ: заявляетъ свое прибытіе. Онъ въ полной увѣренности, что Сидоровъ тотчасъ же броситъ все и начнетъ дѣлать ему допросъ, чтобы не заставлятъ его просидѣтъ въ камерѣ ни одной лишней минуты.

«Потрудитесь подождать, когда васъ вызовутъ» холодно отвѣчаетъ Сидоровъ.

Ждетъ графъ; злоба въ его душѣ бурлитъ больше, чѣмъ кипятокъ въ иномъ задорномъ самоварѣ. Ему чудится, что судья нарочно не вызываетъ его долго, чтобы покуражиться надъ нимъ. Ждетъ онъ — и доходитъ отъ злобы почти до состоянія невмѣняемости, какъ вдругъ въ камерѣ раздается:

«Господинъ Елизаровъ!.. Господинъ Кисельниковъ».

Эта фраза, сказанная отрывистымъ, сффіціальнымъ тономъ, переполняетъ мѣру „отцовскаго“ долготерпѣнія и кпятокъ льется черезъ край.

«Прошу васъ, г. Сидоровъ, не забывать, что вы для меня не мировой судья, а просто г. Сидоровъ, и я — не *господинъ* Кисельниковъ, а *графъ* Кисельниковъ».

Скандалъ! Составляется протоколъ — и дѣло передается прокурорскому надзору. Спрашивается: кто въ этомъ скандалѣ виноватъ, Сидоровъ или графъ Кисельниковъ?

Не боясь быть заподозрѣннымъ въ пристрастїи, я прямо отвѣчаю: оба одинаково правы, — и ужъ во всякомъ случаѣ если виноватъ кто изъ нихъ, то виноватъ г. Сидоровъ.

Съ графа Кисельникова нельзя взыскивать. Онъ привыкъ къ прежнему строю жизни, который въѣлся въ его плоть и кровь. Онъ привыкъ приходиться за-просто въ палату гражданскаго и уголовнаго суда, когда ему до нея доходило дѣло, и по семейному болтать съ предсѣдателемъ, сидя въ присутствїи за зеркаломъ съ сигарой въ зубахъ. Онъ не можетъ вообразить себѣ судъ иначе, какъ въ эдакой дружелюбной и почтительной къ нему формѣ. Онъ выросъ, воспитывался на идеяхъ того порядка, когда дѣла о побитїи дворовыми людьми Елизаровыми мѣщанокъ Петровыхъ рѣшались патриархальнымъ образомъ въ кварталѣ, когда дѣла эти считались нестоющими вниманїя: какъ ихъ не рѣши, все ладно, потому что и разбирательство-то по нимъ нужно только такъ, для порядка, чтобы кварталъ могъ время отъ времени прилагать къ дѣлу свою власть, которая бы иначе заржавѣла, какъ какое нибудь ружье, лежащее безъ всякаго употребленїя въ чуланѣ. Съ нимъ сроднилась мысль, что являться въ судъ для графа Кисельникова унизительно — и эту мысль

вдолбилъ ему въ голову самъ Сводъ Законовъ, предписывавшій не тревожить порядочныхъ людей вызовомъ къ слѣдствію и производить имъ допросы на дому, а графъ Кисельниковъ — согласитесь — вполне *порядочный* человекъ!

Словомъ, и законъ, и обычаи вели къ тому, что графъ Кисельниковъ, въ теченіи многихъ лѣтъ, отъ рожденія и вплоть до послѣдняго времени, стоялъ какъ бы выше закона, былъ въ нѣкоторой степени *legibus solutus*, какъ нѣкогда римскій императоръ. Онъ не встрѣчался лицомъ къ лицу съ безстрастнымъ, суровымъ закономъ даже и тогда, когда законъ не имѣлъ въ виду оказывать ему аттенцію, потому что въ этихъ случаяхъ суровость закона смягчалась той добродушной патріархальностью его исполнителей, по началамъ которой, предсѣдатель палаты, даже сидя за зеркаломъ, продолжалъ вести хлѣбъ-соль съ графомъ Кисельниковымъ, а слѣдователь, отправляясь къ нему на домъ для снятія допроса, долженъ былъ помнить, что онъ — не органъ юстиціи, а мелкая сошка, которой вслѣдствіе того ему и довлѣетъ въ домѣ графа Кисельникова ходить на ципочкахъ.

Но вотъ наступили инныя времена. Законъ сталъ менѣе любезничать съ графами Кисельниковыми; кварталъ запустѣлъ въ своемъ судебномъ департаментѣ; на многихъ судебныхъ мѣстахъ достолюбезныя „отцы“ смѣнились „дѣтьми“. Графу Кисельникову приходится разставаться со многими изъ тѣхъ своихъ привилегій, которыя онъ съ полнымъ основаніемъ могъ считать не оказываемой ему поблажкой, а принадлежащимъ ему правомъ. Онъ, такимъ образомъ, противъ своей воли и безъ всякой съ своей стороны вины, потерпѣлъ потерю нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ, лично и по состоянію ему присвоенныхъ.

Графу Кисельникову грустно; ему особенно грустно по-

тому, что онъ не понимаетъ необходимости всего того, что сдѣлано и дѣлается. Вы, г. Сидоровъ, смотрите на эту грусть презрительно. Но если вы настолько выше графа Кисельникова, какъ вы думаете, то вы должны понять, что ему многое должно быть прощено ради его невмѣняемости.

Между тѣмъ, г. Сидоровъ, вы этого не понимаете, васъ возмущаетъ міросозерпаніе графа Кисельникова, — и вы съ наслажденіемъ даете этому міросозерпанію щелчки. Съ какой стати?

Прѣжде чѣмъ вы родились, графъ уже былъ взрослый человѣкъ. Прѣжде чѣмъ вы сдѣлались „сыномъ“, онъ, подъ руководствомъ „отцовъ“, выросъ, установился и заостенѣлъ такъ, что ваши щелчки его только раздражаютъ, а не исправляютъ. Къ чему же вы съ такимъ нетерпѣніемъ добираетесь до его носа и такъ торопливо заготавливаете пальцы для щелчка?

Положимъ, что въ лицѣ графа Кисельникова вы, г. Сидоровъ, объявляете, такъ сказ. войну всѣмъ „отцамъ“ и хотите проблаговѣститъ похороны всему старому порядку. Но смотрите: старшій братъ графа сегодня курить въ губернскомъ правленіи за зеркаломъ; младшій его братъ завтракаетъ съ мировымъ судьей во время разбирательства... Оба брата, такъ сказать, благоденствуютъ, а моего друга — графа Кисельникова вы оборвали. Войны никакой вы, г. Сидоровъ, вести не можете: одинъ въ полѣ не воинъ, и похороны стараго порядка еще очень преждевременны. Вы просто изъ толпы „отцовъ“ вырвали одного „отца“ и обрушиваете на него сполна нарочитую тяжесть новаго порядка. Но вѣдь это почти тоже, что изстаринныя экзекуціи — пороть изъ девяти десятаго.

Не забудьте, г. мировой судья Сидоровъ, и еще слѣдующее обстоятельство:

Можетъ быть, вы хотите практически познакомить графа Кисельникова съ существомъ и характеромъ новаго суда, равнаго для всѣхъ, слѣдовательно, не лебезящаго передъ барями изъ «отцовъ». Положимъ, что эта мысль прекрасная. Но дѣло въ томъ, что вашъ урокъ не достигаетъ цѣли. Изъ вашей камеры графъ Кисельниковъ тогда только вынесетъ бы практическое знакомство съ новымъ судомъ, если бы такой же точно порядокъ обращенія съ подсудными лицами соблюдался и во всѣхъ прочихъ судахъ. Но вѣдь графъ Кисельниковъ знаетъ, что рядомъ съ вашей камерой есть другой мировой судья, у котораго, какъ мы уже знаемъ, производится разбирательство дѣлъ при закускѣ. «Стало быть, новый судъ можетъ быть соединенъ съ прежней патріархальностью (думаетъ графъ Кисельниковъ); стало быть, Сидоровъ дѣлаетъ просто свинство, пользуясь тѣмъ, что судебная реформа даетъ ему возможность мудрить».

И графъ Кисельниковъ распаляется гнѣвомъ: во первыхъ, противъ васъ, г. Сидоровъ; во вторыхъ, противъ судебной реформы.

У графа Кисельникова много родныхъ и знакомыхъ; всѣ они — люди высшаго полета; всѣ они озлоблены, ибо потерпѣли потерю нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ, лично и по состоянію имъ принадлежавшихъ; всѣ они охотно вѣрятъ всякому пасквилю на новый судъ. Поступокъ Сидорова, разукрашенный и преувеличенный, разносится по городу и вотъ поднимается гвалтъ: мировые-де судьи, провикнутые демократическими тенденціями, унижаютъ дворянство и проч. и проч. Въ этомъ смыслѣ, разумѣется, появляется статейка въ соотвѣтствующей газетѣ...

Все это, конечно, было бы довольно забавно... но...

Здѣсь приходится коснуться еще одного недостатка на-

шихъ сыновей: ихъ легкомысленно-прогрессивной неосновательности.

Въ сороковыхъ годахъ, наши „дѣти“ смотрѣли на мѣръ озлобленнымъ окомъ и либерально шептались между собою. Ихъ, поэтому, считали тогда за „непримиримыхъ“ либераловъ. Но, въ существѣ дѣла, они—премильные люди, которыхъ удовлетворить необычайно легко, какъ это и оказалось со второй половины пятидесятихъ годовъ. Стоило, на примѣръ, только поослабить цензурныя возжи, даже не отбѣняя цензуры,—какъ „дѣти“ уже захлебнулись отъ восторга: получивъ возможность безнаказанно обличать должностныхъ лицъ, рангомъ не выше исправника, они вообразили что у насъ въ Россіи наступила совершенная Англія и что печать наша приобрѣла такія права, которыхъ ни стѣснить, ни отнять у нея уже нельзя. Довольству нашихъ „дѣтей“ не было мѣры: съ неистово-ожесточенной яростью стали они охотиться на кварталныхъ, на станovýchъ, воображая, что царствію „дѣтей“ не будетъ конца. А въ существѣ дѣла, печать въ то время еще не приобрѣла ровво никакихъ правъ, вполнѣ завися отъ цензурскаго благодушія, и царствіе дѣтей было также непрочно, какъ Мексиканская имперія безъ поддержки императора французовъ.

Но бѣда нашихъ „дѣтей“ состоитъ именно въ томъ, что они воодушевляются чрезмѣрной гордостью при каждомъ шагѣ впередъ, забывая, что этотъ прогрессивный шагъ обязанъ имъ своимъ существованіемъ гораздо менѣе, чѣмъ итальянскимъ войскамъ побѣда при Сольферино. Наполеонъ разбиваетъ австрійцевъ, а итальянскіе офицеры, послѣ этой битвы, расхаживаютъ съ такимъ гордымъ видомъ, какъ будто они собственноручно завоевали цѣлый мѣръ. Когда я встрѣчалъ ихъ въ миланскомъ пассажѣ, мнѣ всегда вспоминались

наши „сыновья“ съ ихъ возгласами о несокрушимости своего царства, съ ихъ высокомерной осанкой... „Господа сыновья (хочется мнѣ сказать нашимъ „дѣтямъ“), не превозносите! Дѣйствуйте поскромнѣе, оказывайте аттентію графу Кисельникову, не обзывайте его *господиномъ* и вообще обходитесь съ „отцами“ повѣжливѣй, ибо, по русской пословицѣ, ласковый теленокъ двухъ матокъ сосеть, а превозносящійся смиренъ будетъ. Не берите пагубнаго примѣра съ итальянскихъ офицеровъ, да не потерпите пораженія при Лиссѣ. Гордиться и высокомерничать можно только тогда, когда вы въ состояніи одерживать побѣды безъ соизволенія на то императора французовъ. Помните, господа сыновья, что у васъ не только можно ваше царство отнять, но и въ уголъ на горохъ васъ поставить“.

Строго говоря, наши дѣти, въ глубинѣ души, понимаютъ шаткость своего положенія. Нѣтъ такого нелѣпаго слуха о регрессивномъ движеніи, которому бы они не повѣрили и отъ котораго бы не струхнули. „Носятся слухи, что печать хотятъ скрутить такъ, что можно будетъ писать одни только любовные стихи“, говорятъ „сыну“. — Ну, нѣтъ, дудки! Это ужъ теперь невозможно, отвѣчаетъ сынъ, а самъ тотчасъ принимается, на всякій случай, строчить самую жалостную статейку въ защиту литературы. „Носятся слухи, что вмѣсто мировыхъ судей будутъ скоро городовые“, сообщаютъ мировому судьѣ изъ „сыновей“. — Ну, нѣтъ, вернуться къ старому порядку теперь ужъ нельзя, отвѣчаетъ мировой судья изъ „сыновей“. А самъ между тѣмъ ужъ начинаетъ присматривать себѣ квартиру на тотъ случай, когда въ его камерѣ поселится городской.

Да, повторяю: „сыновья“ понимаютъ непрочность своего царства, но они, къ сожалѣнію, не выдерживаютъ характе-

ра, заносятся и вдруг начинают смотрѣть съ презрѣніемъ на „отцовъ“, полагая, что ихъ можно трактовать какъ побѣжденных, что „царство отцовъ“ кончилось также невозвратно, какъ владычество Австріи въ Венеціанской области. Богъ знаетъ! Бабушка еще на двое сказала. Пожалуй, я и самъ склоняюсь къ тому, что прошлаго не воротить. Но когда подумаю, что „отцовъ“ много, что ихъ даже гораздо больше, чѣмъ „дѣтей“, что „дѣти“ еще не выиграли безъ помощи императора французовъ ни одной Мадженты, а биты бывали не разъ... Словомъ, я всегда стараюсь дѣйствовать примирительно, и графу Кисельникову, по возможности, стараюсь давать чувствовать, что я его отнюдь не ставлю на одну доску съ дворовымъ человѣкомъ Елизаровымъ. Пусть его не очень огорчается! Вѣдь онъ ужъ человѣкъ пожилой; нѣжничать мнѣ съ нимъ придется поэтому не долго, а напакостить онъ, пожалуй, можетъ много, несмотря на преклонныя свои лѣта. Пусть же онъ меньше огорчается и не разгарається желаніемъ пакостить. Даже болѣе. Когда „дѣти“ въ преизбыткѣ сердца и вполне неосновательно кричатъ, что графу Кисельникову конецъ приходитъ, я всегда успокоиваю графа, доказывая, что чертъ вовсе не такъ страшенъ какъ его малюютъ.

Да! Кажется, что тихимъ-то манеромъ лучше было бы дѣйствовать, безопаснѣе, а то какъ разъ и того: дѣти-моль ужъ черезчуръ разбуянились.

Но знаете-ли? Когда я думаю о деликатномъ примирительномъ обращеніи „дѣтей“ съ „отцами“, мнѣ приходитъ на умъ и другая сторона дѣла.

Когда мнѣ вспоминается вѣжливый мировой посредникъ, смутившій молодую бабу своимъ *вы* и приглашеніемъ садиться, и я уже готовлюсь упрекнуть его въ излишней и ненуж-

ной галантности обращенія съ простонародьемъ, которая такъ раздражаетъ графа Кисельникова, — мнѣ вспоминается слѣдующій случай:

Дѣло было въ сороковыхъ годахъ. Разъ, по одной улицѣ ждали проѣзда нѣкоей важной особы. Натурально, по всей улицѣ съ ранняго утра принялась шнырять полиція. Скачетъ полиціймейстеръ на лихой парѣ и видитъ, что у воротъ одного дома кучеръ курить трубку.

„Эй, братъ, бросай скорѣй трубку! крикнулъ полиціймейстеръ.

Кучеръ только взглянулъ на полиціймейстера и даже не спряталъ трубки. Полиціймейстеръ проѣхалъ.

Ѣдетъ на солидномъ рысакѣ частный и уже энергичнѣе говорить:

„Эй, ты! Трубки не курить!“

Кучеръ опять себя и ухомъ не ведетъ. Частный проѣхалъ.

Слѣдомъ за частнымъ шелъ хозяинъ. Орломъ налетѣлъ онъ на кучера и бацъ его въ рыло разъ, и два, и три:

„Ахъ ты, такой сякой! Самъ его выскобродіе приказалъ (опять крѣпкое словцо), а ты (еще крѣпкое словцо) все свое!

„Ну, чего разѣхался! Сказали бы толкомъ, такъ я бы давно пересталъ“, флегматически возразилъ кучеръ, вытряхая табакъ изъ трубки.

Характеристической принадлежностью дѣйствительности начальственнаго приказанія кучеръ считалъ, такимъ образомъ, хлопанье въ морду съ приправой крѣпкихъ словъ. И кучеръ былъ правъ: таковы были тогда административные нравы.

И вотъ, когда я вспоминаю такіе случаи нашей прежней практики, — галантный посредникъ мнѣ представляется уже въ иномъ свѣтѣ. Его *вы*, его приглашеніе садиться, мнѣ кажутся хоть нѣсколько и курьезными (съ непривычки), но очень

полезными. Вѣдь не отверженное же какое-нибудь племя наша меньшая братія! думается мнѣ. Нельзя же, изъ угожденья графу Кисельникову, давать такой видъ дѣлу, чтобы меньшая братія оставалась въ пріятномъ заблужденіи, что пора хлопаній въ морду для нея еще не прошла, и что если ее не хлопаютъ, то единственно по добротѣ тѣхъ, кто имѣетъ это лестное право хлопать, а вовсе не по закону! Крестьянская реформа для того вѣдь и дана, чтобы облегчить меньшую братію: пусть же она это и чувствуетъ. А чтобы она могла это почувствовать, не нужны-ли слишкомъ энергическія мѣры и между прочимъ даже такія средства, какъ посредническое *вы*? Пожалуй, что и нужны, ибо у нашей меньшей браты нервы слишкомъ притупились отъ разныхъ хлопаній прежняго порядка. То же должно сказать и о судебной реформѣ. Судебной реформѣ приходится прочищать тотъ гнилой, удушающій воздухъ, который царилъ въ нашихъ судахъ со временъ „московской волокиты“. Выкурить этотъ воздухъ нельзя иначе, какъ сильными и быстрыми мѣрами, иначе и новые суды какъ разъ заразятся прежнимъ ѣдкимъ и заразительнымъ запахомъ. Лучше чрезъ мѣру открыть форточку: пусть лучше въ новыхъ судахъ будетъ слишкомъ холодно, чѣмъ изстаринная вонь.

Кромѣ того, мнѣ приходитъ на мысль и другое соображеніе.

Примирительное обращеніе съ графомъ Кисельниковымъ, правда, вещь весьма полезная. Но дѣло въ томъ, что путь примиренія—путь весьма скользкій; разъ вступивъ на него, нужно балансировать съ величайшимъ искусствомъ, иначе какъ разъ соскользнешь на прежнюю торную дорогу. Конечно, графъ Кисельниковъ будетъ такимъ пассажемъ очень доволенъ. Но что же тогда будетъ съ нашими реформами, если

и „сыновья“ будутъ иной разъ производить закусочныя разбирательства?

Наконецъ, меня смущаетъ и еще воть какое обстоятельство:

Правда, я искусно балансирую на канатѣ примиренія и графъ Кисельниковъ питаетъ ко мнѣ все то расположеніе, какое онъ только можетъ питать къ „сыну“. Правда, онъ не разъ говорилъ мнѣ, что дѣйствуй и другіе „сыновья“ по моему, то онъ бы совершенно примирился съ новыми порядками. Но отчего онъ мною такъ доволенъ? Въ инныя минуты мнѣ думается, что онъ мною доволенъ единственно потому, что есть на свѣтѣ мировые судьи Сидоровы, которые графу кажутся собаками, сорвавшимися съ цѣпи. Не будь настоящихъ Сидоровыхъ, онъ и меня считалъ бы собакою, сорвавшеюся съ цѣпи. Теперь пока ему хочется только того, чтобы его *господиномъ* не обзывали. Но не будь Сидоровыхъ, графъ,—пожалуй, сидя со мной за зеркаломъ, попросилъ бы позволенія и сигару закурить, а потомъ и на счетъ закуски сдѣлалъ бы предложеніе... Меня иногда волнуетъ подозрѣніе противъ графа. Теперь вся его ярость обращена на г. Сидорова; одного его хочется графу стереть съ лица земли. Но если ему эта штука удастся, не постарается-ли онъ и меня, примирителя, отправить туда-же, вслѣдъ за уничтоженнымъ Сидоровымъ? Пожалуй, и постарается. Очень вѣроятно, что онъ подхваливаетъ меня теперь только для того, чтобы ему легче было свалить Сидорова; а потомъ онъ доберется и до меня. Чего добраго! Графъ хоть и „отецъ“, а пальца ему въ ротъ не клади: онъ свое дѣло хорошо знаетъ.

И воть, на основаніи всего сказаннаго, я прихожу къ такой дилеммѣ:

Дѣйствовать съ азартомъ—не только опасно, но и поло-

жительно вредно, какъ это показываетъ намъ неоднократный опытъ.

Дѣйствовать примирительно—безполезно.

Стало быть, какъ ни дѣйствуй, а все-таки рискуешь придти къ одному знаменателю...

Какъ же быть?

RETARDANDO E DIMINUENDO.

Въ тотъ самый годъ, какъ мировой судья Сидоровъ—„сынъ“ получилъ кандидатскій дипломъ изъ университета,—въ одномъ изъ привилегированныхъ нашихъ учебныхъ заведеній кончилъ курсъ молодой графъ Кисельниковъ.

Онъ тоже „сынъ“. Велѣдствіе этого, онъ считаетъ себя человѣкомъ новымъ, прогрессивнымъ и смотритъ на старика графа съ улыбкой снисходительнаго презрѣнія. Въ свою очередь, на него и другіе смотрятъ какъ на человѣка новыхъ порядковъ, иные заподозрѣваютъ его даже въ радикализмъ.

На мой взглядъ, тутъ одно только недоразумѣніе,—не больше. И разница между старикомъ графомъ и молодымъ Кисельниковымъ вовсе не такъ велика, какъ кажется. Суть дѣла заключается только въ слѣдующемъ:

Старикъ Кисельниковъ выросъ за границею, выгладитъ совершеннымъ иностранцемъ, въ совершенствѣ знаетъ французскій языкъ, а въ русской грамотѣ не силенъ. Тѣмъ не менѣе онъ наполировался Западомъ только снаружи. Поскреблите его немного—и передъ вами явится чисто-русскій человѣкъ прежняго времени, со всѣми нашими національными предразсудками, убѣжденіями и вкусами. Сотрите съ него политуру—и вы увидите, что онъ ни чѣмъ не разнится отъ какого-нибудь Сидорова-отца, не разумѣющаго ни слова ни на

одномъ иностранномъ языкѣ и безвыѣздно просидѣвшаго всю жизнь въ своемъ губернскомъ городѣ. Оба они одинаково сжились съ удушливою, затхлою атмосферою добраго стараго времени до такой степени, что чувствуютъ лихорадочную дрожь при каждомъ самомъ легкомъ дуновеніи либеральной реформы. Оба они относятся ко всему новому съ тѣмъ неразумнымъ страхомъ, съ тою инстинктивною ненавистью, которыми издавна отличаются люди стараго закала.

Молодой Кисельниковъ твердо знаетъ русскую грамматику, блестить въ дѣловыхъ бумагахъ „бойкимъ перомъ“ и за границею бывалъ мелькомъ. И все-таки онъ болѣе иностранецъ, чѣмъ его отецъ. Его старорусская кровь впитала въ себя духъ Миресовъ и Перейръ, съ другой стороны — его разумъ отравленъ французскимъ ядомъ, который извѣстенъ подъ именемъ „разумной свободы и порядка“. Онъ, слѣдовательно, не только наполировался Западомъ, какъ его отецъ, но и проникся имъ. А потому между нимъ и его отцомъ вотъ какая выходитъ разница: сведите стараго Кисельникова въ баню—и на немъ тотчасъ же не останется и слѣда иностраннаго лака. Но никакой кипятокъ въ мѣрѣ, никакой жаръ баннаго полка не въ состояніи выпарить тотъ тлетворный запахъ, который неминуемо происходитъ вслѣдствіе химическаго соединенія кисельниковской крови съ духомъ Перейры и ядомъ „свободы и порядка“. Молодой Кисельниковъ проникся Западомъ до мозга костей: его можно ошпарить до смерти, но отмыть—нѣтъ никакой возможности.

Отецъ не пошелъ далѣе первой французской революціи: вслѣдствіе этого онъ вѣритъ въ несокрушимую силу волтеріанства не меньше французовъ 18 вѣка,—и, при наплывѣ новыхъ порядковъ онъ отчаивается, и его отчаяніе равняется восторгу либераловъ того времени, когда полагали, что идеи энциклопедистовъ способны перевернуть весь свѣтъ вверхъ дномъ.

Когда онъ видитъ пугало прогресса, онъ, подобно Цезарю, закутываетъ голову тогою и беспомощно ожидаетъ смертельный ударъ. Онъ не понимаетъ иной возможности дать отпоръ наплыву новаго порядка, какъ открытою силою, или слезными мольбами. Но силы у него нѣтъ, а слезныя мольбы напрасны,—и вотъ онъ, въ родѣ Цезаря, закутывается тогою и погружается въ безвыходное отчаяніе и малодушное показываніе кукиша изъ кармана.

Сынъ знаетъ не только исходъ первой французской революціи, но и дальнѣйшія событія вплоть до сего дня. А поэтому онъ твердо вѣритъ, что нѣтъ на свѣтѣ такого волтеріанства, которое бы устояло противъ усвоеннаго имъ яда „разумной свободы и порядка“. Встрѣчая нашествіе прогресса онъ не труситъ, головы не закрываетъ, а напротивъ, смотритъ, пронизываетъ окомъ пугало и изыскиваетъ, нельзя ли какъ-нибудь чего-нибудь напакостить? Зная съ какимъ успѣхомъ можно дѣйствовать изъ-подтишка, онъ спокойно смотритъ на наплывъ новаго порядка. Не желая явно плыть противъ теченія, онъ воровскимъ манеромъ пускаетъ въ дѣйствіе свой ядъ, надѣясь изъ всѣхъ либеральныхъ реформъ сдѣлать бѣлку въ колесѣ, которая, повидимому, бѣжитъ, въ существѣ же не дѣлаетъ впередъ ни одного шага.

Разъ пріѣзжаетъ къ Кисельниковымъ Антонъ Антоновичъ Загорѣцкій и въ попыхахъ говорить: „Слышали? Учреждается комиссія для составленія проекта о томъ, чтобы отменить по губерніямъ всѣ суды и всѣ административныя и полицейскія власти“. Старый графъ отъ ужаса вытаращиваетъ глаза, „Къ тому и шло“! застоналъ онъ. А молодой Кисельниковъ пріятно улыбається. „Говорятъ (продолжаетъ Загорѣцкій) дворянство призывается къ составленію этого проекта“...

— Ну ужъ нѣтъ, съ отчаяніемъ говоритъ старикъ; ужъ

я въ этомъ дѣлѣ не буду участвовать. Пусть гибнетъ Россія, но по крайней мѣрѣ не я буду тутъ участвовать! Нѣтъ! Дворянство, конечно, принуждено всему подчиняться, но оно должно показать, что все это дѣлается противъ его воли... Пусть знаютъ, что мы...

Молодой графъ, напротивъ, заявляетъ свое полное удовольствіе и собирается заявиться кому слѣдуетъ, чтобы попасть въ комиссію для составленія этого проекта. При этомъ, онъ въ горячихъ фразахъ говоритъ о пользѣ этой отменной власти, которая повлечетъ за собою огромное сокращеніе нашего бюджета, избавитъ народъ отъ множества ненужныхъ начальствъ и пр. и пр.

— Несчастный! Да вѣдь это будетъ анархія! Вѣдь тогда тебя же твои же крестьяне и побьютъ, и ограбятъ и... и что же ты будешь тогда дѣлать? съ глубокимъ отчаяніемъ говоритъ старый графъ.

— Не беспокойтесь, ничего этого не будетъ и не можетъ быть. Одни только ретрограды могутъ пугаться того, что разумно и необходимо.

Старый графъ умолкаетъ, видя бесполезность говорить съ сыномъ, который (какъ ему кажется) свихнулся окончательно.

Но старикъ ошибается. Молодой Кисельниковъ вовсе не свихнулъ съ ума; онъ только несокрушимо вѣритъ во всемогущую силу своего яда, носящаго названіе „разумной свободы и порядка“. Вотъ почему онъ не боится никакой реформы и съ жаромъ стремится въ каждую либеральную комиссію. Въ одинъ комитетъ онъ постарался угодить уже наканунѣ его закрытія и за участіе въ его трудахъ получилъ надлежащую (т. е. ненадлежащую) награду. Вотъ почему онъ

съ такимъ удовольствіемъ узналъ объ учрежденіи комисіи для составленія проекта объ уничтоженіи всѣхъ губернскихъ властей. Онъ, съ радостнымъ трепетомъ сердца, воображаетъ, какъ онъ попадетъ въ эту комисію членомъ и схватитъ чинъ или крестъ, какъ онъ подберетъ туда кое-кого изъ отравленныхъ, какъ они отравятъ остальныхъ членовъ ядомъ „разумной свободы и порядка“ и напишутъ такой проектъ, что со введеніемъ его въ дѣйствіе число капитанъ-исправниковъ удвоится, жалованье имъ утроится и власть ихъ удесярится.

Старикъ Кисельниковъ, естественно, не могъ додуматься ни до чего дальше теоріи политическаго застоя, которая намъ всѣмъ такъ хорошо извѣстна.

Молодой Кисельниковъ додумался до совершенно новой теоріи—политическаго скопидомства. Правда, теорія эта уже издавна практиковалась евреями-откупщиками и мелкотравчатыми чиновницами прежняго добраго времени. Но прежде она имѣла примѣненіе только къ домашнему обиходу. Честь возведенія этой хозяйственной теоріи на степень политической—всецѣло принадлежитъ молодому Кисельникову.

Не знаю какъ теперь, но когда еще я жилъ въ Москвѣ,—въ то время тамошнія мелкотравчатые чиновницы любили, бывало, купить себѣ и хорошей матеріи на платье, и какой-нибудь недешевый турецкій платокъ съ букетцами. Но купивъ эти вещи, онѣ не рѣшались ихъ носить. Умереть, бывало, такая чиновница—глядишь: у ней въ сундукѣ лежитъ и неразрѣзанная матерія, и ненадѣванный платокъ съ букетцами. Покойница все собиралась скроить себѣ платье—и не скроила; собиралась обновить платокъ съ букетцами при какомъ-нибудь торжественномъ случаѣ,—и все не находила достаточно торжественнаго случая. Такъ съ тѣмъ и умерла.

Въ свою очередь, еврей-откупщики любили пускать пыль въ глаза безъ большихъ расходовъ. Входишь къ нимъ въ домъ: на лѣстницѣ—мраморныя статуи... изъ алебастра, роскошныя малахитовыя вазы... изъ папье-маше; роскошь—на показъ, скарденность—для домашняго обихода.

Вотъ эти начала и легли въ основу теоріи политическаго скопидомства, которая отъ прежней теоріи политическаго застоя отличается вотъ чѣмъ:

Старикъ Кисельниковъ, будучи ретрограднымъ ретроградомъ, безусловно отвергаетъ всѣ реформы послѣдняго времени. Онъ находитъ ихъ безусловно вредными затѣями Запада, гдѣ, въ его глазахъ, вредно и разрушительно все, кромѣ Мабиля и кокотокъ, о которыхъ онъ не можетъ вспомнить безъ сладкаго слюнотеченія. Напротивъ, молодой Кисельниковъ—„сынъ“, будучи не ретрограднымъ, а либеральнымъ ретроградомъ, находитъ всѣ эти реформы и заимствованія съ Запада необходимыми. Онъ желаетъ только, чтобы всѣ эти учрежденія, пересаживались къ намъ приспособленными къ условіямъ русской жизни. Повидимому, такой взглядъ вполне разуменъ. Но дѣло вотъ въ чемъ. Приспособлять—это, по-кисельниковски, значитъ пересаживать къ намъ европейскіе порядки такъ, чтобы они казались только европейскими, но не были ими въ дѣйствительности, подобно тому, какъ алебастровыя статуи откупщика казались, но не были настоящими мраморными.

Если даже какое-нибудь европейское учрежденіе и будетъ пересажено къ намъ такъ, что сохранить свою европейскую сущность,—онъ и въ этомъ не видитъ бѣды. Онъ желаетъ только, чтобы это учрежденіе оставалось некроеннымъ и ненадѣваннымъ, какъ платки и матеріи у московской чиновницы.

Для того, чтобы съ пущей наглядностью объяснить читателю сущность этой теории и ея конечную цѣль, вообразимъ себѣ Кисельниковыхъ, отца и сына, губернаторами въ двухъ смежныхъ городахъ.

Лозунгомъ старика будетъ: „Стой смирно, не шевельнись и не пики!“ — Система его управленія какъ легко видѣть, весьма проста и крайне удобопонятна каждому.

Лозунгомъ молодого Кисельникова будетъ болѣе сложное правило: „Стой смирно, но шевелись съ осторожностью, не пики, но говори съ осмотрительностью“. Его система, какъ легко видѣть, представляетъ массу подводныхъ камней для человѣка, желающаго шевелиться и пикать.

Представимъ себѣ конкретный случай. Вообразимъ, что въ каждомъ изъ двухъ городовъ, управляемыхъ Кисельниковыми, есть публичный садъ и оба Кисельниковы единогласно полагаютъ, что интересы порядка требуютъ того, чтобы въ этомъ саду гуляла только чистая публика, а что черный народъ туда пускать не слѣдуетъ.

Какъ они стануть дѣйствовать?

Старикъ поставитъ у воротъ сада городовыхъ и на оградѣ сада налѣпать ярлыки, гласящіе: „черному люду входъ въ садъ воспрещается“. Если какой нибудь сермяжникъ попытается проникнуть за заповѣдную черту, — его городовые схватятъ, отправятъ въ кутузку и высѣкутъ.

Отъюда видно, что старикъ Кисельниковъ держится системы физическаго воздѣйствія: зажать ротъ, чтобы человѣкъ не говорилъ, связать по рукамъ и по ногамъ, чтобы человѣкъ не шевелился. Эта система вполнѣ удовлетворяется тѣмъ, если связанный такимъ манеромъ человѣкъ сидитъ смирно и не барахтается, стараясь высвободиться.

— Малашка! Отчего ты въ саду никогда не гуляешь?

— Эва! Отчего! Да туда нашу сестру не пускают; тамъ и городовыхъ стоитъ видимо-невидимо“. Малашкинъ отвѣтъ нисколько не шокируетъ старика Кисельникова. Онъ, напротивъ, даже доволенъ тѣмъ, что Малашка боится городовыхъ и не порывается обмануть ихъ бдительность.

Но вотъ приходитъ приказъ, чтобы черный народъ пускать въ публичный садъ. Старикъ Кисельниковъ теряетъ, заявляетъ, что при новомъ порядкѣ вещей онъ не отвѣчаетъ за спокойствіе ввѣренной ему губерніи, — и его, какъ устарѣлаго администратора, увольняютъ въ отставку.

Совершенно иначе станетъ дѣйствовать молодой Кисельниковъ, получивъ такой приказъ.

Прежде всего онъ пуститъ въ ходъ фортель затемнѣнія, т. е. 1) ограничится тѣмъ, что велитъ ночью, секретнымъ манеромъ, снять запретительный ярлыкъ съ ограды, а самый приказъ спрячетъ подъ сукно; 2) когда мѣстная газета пронюхавъ дѣло, напишетъ по этому поводу неумѣренно радостную статью на тему качевскихъ объявленій — „дождались“ — то Кисельниковъ сдѣлаетъ этой газетѣ энергическое внушеніе „за неосмотрительное раздраженіе общественнаго мнѣнія, за рѣзкое и неосновательное порицаніе прежней системы и за неправильное толкованіе новой мѣры, которая составляетъ только развитіе прежнихъ узаконеній, ибо и прежде просто-народье, какъ простонародье, не лишено было права гулять, но только“ и т. д. Тутъ идутъ аргументы сбивчивые и малопонятные. Но для дѣла вовсе и не нужно ясности. Простонародье, зная прежнее запрещеніе, сомнѣвается въ истинномъ смыслѣ новаго постановленія, — а для Кисельникова именно это и требуется.

Затѣмъ, онъ 3) подъ рукою распускаетъ болѣе энергич-

ные слух, что каждому сермяжнику, забравшемуся въ садъ, забрѣютъ лобъ. 4) Вольно-наемнымъ писцамъ своей канцелярии онъ даетъ секретное и словесное, но тѣмъ не менѣе строгое предвареніе, что всякій изъ нихъ, осмѣлившійся показаться въ саду, будетъ выгнанъ изъ службы и водворенъ въ мѣстѣ своей родины. Вмѣстѣ съ тѣмъ, наконецъ, онъ 5) удваиваетъ въ саду и около сада бдящихъ городовыхъ. Но эти городовые одѣты въ партикулярное платье и имѣютъ секретную инструкцію: а) изображать собою не стражу, а гуляющую публику и б) выводить изъ сада простонародье и отводить его въ кутузку такимъ образомъ, чтобы со стороны это было совершенно незамѣтно.

— Малашка! Отчего ты въ саду никогда не гуляешь?

„Эвова! Да намъ туда ходить не велѣно; тамъ и городовыхъ видимо-невидимо, чтобы нашу сестру оттуда выпроваживать“.

Слышитъ эти слова молодой Кисельниковъ и распаляется на Малашку гнѣвомъ. Онъ еще можетъ простить Малашкѣ ея безнравственность, если она осмѣливается знать про себя, что въ саду ходятъ передѣтые городовые. Но онъ отнюдь не можетъ простить Малашкѣ дерзкое разглашеніе этой ея догадки. „Какъ ты смѣешь распускать ложные слухи, якобы въ садъ тебя не впускаютъ и якобы въ саду поставлены городовые? Вѣдь ты должна знать, что никакого такого запрещенія на оградѣ не выставлено и ни въ саду, ни около сада нѣтъ ни одного человѣка въ мундирѣ городского!“ Такъ кричитъ на Малашку Кисельниковъ, — и Малашку тащутъ въ кутузку и сбьютъ за дерзкое разглашеніе ложныхъ слуховъ.

Но пуще горе предстоитъ Малашкѣ, если она, основавшись на этомъ экзекуціонномъ внушеніи, пойдетъ въ садъ, не подчинится секретному внушенію переряженнаго городского

удалиться и, такимъ образомъ, вынудить вывести ее со скандаломъ. Ее опять высѣкутъ (высѣкутъ конечно не за то, что она вздумала гулять въ саду, а подь предлогомъ нарушенія ею тишины и благопристойности)—но высѣкутъ сугубо, такъ какъ въ ея поступкѣ усматривается злостная насмѣшка надъ кисельниковской тактикой, замаскированная добродушною увѣренностью въ дѣйствительность разрѣшенія гулять по саду. Не меньшая вина Малашки заключается, въ глазахъ Кисельникова, также и въ томъ, что Малашка вызвала противъ себя крайнія мѣры, принудившія городскихъ открыть свое инкогнито, и вообще довела дѣло до того, что либеральному Кисельникову пришлось разоблачить свою нелиберальность.

Что остается дѣлать и отвѣчать Малашкѣ?

Нужно отвѣчать и дѣлать то, что отвѣчаетъ и дѣлаетъ простодушная и недалекая домохозяйка Мареутка: „Ходить все можно; у насъ теперь начальство доброе“.—А за что Малашку высѣли? — „А за то, что она въ саду подралась“.—А не за то, что въ садъ ходила? — „Говорятъ же тебѣ, что запрету на то нѣтъ теперь никому“.—Ну, а ты отчего въ садъ не ходишь?—„Да такъ не хожу; охоты нѣтъ, дома лучше“.

Мареутка—вотъ идеаль молодой Кисельникова. Онъ стѣсняется, слѣдуя примѣру старика Кисельникова, употреблять систему физическаго воздѣйствія (ибо онъ либераль, хоть и ретроградный, но все таки либераль). Но за то онъ не довольствуется и простымъ повиновеніемъ физической силѣ. Его конечная цѣль—нравственное ослѣпленіе и оскотленіе. Ему хочется до того оскотить людей и умѣрить ихъ пылъ, чтобы они сами, по собственной охотѣ, не дѣлали того, къ чему они для вида приглашаются, но что имъ на самомъ дѣлѣ воспрещается. Ему желательно до того ослѣпить людей, что-

бы они искренно вѣрили тому, будто имъ дѣйствительно позволено то, чего имъ на самомъ дѣлѣ не позволяется.

Малашка догадлива, она имѣетъ дерзновенныя поползновенія гулять по саду, она понимаетъ тактику Кисельникова и всегда можетъ пустить слухи, оскорбительные до его либерализма; онъ ее за это ненавидитъ. Не думайте, впрочемъ, чтобы онъ любилъ Марeutку—нѣтъ! За то, что она глупа, за то, что она дается въ обманъ и вѣритъ въ дѣйствительность своего мнимаго права гулять въ саду, за то, что она не чувствуетъ человѣческой потребности гулять тамъ,— за все это Кисельниковъ ее презираетъ.

Безъ сомнѣнія, лучше вызвать ненависть, чѣмъ заслужить презрѣніе. Но, при Кисельниковской политикѣ, быть Марeutкой — все-таки хорошо во всѣхъ отношеніяхъ: и начальство избавлено отъ печальной необходимости прибѣгать противъ нее къ крайнимъ мѣрамъ, и ей немного отъ сѣкуцій, и Кисельниковъ слыветъ за либеральнаго чловѣка, и сторонніе люди думаютъ, что Марeutка имѣетъ одинакія права съ чистою публикою,—словомъ всѣмъ хорошо.

А въ саду все-таки гуляетъ одна только чистая публика. Какъ ни привлекательна эта картина, я однако спрашиваю: выиграло ли наше общество, что въ немъ переводятся ретроградные ретрограды и принялись политиканствовать ретроградные либералы? Представляетъ ли собою прогрессъ проповѣдуемая Кисельниковымъ-сыномъ теорія политическаго скопидомства сравнительно съ теоріею политическаго застоя, которой держится его отецъ?

Иные видятъ во всемъ этомъ прогрессъ. „Уже одно то важно (говорятъ они), что Кисельниковъ не рѣшается выступить на свѣтъ съ незамаскированной теоріею застоя и старается выдавать себя за приверженца новыхъ порядковъ“.

Тутъ, конечно, есть доля правды. Но, съ другой стороны, нужно принять въ соображеніе вотъ что: 1) Теорія политическаго застоя, какъ мы видѣли, до послѣдней степени проста и удобопонятна,—а это крайне важно. 2) Въ теоріи политическаго застоя нѣтъ лжи, она совершенно искренна,—и это качество ея весьма почтенно. Кромѣ того 3) присущая ей система физическаго воздѣйствія несравненно менѣе вредна, чѣмъ іезуитизмъ теоріи политическаго скопидомства. Теорія застоя прямо говоритъ, что мнѣ не къ лицу носить шелковое платье и турецкій платокъ съ букетами,—и баста! Я и не ношу этихъ вещей, потому что онѣ спрятаны отъ меня подъ замокъ; но о свойствахъ своей фізіономіи я могу имѣть мнѣніе какое мнѣ угодно. Теорія же скопидомства желаетъ расплодить такихъ оглуленныхъ, выдрессированныхъ и самопрезирающихъ Мареутокъ, которыя бы сами про себя думали, что хорошій костюмъ имъ не къ лицу; которыя бы по собственной охотѣ не дѣлали того, къ чему онѣ для виду приглашаются, но что имъ воспрецено на самомъ дѣлѣ; которыя бы, въ пресотѣ душевной, благодарили за то, что отъ нихъ не запираютъ турецкаго платка съ букетами и не замѣчали того, что Кисельниковъ всегда держитъ наготовѣ кулакъ, готовый хватить всякую Мареутку и Малашку, если ей вздумается протянуть руку за платкомъ.

Нѣтъ! Что ни говорите, а я симпатизирую больше „отцамъ“, нежели такимъ „дѣтямъ“, какъ молодой Кисельниковъ.

Финалъ.

Конѣцъ пятидесятихъ и первая половина шестидесятихъ годовъ—что ни говорите—время хорошее и любопытное. Ду-

мають, будто мы тогда слишком опалѣли и увлеклись. Правда. Но нельзя было и не опалѣть: переходъ отъ прежнихъ порядковъ къ новымъ былъ слишкомъ рѣзокъ и черезчуръ неожиданъ.

Въ самомъ дѣлѣ, вообразите себѣ, что осеннимъ, ненастнымъ вечеромъ вы пробираетесь по Павловскому парку „на музыку“, идете вы; кругомъ ни души; туманъ, тьма, и только одинъ ручной фонарь еле-еле освѣщаетъ вамъ дорогу. И вдругъ— вы у воксала и входите въ залъ. Васъ ослѣпляетъ блескъ огней, васъ ошеломляетъ духота, васъ оглушаетъ громъ оркестра и шумъ безчисленной толпы... Что же мудреного, если на первый разъ у васъ закружится голова?

Такъ было и съ нами въ то время. Еще не дальше, какъ наканунѣ, такъ сказать, мой смиренный пріятель, благонамѣренный и умѣренный либераль. Земцевъ считался опаснымъ человѣкомъ и состоялъ подъ надзоромъ полиціи. Еще наканунѣ только наша пресса витала въ заоблачныхъ сферахъ чистаго искусства и имѣла право спускаться на землю только въ видѣ дожда патріотическихъ стихотвореній на севастопольскую войну. Вдругъ все это перемѣнилось.

Первымъ выстрѣломъ, возвѣстившимъ рожденіе новаго времени были „Губернскіе очерки“ Щедрина. Вся встрепенулось. Вслѣдъ за тѣмъ — бух! новый выстрѣлъ: — статья Ю. О. Самарина о Пруссіи. За тѣмъ — еще выстрѣлъ, еще... И пошла пальба! Новое время народилось.

Все встрепенулось. Даже Сидоровъ-„отецъ“, нечитавшій ничего въ продолженіе многихъ лѣтъ, — и тотъ полюбопытствовалъ узнать, „что такое теперь стали писать?“ — Досталъ изчитанный, истрецанный *Русскій Вѣстникъ* и принялся за Щедрина. Даже старый графъ Кисельниковъ, никогда не читавшій ничего, кромѣ Поль-де-Кока и болгаринской „Пчел-

ки“ — и тотъ принялся поучаться Щедринымъ и Самаринимъ. —

Въ началѣ все было хорошо — и старикъ Кисельниковъ, читая „новыхъ“ писателей, только добродушно улыбался и лукаво покачивалъ головой: ужъ очень-моль разшалилась литература. „А что братецъ, (бывало, съ веселой улыбкой говорить онъ старику Сидорову): каково нынѣшніе-то пишутъ!“

— Да, пишутъ, отвѣчаетъ Сидоровъ тоже съ улыбкой: какъ бы до чего нибудь плохаго не дописались?

Какъ вдругъ, неожиданно-негаданно, грянулъ стопущенный выстрѣлъ крестьянской реформы, а тутъ же поднялись слухи и объ уничтоженіи цензуры, и о земскихъ учрежденіяхъ, и о новомъ судѣ...

Старикъ Сидоровъ запасся револьверомъ и сталъ на-ночь запираяться, боясь, что его убьютъ крѣпостные. Вслѣдствіе того же побужденія, старый графъ Кисельниковъ укатилъ за-границу.

Но за то какой восторгъ обуялъ Сидорова-сына и Земцева и ему подобныхъ смиренно-благонамѣренныхъ либераловъ! Они могли теперь читать въ русскихъ, цензурованныхъ книгахъ то, о чемъ наканунѣ нельзя было толковать даже въ частной бесѣдѣ, не оглядываясь при этомъ по сторонамъ: нѣтъ ли лишняго человѣка? Они видѣли, какъ въ-очію совершается то, до чего они не надѣялись дожить... Понятно, что они захлебнулись отъ восторга и ошалѣли.

Я помню тогдашнія наши встрѣчи съ Земцевымъ. Я не знаю человѣка, который бы такъ беззавѣтно и безкорыстно былъ преданъ прогрессу во всякомъ его проявленіи, какъ Земцевъ. Боже, какъ онъ умилялся! Въ то время закишѣли разныя комисіи, въ которыхъ изготовлялись машины новыхъ порядковъ. У проходимцевъ, въ родѣ молодаго Кисельникова, разгорались глаза: какъ-бы пристроиться въ какую нибудь

комисію, прославить свое имя и нахватать награды. Но Земцевъ ни до какой комисіи не добывался, никакихъ выгодъ для себя не искалъ и только радовался со-сторонна. Да, братъ — говорилъ онъ мнѣ въ тѣ приснопамятные дни: — хорошее время наступило, жить хочется! И слезы непритворной радости блистали на его глазахъ.

Мнѣ тогда пришлось съ нимъ разстаться. А между тѣмъ машины новыхъ порядковъ, одна за другой, были пущены въ ходъ: пошла работать эманципаціонная машина 19 февраля, потомъ тронулись машины земскихъ учреждений и безцензурной печати, потомъ завертѣлись рычаги и застучали колеса судебной реформы...

Да, хорошее было время! „Гражданинъ“ накинулся на меня за мое пристрастіе къ этому времени: въ этомъ пристрастіи онъ видитъ неблагонамѣренность и разрушительнаго „петербургскаго фельетонизма“. „Гражданинъ“ боится этого времени, потому что, при первомъ воспоминаніи о немъ, передъ его глазами мгновенно возстаетъ уродливая фигура тогдашняго нашего радикализма и заслоняетъ собою всё остальныя части тогдашней картины. Такъ односторонне работаетъ всегда слабая голова алармиста. Я, напротивъ, вспоминаю полную картину пятидесятихъ годовъ со всеми ея свѣтлыми и темными сторонами — и не боюсь, предъ Богомъ и людьми, гласно сознаться въ томъ, что я жалѣю о томъ, что это время прошло. Что значить безсильная горсть радикаловъ, что значить нашъ мертворожденный нигилизмъ, въ самыхъ уродливыхъ его проявленіяхъ, въ сравненіи съ тою животворной волной, которая охватила въ то время все наше общество? Что значить и какой-нибудь десятокъ появившихся въ то время статей страшнаго для нашихъ алармистовъ содержанія въ сравненіи съ тѣми великими реформами,

которыя были намъ тогда даны? Мы, конечно, стояли ниже ихъ по своему умѣнью вести дѣло при тѣхъ новыхъ условіяхъ, которыя начинались у насъ этими реформами, — гдѣ же намъ было и приобрѣсти это умѣнье? Вѣдь не входя въ воду, никто теоретически не можетъ выучиться плавать. Но за то мы умѣли тогда любить водворявшійся у насъ новый порядокъ, мы въ то время умѣли стремиться къ тому, чтобы стать достойными дѣятелями начинавшихся преобразованій. Правда, вихрь, взбудоражившій тогда нашу жизнь до дна, выхватилъ и вынесъ на поверхность Бамбаевыхъ, Кукушиныхъ, Ситниковыхъ. Но этотъ же вихрь вынесъ на арену плодотворной дѣятельности и тѣхъ русскихъ людей, предъ которыми благоговѣть даже „Гражданинъ“... Гдѣ теперь эти люди? Одни изъ нихъ умерли; ну, а другіе? „Другихъ унесла въ другую сторону какая-то новая волна жизни“, отвѣчаетъ „Гражданинъ“ и, при этомъ смотритъ на меня съ укоромъ, какъ будто я былъ, именно, тою волной, которая унесла ихъ. Вмѣсто того, чтобы трепетать за Россію, имѣющую погибнуть отъ фельетонистовъ, или, вмѣстѣ съ кн. Мещерскимъ, задаваться вопросомъ, достойнымъ Кифы Мокіевича, что ждетъ Россію тогда, когда всѣ женщины поголовно откажутся отъ церковнаго и гражданскаго брака и пойдутъ въ повитухи? — лучше бы „Гражданинъ“ подумалъ о томъ, какая это волна унесла въ другую сторону этихъ лучшихъ людей земли русской? Не волна ихъ унесла, а то мертвое затишье, которое болѣе и болѣе овладѣваетъ нашимъ обществомъ. Мы перестали стремиться стать въ уровень съ новымъ порядкомъ вещей, мы принялись не безъ грусти вспоминать о своей прежней спячкѣ... При такомъ положеніи дѣла, лучшимъ людямъ нѣтъ мѣста; имъ приходится опять сложить руки и остаться безъ дѣла... Они и отретировались съ поля дѣйствія.

Наши алармисты пропитаны до мозга костей смертельным страхомъ передъ всякимъ свободнымъ проявленіемъ жизни и, въ родѣ чистокровныхъ капитанъ-исправниковъ прежняго закада, не выносятъ ничего, кромѣ тюремной тишины и казарменной дисциплины. Какой-нибудь несчастный десятокъ нигилистокъ представляется ихъ разстроенному воображенію апокалипсическимъ звѣремъ, поѣдающимъ весь міръ. Изъ-за того, чтобы сокрушить этотъ десятокъ, они готовы заглушить всю жизнь, весь ростъ общества въ душной тьмѣ своего казарменнаго благочинія. Ведя такую травлю, они, неминуемо приходятъ къ тому, что (дай имъ только волю) разгонять и всѣхъ тѣхъ лучшихъ людей, которыхъ они сами уважаютъ. Разумѣется, они не въ состояніи вѣдать то, что желали бы натворить. Они и не догадываются, что въ той духотѣ и тьмѣ, о которой они заботятся, привольно живутъ и дѣйствуютъ только капитанъ-исправники гоголевскаго пошиба, да сторонники „Гражданина“, — но лучшимъ людямъ здѣсь нѣтъ мѣста. Ихъ свѣтлыхъ головъ тьма не выносить: она изрыгаетъ ихъ изъ себя и, въ водворенной душной тьмѣ капитанъ-исправническаго благочинія, обзаводится „Гражданинами“ и разными иными Кисельниковыми и Мароутками ретрограднаго либерализма. Они не понимаютъ, что только свѣтъ и свободный воздухъ отнимаютъ силу у всякой лжи и заблужденій. Духотѣ и тьмѣ нашихъ прежнихъ порядковъ мы обязаны тѣмъ, что въ пятидесятихъ годахъ нашъ радикализмъ проявился въ такихъ уродливыхъ формахъ. И это бываетъ не у насъ однихъ. Возьмите Францію — сравните февральскую революцію, послѣ либеральнаго 18 лѣтняго правленія Людовика-Филиппа, съ послѣдними событіями, происшедшими послѣ наполеоновскаго режима. Примите въ соображеніе, что идеи интернаціонала находятъ для себя, въ западной Европѣ, всего менѣе воспримчивую почву

въ такихъ странахъ, какъ Англія и Швейцарія. Припомните, что обаяніе Герцена для Россіи, благодаря новымъ законамъ о печати, сокрушено было въ то же самое время, когда дѣйствовали Чернышевскій и др. Наши алармисты полагають, что капитанъ-исправническое благочиніе есть желаемое для государства состояніе. Тогда какъ, напротивъ, въ этой-то гнилой атмосферѣ и зарождаются всякіе общественные міазмы. Они увѣрены, что общество выигрываетъ, даже если сокрушить нигилистовъ цѣною лучшихъ своихъ людей. Я, наоборотъ, готовъ съ радостью прибавить къ десятку нашихъ существующихъ нигилистовъ еще новый десятокъ, лишь бы только опять воскресить свѣтлую эпоху нашего общественнаго возбужденія, время Милютиныхъ, Самаринныхъ, Черкасскихъ, и не допустить общество до той спячки, въ которую оно начинаетъ впадать теперь.

Да, хорошее это было время!

И вотъ, мы съ Земцевымъ на-дняхъ встрѣтились. Съ тѣхъ поръ прошло не много времени, но много воды утекло. Въ то время, когда мы съ нимъ видѣлись въ послѣдній разъ, общество было взбудоражено до корня: кто неистово радовался, кто до глубины души злобился или огорчался, всѣ были наэлектризованы, всѣ горячились, волновались и что-то хлопотали, всѣ ждали и надѣялись: одни — всякихъ благъ, другіе — всякихъ бѣдъ. Теперь все это улеглось и какъ-то осовѣло. Благонамѣренные либералы присмирѣли и въ нѣкоторомъ родѣ поджали хвосты. За то консерваторы подняли головы: они были увѣрены, что вихрь либеральныхъ реформъ смететъ ихъ съ лица земли. Но оказывается, что гроза пронеслась, а они остались живы. Пощупали, пощипали себя: — живы. Натурально, это ихъ ободрило. Поглядѣли они по сторонамъ: присмирѣвшее стадо благонамѣренныхъ либераловъ

ободрило ихъ еще болѣе. „Значить, еще не все погибло“, думаютъ они—и эта мысль смягчить елеемъ ихъ души, а потому и злоба ихъ теряетъ свой прежній острый характеръ и становится тупою и хривической. Прежнихъ, горячихъ, доходившихъ чуть не до мордобитія, схватокъ между либералами и консерваторами теперь уже нѣтъ. Съ одной стороны, благонамѣренные либералы обманулись въ своихъ радужныхъ надеждахъ: они думали напр., что съ крестьянской реформой каждый крестьянинъ сразу станетъ Ротшильдомъ,—на повѣрку оказалось, ето Ротшильдами изъ крестьянъ русская земля не закишѣла. Либералы сконфузились. Съ другой,—консерваторы ободрились и повеселѣли. Консерваторъ съ сознаниемъ своей силы, покойно, вѣжливо подходитъ теперь къ либералу и съ ядовитой улыбкой спрашиваетъ: „Ну, что-съ, какъ ваше здорье?“ А либераль не безъ смущенія ему отвѣчаетъ: „Погодите, дайте всему этому созрѣть!“—Хе, хе, хе! Да ужъ, кажется довольно созрѣло, ужъ наслаждаемся-съ. Мы-то пострадали, а вашего-то процвѣтанія что-то не видится, да и не предвидится“.—„Погодите, бормочетъ благонамѣренный либераль и въ смущеніи торопится отретироваться. „Нѣтъ-съ, ужъ годить не приходится, а бора поворачивать оглобли въ другую сторону“, говорить ему въ-слѣдъ консерваторъ и смотреть триумфаторомъ,—но триумфаторомъ злобствующимъ, страдающимъ отъ разстройства печени...

Времена переходчивы! Но я надѣялся, что хоть мой Земцевъ, этотъ непреклонный фанатикъ прогресса, не совѣтетъ, не поджимаетъ хвостъ, а по прежнему захлебывается отъ восторга.

Но вотъ я встрѣчаюсь съ нимъ—и увы! Оказывается что и онъ сконфузился. Плохо дѣло! Ужъ если Земцевъ потерялъ душевное довольство, тамъ стало быть всѣ недовольны, всѣ—поголовно.

Началь я допытываться, отчего съ нимъ случилась эта оказія, что именно его сконфузило? И, по точномъ разслѣдованіи всѣхъ симптомовъ его недовольства и конфуза, я убѣдился, что его, какъ и многихъ другихъ смиренно-благонамѣренныхъ либераловъ, заразилъ своею теоріей политическаго скопидомства молодой графъ Кисельниковъ. Отравилъ же онъ Земцева весьма простымъ способомъ. Вотъ какимъ.

По какому нибудь пикантному процессу судъ произноситъ оправдательный приговоръ. Земцевъ радуется такому исходу процесса. Но молодой Кисельниковъ смотритъ на дѣло съ другой точки зрѣнія и внушаетъ Земцеву, что радоваться тутъ нечему, а слѣдуетъ огорчаться: „Положимъ, что судъ не нарушилъ закона, что онъ дѣйствуетъ въ полномъ своемъ правѣ. Я это признаю. Я самъ очень хорошо понимаю, какъ несправедливъ законъ о диффамациі—и дай Богъ, чтобы его поскорѣе отмѣнили! Но, при данномъ положеніи дѣла, я все-таки скажу, что судъ поступилъ совершенно нерасчетливо, крайне неблагоразумно. Вѣдь онъ долженъ былъ сообразить, что своимъ либерализмомъ онъ никого не удивитъ, а между тѣмъ наживаетъ сильныхъ враговъ судебной реформѣ... Въ этомъ дѣлѣ—вы сами знаете—заинтересованы важныя, вліятельныя лица, цѣлое учрежденіе... Къ чему все это можетъ привести? Дай Богъ, чтобы мои опасенія не оправдались, но очень можетъ случиться, что еще два-три такихъ процесса—и дѣла печати будутъ изъяты, по прежнему, изъ вѣдѣнія суду... И кто въ этомъ будетъ виноватъ?“

Кисельниковъ говоритъ такъ либерально, такъ убѣдительно пожимаетъ плечами,—что Земцовъ съ нимъ соглашается. Сердце его начинаетъ боязливо биться за судьбу судебной реформы и онъ самъ начинаетъ проповѣдывать, что суду, для спасенія праведнаго суда, нужно иногда неправедно посадить

кое-кого въ кутузку и что, для спасенія дѣль о печати, нужно ихъ судить такъ, какъ будто суда вовсе нѣтъ.

Кисельниковъ такимъ образомъ убиваетъ сразу двухъ зайцевъ: возбуждаетъ недовольство противъ новыхъ судебныхъ дѣятелей за ихъ опрометчивость и, на всякій случай, подготавливаетъ общественное мнѣніе къ анти-либеральнымъ реформамъ. Благодушный либераль Земцевъ, попадаясь на удочку Кисельникова, попадаетъ въ просакъ, ибо, заботясь о прогрессѣ, служитъ дѣлу ретроградныхъ либераловъ и пропагандируетъ теорію политическаго скопидомства.

Точно также либерально ноетъ молодой Кисельникъ въ о „мальчишескомъ задорѣ“ нашей литературы. Въ газетѣ появляется какая-нибудь занозистая статья. „Вотъ видите, (говоритъ онъ Земцеву) я вамъ говорилъ не разъ... Вотъ оно по моему и выходитъ. Будь наша литература благоразумна, умѣй она держаться въ разумныхъ границахъ—и она дѣлала бы свое дѣло и могла бы принести громадную пользу. Подумайте: сколько есть вопросовъ, по которымъ она можетъ оказать помощь правительству! Возьмите, на примѣръ, вопросъ о томъ, какая система намордниковъ для собакъ лучше?—Теперь на очереди стоитъ другой вопросъ: красить ли фонарные столбы и тумбы по прежнему въ черную краску, или лучше ихъ окрашивать нашими національными цвѣтами?... Словомъ, есть тысячи вопросовъ, которые наша пресса можетъ разработывать—и она не тронула ни одного изъ нихъ. Она пренебрегаетъ тѣмъ, правда, скромнымъ (что дѣлать!), но практическимъ кругомъ насущныхъ вопросовъ, гдѣ она можетъ дѣйствовать безпрепятственно, надъ разработкой которыхъ она можетъ показать свою зрѣлость. А она, вмѣсто того, лезетъ напроломъ... У нея нѣтъ подъ ногами почвы, а она вообразила себѣ, что у насъ Англія, или Америка... И вотъ вы увидите, къ чему все это приведетъ!“

И Земцевъ пугается. Вслѣдъ за Кисельниковымъ, и онъ начинаетъ осуждать нашу прессу за ея дерзость и прописывать ей молчаніе, затѣмъ, чтобы сохранять некроенное и ненадежное право говорить.

Безъ сомнѣнія, фортель запугивающаго благоразумія весьма неоснователенъ и аргументація него чрезвычайно слаба. Въ самомъ дѣлѣ, если мнѣ говорить: „Тебѣ даны ноги для того, чтобы ты былъ человѣкъ какъ и другіе. Но ты, вмѣсто того, чтобы благодарить за это и сидѣть сиднемъ, осмѣливаешься ходить и затапывать полъ. Ты—дерзкій, неблагоразумный и неблагодарный человѣкъ! Ты своими поступками доводишь начальство до печальной необходимости взять твои ноги назадъ. Подумайте же о той безднѣ, куда ты стремишься, и благоразумною кротостью постарайся не доводить дѣла до такихъ крайнихъ мѣръ!“ — Что отвѣчать на такое воззваніе? Отвѣтъ легокъ. „Если я, для сохраненія своихъ ногъ, долженъ не ходить, — въ такомъ случаѣ мнѣ недорого и право имѣть эти ноги, возьмите ихъ себѣ назадъ! Пусть, по крайней мѣрѣ, дѣло выяснится на чистоту.“

Но ретроградные либералы, хоть и ретроградные, а все же либералы, а потому выводить-то дѣло на свѣжую воду они, именно, и не желаютъ. Въ свою очередь благодушные либералы, въ родѣ Земцева съ компаніей, не умѣютъ понять всю нелѣпность и фальшь аргументацій либеральствующихъ ретроградовъ и, вслѣдствіе того, попадаются на удочку теоріи политическаго скопидомства.

Глазамъ не вѣришь, видя, что Земцева обошелъ Кисельниковъ. И однако это такъ. Одинъ готовъ каждую либеральную реформу, какъ родное дѣтище, положить къ себѣ за пазуху и лелѣять; другой старается каждую либеральную реформу если не задушить совсѣмъ, то обдѣлать такимъ

образомъ, чтобы она была нѣма и недвижима. И однако они сошлись! Земцевъ былъ упорнѣе другихъ благодушныхъ либераловъ: много кисельниковскихъ фортелей онъ осилилъ, но противъ фортеля запугивающаго благоразумія наконецъ не устоялъ, сконфузился, поблѣкъ и опустилъ голову. Иначе и не можетъ быть. Если вода долбитъ камень, то понятно, что Кисельниковъ (который гораздо ядовитѣе воды) неминуемо долженъ продолбить Земцева (который несравненно мягче камня).

Земцевъ блекнетъ. Онъ блекнетъ, ибо видитъ, какъ всѣ его надежды, одна за другою, разбиваются въ прахъ. И въ самомъ дѣлѣ:

Онъ ждалъ безцензурной печати — и дождался. Но на повѣрку выходитъ, что радоваться тутъ особенно нечему. Кисельниковъ его убѣдилъ, что „благоразумная“ литература въ Россіи не должна идти далѣе намордниковъ и фонарей съ тумбами, ибо, выходя изъ этого очарованнаго круга, она мальчишескуетъ, подвергая опасности самое свое существованіе и такимъ образомъ рискуя лишить Россію драгоцѣннаго права имѣть свободную печать... Конечно, хорошіе намордники — дѣло полезное и вопросъ о фонаряхъ съ тумбами не лишентъ интереса, но... Но не о такой роли для печати мечталъ онъ въ своей юности, тоскуя по свободной печати.

И сердце его бьется не съ прежнимъ восторгомъ въ отвѣтъ на призывное слово: „свобода русской печати“.

Онъ ждалъ настоящаго суда — и дождался. Но на повѣрку выходитъ, что радоваться тутъ особенно нечему. Кисельниковъ убѣдилъ его, что „благоразумный“ судъ въ Россіи долженъ подчиняться такимъ не относящимся къ существу дѣла требованіямъ, входить въ такіе капитанъ-исправническія сдѣлки, что отъ „настоящаго“ суда останется одинъ призрачный островъ.

но И „настоящій“ судъ въ Россіи уже далеко не очаровываетъ его сердца такъ, какъ очаровывалъ прежде. И такъ во всемъ. Мечты его молодости, осуществляясь на дѣлѣ, оказываются остовами, лишенными того свѣта и благоуханія, которыми онѣ чаровали его душу. Но и эти остовы все-таки дороги его сердцу, какъ дорого отцу его хилое, болѣзненное, неживучее дѣтище. Всякій разъ когда явится въ литературѣ что-нибудь зановистое, всякій разъ когда судъ своимъ приговоромъ не угодитъ Кисельникову, всякій разъ когда какой-нибудь земскій дѣятель неучтиво раскланяется съ губернаторомъ, — при всякомъ такомъ случаѣ Кисельниковъ является къ Земцеву съ злобно-торжествующимъ видомъ и толкуетъ: „Я вамъ говорилъ не разъ... Вотъ опять выходка мальчишескаго неразумія... Мы все лѣземъ на задоръ... И вотъ, посмотрите, къ чему все это приведетъ“. И всякій разъ у Земцева заноситъ болѣзненно сердце за судьбу любимыхъ его дѣтищъ. Но иногда на него находитъ отчаяніе: „Господи! Сладости отъ всего этого мало, а сердце все изныло, изстрадалось... Хотъ бы ужъ чѣмъ-нибудь все это кончилось!“ Тоже бываетъ иногда и съ родителями, которые глядятъ-глядятъ на страданія своего больнаго, неживучаго дѣтища, хлопчатъ-хлопчатъ о поддержаніи его угасающей жизни и, въ минуту отчаянія, иной разъ восклицаютъ: „Господи, хотъ бы ужъ умеръ онъ поскорѣе, — одинъ бы конецъ!“

Вотъ до какого расположенія духа довелъ Кисельниковъ бѣднаго Земцева. Онъ смотритъ на унылое лицо моего благодушнаго либерала и злорадно потираетъ руки. Каждому ретроградному либералу весьма пріятно и весьма полезно охладить восторгъ пламеннаго передовика и опозорить его идеалы въ его же собственныхъ глазахъ. Это пріятно, потому что вообще пріятно посадить своего противника на мель и ви-

дѣтъ, какъ онъ, съ недоумѣніемъ протирая глаза, спрашиваетъ самаго себя: „неужели я былъ до того глупъ, что эти остовы могли прельщать мое воображеніе“? Это полезно—ибо, посадивъ противника своего на мель и отбивая у него вкусъ къ либеральнымъ затѣямъ, Кисельниковъ подготавливаетъ общество къ тому, чтобы оно хладнокровно отнеслось къ реакціи, которую онъ подготавливаетъ хотя втихомолку, но весьма усердно и съ надеждой на успѣхъ.

И въ существѣ дѣла, съ своей точки зрѣнія, Кисельниковъ, работая фортелемъ запугивающаго благоразумія, не обманываетъ Земцева, а только излагаетъ ему свой искренній взглядъ на вещи.

Кисельниковъ-сынъ есть тотъ же Кисельниковъ-отецъ, но умудренный опытомъ, постигшій всю силу наполеоновскаго яда, называемаго „разумною свободой и порядкомъ“, и — главное — ободрившійся вслѣдствіе того обстоятельства, что пережилъ бурю либерализма и остался живъ. Вотъ это-то послѣднее обстоятельство особенно и внушило ему увѣренность въ томъ, что у насъ нѣтъ никакой иной почвы кромѣ песка, а вслѣдствіе того и построенныя на этомъ пескѣ либеральныя зданія не могутъ имѣть никакой устойчивости, такъ что достаточно легкаго дуновенія вѣтра—и, по прежнему, не останется ничего кромѣ песчаной пустыни. Онъ увѣренъ, что если машины новыхъ порядковъ пойдутъ настоящимъ и полнымъ своимъ ходомъ, то они неминуемо поднимутъ реакціонный вихрь, который и смететъ ихъ съ лица земли. Онъ вѣритъ, что только цѣломудріе, смиренномудріе и послушаніе могутъ спасти ихъ существованіе, а потому всякій нахрапъ и задоръ, даже въ самой малой дозѣ, есть мальчишеская выходка школьника противъ начальства, которое всегда можетъ его сокрушить.

Повторяю: Кисельниковъ въполнѣ искренень, когда онъ является передъ Земцевымъ въ роли пушкинскаго „демона“ и разочаровываетъ его во всемъ томъ, что дорого Земцевскому сердцу.

Долго мнѣ пришлось убѣждать Земцева на счетъ того, какъ фальшивъ въ своей аргументаціи фортель запугивающаго благоразумія. Долго мнѣ пришлось внушать ему, къ чему придемъ мы, если всѣ дѣятели новыхъ учреждений проникнутся (чего Боже сохрани!) „кисельниковскимъ благоразуміемъ“. Теперь Земцевъ уже не распаляется гнѣвомъ на судъ за оправдательный приговоръ по пикантному дѣлу; теперь онъ пересталъ негодовать на нашу печать за каждую занозистую статью.

Но въ двухъ вещахъ я до сихъ поръ не успѣлъ его разубѣдить.

Во-первыхъ, онъ все еще продолжаетъ думать, что, въ ходѣ нашего умственнаго развитія, теорія политическаго скопидомства все-таки составляетъ собою шагъ впередъ, сравнительно съ теоріей политическаго застоя. Во-вторыхъ, хотя Земцевъ и пересталъ раздражаться на новыхъ дѣятелей за ихъ „неблагоразуміе“ и „опрометчивость“, — но онъ все еще пока не повеселѣлъ: ужь очень сильно запугалъ его Кисельниковъ непрочностью всего земнаго вообще и построекъ на пескѣ въ частности.

ОБЪ ОБЩЕСТВЕННЫХЪ ТИПАХЪ ВЪ ПОВѢСТЯХЪ ТУРГЕНЕВА.

(Письмо къ Р. Ф. Миллеру).

Ваши прекрасныя лекціи «объ общественныхъ типахъ въ повѣстяхъ И. С. Тургенева» («Бесѣда» 1871 г. № 10—12) я прочелъ съ тѣмъ вниманіемъ, которое они невольно вызываютъ какъ по автору, котораго вы избрали ихъ предметомъ, такъ и по той точкѣ зрѣнія, съ которой вы разсматриваете произведенія Тургенева, оставляя въ сторонѣ ихъ художественную оцѣнку.

Въ пятидесятыхъ годахъ, Тургеневъ былъ самымъ популярнымъ изъ современныхъ ему русскихъ повѣствователей. Кто не помнитъ, какой шумъ въ публикѣ производила каждая его новая повѣсть? Его произведеніями не только наслаждались, но и поучались, ибо въ нихъ читатель находилъ разрѣшеніе тѣхъ вопросовъ, которые въ данную минуту наиболѣе занимали общественное мнѣніе. Въ повѣстяхъ и разсказахъ своихъ, Тургеневъ былъ чуткимъ и вѣрнымъ истолкователемъ того, какъ глядитъ на себя наше общество въ данное время, въ чемъ оно видитъ свои достоинства и недостатки и въ чемъ думаетъ найти исцѣленіе отъ своихъ недуговъ. Исторія литературной дѣятельности г. Тургенева съ конца сороковыхъ и до начала шестидесятыхъ годовъ есть

исторія нашего общественнаго самосознанія за это время. Предположивъ прослѣдить явленія нашей общественной среды, насколько они отразились въ повѣствовательной литературѣ, вы никого удачнѣе не могли выбрать, какъ Тургенева. Точно также и тема, избранная вами, въ высшей степени благодарна: она давала вамъ возможность подвести итогъ нашему недавнему прошлому, къ которому мы уже въ состояніи отнестись если еще и не вполне, то уже довольно безпристрастно.

Но вотъ, по этому-то пункту мнѣ и приходится поспорить съ вами, многоуважаемый Орестъ Федоровичъ.

Впрочемъ, начну свою рѣчь нѣсколько издалека. Въ прошедшую субботу, 29-го января, въ день торжественной панихиды по незабвенномъ Н. А. Милютинѣ, была годовщина смерти Пушкина и дня рожденія Жуковскаго. По-видимому, нельзя сопоставлять этихъ людей, изъ которыхъ двое были поэты, а одинъ—государственный человѣкъ. Но еще Пушкинъ справедливо замѣтилъ, что «слова поэта—его дѣла»; поэтъ, и государственный человѣкъ суть одинаково общественные дѣятели. Поэтому, я нисколько не находилъ невозможнымъ сравнивать жизнь и общественную дѣятельность Жуковскаго и Пушкина съ дѣятельностью Милютина; сопоставленіе же этихъ трехъ людей невольно наводитъ на мысль о различіи въ условіяхъ общественной жизни, при которыхъ пришлось жить и дѣйствовать этимъ людямъ, и о томъ вліяніи, какое имѣютъ эти условія на человѣка. Жуковскому и Пушкину пришлось дѣйствовать въ то время, когда (говоря вашими словами) «наша литература, въ лицѣ самыхъ передовыхъ своихъ представителей, какъ бы совершенно порвала связь съ тѣми доблестными преданіями, представителями которыхъ являлись, въ XVIII вѣкѣ, съ одной

стороны, наши комики, съ другой—публицисты въ родѣ Новикова и Радищева». «Но XIX вѣку (продолжаете вы) мало было порвать эту связь: онъ осмѣлился, въ лицѣ Пушкина, осмѣять Радищева. Еще раньше, нашъ вѣкъ опозорилъ себя сладкогласнымъ ратованьемъ за отсрочку крѣпостнаго вопроса, въ лицѣ Карамзина, который, отвернувшись отъ новиковскаго мистицизма, не задумавшись, отвернулся и отъ самыхъ человѣчныхъ стремленій этого, хотя бы притомъ и мистика. И нетолько одни умозрѣнія, но и живые приемы повѣсти служили дѣлу такой отсрочки, создавая изъ нашей народной жизни пріятно убаюкивающую идиллію, между тѣмъ какъ, съ другой стороны, обнаруживались и зародыши противоположной крайности, выставленіе народа совсѣмъ уже отупѣлымъ, почти низведеннымъ на степень животнаго. Даже у Гоголя народъ затрогивается преимущественно во внѣшнихъ комическихъ своихъ проявленіяхъ, на язву же крѣпостнаго права указывалось только косвеннымъ образомъ, тѣмъ, что выводилась, во всей ея отвратительной наготѣ, нечеловѣческая пошлость нашего помѣщичьяго быта, пошлость, зависѣвшая, главнымъ образомъ, отъ возможности пользоваться всѣми благами, не прилагая и малѣйшей капли труда».

Въ этихъ словахъ есть много справедливаго. Но я не могу вполне согласиться съ вами въ томъ, будто бы наша литература XIX вѣка порвала всякую связь съ доблестными преданіями литературы екатерининскаго времени. Вы, сколько мнѣ кажется, не обратили достаточнаго вниманія на то, что лучшіе наши писатели, начиная съ Карамзина, высказывали на первыхъ порахъ своего литературнаго поприща благородныя мечты и желанія, одушевлявшія нашихъ комиковъ и публицистовъ XVIII-го вѣка, и уже потомъ, болѣе или менѣе, измѣняли либеральнымъ убѣжденіямъ своей молодости. Менѣе

всего замѣтна была такая переменна на Жуковскомъ, по самому складу его ума и характера; всего ярче могла она проявиться въ такихъ живыхъ натурахъ, какъ Карамзинъ и Пушкинъ. Всякому извѣстно, что Пушкинъ даже дебютировалъ стихотвореніями „вольнолюбивыми“ до такой степени, что они приводили въ ужасъ людей, въ родѣ Скобелева и ему подобныхъ, и эти люди считали необходимымъ „сочинителя оныхъ вредныхъ пасквилей лишить нѣсколькихъ клочковъ шкуры“. Пушкинъ бравировалъ своимъ либерализмомъ и встрѣтилъ ядовитую эпиграммой исторію Карамзина, замѣтивъ въ ней тѣ консервативныя тенденціи, изъ которыхъ многія онъ и самъ сталъ раздѣлять впослѣдствіи. Пушкинъ, потомъ не затруднившійся бросить камень осужденія въ Радищева, неумѣвшій видѣть (по словамъ Гоголя) въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ ничего, кромѣ „мертвечины“, былъ уже не тотъ Пушкинъ, какимъ его знала Россія до возвращенія изъ ссылки. Къ тридцатымъ годамъ въ Пушкинѣ совершился переломъ: къ лучшему—по словамъ однихъ, къ худшему—по мнѣнію другихъ. Я, съ своей стороны, полагаю, что тѣ и другіе неправы. Умъ Пушкина былъ настолько силенъ, что, мужая, онъ долженъ былъ освободиться отъ обаянія поверхностныхъ, несостоятельныхъ крайнихъ убѣжденій молодости: Пушкинъ, очевидно, не могъ оставаться вѣчнымъ юношею зрѣлыхъ лѣтъ до сѣдыхъ волосъ. Но нельзя не сказать и того, что онъ могъ бы смѣнить заблужденія своей молодости убѣжденіями менѣе торійскаго свойства. Правда, онъ не дошелъ до того консерваторскаго квіетизма, какимъ отличался Карамзинъ въ послѣдніе годы своей жизни, но за то въ немъ еще болѣе, чѣмъ въ Карамзинѣ, мы видимъ постоянный разладъ между порывами его сердца и тѣми, несвойственными его душѣ, политическими воззрѣніями, которыя онъ какъ бы насильно навязывалъ себѣ;

между его вѣрой въ нравственную мощь Россіи и невѣріемъ въ ея силы къ самостоятельной общественной дѣятельности; между его примиреніемъ съ господствовавшимъ тогда порядкомъ вещей и его задушевными симпатіями... Извѣстна эпитаграмма на Пушкина, которая объясняетъ переломъ въ его убѣжденіяхъ тѣмъ, что онъ будто бы былъ нравственно закупленъ тѣми милостями, какими пользовался въ царствованіе императора Николая I-го: вотъ будто бы причина, вслѣдствіе которой, по мнѣнію неизвѣстнаго автора эпитаграммы, прежній необузданный проповѣдникъ «вольности» —

лишь дворцовыхъ щей отвѣдалъ

И сталъ придворный лизоблюдь.

Благородная горделивость и независимый характеръ Пушкина слишкомъ несомнѣнно говорятъ о совершенной лжи такой догадки, пущенной въ ходъ, вѣроятно, однимъ изъ его враговъ, которыхъ онъ такъ ѣдко клеймилъ своими бессмертными эпитаграммами. Причины этого перелома ясны. Пушкинъ могъ убѣдиться изъ многихъ примѣровъ въ бесплодности либеральныхъ фанфаронадъ всякаго рода и, естественно, долженъ былъ потерять къ нимъ вкусъ, тѣмъ болѣе, что во многихъ актерахъ подобныхъ фанфаронадъ онъ видѣлъ иногда отсутствіе политическаго смысла, иногда одно тщеславное желаніе добиться власти ради нея самой, или рисоваться въ роли политическаго мученика. Онъ понималъ хорошо недостатки господствовавшаго порядка вещей съ его мертвящею казенщиной, съ язвою крѣпостнаго права, съ полнымъ устраненіемъ общества отъ участія въ общественныхъ дѣлахъ, съ гнетомъ, давившимъ мысль; но онъ чувствовалъ также и несокрушимость этого порядка, и его живучесть, долговѣчность. Здоровая энергическая натура Пушкина, естественно, не позволяла ему отказаться отъ публичной дѣятельности и, сложивъ

въ безсильномъ отчаяніи руки, ограничиться злобнымъ хныканьемъ про себя, втихомолку: вѣчное, безсильное враждованье, такъ же какъ и злобствующее ничего недѣланіе—роль печальная, составляющая удѣлъ людей или слабыхъ, или слишкомъ самолюбивыхъ, но не такихъ свѣтлыхъ натуръ, какъ Пушкинъ. Онъ, естественно, долженъ былъ стремиться найти другой исходъ—и нашелъ его. Видя несокрушимость господствовавшего порядка и понимая, что, пока онъ господствуетъ, только отъ него и чрезъ него можно ожидать какихъ бы то ни было улучшеній въ общественной жизни, онъ старался примириться съ нимъ, насколько было для него это возможно. Его патриотизмъ, который нѣкогда внушилъ ему вдохновенный финалъ къ его *Уединенію* и для котораго былъ запрещенъ доступъ къ вопросамъ внутренней жизни, нашелъ себѣ исходъ въ преклоненіи передъ политическимъ могуществомъ Россіи и судьбами ея прошлаго. Убѣдившись, что «плетью обуха не перешибешь», Пушкинъ сдѣлалъ своимъ гражданскимъ идеаломъ не политическаго утописта, не безсильнаго фрондера, а человѣка, который внутренно свободенъ, но не порывается «противу рожна прати», а скромно, честно и разумно дѣлаетъ свое дѣло въ тогдашнихъ предѣлахъ возможнаго и дозволеннаго (которыя, разумѣется, были въ то время слишкомъ тѣсны).

Я не хочу защищать, не желаю и осуждать, а только стараюсь объяснить происхожденіе той политической теоріи, которую можно назвать теоріею индивидуальнаго человѣческаго совершенствованія, потому что она, примиряясь съ политическихъ status quo, ожидаетъ всякаго общественнаго преусибыанія исключительно отъ личныхъ качествъ отдѣльныхъ людей. Односторонность этой теоріи, которую возвелъ въ систему еще Карамзинъ и довелъ до крайностей Гоголь въ

своей «Перепискѣ съ друзьями», очевидна; достаточно сказать одно: будь она справедлива, были бы ненужны, излишни всѣ реформы нынѣшняго царствованія, — но кто же рѣшится это утверждать! Какъ бы то ни было, но русская мысль, вначалѣ насильственно загнанная на этотъ путь, потомъ и сама по себѣ пошла по немъ, потому что, подъ удручающимъ давленіемъ тяготѣвшаго надъ нею гнета, она уже теряла, мало по малу, способность взлетать на тѣ запретныя вышины, куда заходили въ XVIII вѣкѣ лучшіе представители нашей общественной мысли. Наша общественная сатира завершилась комедіей Грибоѣдова. Въ твореніяхъ Гоголя мы уже видимъ не болѣе, какъ сатиру личныхъ нравовъ: достаточно указать на то, что его «Ревизоръ» кончается торжественнымъ появленіемъ жандарма съ громовымъ извѣстіемъ о приѣздѣ настоящаго ревизора (и этотъ конецъ не былъ цензурою навязанъ Гоголю) *), а излюбленнымъ лицомъ автора въ «Мертвыхъ Душахъ» является невозможный генераль-губернаторъ, изображающій изъ себя нѣчто въ родѣ всевидящаго ока. Какъ будто весь строй жизни того уѣзда, гдѣ градоначальствоваль Сквозникъ-Дмухановскій, не говорилъ самымъ убѣдительнымъ образомъ, что ревизоры были вовсе не такъ страшны, какъ это рисуетъ комедія! Какъ будто на невозможныхъ генераль-губернаторахъ, облеченныхъ фантастическою властью беранжеровской доброй феи, можно строить какія-нибудь надежды! При такомъ направленіи, сатиры Гоголя, естественно, должна была терять и въ своей глубинѣ и въ широтѣ своихъ задачъ. Подобное явленіе мы

*) Достаточно вспомнить „Разъѣздъ“ Гоголя и введеннаго тамъ простолюдина, высказывающаго то впечатлѣніе, какое онъ вынесъ изъ представленія комедіи.

замѣтимъ и на двухъ виднѣйшихъ литературныхъ дѣятеляхъ гоголевской эпохи: на Гончаровѣ и Тургеневѣ. Гончаровъ проводитъ въ своихъ романахъ ту же теорію лично-нравственнаго совершенствованія, рекомендуя русскому человѣку ту идеализируемую имъ узкую, мѣщанскую мораль, которая красною нитью проходитъ по его романамъ и составляетъ рѣзкій контрастъ съ силою его художественнаго чувства. У тургеневскихъ героевъ русская мысль, насильственно замкнутая въ тѣсноту индивидуальной жизни, предалась болѣзненному анализу, мучительно теряющемуся въ лабиринтѣ человѣческой души, — анализу, который подрываетъ въ человѣкѣ всякую энергію, парализуетъ всякое его увлеченіе и плодитъ слабовольныхъ людей слова, а не дѣла, тѣхъ мнимобольныхъ людей, тѣхъ Гамлетовъ Щигровскаго Уѣзда, у которыхъ все вниманіе устремлено на самихъ себя, которые предаются болѣзненному наслажденію самоанатомированія и самобичеванія, которые не страдаютъ воображаемыми недугами, но не могутъ быть названы и здоровыми людьми, способными на здоровую мысль, на живое дѣло. Въ концѣ концовъ, душная атмосфера пушкинской и гоголевской эпохъ привела, съ одной стороны, къ тому оскуденію литературныхъ талантовъ, которые мы переживаемъ теперь. Душная атмосфера сороковыхъ годовъ плодила, впрочемъ, не однихъ Штольцовъ, Петровъ Ивановичей Адуевыхъ и щигровскихъ Гамлетовъ. Вавилонское плѣненіе, въ которомъ томилась русская мысль, привело еще и къ тому, что эта мысль, не находя себѣ ни разумнаго исхода, ни здоровой пищи, ударилась въ уродливое дон-кихотство «новыхъ людей», которое, при другихъ, болѣе здоровыхъ условіяхъ жизни, никогда въ Россіи, по складу русскаго ума, не могла бы найти себѣ даже и той малой доли адептовъ, какая наплодилась въ душной атмо-

сферѣ сороковыхъ годовъ. Базаровъ есть такой же продуктъ этой эпохи, какъ и Гамлетъ Щигровскаго Уѣзда *).

Но доживающій порядокъ вещей самъ убиваетъ себя, какъ тѣ легендарные герои, которымъ суждено было погибнуть отъ своихъ собственныхъ дѣтей и которые, дѣйствительно, не могли избѣгнуть своей судьбы, несмотря на всѣ принимаемыя мѣры предосторожности. Если въ пушкинскую эпоху сильнѣйшіе умы не выдерживали давленія и ударялись въ теорію лично-нравственнаго совершенствованія, то для сильнѣйшихъ умовъ гоголевской эпохи уже невозможны были примиреніе и квіетизмъ. Тотъ порядокъ, который калѣчилъ мысль и энервировалъ общество, не въ силахъ былъ ни убить

*) Приведу по тому поводу слова одного писателя, котораго конечно никто не заподозритъ въ тупой ненависти къ живымъ явленіямъ въ обществѣ. По его словамъ, наши старые порядки проросли, съ одной стороны, въ катковщину, съ другой—въ „базаровскую безпардонную вольницу“ и въ „дантистовъ нигилизма“. Видя въ нигилизмѣ „переходную форму болѣзни нашего развитія изъ прежняго застоя“, онъ замѣчаетъ, что нигилисты „не имѣли той выправки, которую даетъ воспитаніе, и той выдержки, которая приобрѣтается научными занятіями. Они торопились, въ первомъ задорѣ, сбросить съ себя всѣ условныя формы. Снимая все до послѣдняго клочка, они гордо являлись какъ мать родила, а родила-то она ихъ плохо. Вмѣсто атлетическихъ мышцъ и юной наготы, обнаружились печальные слѣды наследственнаго худосочья и застарѣлыхъ язвъ. Передняя, казарма, бурса, мѣлкопомѣстная господская усадьба, перегнувшись въ противоположное, сохранились въ ихъ мозгу и крови, не теряя отличительныхъ чертъ своихъ. Нагота не скрыла, а раскрыла, кто они. Она раскрыла, что ихъ систематическая неотесанность, ихъ грубая и дерзкая рѣчь не имѣютъ ничего общаго съ неоскорбительной и простодушной грубостью крестьянина, и очень много съ пріемами подъяческаго круга, торговаго прилавка и лакейской помѣщицкаго дома“.

мысль, ни подавить всё здоровые зачатки въ обществѣ. На русской землѣ, вмѣстѣ съ щигровскими Гамлетами, Штольцами и Базаровыми, выростали и такіе люди, какъ покойный Н. А. Милютинъ. Этимъ людямъ уже не пришлось искать мучительнаго успокоенія въ теоріи индивидуальнаго человѣческаго усовершенствованія и въ примиреніи съ тѣмъ порядкомъ, которому нанесенъ такой могучій ударъ послѣдними реформами. Они могли сохранить душевную бодрость, потому что уже видѣли занимавшуюся зарю. Каковъ бы ни былъ этотъ наступавшій день—для нихъ тогда это было все равно: самый непривѣтный сѣренькій денекъ, все таки лучше непробудной тьмы.

Я замѣтилъ однажды, что поэтическія произведенія имѣютъ завидную привилегію вѣковѣчной свѣжести. Напримѣръ, сколько научныхъ теорій и системъ возникло и устарѣло со времени Шекспира, а творенія Шекспира, этого «царя поэтовъ», сохраняютъ и для насъ всю свою прелесть,—даже болѣе: современное человѣчество умѣетъ лучше понимать и цѣнить достоинства Шекспира, чѣмъ его современники. Но этотъ удѣлъ вѣковѣчности принадлежитъ однимъ только первостепеннымъ дѣятелямъ искусства. Венера Медицейская или мадонны Рафаэля до сихъ поръ чаруютъ насъ своею идеальною красотой, а картины Буше, съ его напудренными пастушками изъ маркизъ и съ благовоспитанными барашками *comme il faut*, возбуждаютъ восторгъ въ однихъ только завзятыхъ любителяхъ живописи, да въ антикваріяхъ, на ряду съ древнею мебелью во вкусѣ возрожденія и разными черепками прежнихъ временъ. Только могучій, первостепенный поэтъ непосредственнымъ инстинктомъ угадываетъ истинный смыслъ жизни, только онъ можетъ уловить въ своемъ произведеніи всю многосторонность жизни и создать образы вѣко-

вѣчныя, какъ сама жизнь. Чѣмъ мельче талантъ, тѣмъ болѣе пропитываются «злобою дня» и тѣмъ кратковѣчнѣе создаваемыя имъ произведенія. Перечитывать, время отъ времени, перво-классныя произведенія поэзіи — великое наслажденіе. Чѣмъ болѣе духовно мужааетъ человѣкъ, тѣмъ болѣе уразумѣваетъ онъ здравую истину жизни, которою дышать эти произведе-нія, тѣмъ болѣе постигаетъ онъ глубину міросозерцанія поэта, тѣмъ болѣе оцѣниваетъ онъ вѣчно юную свѣжесть созданныхъ поэтомъ образовъ. Не то бываетъ съ произведеніями менѣе крупныхъ талантовъ. Возьмите Тургенева. Изъ его сочи-неній, первобытную свѣжесть сохранили для насъ только «Записки охотника». Но перечтите, напримѣръ, его днев-никъ «лишняго человѣка», который нѣкогда своею персоною щемилъ вамъ сердце и вызывалъ слезы на ваши глаза, съ которымъ вы жили одною жизнью: вы уже холодно пробѣ-гаете теперь эти записки, вы уже не можете, какъ прежде, жить жизнью «лишняго человѣка» — его интересы вамъ мало понятны и его гореванье вамъ чуждо. Первоклассное произ-веденіе поэзіи вѣчно идетъ вмѣстѣ съ вами, но впереди васъ, оно растетъ вмѣстѣ съ вашимъ ростомъ и вѣчно держитъ васъ въ своей власти. Произведенія же просто талантливыхъ бельетристовъ имѣютъ на васъ чарующее обаяніе недолго послѣ своего появленія на свѣтъ: они имѣютъ значеніе только для даннаго общества, въ данную минуту, и чѣмъ далѣе впередъ движется жизнь, тѣмъ болѣе они теряютъ и свою первоначальную свѣжесть, и свою прежнюю цѣну.

Со времени тѣхъ тургеневскихъ повѣстей, которыя вы разби-раете въ своихъ лекціяхъ, наша жизнь далеко ушла впередъ. Она стала живѣе, разнообразнѣе, дѣльнѣе; кругъ дѣятель-ности нашей расширился; русская мысль, насильственно зам-кнутая прежде въ тѣсноту индивидуальной жизни и предав-

шаяся болѣзненному и бесплодному субъективному анализу, теперь горячо устремляется въ недавно открывшуюся для нея сферу вопросовъ политическихъ и общественныхъ. Соответственно съ переменой въ нашей общественной жизни измѣнились и мы сами, и люди сороковыхъ годовъ, глядя на современное поколѣнiе, должны неминуемо повторять съ по-этомъ:

Они, что любимъ, разлюбили,
Страстямъ ихъ насъ не волновать,
Ихъ не было тамъ, гдѣ мы были,
Гдѣ будутъ — намъ ужъ не бывать.
Нашъ мiръ — имъ храмъ опустошенный,
Имъ баснословье — наша быль,
И то, что пепель намъ священный,
Для нихъ одна нѣмая пыль.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, и отъ произведенiй изящной словесности мы требуемъ другого, чѣмъ прежде: иныхъ мотивовъ, иныхъ героевъ, иной точки зрѣнiя на мiръ и на людей. Что же касается до Тургенева, котораго слѣдуетъ признать субъективнѣйшимъ изъ всѣхъ писателей сороковыхъ годовъ, — то мнѣ кажется, что лучшiе его романы, которые всего болѣе доставили ему популярность («Рудинъ», «Дворянское гнѣздо», «Наканунъ», «Отцы и Дѣти»), нельзя вѣрнѣе характеризовать, какъ назвавъ ихъ не повѣстями, не романами, а размышленiями, облеченными въ повѣствовательную форму, о нѣкоторыхъ явленiяхъ общественной жизни. Въ этой ихъ особенности заключается причина и того успѣха, какой они имѣли въ свое время, здѣсь же слѣдуетъ искать и причину охлажденiя публики къ Тургеневу съ той поры, какъ въ нашемъ общественномъ настроенiи совершился указанный сейчасъ переломъ. Мы измѣнились, а Тургеневъ остался чело-вѣкомъ сороковыхъ годовъ. Такимъ является онъ и въ своей

последней повѣсти. «Вешнія воды» («Вѣстникъ Европы», 1872, № 1-й). Въ художественномъ отношеніи, эта новая повѣсть не уступаетъ его произведеніямъ прежняго времени, и однако она далеко не производитъ той сенсаціи, какую производили въ свое время даже «Ася» или «Фаустъ». Мы встрѣчаемъ здѣсь опять слабовольнаго мужчину Санина, въ родѣ знакомаго уже намъ Литвинова, и двухъ сильныхъ жевщицъ: итальянку Джемму, хорошую, непосредственную натуру, въ родѣ Татьяны («Дымъ») или Аси, а въ параллель съ Татьяною Ратмировой — Марью Николаевну. Санинъ дѣлается женихомъ Джеммы, которую любитъ пламенно, потомъ встрѣчается съ Марьей Николаевной и передъ нею разыгрываетъ роль кролика передъ боа: въ теченіи двухъ дней она заставляетъ его (именно заставляетъ) почувствовать къ ней безграничную, какъ говорится, собачью привязанность, бросить свою невѣсту и пройти «всѣ униженія, всѣ гадкія муки раба, которому не позволяется ни ревновать, ни жаловаться и котораго бросаютъ, наконецъ, какъ изношенную одежду». Затѣмъ наступила новая пора: «отравленная, опустошенная жизнь, раскаяніе горькое и бесплодное, и столь же горькое и бесплодное забвеніе»... И вотъ, тогда ему вспомнился свѣтлый образъ Джеммы, и неотразимо повлекло его окончить свою разбитую жизнь около нея... Все это знакомо: и завязка романа, и эти слабохарактерные мужчины, и эта растрата всей своей жизни на любовь... Конечно, Тургеневъ не чета большинству нашихъ бельетристовъ, а фигура Марьи Николаевны нарисована смѣлою кистью не, вокласснаго художника. Но, при всей прелести разсказа, читая новую повѣсть Тургенева, вы невольно вспоминаете какого-нибудь пріятеля, вашей юности, съ которымъ вы встрѣтились гдѣ-нибудь въ провинціальномъ городѣ и давно разстались;

вы уѣхали въ столицу, онъ остался въ глуши. И вотъ, послѣ долгихъ лѣтъ разлуки, вы встрѣтились съ нимъ. Вы уже смутно вспоминаете тѣхъ людей, съ которыми вы нѣкогда жили; вы уже преданы другимъ интересамъ; вы плывете по широкой рѣкѣ современной жизни—а онъ, весь преисполненный маленькими интересами и заботами своего провинціального городка, рассказываетъ вамъ напр. о томъ, какъ попалась съ своими сплетнями Татьяна Марковна, какъ неожиданно устроилась свадьба m-lle Marie и т. д. Его расказъ живъ, уменъ и остеръ, какъ прежде. Но *вы* измѣнились: судьба m-lle Marie васъ не занимаетъ и сама Татьяна Марковна уже не смѣшитъ васъ. Скучны кажутся вамъ и рассказы вашего пріятеля, скученъ и мелокъ и самъ расказчикъ, который весь преисполненъ бѣдною жизнью своего городка и не понимаетъ того, что васъ уже не можетъ живо интересовать ни неожиданность свадьбы m-lle Marie, ни торжество враговъ Татьяны Марковны, попавшейся въ сплетняхъ, ни вся мелочь провинціальной глуши.

Все это я говорю къ тому, чтобы установить ту точку зрѣнія, съ какой слѣдуетъ смотрѣть на произведенія Тургенева.

Въ его произведеніяхъ мы найдемъ вѣрное отраженіе того, что думало о самомъ себѣ общество; но напрасно хотѣли бы мы найти въ нихъ вѣрное изображеніе того, какимъ это общество было на самомъ дѣлѣ. Лучшіе люди временъ прежняго норядка глубоко чувствовали тоску, пустоту, чувствовали, что жизнь ихъ пропадаетъ даромъ. Теорія индивидуальнаго человѣческаго совершенствованія, сильнѣе или слабѣе, болѣе или менѣе сознательно жившая въ умахъ людей того времени, мѣшала имъ видѣть прямую и ближайшую причину этой пустоты, этой тоски, этихъ даромъ пропадаю-

шихъ жизней. Для насъ эта причина понятна: общественная жизнь была мертва, мысль замкнута непроницаемою твердой китайской стѣны, жажда дѣятельности не находила себѣ исхода, если только человѣкъ не желалъ заниматься пробиваніемъ стѣны лбомъ. Конечно, не всѣ отрасли дѣятельности были замкнуты, у людей не отняты были всѣ пути, на которыхъ они могли трудиться и приносить пользу. Но дѣло въ томъ, что давленіе въ одной точкѣ даетъ себѣ чувствовать повсюду; насильственная парализація въ однѣхъ сферахъ человѣческой дѣятельности ведетъ къ омертвѣнію и другія. Общество виновато было развѣ только въ томъ, что не созрѣло еще до той степени, при которой прежній порядокъ сдѣлался бы невозможнымъ; но есть ли еще тутъ вина? Можно ли, на примѣръ, винить человѣка за то, что онъ не живетъ скорѣе, чѣмъ можетъ жить и, проживъ двадцать лѣтъ, не сдѣлался сорокалѣтнимъ мужчиной? Такой простой и здравый отвѣтъ былъ невозможенъ для болѣзненно анализирующаго ума, который, доводя человѣка до услажденія безплоднымъ самобичеваніемъ, искалъ причины въ томъ, что было не причиною, а послѣдствіемъ, видѣлъ главный корень зла не тамъ, гдѣ онъ находился, и каралъ человѣка за то, что онъ не былъ такимъ, какимъ не могъ сдѣлаться. Тургеневъ является представителемъ этого болѣзненнаго анализа во всѣхъ тѣхъ произведеніяхъ (за исключеніемъ «Записокъ Охотника»), которыя наиболѣе составили его извѣстность: въ «Рудинѣ», «Дворянскомъ гнѣздѣ» и «Наканувѣ». И, разумѣется, не въ тургеневскихъ повѣстяхъ слѣдуетъ ожидать истиннаго, вѣрнаго отвѣта на тѣ вопросы, которые авторъ пытался разрѣшить въ этихъ своихъ произведеніяхъ. Болѣзненный анализъ столько же вредитъ художественной правдѣ его повѣстей, сколько буржуазно-чиновничья мораль романамъ Гончарова.

Но вы, многоуважаемый О. Θ., держитесь, какъ видно, иного взгляда и считаете возможнымъ глядѣть на дѣло глазами Тургенева.

Изъ всѣхъ общественныхъ язвъ того времени, въ которомъ выросъ Рудинъ (этотъ, если можно такъ высказаться, центральный герой Тургенева), вы обращаете вниманіе только на крѣпостное право. Въ «возможности, доставляемой этимъ правомъ помѣщикамъ пользоваться всѣми благами, не прилагая ни малѣйшей капли труда», вы видите непосредственную причину той «пошлости» нашего помѣщичьяго быта, при которой даже лучшіе птенцы «дворянскаго гнѣзда» не могли быть лучше Рудина и Лаврецкаго. Что же касается, напримѣръ, до цензурныхъ путъ, въ которыхъ томилась тогда русская мысль, то ихъ вы обходите полнымъ молчаніемъ. Изъ вашихъ лекцій читатель, пожалуй выведетъ заключеніе, что эти путы нисколько не участвовали въ выработкѣ тѣхъ людей, которыхъ изображаетъ Тургеневъ, и имѣли своимъ послѣдствіемъ развѣ только то, что Тургеневу пришлось на извѣстное время отказаться отъ затрогиванья живыхъ общественныхъ вопросовъ и ограничиваться невиннымъ описываніемъ любовныхъ исторій.

Не я, конечно, буду защищать покойное крѣпостное право. Но все же должно сказать, что нельзя производить, такъ-сказать, разстрѣливаніе изъ девяти дѣсятаго, привлекая къ отвѣтственности, въ качествѣ главнаго виновника, крѣпостное право за то, въ чемъ отвѣтственность не можетъ падать на него одного. Я не могу согласиться съ вами, будто Гамлетъ щигровскаго уѣзда, былъ прямымъ порождениемъ барской среды, «гдѣ не имѣлось живой насущной потребности дѣла». Какъ будто бы для частной дѣятельности былъ въ то время безграничный просторъ! Какъ будто умъ,

занимающийся болѣзненнымъ разлаганіемъ самого себя, былъ исключительно порожденіемъ отвлеченнаго ученія помимо жизни, возможнаго только въ барской средѣ, а не прямымъ послѣдствіемъ того гнета, который гналъ дѣятельность мысли внутрь человѣческой души! Я не могу согласиться съ вами и тогда, когда вы караете тѣхъ помѣщиковъ, которые проводили время за книгами, предоставивъ деревенскому своему хозяйству идти обычнымъ путемъ, или, занимаясь планами широкихъ государственныхъ преобразованій, оставляли безъ всякихъ улучшеній то, что находилось въ тѣсномъ кругу ближайшей къ нимъ деревенской жизни. Я укажу вамъ Вильяма Питта-младшаго: онъ вель весьма плохо свои домашнія дѣла, — и однако никто не назоветъ его пустымъ человѣкомъ. Но поставьте его на мѣсто Лаврецкаго-отца, — и, въ вашихъ глазахъ, онъ будетъ пустымъ человѣкомъ; между тѣмъ вся его вина заключается только въ томъ, что та дѣятельность, къ которой онъ чувствовалъ призваніе, была бы ему недоступна, а къ той дѣятельности, которая была удѣломъ Лаврецкихъ, онъ не былъ способенъ *). Англичане хорошо понимаютъ это дѣло: они знаютъ, что мѣстный дѣлецъ графства рѣдко бываетъ хорошимъ государственнымъ человѣкомъ. А у насъ, напротивъ того, вамъ нерѣдко приходится слышать мнѣнія въ родѣ того, на примѣръ, что дѣйствительно хорошимъ, авторитетнымъ финансистомъ можетъ быть только тотъ, кто про-

*) Во избѣжаніе недоразумѣній, считаю нужнымъ сказать, что я конечно не признаю въ Лаврецкомъ-отцѣ государственныхъ дарований Вильяма Питта. Я здѣсь говорю только о вашей аргументаціи, изъ которой выходитъ что Лаврецкій—пустой человѣкъ уже по одному тому, что, занятый мыслями о государственныхъ реформахъ, онъ оставлялъ свои помѣстья безъ всякихъ улучшеній.

явиль на практикѣ всевозможныя способности частнаго человѣка, начиная съ домашней разчетливости и кончая умѣньемъ мастерски играть въ ералашь.

Отчего даромъ пропала жизнь такого умнаго и даровитаго человѣка, какъ Рудинъ? Оттого отвѣчаете вы вмѣстѣ съ Тургеневымъ, что Рудинъ «привыкъ видѣть дѣло въ безплодномъ ораторствованіи», что его сгубила фраза, что „его несчастіе состояло въ незнаніи Россіи“, въ неимѣніи подъ ногами почвы, что, будучи человѣкомъ воображенія, онъ не могъ ничему предаться съ полнымъ увлеченіемъ“. Все же это, по вашему мнѣнію, имѣеть своею общею причиною „безпочвенность, космополитизмъ“, порожденные, въ свою очередь, отвлеченностью образованія, возможною только въ барской средѣ, и отчужденіемъ нашего образованнаго класса отъ народа.

Я думаю, что незачѣмъ идти такъ далеко для объясненія того, почему жизнь Рудина представляла *une existence manquée*, какъ говорятъ французы. Что онъ не былъ, по существу своему, человѣкомъ фразы—видно изъ того, что онъ чувствовалъ потребность дѣла, могъ предаваться ему съ тѣмъ же жаромъ, съ какимъ предавался и ораторствованію, и умѣлъ умереть за общее дѣло. Но отъ тѣхъ родовъ дѣятельности, которыя онъ перепробовалъ въ Россіи, къ инымъ онъ былъ неподготовленъ, къ другимъ неспособенъ (нельзя же быть ко всему подготовленнымъ и на все способнымъ!), а въ своей преподавательской карьерѣ, на которой онъ имѣлъ успѣхъ, онъ потерпѣлъ кораблекрушеніе политическаго свойства. Такіе люди, какъ Рудинъ, обыкновенно дѣйствуютъ на литературномъ поприщѣ,—и въ прежнее время они часто попадали у насъ въ категорію неблагонамѣренныхъ. Съ этою стороною жизни Рудина Тургеневъ, вслѣдствіе тогдашнихъ цензурныхъ условій,

естественно не могъ познакомить читателей; самый эпилогъ повѣсти, въ которомъ рассказывается о смерти Рудина на парижскихъ баррикадахъ, могъ явиться уже въ послѣдствіи. Въ слѣдствіе этого, портретъ Рудина вышелъ чеполонъ. По этому, вмѣсто того, чтобы забираться въ гадательную даль безпочвенности и другихъ тому подобныхъ причинъ, мы можемъ дать короткій и менѣе гадательный отвѣтъ: жизнь Рудина пропала для Россіи даромъ потому, что при тогдашнихъ условіяхъ жизни для его дарованій не было соответствующаго поприща.

Изъ того, что у человѣка даромъ пропала его жизнь, заключать о его пустотѣ—нельзя. Мало ли пропадало у насъ даровитыхъ, способныхъ къ дѣятельности людей! Возьмите Чаадаева, который пропалъ для русской науки и литературы: при другихъ условіяхъ, онъ, по словамъ Пушкина, могъ бы быть Брутомъ и Перикломъ, а у насъ онъ кончилъ св о поприще отставнымъ офицеромъ, признаннымъ за сумасшедшаго. Возьмите М. Ѳ. Орлова, который, по словамъ желчнаго Вигеля, былъ бы въ Англіи блестящимъ политическимъ дѣятелемъ, а у насъ остался только „сладкогласнымъ ораторомъ гостиныхъ“. И мало ли должно было задаромъ погибнуть людей столь же даровитыхъ, но менѣе видныхъ, не передавшихъ потомству своихъ именъ! Но посмотрите: едва только двинулась свободнѣе наша жизнь—и что же? Люди, даромъ пропадавшіе въ бездѣльи, выступаютъ на арену общественной дѣятельностью и оказываются достаточно къ ней подготовленными. Люди, упорно устранявшіеся прежде отъ службы и бесплодно тянувшіе свою жизнь въ деревенскомъ *far niente*, усердно предложили себя въ дѣятели по крестьянской реформѣ, по земскимъ учрежденіямъ, по маровому институту. Доживи до нашего времени „сладкогласный ораторъ го-

стиных“ М. Ѳ. Орловъ,—безъ сомнѣнія, онъ былъ бы однимъ изъ лучшихъ членовъ въ учредительномъ комитетѣ по крестьянскимъ дѣламъ, а тургеневскій Ѳеодоръ Лаврецкій съ честью занималъ бы должность мирового судьи или губернскаго гласнаго. Съ освобожденіемъ нашей печати явилось много новыхъ дѣльных писателей, которые прежде не могли писать, потому что упражняться въ невинномъ сочиненіи любовныхъ исторій они не желали и не умѣли, а писать то, что они пишутъ теперь, имъ прежде было нельзя. Не погибъ ли Рудинъ, въ 1848 году, на парижскихъ баррикадахъ—онъ былъ бы теперь прекраснымъ сотрудникомъ въ нашихъ газетахъ для передовыхъ статей. Я могъ бы насчитать много лицъ, которые прежде считались плохими чиновниками, а теперь превратились въ дѣльных адвокатовъ... Словомъ, опытъ послѣднихъ лѣтъ показываетъ намъ ясно, что мы несравненно зрѣлѣе, чѣмъ воображали себя, и что можно быть хорошимъ финансистомъ, не умѣя мастерски играть въ ералашъ. Но тѣмъ большимъ анахронизмомъ кажутся прежнія жалобы на то, что мы страдаемъ беспочвенностью, незваніемъ Россіи, неподготовленностью къ практической жизни, что мы неспособны сдѣлать впередъ ни одного путнаго шага, прежде чѣмъ не пройдемъ длинный покаянный путь возвращенія къ утраченной нами народности и т. п. Тѣмъ большимъ анахронизмомъ кажется теперь теорія индивидуальнаго совершенствованія, которая караетъ человѣка за то, что онъ чувствовалъ призваніе не къ тѣмъ занятіямъ, которыя ему были открыты, а къ такому поприщу, котораго строй жизни ему не представлялъ.

Къ сожалѣнію, теорія нравственнаго совершенствованія и въ наше время еще не потеряла своего господства надъ умами. Она только видоизмѣнилась, переродясь въ теорію совершенствованія земско-общественнаго, и проповѣдуется теперь

уже не симпатичными, благородными мечтателями, какъ это было прежде, а извѣстною частью нашихъ „охранителей“, которые, вмѣстѣ съ „Гражданиномъ“, полагаютъ, что къ реформамъ послѣдняго времени нужно поставить точку купно съ паузой. Эти люди, игнорируя прогрессивный ходъ нашего законодательства, стараются доказать, что послѣдними реформами сдѣлано все, сдѣлано даже болѣе того, что нужно, для того, чтобы жизнь Россіи шла на всѣхъ парахъ по пути процвѣтанія. Законодатель можетъ теперь ужъ успокоиться, отложивъ въ сторону (какъ говорится, подъ сукно) даже тѣ работы, которыя начаты, какъ, напримѣръ, преобразование податной системы и реформу воинской повинности. По ихъ словамъ, если въ Россіи и теперь идетъ не все ладно, то въ этомъ виновато только общество, виноваты земства, а виноваты они тѣмъ, что не состоятъ поголовно изъ людей, совокупляющихъ въ себѣ безкорыстіе Аристиды съ классическими симпатіями „Московскихъ Вѣдомостей“, филантропію Пибоди съ коммерческими способностями гончаровскаго Штольца, жажду нашихъ литераторствующихъ капитанъ-исправниковъ къ административной расправѣ съ глубокомысліемъ князя Мещерскаго, и, наконецъ, полицейскую благонамѣренность станового пристава въ соединеніи съ скромностью приснопамятнаго Акакія Акакіевича, который не только не мечталъ ни о какомъ повышеніи, но даже отказался отъ повышенія, когда оно было ему предложено: „Нѣтъ, ужъ лучше дайте переписать что-нибудь“, сказалъ покойникъ — и былъ возвращенъ начальствомъ къ своему прежнему поприщу.

Уже изъ одного этого видна несостоятельность теоріи земско-общественнаго совершенствованія. Гдѣ, въ цѣломъ мірѣ, найдется общество, которое было бы богато людьми, представляющими въ себѣ совокупность всѣхъ этихъ достоинствъ?

И однако ваши „охранители“ съ такимъ усердіемъ раздвѣаютъ каждый промахъ общества, съ такою горячностью казнятъ земство то за его заносчивость, то за его легко охлаждаемое административными щелчками усердіе къ общественнымъ дѣламъ, съ такимъ гамомъ и шумомъ вопять о злобной распущенности русской мысли, что иному человѣку невольно приходитъ на мысль: „Ужь и впрямь созрѣли ли мы? Ужь и въ самомъ дѣлѣ не слѣдуетъ ли поскрутить все новыя порядки? Ужь и дѣйствительно не слѣдуетъ ли намъ, въ родѣ Акакія Акакіевича, отказаться отъ повышения, — дайте намъ, моль, лучше, попржежнему, переписать что-нибудь“.

Извините эту діатрибу. И мнѣ, и читающей публикѣ слишкомъ хорошо извѣстенъ вашъ честный, просвѣщенный образъ мыслей — и никто не подумаетъ смѣнивать васъ съ кликою тѣхъ „охранителей“, о которыхъ я сейчасъ говорилъ. Я хотѣлъ только указать на ошибочность тургеневской точки зрѣнія, съ которой, вслѣдъ за Тургеневымъ, смотрите на дѣло и вы, и на несостоятельность теоріи лично-нравственнаго совершенствованія, которая прежде была убѣжищемъ для благороднаго сердца, измученнаго мракомъ ночи, конца которой не предвидѣлось, а теперь служить для нашихъ „охранителей“ однимъ изъ средствъ добиться того, чтобы законодательная дѣятельность поскорѣе закончилась точкою съ паузою ферматой. Я хотѣлъ только указать, что вы, справедливо упрекая нѣкоторыхъ нашихъ повѣствователей за то, что они излишне черными красками рисуютъ русскаго простолюдина, впадаете и сами въ подобную же ошибку, изображая нашъ интеллигентный классъ худшимъ, чѣмъ каковъ онъ на самомъ дѣлѣ. Я хочу только указать тѣ основанія, по которымъ я считаю себя въ правѣ не вѣрить, чтобы печальный портретъ нарисованный вами съ тургеневскаго оригинала, былъ похожъ

на насъ. То убивающее сомнѣніе въ себѣ, то мертвящее недовѣріе къ своимъ силамъ было прямымъ кошмаромъ той душевной атмосферы, въ которой заморены были люди тургеневскаго времени. Мы успѣли отдышаться на свѣжемъ воздухѣ, поздоровѣли, ободрились. Въ насъ явилась потребность жить, и мы вѣримъ, что мы способны жить: не боги же, въ самомъ дѣлѣ, горшки обжигаютъ!...

P. S. Впрочемъ, чтобъ я не слишкомъ возносілся, судьба какъ нарочно подвернула мнѣ подъ руку одно произведеніе ученой французской литературы,—толстѣйшее изслѣдованіе доктора медицины *Деспина*—«Psychologie naturelle. Etude sur les facultés intellectuelles et morales» etc. Не знаю, знакома ли вамъ эта книга? Если не знакома,—то я рекомендую ее вашему вниманію. Въ ней есть прелюбопытныя страницы. Въ ней авторъ изслѣдуетъ психологію народовъ, и вотъ что онъ говоритъ о русскихъ (peuple moscovite), руководствуясь характеристикой г. Мартена (т. I, стр. 83 и д.):

„Россія населена, въ весьма слабомъ числѣ, славянами; огромное большинство ея населенія образуютъ низшія азіатскія расы, и вслѣдствіе этого московскій народъ не имѣетъ ничего общаго съ европейскими славянами. Характеръ москвитовъ состоитъ въ отсутствіи чувства личности, въ неспособности къ изобрѣтеніямъ и открытіямъ, въ неумѣніи къ самостоятельному совершенствованію, въ непонятливости и переимчивости, въ фанатическомъ обожаніи силы, въ слабости нравственнаго чувства. Славянинъ, какъ и всякій европеецъ, привязанъ къ землѣ, дорожатъ собственностью и семействомъ; москвитъ же, по природѣ своей, номадъ и коммунистъ. Цѣлью западной цивилизаціи является свободная ассоціація независимыхъ и союзныхъ государствъ, европейская

федерация; напротивъ, Россіи стремится къ поглощенію народностей и созданію европейско-азиатской монархіи“.

И т. д., и т. д. Впрочемъ, не могу воздержаться, чтобы не выписать, цѣликомъ, еще одно курьезное мѣсто:

„Непомѣрная, непонятная для европейцевъ популярность, какую пользовался среди москвитовъ Иванъ Грозный, этотъ русскій Неровъ, г. Кавелинъ, членъ петербургской академіи наукъ (?), приписываетъ тому, что Иванъ съ неумолимою рьяностью ставилъ преграды элементамъ европейскому, русскому, ливонскому и новгородскому, несогласнымъ съ духомъ азиатской расы».

И г. Деспинъ, разумѣется, съ небывалымъ членомъ петербургской академіи совершенно согла-сенъ.

Итакъ, мы съ вами не только не славяне, но даже и не русскіе, а просто кровожадные азіаты, да и то еще низшаго разбора. Мы впрочемъ можемъ утѣшиться тѣмъ, что г. Деспинъ и лифляндцовъ не считаетъ европейцами:—вѣдь „на людяхъ (какъ говорится) и смерть красна“.

Февраль.

1872.

О ФАНТАСТИЧЕСКОМЪ ВЪ ПОЭЗИИ.

Островскаго „Сяѣгурочка“, сказка въ 4-хъ дѣйствіяхъ, съ прологомъ („Вѣстникъ Европы“ 1873, № 9).

Новое произведеніе Островскаго—«Сяѣгурочка», весенняя сказка, въ четырехъ дѣйствіяхъ, съ прологомъ, шла на сценѣ московскаго театра и потерпѣла самое торжественное фіаско, не смотря на хорошее исполненіе, на роскошь постановки и на музыку, написанную къ ней однимъ изъ лучшихъ нашихъ композиторовъ, профессоромъ московской консерваторіи, г. Чайковскимъ.

Уже тогда, узнавъ о полномъ неуспѣхѣ „Сяѣгурочки“ на московскомъ театрѣ, мы подумали, что приговоръ публики слишкомъ строгъ: мы знаемъ, что Островскій не можетъ написать вещи положительно плохой. Но уже и по тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя мы имѣли о ней, мы предвидѣли неудачу ея автора; ближайшее знакомство съ нею только убѣдило насъ еще болѣе, что сценическій успѣхъ не можетъ быть ея удѣломъ, не смотря на многія ея достоинства.

Сюжетомъ для Островскаго послужило поэтичное сказаніе о Сяѣгурочкѣ, дочери дѣда-Мороза и Весны-красной. Въ сказочной странѣ берендеевъ, въ теченіи шестнадцати лѣтъ,

лѣто

Короткое, годъ отъ году, короче

Становится, а весны холоднѣй,

Туманныя, сырыя, точно осень,
Печальныя до половины лѣта.
Снѣга лежать въ оврагахъ и лощинахъ,
Изъ нихъ ползутъ туманы по утрамъ,
А къ вечеру выходятъ злыя сестры,
Трясучія и блѣльныя кумохи,
И шляются по деревнямъ, ломая,
Знобя людей.

Причину такого печальнаго явленія объясняетъ сама
Весна-красна слѣдующимъ образомъ:

Пятнадцать лѣтъ тому, какъ я для шутки
И тѣша свой непостоянный нравъ,
Измѣнчивый и прихотливый, стала
Заигрывать съ Морозомъ, старымъ дѣдомъ,
Проказникомъ съдымъ; и съ той поры
Въ неволѣ я у стараго. Мужчина
Всегда таковъ: немножко воли дай,
А онъ и всю возьметъ,—ужь такъ ведется
Отъ древности. Оставитъ бы сѣдаго,
Да вотъ бѣда,—у насъ со старымъ дочка
Снѣгурочка. Въ глухихъ лѣсныхъ трущобахъ,
Въ нетающихъ лединахъ возвращаетъ
Старикъ свое дига. Любя Снѣгурку,
Жалѣючи ее въ несчастной долѣ,
Со старымъ я поспорить боюсь.
А онъ и радъ тому—знобить, морозить
Меня Весну и берендеевъ.

Наконецъ, на шестнадцатый годъ, опять прилетѣла Весна,
а дѣдъ-Морозъ собирается наконецъ покинуть страну Берен-
деевъ. «Но какъ же Снѣгурочку оставишь?» спрашиваетъ
Весна. Она жалѣетъ Снѣгурку, что Морозъ держитъ бѣдняж-
ку въ лѣсной трущобѣ, гдѣ сторожатъ ее лѣшіе. Она про-
ситъ, чтобы Морозъ отдалъ Снѣгурочку ей. Но Морозъ не

хочетъ повѣрить свою дочь такой вертушкѣ, какъ Весна, и при этомъ объясняетъ, что его вѣчный врагъ, солнце-Ярило

Сбирается сгубить Снѣгурку, только
И ждетъ того, чтобъ заронить ей въ сердце
Лучемъ своимъ огонь любви,—тогда!
Спасенья нѣтъ Снѣгурочкѣ. Ярило
Сожжетъ ее, испелить, растопить,
Не знаю какъ, но умертвить. Доколѣ-жъ
Младенчески чиста ея душа,
Не властенъ онъ вредить Снѣгуркѣ.

Наконецъ, Морозъ съ Весною примиряются на томъ, чтобы дать Снѣгуркѣ волю, водворивъ между людьми, но не иначе какъ

Отдавъ ее въ слободку бобылю
Бездѣтному на мѣсто дочки.

Черезъ это, какъ надѣется Морозъ, Снѣгурка будетъ безопасна отъ Ярилы, потому что соблазнъ любви будетъ отъ нея далеко:

будетъ
Заботы ей по горло, да и парнямъ
Корысти нѣтъ на бобылеву дочку
Закидывать глаза.

И вотъ, красавица Снѣгурка поселяется въ странѣ Берендеевъ, у бобыля. Своею красотой она отбила всѣхъ парней отъ дѣвицъ,—но сама она никого не любитъ, даже не понимаетъ чувства любви и только

ей забавно, что ребята
На перебой за ней до драки рвутся.

Но мало по малу сила молодости, жизни и весны беретъ свое. Она начинаетъ чувствовать тоску одиночества, послѣ того какъ парни отшатнулись отъ нея, встрѣчая ея ледяное

равнодушiе къ себѣ. Она начинаетъ чувствовать потребность въ радостяхъ любви, которыхъ она доселѣ не ощущала и которыя только видитъ со стороны. Она вызываетъ къ себѣ свою мать—Весну и проситъ у нея „любви“:

Кругомъ меня всѣ любятъ, всѣ счастливы
И радостны, а я одна тоскую;
Завидно мнѣ чужое счастье, мама!
Хочу любить; но словъ любви не знаю
И чувства нѣтъ въ груди; начну ласкаться,
Услышу брань, насмѣшки и укоры
За дѣтскую застѣнчивость, за сердце
Холодное. Мучительную ревность
Узнала я, любви еще не зная...
И страшно мнѣ, краса моя увянеть
Безъ радости.

Мать-Весна напоминаетъ ей, что любовь погубить ее; но—

Мама,

Пусть гибну я, любви одно мгновенье
Дороже мнѣ годовъ тоски и слезъ,

отвѣчаетъ Снѣгурка. Весна соглашается на ея просьбу и даетъ ей любовь, надѣвая ей на голову свой цвѣтной вѣнокъ:

Зорь весеннихъ цвѣтъ душистый
Бѣлизну твоихъ ланить.
Бѣлый ландышъ, ландышъ чистый,
Томной нѣгой озарить.
Барской сѣси бархатъ алый
Опушить твои уста,
Дастъ улыбку цвѣтикъ малый,
Незабудка красота.
Роза розой заалѣетъ
На груди и на плечахъ,
Василечекъ заалѣетъ
И просвѣтится въ очахъ.

Кашки медь изъ усть польется
Чарованіемъ ума,
Незамѣтно проберется
Въ душу липкая Дрема.
Макъ сердечко отуманитъ,
Макъ рассудокъ усыпитъ.
Хмѣль ланиты нарумянитъ
И головку закружитъ.

Конецъ отгадать нетрудно. Весь міръ представляется Снѣгуркѣ лучшимъ, чѣмъ онъ казался ей до тѣхъ поръ, и тотъ же самый Мизгирь, котораго бурная любовь еще накапунѣ только пугала Снѣгурку, теперь становится избранникомъ ея сердца. Но вмѣстѣ съ тѣмъ исполнилось то, чего страшился Морозъ: Снѣгурка умираетъ, растаявъ „какъ весенній снѣгъ“ и благодаря мать-Весну за чары любви; а влюбленный въ нее Мизгирь, покинувшій изъ-за нея свою невѣсту Купаву, утопился съ горя.

Снѣгурочки печальная кончина

(говоритъ царь Берендей)

И страшная погибель Мизгиря
Тревожить насъ не могутъ; Солнце знаетъ,
Кого карать и миловать. Свершился
Правдивый судъ! Мороза порожденье,
Холодная Снѣгурочка погибла.
Пятнадцать лѣтъ она жила межъ нами,
Пятнадцать лѣтъ на насъ сердилось Солнце;
Теперь, съ ея чудесною кончиной,
Вмѣшательство Мороза прекратилось.
Изгонимъ же послѣдній стужи слѣдъ
Изъ нашихъ душъ и обратимся къ Солнцу.
И, вѣрю я, оно привѣтно взглянетъ
На преданность покорныхъ берендеевъ.

Со смертью Снѣгурочки, дѣйствительно, кончилась та при

чина, по которой Восна боялась разсориться съ Морозомъ— и для страны берендеевъ кончилось господство холода и снѣговъ. На призывный хоръ берендеевъ является передъ ними Ярило,—и сказка кончается.

Таковъ сюжетъ новой піесы Островскаго. Какъ ни поэтично сказаніе о Снѣгуркѣ, мы нисколько не возставая противъ фантастическаго въ искусствѣ—позволяемъ себѣ однако думать, что эта сказка не можетъ служить содержаніемъ для драматическаго произведенія. И въ этомъ, по нашему мнѣнію, коренная ошибка Островскаго.

Что такое сказаніе о Снѣгуркѣ? Это ничто иное, какъ пѣснь весны, пѣснь любви. Чарующую силу весны можно дать почувствовать звуками: вспомните одну изъ очаровательныхъ *Frühlingslieder* Мендельсона, дышащую какой-то свѣтлой радостью, или Шумановскую „*Wagen*“, въ которой такъ вѣрно отразилось душевное состояніе человѣка, когда его душею овладѣваетъ какая-то сладкая дрема, безотчетное порываніе куда-то вдаль, неопредѣленные желанія, странное сочетаніе свѣтлой печали и томящей радости, а въ головѣ возникаютъ неуловимыя думы и вопросы безъ отвѣта. Чарующая сила весны и первыя ощущенія зарождающейся любви могутъ быть предметомъ для произведеній лирической или эпической поэзіи (вспомните нѣкоторыя стихотворенія Кольцова, гр. Толстаго, Тютчева, Фета). Но драматическій поэтъ не имѣетъ тѣхъ средствъ, которыми бы онъ могъ вамъ дать почувствовать весну съ ея чарующею силою. Справедливость этой мысли представляется съ особой наглядностью, если мы вспомнимъ ту истину, что драматическое произведеніе пишется для сцены и что то произведеніе, которое нравится больше въ чтеніи, чѣмъ на сценѣ, уже уклоняется отъ

своего прямого назначенія. Драматическое произведеніе эпическаго характера, предназначаемое не для сцены, теряет (въ силу своей формы) многія изъ тѣхъ средствъ, которыми располагаетъ лирика или эпосъ (напр. описанія отъ лица поэта), и въ то же время отказывается отъ тѣхъ средствъ, которыя оно могло бы получить отъ сцены. Употребляя грубое сравненіе, мы, не обинуясь, скажемъ, что такое произведеніе является чѣмъ-то въ родѣ крыловской Матрены, которая отъ воронъ отстала, а къ павамъ не пристала.

Въ сказаніи о Снѣгуркѣ развиваются, за разъ и одновременно, два дѣйствія, неразрывно связанные между собою и взаимно обуславливающія другъ друга. Одно: это—возрожденіе природы отъ зимнихъ вьюговъ и холодовъ и наступленіе весны, со всѣмъ тѣмъ,

Что душу илѣняетъ, что сердце манитъ;

другое: это—зарожденіе первой любви въ ледяномъ, дотолѣ дѣтскомъ сердцѣ Снѣгурки, подъ вліяніемъ могучихъ чаръ молодости и весны. Другими словами, исторія Снѣгурки должна имѣть непременно своимъ фономъ весну, присутствіе которой и должно постоянно чувствоваться зрителемъ, или читателемъ этой сказки. Но спрашивается: какими средствами располагаетъ драматическій поэтъ, чтобы изобразить вамъ наступленіе весны? Займется ли онъ одною Снѣгуркою, а весну предоставитъ вѣдѣнію декораторовъ и машинистовъ? Но—увы!—декоративное искусство не дошло и никогда не дойдетъ до того, чтобы могло тутъ съ успѣхомъ дѣйствовать. Никакая декорация не передастъ вамъ напр. того ощущенія противоположности, которое придаетъ такую прелесть первому зарожденію весны среди природы, освобождающей отъ зимнихъ оковъ. Никакой электрической свѣтъ не передастъ весенняго солнца, которое манитъ васъ „пойѣжится

въ теплѣ своихъ лучей“. Никакой живописецъ не передастъ вамъ той прелести весенняго воздуха, отъ котораго

тѣло лѣнь объемлетъ,

А голова и кружится и дремлетъ.

Вмѣсто изображенія весны съ помощью декораторовъ и машинистовъ, драматургу приходится описывать весну въ рѣчахъ дѣйствующихъ лицъ. Но драма требуетъ дѣйствія, а не описаній, которыя могутъ быть здѣсь допускаемы съ крайней скупостью, ибо онѣ только замедляютъ ходъ дѣйствія и, во время представленія, обыкновенно, пропадаютъ для публики. Возьмите „Короля Лира“. Правда, что двѣ-три фразы о голосѣ Корделии необходимы: они дорисовываютъ ея личность—и не будь ихъ, этотъ поэтический образъ лишился бы того послѣдняго штриха, которымъ гениальный художникъ такъ мастерски закончилъ портретъ Корделии. Но возьмите эпизодическое описаніе пропасти, которое Шекспиръ вложилъ въ уста Эдгара: если бы Эдгаръ, вмѣсто этого великолѣпнаго описанія, ограничился двумя словами—„страшная бездна“!—то, конечно поэзія лишилась бы одного изъ лучшихъ своихъ перловъ (хотя строгій и парадоксальный Джонсонъ и не находилъ его такимъ), но собственно трагедія не потеряла бы отъ этого ни на-волосъ. Въ сказкѣ же Островскаго мы даже и перловъ этого рода не находимъ. Островскій владѣетъ стихомъ далеко не какъ первоклассный мастеръ. Въ описаніяхъ его, конечно, найдется не мало хорошихъ стиховъ, есть много правды, но мало поэзіи; его кисть суха, груба, его колоритъ жестокъ; у него нѣтъ тѣхъ нѣжныхъ красокъ, тѣхъ воздушныхъ полутоновъ, которыя такъ необходимы для того, чтобы заставить васъ почувствовать весну. Его описанія напоминаютъ вамъ отличающіеся сухостью пейзажи г. Шишкина. Чтобы, кромѣ описаній, изобразить

весну въ самомъ дѣйствиі пьесы, Островскій прибѣгаетъ вотъ къ чему: наступленіе весенняго времени (съ чего начинается сказка) у него изображается тѣмъ, что на сцену, на канатахъ, спускается Весна-красна, окруженная птицами, которыя сперва дрожатъ отъ холода, а потомъ принимаются за инструменты, поютъ и пляшутъ; дѣйствительное же наступленіе весны (чѣмъ и оканчивается сказка) изображается безмолвнымъ статистомъ, произведеннымъ въ чинъ Ярилы, который „показывается на вершинѣ горы, въ видѣ молодаго парня, въ бѣлой одеждѣ, въ правой рукѣ его—свѣтящаяся голова человѣчья, въ лѣвой—ржаной снопъ“. Чарующее дѣйствіе Весны на человѣческое сердце олицетворяется въ Лелѣ, этомъ Донъ-Жуанѣ берендеевскихъ дѣвушекъ, который проявляетъ чисто-животное влеченіе къ любой дѣвушкѣ, лишь бы только она, по первому же абцугу, готова была съ нимъ цѣловаться и миловаться...

Какія холодныя, разбивающія всякую иллюзію, антипоэтическія олицетворенія!

Сочиняя драматическое произведеніе, необходимо принимать во вниманіе средства сцены и, сообразно съ этимъ, избирать какъ сюжетъ пьесы, такъ и дѣйствующихъ ея лицъ,—иначе сценическое исполненіе будетъ только убивать иллюзію и охлаждать зрителя. Въ этомъ отношеніи мы не боимся подвергнуться упрекамъ въ парадоксальности, или въ невѣжественномъ неуваженіи къ Шекспиру, сказавъ, что его „Бурю“, его «Сонъ въ лѣтнюю ночь» мы находимъ гениальными ошибками. Въ самомъ дѣлѣ, какія средства имѣетъ сцена, чтобы на подмосткахъ ея явился тотъ настоящій духъ Аріэль, нѣжный образъ котораго неуловимо, но ясно носится въ нашемъ

воображеніи при чтеніи „Бури“? Нужно имѣть слишкомъ юную душу, или слишкомъ нетронутую натуру, чтобы вашу иллюзію не разбивала, въ роли этого шаловливаго духа, актриса, долженствующая изображать изъ себя какое-то странное существо средняго рода, въ трико на ногахъ и въ фантастическомъ костюмѣ егаревской миссъ-Аллистонъ. Нужно имѣть всю недоступную для взрослога человѣка силу дѣтскаго воображенія, чтобы воспитанницы театральнаго училища въ бѣлыхъ газовыхъ платьицахъ воспроизводили предъ вами живьемъ тѣхъ миниатюрныхъ фей «Сна въ лѣтнюю ночь», которыя граціозно кружатся въ воздухѣ и укладываются въ чашечкахъ цвѣтовъ. Весь тотъ фантастическій міръ, который, при чтеніи этой сказки, могущественно покрываетъ ваше воображеніе, — исчезаетъ при ея сценическомъ исполненіи: вы видите простое волшебное представленіе съ хорами и превращеніями, при чемъ ускользаетъ отъ вашего вниманія половина тѣхъ геніальныхъ красотъ, которыя васъ очаровываютъ при чтеніи пьесы и которыми, какъ первый снѣгъ на солнцѣ, блеститъ это оригинальнѣйшее и граціознѣйшее произведеніе всемірной поэзіи.

Есть поэтическія созданія такого рода, которыхъ полное господство надъ вашимъ воображеніемъ возможно только при томъ условіи, чтобы эти образы не получали въ вашихъ глазахъ реального бытія, чтобы вы ихъ, такъ сказать, ощущали, но не могли осязать, чтобы они незримою тѣнью пролетали передъ вами. Чтобы пояснить нашу мысль наиболѣе извѣстными примѣрами, укажемъ на лермонтовскаго «Демона»: припомните, какими неопредѣленными, туманными чертами нарисовалъ поэтъ своего Демона. Точно также, въ поэмѣ «Морозъ-красный носъ», Некрасовъ рассказываетъ намъ, какъ обхаживаетъ воевода-Морозъ свои владѣнія

И самъ про себя удалю,
Хвастливую пѣсню поеть;—

но поэтъ не придаетъ ему реальнаго бытія, не олицетворяетъ его, такъ что мы не знаемъ ни его лѣтъ, ни костюма, ни наружности,—и въ этомъ глубокой и вѣрный художественный расчетъ! Таковъ шекспировскій духъ—Аріэль («Буря»). Все свое обаяніе онъ производитъ на насъ до тѣхъ только поръ, пока мы чувствуемъ предъ собою какое-то невидимое существо, не имѣющее ни реальнаго бытія, ни опредѣленнаго образа, но производящее на насъ ощущеніе чего то молодого, свѣжаго, веселаго, добраго, шаловливаго. Покажите намъ этого духа, облеките его тѣломъ, дайте ему опредѣленный видъ—и, вмѣсто духа Аріэля, вы получите просто привлекательнаго *enfant terrible*.

Главная героиня сказки Островскаго — Снѣгурка, съ ея родителями, Весной-красной и дѣдомъ-Морозомъ, принадлежать къ числу тѣхъ созданій фантазіи, которыя могутъ сполна очаровывать воображеніе именно воздушною неуловимостью своего поэтическаго образа. Красота Снѣгурки, которая сводитъ съ ума всѣхъ берендеевъ, производитъ тѣмъ сильнѣйшее обаяніе, что къ ея земной красотѣ присоединяется очаровывающее нѣчто, и это «нѣчто» есть печать ея сверхъестественнаго рожденія отъ Весны и Мороза, которая и возвышаетъ ее надъ всѣми дѣвушками берендеевской земли. Въ чемъ, именно, выражается эта печать?—мы только смутно чувствуемъ, но точно вообразить себѣ Снѣгурки не можемъ. Въ этой прельщающей невообразимости Снѣгурки и заключается одна изъ существенныхъ ея чертъ: отнимите у нея эту черту,—и вы вмѣсто Снѣгурки получите просто дѣвушку берендеевской земли. Если же это такъ,—то очевидно, что Снѣгурка можетъ быть героинею баллады, поэмы,—но отнюдь

не драматическаго произведенія, имѣющаго быть исполняемымъ на сценѣ. Тѣнь Гамлетова отца можетъ съ полнымъ успѣхомъ появляться на театральныхъ подмосткахъ; Мефистофель, разгуливающий по землѣ въ человѣческомъ видѣ, можетъ быть вполне успѣшно изображенъ актеромъ, потому что актеръ въ состояніи придать этому воплотившемуся дьяволу демоническія черты. Но всякое сценическое исполненіе роли Снѣгурки только убиваетъ иллюзію: никакая, самая геніальная актриса не можетъ быть настоящею Снѣгуркой, ибо она въ этой роли должна быть тѣмъ, чѣмъ не можетъ быть актеръ, рожденный не отъ фантастическихъ существъ, а отъ простыхъ смертныхъ. Изображеніе Снѣгурки доступно только поэзіи лирической или эпической, потому что одна только эта поэзія можетъ рисовать фигуры невидимыя, прельщающія или ужасающія васъ именно своею неуловимостью, невообразимостью. Подобныя вещи столько же недоступны для актера какъ и для ваятеля, для музыканта и для живописца. Ничья кисть не можетъ написать тѣхъ глазъ, о которыхъ рассказываетъ Гоголь въ „Портретѣ“, и ни одинъ настоящій портретъ не въ состояніи производить такого впечатлѣнія, какое производитъ на читателя гоголевской повѣсти этотъ ненаписанный портретъ съ его недоступными для живописи глазами: если бы живописецъ избралъ сюжетомъ своей картины сцену изъ „Портрета“, при чемъ изобразилъ бы этотъ демоническій портретъ обращеннымъ лицевою его стороною къ зрителю, — такой выборъ и обработка сюжета были бы коренною ошибкою со стороны живописца, задавашагося неисполнимою задачей. Если-бы композиторъ избралъ сюжетомъ для оперы легенду о той райской птичкѣ, волшебнаго пѣнія которой человѣкъ заслушивается невольно, забывая весь міръ, и если-бы образчикъ этой пѣсни онъ задумалъ пре-

поднести своимъ слушателямъ,—это была бы коренная ошибка съ его стороны, ибо такой музыки человѣкъ написать не можетъ, и опера только убивала бы ту иллюзію, которую производитъ легенда. Точно также мы считаемъ коренною ошибкою, когда авторъ выводитъ на подмостки театра Аріэля, Титанію, Пука, Снѣгурку, Весну-красну, Мороза-дѣда и т. д. Самая смерть Снѣгурки выходитъ изъ области живописи, ваянія и сценическаго изображенія. Тающая Снѣгурочка, подъ кистью живописца или подъ рѣзцомъ художника, неминуемо изобразить изъ себя фигуру отвратительную или смѣшную,—но отнюдь не поэтическую. Островскій какъ будто не хочетъ этого знать.—и у него Снѣгурочка должна растаять на глазахъ зрителей. Какимъ образомъ можетъ быть изображено это таяніе на сценѣ? „Если (замѣчаетъ зло, но справедливо одинъ критикъ) это таяніе на московской сценѣ произошло такъ, что актриса провалилась въ трапъ, а на мѣстѣ, гдѣ она стояла, сдѣлалось мокро,—то, признаюсь, ни одна драма не оканчивалась столь эффектно и столь оригинально“. Дѣйствительно, тающая Снѣгурка, на сценѣ, становится чѣмъ-то въ родѣ масляницы-мокрохвостки, которую воспѣваютъ берендеи.

Не говоря о прологѣ, сказка начинается съ того момента, когда Снѣгурочка живетъ у бобыля, еще не понимая чувства любви, но уже успѣвъ отбавить отъ себя своею холодностью всѣхъ тѣхъ берендеевъ, которыхъ она, на первыхъ порахъ, свела-было съ ума. За тѣмъ, мало по малу, сперва зарождается въ ней тоска по своему одиночеству и зависть къ чужимъ радостямъ любви, потомъ ей становится знакомо чувство женскаго тщеславія, потомъ наконецъ въ сердцѣ ея загорается любовь, которая и убиваетъ ее.

Эта душевная исторія Снѣгурочки составляетъ собою

основную канву сказки Островскаго. Мы находимъ, что такой сюжетъ даетъ богатую канву для лирической, или эпической поэзіи, но не годится для драматическаго произведенія. Всего менѣе такой сюжетъ можетъ дать достаточно матеріала на четыре акта съ прологомъ. И вотъ отчего новое произведеніе Островскаго страдаетъ растянутостью, медленностью дѣйствія. Драма требуетъ дѣйствія, движенія внѣшнихъ событій, обусловливаемыхъ идеей пьесы. Между тѣмъ, исторія Снѣгурочки есть исторія внутренняго міра души, богатаго ощущеніями, мыслями, чувствами, но эта жизнь молодаго сердца слишкомъ мало выражается во внѣ и, въ свою очередь, почти не зависитъ отъ хода внѣшнихъ событій. Вслѣдствіе этого, естественно, должно было произойти, что къ сказкѣ Островскаго можно примѣнить, перефразировавъ, знаменитую характеристику вѣнскаго конгресса 1815 года: сказка танцуетъ и поетъ, но не движется. Дѣйствительно, въ ней много дѣйствующихъ лицъ, много суетни, много эпизодическихъ сценъ, превращеній, хоровъ, — но все это не можетъ замѣнить собою того движенія въ развитіи главной темы, которое нужно для драматическаго произведенія. Много мѣста отведено описаніямъ придворныхъ обычаевъ во дворцѣ царя Берендея; большую половину втораго акта занимаеихъ берендеевскій *cause célèbre* — процессъ Купавы, со всѣми формальностями, какъ Купава приноситъ царю челобитную на покинувшаго ее Мизгиря, какъ царь творитъ разбирательство и произноситъ приговоръ, — при чемъ болѣе пятидесяти стиховъ сплошь отведено для прибаутокъ бирючей, сзывающихъ народъ въ государевъ дворъ, на судъ. При чтеніи этого акта, намъ какъ-то невольно вспомнилась очень плохая, теперь совсѣмъ забытая, но нѣкогда имѣвшая громаднй успѣхъ, пьеса „Русская свадьба въ концѣ XVII вѣка“. Весь интересъ этой пьесы

заклучался въ томъ, что она изображала, въ лицахъ и при помощи роскошной постановки, древне-русскіе свадебные обычаи; все остальное было подогнано для того только, чтобы вывести эти свадебные порядки на сцену. Подобная археологія въ драматической формѣ очевидно не имѣетъ ничего общаго съ искусствомъ,—но успѣхъ ея понятенъ: она, довольно легкимъ и сравнительно пріятнымъ путемъ, знакомитъ зрителя съ родной стариной и замѣняетъ ему собою чтеніе Снѣгирева, Терещенки, Сахарова и другихъ изслѣдователей. Но спрашивается, какой интересъ для кого бы то ни было можетъ имѣть ознакомленіе съ подробностями небывалыхъ юридическихъ порядковъ несуществовавшей берендеевской земли? Они не представляютъ ни того историческаго интереса, какъ „Русская Свадьба“, не заключаютъ въ себѣ и того сатирическаго значенія, который придаетъ глубокой смыслъ рассказамъ Гулливера о тѣхъ фантастическихъ странахъ, въ которыхъ ему пришлось побывать. Что же остается? Предположимъ даже, что весь этотъ эпизодъ сказки Островскаго преисполненъ поэтическихъ красотъ, пахнетъ русскимъ духомъ и брызжетъ искрами русской веселости: даже и въ этомъ случаѣ эпизодъ является все-таки слишкомъ обширнымъ по объему, слишкомъ замедляющимъ ходъ пьесы. Но прибавимъ къ этому, что во всемъ второмъ актѣ его эпизодичность не искупается ничѣмъ: прибаутки бирючей многословны, но не веселы, и русскаго духа, кромѣ русскихъ словъ, простонародныхъ выраженій, да нѣкоторыхъ стиховъ, поддѣлывающихся подъ складъ произведеній народной поэзіи, — нѣтъ. Весь этотъ уголовный процессъ, оканчивающійся грозною карою преступника, оскорбившаго права „горячности довѣрчивой любви“, — умѣстенъ развѣ въ какой-нибудь Аркадіи, но отнюдь не у русскихъ берендеевъ. Самъ премудрый, среброкудрый царь Берендей,

съ своими рѣчами, выкроенными по шекспировской колодкѣ, съ своими сокрушеніями о томъ, что подданные мало предаются нѣжнымъ волненіямъ любви, съ его куртизанствомъ передъ Еленой Прекрасной, съ его снисхожденіемъ къ амурнымъ увлеченіямъ, — всего менѣе способенъ напомнить вамъ героевъ русскаго сказочнаго міра. Не такими представляеть наша народная фантазія премудрыхъ царей и не такими важными дѣлами любовной политики занимаются премудрые цари нашей народной поэзіи. Вообще міросозерцаніе, которое лежитъ въ основѣ сказки, совершенно чуждо міросозерцанію народной нашей поэзіи. Вся сказка Островскаго—это не произведеніе народное, а чужеземный и современный продуктъ, переряженный въ древне-русское платье; это платье къ нему совсѣмъ не пристало и, нисколько не скрывая его иностраннаго и недавняго происхожденія, только производитъ странное и непріятное впечатлѣніе своей противоположностью со всѣмъ складомъ и духомъ сказки. Въ сказкѣ есть веселость, — но и эта веселость какая-то не русская. Русской веселости присуща насмѣшливость. Въ сказкѣ Островскаго, при ея сюжетахъ и дѣйствующихъ лицахъ, открывается русскому уму широкой просторъ для насмѣшливости. Не приправленная этою насмѣшливостью, веселость сказки Островскаго не веселить, а надоѣдаетъ, отзываясь чѣмъ-то прѣснымъ, приторнымъ. Сладкая исторія Снѣгурки подъ слащавымъ соусомъ прѣсной веселости, растянутая на пять большихъ актовъ, естественно становится подъ конецъ Демьяновой ухой. Таково впечатлѣніе, которое, сколько мы знаемъ по отзывамъ, производила она на публику московскаго театра. Такъ оно и должно было случиться.

„Снѣгурочка“ написана подъ вліяніемъ сказокъ Шекспира

и особенно его „Сна въ лѣтнюю ночь“. Это вліяніе отражается во всемъ — и въ выборѣ сюжета, и въ сановитомъ тонѣ монологовъ съ цвѣтистостью ихъ языка, и въ финалѣ пьесы: заключительная рѣчь царя Берендея напоминаетъ манеру Шекспира, который, въ своихъ драмахъ (напр. „Гамлетъ“, „Макбетъ“, „Лиръ“), чтобы ослабить общее тяжелое впечатлѣніе печальной развязки, не рѣдко прибѣгалъ къ тому, что въ концѣ пьесы представлялъ картину лучшей будущности, устраняющей возможность такой катастрофы, какую только что видѣли зрители. Греческая Елена Прекрасная попала на жительство къ берендеямъ тоже, какъ мы думаемъ, вслѣдствіе того, что Островскій желалъ слѣдовать „царю поэтовъ“ во всемъ, даже капризамъ его генія. Вообще, вся сказка Островскаго есть копія, иногда рабская копія съ Шекспира, — но копія, писанная ученическою рукою съ картины великаго мастера.

Попытка Островскаго — создать изъ матеріаловъ первичной поэзіи художественное произведеніе современной драматургіи — не удалась. Во всякомъ случаѣ, попытка эта заслуживаетъ сочувствія, а сама сказка, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, на столько выдвигается изъ массы плохихъ и посредственныхъ произведеній нашей словесности, такъ высоко возвышается надъ ними, — что представляетъ собою замѣчательное явленіе, о которомъ критика не въ правѣ ни умолчать, ни ограничиться голословнымъ отзывомъ, ни (всего менѣе) ставить его на одну доску съ бездарными произведеніями нашихъ безталантныхъ жрецовъ „чистаго искусства“.

НѢСКОЛЬКО НЕДОМОЛВОКЪ.

Музыкальные письма Н. О. Соловьеву.

Письмо первое.

По поводу „Бориса Годунова“, давнишній споръ между „кружкомъ новой музыки“ и его антагонистами возгорѣлся съ новой силой и возбуждаетъ къ себѣ такое страстное вниманіе всѣхъ любителей музыки (а этими любителями кишитъ Петербургъ), что даже и меня подмываетъ взяться за перо и поговорить съ вами на этотъ сюжетъ.

Какъ вы знаете, я внимательно слѣжу за всѣмъ, что у насъ дѣлается и пишется по части музыки. Тѣмъ не менѣе, я все таки не записной музыкантъ: я просто диллетантъ, я не больше какъ одинъ изъ публики. Но, именно, въ этомъ своемъ званіи одного изъ публики, я и почитаю себя въ правѣ высказать нѣсколько мыслей по поводу того, что у насъ дѣлается и пишется по части „новой музыки“. Можетъ быть, мое письмо будетъ не безынтересно и для васъ самихъ. Вы, какъ и всѣ наши музыкальные дѣятели, вращаетесь въ кругу „посвященныхъ“. Вы смотрите съ своихъ верховъ на дѣло совсѣмъ иначе, нежели оно представляется намъ, непосвященнымъ, смотрящимъ на него снизу. Музыкантамъ ех professo могутъ быть симпатичны такія задачи, которыя публикѣ антипатичны; для нихъ можетъ казаться стоящимъ вѣ

всякаго сомнѣнія и необходимымъ то, что для публики кажется сомнительнымъ или ненужнымъ; для нихъ, наконецъ, кажется излишнимъ распространяться объ иныхъ предметахъ, какъ о вещахъ слишкомъ общезвѣстныхъ,—тогда какъ эти предметы для непосвященныхъ вовсе не общезвѣстны, а напротивъ, нуждаются въ большихъ разъясненіяхъ. Вообще, специалистъ, говоря съ неспециалистомъ, всегда долженъ опредѣлить, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло, чтобы знать, какъ ему вести свою бесѣду. Вы пишете для публики,—поэтому, смѣю думать, письмо мое не лишено будетъ для васъ нѣкотораго интереса, какъ одинъ изъ матеріаловъ для опредѣленія того, какъ смотритъ публика на то, что дѣлается и пишется музыкантами *ex professo*.

Мнѣ дѣло представляется въ такомъ видѣ. Всѣ вы, наши музыкальные критики (вы, гг.***, Ларошъ, Ленцъ, Макаровъ, Раппанортъ, Ростиславъ, В. Стасовъ, Фаминцынъ, Чайковский) образуете какъ бы нѣкую *assemblée nationale*, ведете между собою пренія и составляете, такъ сказать, парламентарную часть нашего правительства по музыкальной части. Матеріаль для вашихъ преній даютъ вамъ проводимые на практикѣ мѣры къ созданію „новой музыки“, т. е. оперы гг. Кюи, Мусоргскаго, Римскаго-Корсакова. Эти композиторы являются представителями уже не совѣщательной, а исполнительной власти, такъ сказать, нѣкіими Макъ-Магонами нашей музыкальной республики. Всѣ газеты являются официальными или оффиціозными органами или самихъ Макъ-Магоновъ, или той и другой парламентской фракціи. Для того же, чтобы публика могла высказывать свое мнѣніе,—у нея нѣтъ органа. Она имѣетъ возможность выразить свое мнѣніе только посредствомъ *suffrage universel* при представленіяхъ оперъ на сценѣ,—но... я право не знаю, нужно ли

доказывать, что этот *suffrage universel* часто бывает весьма похожъ на блаженной памяти всеобщее голосованіе временъ Наполеона III и что онъ, ужъ ни въ какомъ случаѣ, не служитъ, вѣрнымъ и полнымъ выраженіемъ мнѣнія публики?

Возьмемъ первыя представленія оперъ. Эти представленія принято считать приговоромъ публики по преимуществу. Всѣ оперы „новой школы“ (за исключеніемъ „Ратклифа“) имѣли большой успѣхъ,—этого отрицать нельзя. Но изъ этого успѣха выводить какія-либо заключенія за—или противъ новой музыки тоже рѣшительно невозможно.

Начать съ того, что наши *chefs de gouvernement de la musique*, отдавая свои оперы на сцену, вовсе не желаютъ отдавать ихъ на судъ публики, а стремятся къ тому только, чтобы обезпечить себѣ успѣхъ на первомъ представленіи. За это я и не думаю ихъ винить,—по крайней мѣрѣ нельзя винить ихъ однихъ. Кто же изъ общественныхъ дѣятелей, начиная съ Наполеона III и кончая кандидатами въ наши земскія учрежденія и въ мировые судьи, являются кандидатомъ на выборахъ безъ желанія быть выбраннымъ, а единственно ради того, чтобы услышать правдивый судъ о себѣ своихъ соотечественниковъ? Кто со слезами благодарности станетъ кланяться имъ въ поясъ за ихъ правдивость, если они его прокатятъ на вороныхъ? Я не хочу сказать, что композиторъ непременно принимаетъ самъ, собственноручно, всяческія мѣры, чтобы заполучить въ свою пользу большинство голосовъ. Вовсе нѣтъ! Но вѣдь у композитора есть друзья, пріатели, знакомые, поклонники,—они понимаютъ, чего ему хочется, они догадываются о томъ, о чемъ онъ деликатно умалчиваетъ:—они позаботятся за него. Для него достаточно всѣмъ этимъ лицамъ (безъ всякой задней мысли,

единственной ради знакомства, по ихъ просьбѣ) обезпечить мѣста на первомъ представленіи,—и вотъ онъ уже имѣеть за себя сто двѣсти платокъ, которыя будутъ его вызывать и кричать „браво“, и 200—400 рубль, которыя будутъ ему хлопать. Клака составляется естественнымъ образомъ, безъ всякихъ искусственныхъ мѣръ.

Примите во вниманіе другое обстоятельство. *A la longue* публику не заставишь плясать по своей дудкѣ, если ей самой этого не хочется. Но за то нѣтъ ничего легче, какъ огоршить публику (особенно нашу публику) на первыхъ порахъ и, по первому абцугу, заставить ее почувствовать къ себѣ уваженіе и страхъ. Для этого нужно только, чтобы человѣкъ былъ самъ о себѣ высокаго мнѣнія, имѣлъ рѣзкій тонъ, велъ себя съ апломбомъ, обладалъ способностью изображать глубокомысленную, значительную мину на своей физиономіи и говорилъ мудренныя слова. Мудренныя слова дѣйствуютъ на публику не менѣе сильно, чѣмъ „жупель“ и иныя „страшныя“ слова на кучику Островскаго. Чѣмъ меньше публика понимаетъ эти мудренныя слова, тѣмъ больше, боясь не показаться глупой, она старается увѣрить всѣхъ и каждого, что она ихъ отлично понимаетъ, и тѣмъ больше она старается представить видъ, что вополнѣ согласна съ авторомъ этихъ мудреныхъ словъ.

А кто же не знаетъ, что нашъ музыкальный „кружокъ“ обладаетъ въ совершенствѣ способностью изрекать невообразимо мудренныя слова съ невообразимымъ апломбомъ? Этою же способностью импонировать обладалъ и покойный Сѣровъ (въ этомъ вы, можетъ быть, не согласитесь со мною). И вотъ, подъ вліяніемъ Сѣрова и нынѣшняго «кружка», публика нашего Маріинскаго театра неоднократно, за послѣдніе годы, напоминала мнѣ собою сказку Андерсена о царской одеждѣ.

Вы, многоуважаемый Н. Ф., без сомнѣнія, помните эту прелестную сказку. Одного царя нѣкии господа увѣрили, будто они соткали ему невиданно великолѣпнѣйшую одежду, достоинство которой не оцѣнить одинъ только дуракъ. На самомъ же дѣлѣ они не соткали ничего, а показали ему одно пустое мѣсто. Но и царь восхищался этою мнимою одеждою, и каждый придворный, боясь показаться дуракомъ, хвалилъ одежду изо всѣхъ силъ. Наконецъ, царь рѣшилъ пройти въ своей новой одеждѣ по городу въ торжественной процессіи. Народъ наслушался уже много о великолѣпнн царской одежды—и вотъ, когда царь показался (натурально вовсе безъ костюма), народъ громогласными криками выражалъ свое восхищеніе отъ его одежды. Изъ всей толпы, любовавшейся на процессію, одинъ только малолѣтній ребенокъ сдумѣлъ глядѣть на царя непредубѣжденными глазами и осмѣлился громко сказать: „Да на немъ ничего не надѣто“! Истина говоритъ устами младенца. Едва раздался этотъ дѣтскій голосокъ, какъ весь народъ, будто прозрѣвъ, сказалъ: „На царѣ-то вѣдь и точно ничего нѣтъ“! Глазъ народа — глазъ Божій.

Эта, повидимому, сказочная небывальщина повторяется, за послѣдніе годы, постоянно въ лѣтописяхъ нашего Мариинскаго театра (только, къ сожалѣнію, безъ финала, за немѣніемъ младенца).

Дается Лоенгринъ. Публикѣ натолковано съ запугавшимъ ее апломбомъ о великихъ достоинствахъ этой оперы, о великомъ значеніи „музыки будущаго“,—и вотъ, публика *считаетъ долгомъ* восхищаться ею, чтобы не показаться непонимающею музыки. Сколько людей (имена же ихъ ты вѣси, Господи!) творили тяжелую для себя барщину, ходя слушать не одинъ разъ Вагнеровскую музыку, въ которой ничего не

понимали! Сколько усилій стоило этимъ людямъ, сидя въ театрѣ, не зѣвать, не спать, а казаться восхищенными! И какъ они благодарны судьбѣ за то, что Лоенгринъ не дается и и что они болѣе не обязаны слушать его и восхищаться имъ!.. Изъ людей, непонимавшихъ музыки Вагнера (а имя ихъ—легіонъ), я не встрѣтилъ ни единого младенца, который бы рѣшился не лгать передъ своимъ ближнимъ и передъ собою, сознаваясь, что Лоенгринъ наводитъ на него зѣвоту.

Дается „Ратклифъ“ г. Кюи. Съ великимъ аппломбомъ нѣкіи знатоки музыки изъ „кружка“ увѣрили публику, что „Ратклифъ“—прекрасная опера, но что она можетъ нравиться только тому, кто понимаетъ музыку. И—Воже мой!—сколько людей, у которыхъ чуть не лопнули ушныя перепонки отъ этой оперы, старались увѣрить и себя и другихъ, что оперу г. Кюи они понимаютъ и что она имъ нравится... Много ли нашлось младенцевъ, которые осмѣлились сознаться, что отъ оперы этой, кромѣ скуки, они никакого удовольствія не получили?

Та же исторія повторилась и съ „Каменнымъ Гостемъ“ Даргомыжскаго... Я живо помню день перваго ея представленія. „Божественная вещь! сколько тутъ истиннаго драматизма и правды!“ говорилъ одинъ и тужился изо всѣхъ силъ изобразить изъ себя восхищеннаго. „Въ этой музыкальной правдѣ такое очарованіе, какого вы не получите никогда отъ итальянской мелодіи“, говорилъ другой—и силился изъ всѣхъ силъ скрыть зѣвоту. (Нужно замѣтить, что отъ этой „музыкальной правды“ рѣшительно некуда было въ тотъ вечеръ дѣваться: всякій тыкалъ эту „правду“ и старался перещеголять ближняго своею преданностію къ ней. И откуда это, въ нашемъ изолгавшемся обществѣ вдругъ припала такая охота къ правдѣ? Ужъ не отъ того ли, что музыкальная прав-

да—единственная, которая не колетъ глазъ, а только деретъ ухо?)— Да-съ, это не вердятина, а нѣчто такое, что дѣйствительно ново и гениально“, говорилъ третій,—а самъ, бѣднякъ, каждый разъ приходитъ въ слезы умиленія отъ вердятины и ждалъ-не дождался, скоро-ли кончится „Каменный гость“.

Я слушалъ. слушалъ всѣ эти толки, взятые на прокатъ изъ г. *** и изъ г. В. Стасова, я смотрѣлъ на эти притворные восторги,—и наконецъ, меня взяла злость и взалкала душа моя увидѣть хоть одного младенца... Но младенца не оказывалось. Одного, только одного нашель я,—да и то не младенца, а полу-младенца.

Въ антрактѣ, я встрѣтилъ своего пріятеля (онъ—большой поклонникъ г-на ***), который сидѣлъ въ корридорѣ, на диванчикѣ, „сумраченъ, тихъ, одинокъ“.

— Что ты насупился? А я было думалъ, что ты утопаешь въ восторгѣ отъ „Каменнаго гостя“...

— Погоди, братъ, ещё буду восхищаться (отвѣчалъ онъ мнѣ). Дай прослушать эту оперу разъ пять-шесть, тогда... А то, сразу, понять эдакую музыку нельзя; я не на столько музыкально образованъ... Мы (продолжалъ онъ, вдругъ возгорѣвшись неожиданнымъ одушевленіемъ), мы всѣ такъ привыкли къ этой пошлой рутинѣ, къ этой фальши, которыми насъ до сихъ поръ угощала итальянщина, что, съ непривычки, „Каменный гость“, конечно, не можетъ нравиться. Но за то, потомъ, когда будешь въ состояніи понять всю ея оригинальную прелесть, всю правду,—тогда только будешь умѣть восхищаться ею, тогда...

— Другъ мой! Ты такъ сладко и съ такимъ убѣжденіемъ рассказываешь, какъ будто ты уже сто разъ прослушалъ „Каменнаго гостя“, успѣлъ вникнуть во всѣ сокровенныя

тайны его достоинствъ и умѣлъ постигнуть все то, чего ты пока еще не постигаешь... Позволь однако, тебя спросить: почему ты увѣренъ, что тамъ, гдѣ ты теперь ничего не видишь, заключаются разныя неисчерпаемыя сокровища, которыя ты узришь на десятомъ представленіи?

— Такъ что же, по твоему, „Каменный гость“ плохая опера, что ли? спросилъ, съ раздраженіемъ, мой пріятель.

— Я вовсе не то говорю. Но ты-то почему же съ такимъ азартомъ заступаешься за нее, если она тебѣ не нравится? Какъ можешь ты понимать ея геніальность, если ты еще не видишь ея достоинствъ? Ну а если этихъ достоинствъ ты, сверхъ чаянія, и совсѣмъ не увидишь? Словомъ мнѣ хочется знать: въ чемъ ты видишь несомнѣнную гарантію того, что въ „Каменномъ Гостѣ“...

— Ты старовѣръ въ музыкѣ. Нечего съ тобою и говорить!

Я увѣренъ, что мой пріятель, при своей добросовѣстности, усердно ходилъ на каждое представленіе „Каменнаго гостя“, вынуждая себя придти отъ него въ восхищеніе, и кончилъ тѣмъ, что или настроилъ себѣ надлежащимъ образомъ, или, по крайней мѣрѣ, заплативъ за свое музыкальное образованіе порядочную сумму, считаетъ себя теперь вправѣ врать, т. е. выдавать себя за человѣка, идущаго рядомъ съ вѣкомъ, постигшаго и восхващающагося...

И вотъ общественное мнѣніе!

Но положимъ даже, что публика дѣйствуетъ вполне искренно, что она не сбита съ толку клакою, не запугана мудреными словами, что большинство голосовъ въ пользу оперы составляетъ вполне естественно, что рукоплесканія и прочія принадлежности „успѣха“ служатъ дѣйствительнымъ выраженіемъ того, что публикѣ опера понравилась на са-

можъ дѣлѣ. Но изъ этихъ „успѣховъ“ нельзя вывести ничего больше того, что данная опера понравилась. Этотъ *suffragat universel* не даетъ вамъ отвѣта—во первыхъ, на то: обязана ли этимъ успѣхомъ опера самой себѣ, или же ее вывезли на своихъ плечахъ исполнители? Публика, какъ малому ребенку извѣстно, часто смѣшиваетъ самую сценическую вещь съ ея исполненіемъ: хорошія вещи проваливаются благодаря плохому исполненію и, на оборотъ, исполнителямъ бываетъ обязанъ авторъ тѣмъ, что публика увѣнчиваетъ его рукоплесканіями и вызовами и называетъ его произведеніе хорошимъ. Возьмите первое представленіе „Бориса Годунова“. Публикѣ, видимо, понравилась больше всего сцена въ корчмѣ—но вѣдь нужно взять во вниманіе, что въ этой сценѣ былъ О. А. Петровъ: онъ создалъ роль съ такимъ неподражаемымъ совершенствомъ, что эта сцена имѣла бы громадный успѣхъ и не на оперной, а на драматической сценѣ,—такъ что музыка, строго говоря, тутъ, для успѣха, ровно ни при чемъ.

Помимо того, успѣхъ или не успѣхъ оперы—повторяю—свидѣтельствуетъ только о томъ, что опера не понравилась, или понравилась. Но отсюда вовсе не слѣдуетъ выводить, чтобы публика изъявила свое сочувствіе или одобреніе и той школѣ, къ которой принадлежитъ композиторъ. Примѣры на лицо. Никто не заподозритъ, чтобы оперной публикѣ Большаго театра не нравилась „итальянщина“—и однако многія оперы итальянской школы не имѣли успѣха; сама „вердятина“, въ лицѣ „*Forza del destino*“, провалилось. На-дняхъ, новую оперу Гуно „*Mirella*“ не спасла даже Патти, превзойшедшая себя въ вальсѣ,—а вы знаете, что это такое, если Патти превзойдетъ себя! Возьмите маринскую публику: она одинаково лезетъ въ театръ и восхищается и „Каменнымъ гостемъ“, и „Гугенотами“; она рукоплещетъ „Борису Годуно-

ву“,—и она же допустила торжественно провалиться его кровному брату, т. е., „Ратклифу“ г-на Кюи. Что же вы изо всего этого можете вывести о мнѣніи публики на счетъ „новой музыки“, пропагандируемой „кружкомъ“?

Конечно, ничего.

А между тѣмъ, публика ходитъ слушать „новую музыку“; она съ любопытствомъ читаетъ что пишется за нея и противъ нея; она живо интересуется знать, кто правъ—кружокъ, или его антагонисты?

Но вотъ, именно, на этотъ-то послѣдній вопросъ она и не находитъ себѣ удовлетворительнаго отвѣта ни отъ нашихъ музыкальныхъ макъ-магоновъ, ни отъ нашего музыкальнаго парламента. Она еще можетъ составить себѣ хоть кое какое, хоть чисто-внѣшнее представленіе о томъ, къ чему стремится „новая музыка“. Но за то относительно того: нуждается ли опера въ реформахъ и, если нуждается, то въ какихъ именно? на сколько вѣрны тѣ требованія, которыя выставляются „кружкомъ“ отъ современной оперы? представляютъ ли, наконецъ, оперы „кружка“ адекватное выраженіе его теоріи? (вѣдь извѣстно, что *la critique est aisée et l'art est difficile*: очень можетъ быть, что оперы ихъ нехороши, но что теорія ихъ заслуживаетъ полного сочувствія)—на всѣ эти вопросы я—признаюсь—не помню, чтобы встрѣчалъ въ нашей музыкальной литературѣ категорическій и т. е. принципиальный отвѣтъ. Самъ собою разумѣется, что это происходитъ по весьма естественной причинѣ. Борьба между „кружкомъ“ и его антагонистами ведется въ разсыпную, мелкими выстрѣлами, по частнымъ поводамъ. Кружокъ не только ни разу не представилъ систематическаго изложенія тѣхъ началъ, которыхъ осуществленія на практикѣ онъ желаетъ, но онъ будто даже избѣгаетъ точно и ясно изложить сим-

воль своихъ музыкальныхъ вѣрваній. Оно и понятно. Во первыхъ, я шибко сомнѣваюсь въ томъ, чтобы кружокъ имѣлъ строго опредѣленный идеалъ; во вторыхъ, еще римляне говорили, что *definitiones periculosae sunt*; излагать ученіе систематически, научно—дѣло весьма трудное, такъ что тутъ придется какъ-разъ, вслѣдъ за Несторомъ лѣтописцемъ, извиняться вредъ читателями въ томъ, что иное „не дописахъ“, а другое „переписахъ“. Но если, съ стороны кружка, вполне понятно, что онъ не желаетъ высказываться сполна,—то непонятно, почему вы, его антагонисты, какъ будто не замѣчаете этого, или не желаете заставить его высказаться. Вслѣдствіе этого, споръ между вами вертится какъ-то на поверхности, при чемъ самая суть дѣла остается безъ разсмотрѣнія.

А между тѣмъ случаевъ къ тому представлялось много.

Когда пошли въ обществѣ и литературѣ толки о посмертной оперѣ Даргомыжскаго „Каменный гость“ и о необходимости постановки ея на сценѣ,—въ то время, въ число заслугъ этой оперѣ ставилось между прочимъ то, что она написана на слова Пушкина безъ малѣйшаго измѣненія текста. Въ этомъ обстоятельствѣ публика приглашалась узрѣть одну изъ тѣхъ великихъ реформъ, которыя должны начать собою новую эру въ жизни оперной музыки.

Если бы эта неприкосновенность Пушкинскаго текста произошла просто потому, что его „Каменный гость“ не нуждался ни въ какихъ перемѣнахъ, или передѣлкахъ для того, чтобы имъ съ полнымъ удобствомъ могъ воспользоваться композиторъ,—въ такомъ случаѣ, въ Даргомыжскомъ можно было бы признать только ту заслугу, что онъ былъ человѣкъ со вкусомъ, что онъ умѣлъ выбрать хорошій текстъ для либретто своей оперы,—и только. Но самая его опера,

въ этомъ отношеніи, не представляла бы собою никакого новаго слова. Очевидно, сторонники новой музыки, вовсе не то имѣли въ виду. Они высказывали желаніе не только того чтобы оперы писались на хорошіе тексты,—они заходили дальше и, какъ кажется, полагали, что вообще произведенія драматургіи не нуждаются ни въ какихъ приспособленіяхъ и передѣлкахъ, чтобы служить текстомъ для оперы,—даже болѣе: гениальное произведеніе драматическаго поэта, гдѣ необходимо каждое дѣйствующее лицо, каждая сцена, каждое слово,—такое произведеніе, превращаясь въ оперу, должно быть неприкосновенно отъ всякихъ святотатственныхъ посягательствъ грубой руки негениальнаго либреттиста.

Охотно допускаю, что кружокъ вовсе не держался такого крайняго взгляда на это дѣло и, въ пылу восторга отъ „Каменнаго гостя“, его языкъ болталъ то чего не думала голова. Но такое заключеніе вытекаетъ съ логическою необходимостью изъ всѣхъ тѣхъ требованій, которыя „кружокъ“ высказывалъ отъ оперы. Да и въ самомъ дѣлѣ. Если опера есть таже самая драма, только съ прибавкою музыки, если музыка должна служить только иллюстраціею къ тексту и, такъ сказать, пушимъ его объясненіемъ *),—то естественно, что музыка зависитъ отъ текста, а вовсе не текстъ находится въ служебномъ подчиненіи музыкѣ и долженъ приравливаться къ ея требованіямъ. Если въ великое достоинство „Каменному гостю“ Даргомыжскаго кружокъ ставилъ то что въ этой оперѣ нѣтъ ни арій, ни дуэтовъ, ни хора, ни обычныхъ въ оперѣ повтореній одного и того же слова, **)

*) „Прямая цѣль вокальной музыки—усиливать впечатлѣніе словъ“ говорить г. *** въ своей послѣдней статьѣ по поводу „Бориса Годунова“ г. Мусоргскаго (см. „Петерб. Вѣдом.“ 1874 г. № 37).

***) Замѣчу, впрочемъ, что кружокъ нѣсколько обморочивалъ пуб-

ни малѣйшаго измѣненія въ пушкинскомъ текстѣ; если всѣ эти достоинства приписывались только умѣнью, таланту и здравой теоріи композитора, а о годности или негодности Пушкинскаго текста для опернаго либретто не было говорено ни слова,—то отсюда очевидно, что оперная музыка, не нуждающаяся ни въ одной изъ тѣхъ условныхъ своихъ принадлежностей, безъ которыхъ не можетъ обходиться старая опера—не требуетъ отъ своего либретто никакихъ другихъ условій кромѣ тѣхъ, которыя вообще требуются отъ драматическаго произведенія. Чѣмъ лучше текстъ, тѣмъ лучше можетъ быть музыка;—стало быть, кто же можетъ дать лучшія либретто композитору, какъ не Шекспиръ, Гете, Пушкинъ? А какой же композиторъ, задумавъ писать оперу на текстъ „Гамлета“, „Ромео и Юлія“, „Фауста“ и т. п., вправѣ дерзнуть на передѣлки этихъ текстовъ! Вѣдь для этого нужно быть вторымъ Шекспиромъ,—даже выше Шекспира, ибо Шекспиръ былъ только поэтомъ, а передѣлыатель его долженъ соединять въ себѣ съ его поэтическимъ гениемъ еще и гений композиторскій.

Кружокъ ни разу не высказалъ этого правила такъ категорически, какъ выставляю я его теперь, а „Каменный

лику, увѣряя ее, будто повторенія словъ у Даргомыжскаго вѣтъ,—эти повторенія встрѣчаются даже не одинъ разъ. Напримѣръ, въ словахъ Лепорелло.

Вамъ все равно (вамъ все равно), съ чего бы ни начать.

Въ монологѣ Лауры:

Холодный дождь идетъ (и дождь идетъ) и вѣтеръ воетъ,

И сторожа кричатъ протяжно: ясно! (ясно!)

См. оперу „Каменный гость“ изд. Бесселя, стр. 23, 46, 47. Въ скобкахъ я поставилъ слова лишнія въ либретто противъ Пушкинскаго текста.

гость“ Даргомыжскаго, остается и по сию пору единственною попыткою написать оперу на текстъ великаго поэта, съ сохраненіемъ этого текста во всей его первоначальной неприкосновенности до послѣдней іоты. Но въ разборахъ оперъ Россіи („Отелло“) Гуно („Фаустъ“, „Ромео и Юлія“), Томаса („Гамлетъ“), кружокъ, въ лицѣ г-на ***, безпощадно нападалъ на этихъ композиторовъ за ихъ невѣжественныя дерзкія передѣлки текста; при этомъ ни разу не обмолвился ни однимъ словомъ въ пользу того, чтобы тексты этихъ трагедій не годились цѣликомъ для оперныхъ либретто, и что слѣд. композитору необходимо ихъ передѣлывать и приспособлять. Кружокъ ни разу не высказалъ, что не всякая хорошая драма можетъ быть превращаема въ оперу,—напротивъ: попытка одного изъ членовъ кружка, г. Мусоргскаго написать музыку на „Женитьбу“ Гоголя,—это повидимому самое неоперное произведеніе—служить категорическимъ отвѣтомъ, что кружокъ держится совершенно противоположнаго взгляда на этотъ предметъ. Въ послѣдней своей статьѣ по поводу „Бориса Годунова“ г. Мусоргскаго, г-изъ ***, признавъ еще разъ законность того направленія, которому служить „Каменный гость“ Даргомыжскаго, ограничилъ его единственно тѣмъ, что не выдаетъ уже болѣе эту оперу за идеаль оперы вообще, а признаетъ ее только „одною изъ оперныхъ формъ“ которую онъ называетъ „оперою интимною, (?) домашнею (?), безъ народа“ и которой онъ противопоставляетъ „Псковитянку“ и „Бориса“ съ народомъ и хорами.

Эта интимная опера состоитъ изъ одного речитатива, который, вмѣстѣ съ оркестромъ, „имѣетъ свою прямую цѣлью усиливать впечатлѣніе словъ“. Она не нуждается ни въ хорахъ и ни въ одной изъ обычныхъ принадлежностей оперъ написанныхъ простыми смертными. Задумавъ написать такую

оперу, композиторъ не можетъ сдѣлать ничего лучше, какъ взять своимъ либретто одно изъ лучшихъ произведеній драматической поэзіи и, нѣбликомъ, положить его на музыку. Интимная опера имѣетъ, такимъ образомъ, прямымъ своимъ назначеніемъ угощать публику текстомъ въ его неприкосновенности, подъ соусомъ музыки. Это—трогательное зрѣлище въ родѣ того поросенка подъ хрѣномъ, котораго во всей его первоначальной неприкосновенности подали Расплюеву въ Новотроицкомъ трактирѣ. Неприкосновенность пушкинскаго текста въ „Каменномъ Гостѣ“ умиляетъ простодушныхъ Расплюевыхъ „новой музыки“ не меньше, чѣмъ умилялся настоящій Расплюевъ отъ новотроицкаго поросенка.

Но развѣ законна такая форма оперы? Я готовъ согласиться, что „Каменный Гость“ блещетъ неисчерпаемыми сокровищами по части музыкальныхъ деталей. Если же разсматривать эту оперу въ отношеніи къ той общей задачѣ, которую она преслѣдуетъ — то я готовъ видѣть въ ней артистическій капризъ, музыкальный фокусъ-покусъ—все, что вамъ угодно, но признавать ее родоначальницею и образцомъ „новой“ (хотя бы даже только „интимной“) оперы—я никакъ не могу. Это по-смертное дѣтище Даргомыжскаго до того неспособно имѣть потомство, что даже самъ „кружокъ“ до сихъ поръ еще не разродился второю „интимной оперою“. Что родоначальнику „интимной оперы“ придется остаться безчадному, что опера не можетъ идти по указанному имъ пути—„кружокъ“ понималъ это въ самомъ началѣ, еще въ то время, когда онъ выдавалъ „Каменнаго Гостя“ за послѣднее слово оперной музыки. Если онъ тогда говорилъ другое,—то, конечно, для того только, чтобы пустить въ глаза простодушныхъ Расплюевыхъ нѣль мудреныхъ словъ. Когда эта пыль поулеглась, г. *** нашелся вынужденнымъ пустить въ ходъ другой фортель,

чтобы отвести публикѣ глаза. Уже въ прошломъ году онъ заявилъ, что „Каменный Гость“ останется явленіемъ одиночнымъ. Но, по его словамъ, причина здѣсь заключается не въ томъ, чтобы Даргомыжскій преслѣдовалъ ложную задачу, а единственно въ томъ, что цѣликомъ для опернаго либретто будто бы годится только такое идеальное драматическое произведеніе, въ которомъ имѣеть значеніе каждая фраза, каждое слово, каждый знакъ препинанія. Одинъ только „Каменный Гость“ Пушкина является такимъ идеальнымъ произведеніемъ поэзи. Всѣ прочія произведенія драматургін — сортомъ ниже, а „при текстѣ болѣе слабомъ, по неволѣ приходится въ извѣстной степени подчинять ихъ музыкѣ“ (говорить г-нъ ***), ибо „полная равноправность можетъ существовать между лицами, умственно и нравственно равными; въ противномъ случаѣ личность болѣе сильная должна преобладать“. Другими словами: всякій порядочный композиторъ, какъ личность болѣе сильная, чѣмъ Шекспиръ, Гете, Пушкинъ, — долженъ ихъ улучшать, исправлять... Это такъ хорошо, что приходится только разводять руками. Но еще лучше то, что практическимъ приложеніемъ этой теоріи является „Борисъ Годуновъ“ въ безграмотной и бессмысленной передѣлкѣ г. Мусоргскаго, не имѣющаго понятія даже о стихосложеніи. „Благодарю, не ожидалъ“!... Увѣрять, что „Каменный Гость“ Пушкина стоитъ выше всѣхъ произведеній античной и нововѣковой драматургін, — для этого нужна смѣлость истинно военнаго человѣка. Додуматься до теоріи, по которой г. Мусоргскій, какъ поэтъ, становится выше Пушкина, — для этого нужно имѣть мозги нашихъ доморощенныхъ философовъ, Аммосовъ Федоровичей, доходящихъ собственнымъ умомъ до сотворенія міра. Все это уже даже не смѣшно, а просто дико. Самъ г. ***, не смотря на все свое беззастѣнчивое без-

страшіе встало башни-бузука, рѣшился одинъ только разъ высказать такую диковинную теорію: въ послѣдней своей статьѣ онъ ограничивается тѣмъ, что (уже безъ объясненія причинъ) называетъ „Каменнаго Гостя“ оперою исключительною, и ставитъ ее куда то особнякомъ, а куда и зачѣмъ? — неизвѣстно. Очевидно, ему хочется, чтобы его теорію пресблданія сильныхъ надъ слабыми позабыли.

Что кружокъ слишкомъ своеобразно примѣняетъ къ практикѣ теорію пресблданія сильнаго надъ слабымъ и что г. Мусоргскій проявляетъ истинно бурбонскую способность къ поэзій,—это не подлежитъ уже болѣе сомнѣнію. Но до сихъ поръ я не встрѣчалъ подробнаго разсмотрѣнія основнаго вопроса о томъ: справедлива ли мысль кружка, будто условія опернаго либретто совершенно тождественны съ условіями драматическихъ произведеній вообще? Такъ этотъ вопросъ и до сихъ поръ остается безъ категорическаго отвѣта. Антагонисты кружка не только не сочли нужнымъ доказать всю несостоятельность этой „интимной оперы,“ съ неприкосновенностью текста, а напротивъ: они часто упрекаютъ композиторовъ „кружка“ въ тѣхъ или другихъ передѣлкахъ и въ купюрахъ текста,—но при этомъ ни разу не указали на непригодность для музыки тѣхъ частей текста, которыя цѣликомъ вошли въ ихъ оперы. Побивать кружокъ ихъ же собственнымъ оружіемъ, доказывать, что они сами не слѣдуютъ тѣмъ правиламъ, которыя возвѣщаютъ міру,—ловкій полемическій пріемъ. Но употребляя этотъ пріемъ, антагонисты кружка ведутъ атаку собственно на различіе между словомъ и дѣломъ у композиторовъ кружка, а вовсе не воюютъ съ ихъ теорію неприкосновенности текста. Видя антагонистовъ кружка въ роли защитниковъ его теоріи, публика въ правѣ думать: „Да ужъ, полно, сами-то они, въ принципѣ не со-

гласны-ли съ этой теоріей“?—Отсюда не далеко до вывода, что теорія кружка вполне основательна.

Но развѣ это такъ?

Еще въ концѣ 1872 г. разбирая „Каменнаго Гостя“, вы, многоуважаемый Н. О., указали нѣкоторые его недостатки, обусловливаемые задачей сохранить въ неприкосновенности текстъ. Вы нашли въ этой оперѣ одностороннее примѣненіе принципа музыкальной декламаціи, отсутствіе хоровыхъ силъ и, вообще, недостаточность того равновѣсія, той соразмѣрности частей, безъ которыхъ невозможно истинно художественное произведеніе (см. „Бирж. Вѣд.“ 1872 г. № 271). Все это не подлежитъ сомнѣнію, все это неопровержимо разбиваетъ теорію кружка—и эти ваши аргументы (какъ и слѣдовало ожидать) остались безъ опроверженія со стороны г-на ***. Но, на мой взглядъ, этими аргументами не исчерпывается вопросъ сполна (вы впрочемъ и не имѣли этого въ виду; вы желали остаться строго въ предѣлахъ разбора только оперы Даргомыжскаго, самой же теоріи кружка коснулись мимоходомъ, къ слову, насколько это было нужно для вашей главной цѣли).

Вотъ объ этомъ-то предметѣ мнѣ и хочется побесѣдовать съ вами.

До сихъ поръ композиторы поступали такъ. Задумавъ оперу, они подгоняютъ къ ней соотвѣтствующій текстъ, принаровняемый къ потребностямъ и условіямъ музыки. Этотъ текстъ вызывается музыкальнымъ замысломъ и служитъ необходимымъ дополненіемъ къ музыкальной части оперы. Даромъ или не даромъ потратилъ свой трудъ и свое время композиторъ,—это уже зависитъ отъ того, насколько хороша его опера. Во всякомъ случаѣ, онъ создаетъ то, чего не было бы безъ него,—и его опера не вызываетъ вопроса: за-

чѣмъ? Опера его написана затѣмъ же самымъ, зачѣмъ всякій художникъ производитъ на свѣтъ новое произведеніе искусства, обязанное ему своимъ бытіемъ.

Даргомыжскій поступаетъ иначе. Онъ беретъ превосходное произведеніе драматической поэзіи, писанное безъ всякаго расчета на помощь композитора, и прибавляетъ къ нему музыку. Поклонники кружка увѣрятъ, будто эта музыка служитъ необходимымъ дополненіемъ къ тексту. Тутъ невольно напрашивается вопросъ:

Зачѣмъ нужна здѣсь музыка?

„Чтобы усилить впечатлѣніе словъ“, отвѣчаетъ за Даргомыжскаго г-нъ ***.

Но вѣдь Пушкинъ писалъ „Каменнаго Гостя“ именно такъ, чтобы онъ не нуждался въ обязательной помощи композитора и, своими собственными средствами, производилъ все то впечатлѣвіе, которое желалъ произвести поэтъ?

Стало быть:

Или Пушкинъ достигъ своей цѣли; — въ такомъ случаѣ для его „Каменнаго Гостя“ вовсе не требуется музыка Даргомыжскаго, и композиторъ напрасно трудился благодѣтельствовать поэту тѣмъ, въ чемъ онъ совершенно не нуждается.

Или же, напротивъ, мы согласимся съ тѣмъ, что даже такіе перлы драматической поэзіи, какъ пушкинскій „Каменный гость“, не могутъ безъ помощи музыки производить всего того впечатлѣнія, какое они должны были бы производить. Тогда мы должны придти къ заключенію, что драматическій родъ поэзіи не имѣетъ самостоятельнаго значенія, что всякое драматическое произведеніе есть не болѣе, какъ подготовительная работа для композитора, и что слѣд. желаемое состояніе есть уничтоженіе драматической сцены и полная замѣна ея оперою...

Думаю, что съ этимъ никто не согласится.

Но это—не единственный странный выводъ.

Между различными родами словесности нѣтъ никакой существенной разницы. Если „прямая цѣль вокальной музыки—усиливать впечатлѣніе словъ“, если опера есть ничто иное, какъ то же самое драматическое произведеніе, только съ присоединеніемъ музыки—въ такомъ случаѣ я не понимаю, почему кружокъ ограничиваетъ дѣятельность композиторовъ переложеніемъ на музыку однихъ драматическихъ произведеній? Вѣдь въ такомъ случаѣ нѣтъ никакого основанія, почему бы не положить на музыку романовъ и повѣстей? Если есть музыкальныя драмы, то должны быть музыкальные романы, повѣсти и рассказы. Если Даргомыжскій преслѣдуетъ вполне законную и разумную цѣль, превращая пушкинскаго „Каменнаго гостя“ въ оперу—то мы должны признать вполне законнымъ и разумнымъ дѣломъ, если, напримѣръ, г. Римскому-Корсакову вздумается положить на музыку „Войну и миръ“ г. Л. Н. Толстаго, если г. Мусогорскій напишетъ музыкальный романъ на слова Диккенса „Домби и сынъ“. Если для того, чтобы литературное произведеніе могло быть цѣликомъ положено на музыку, нужно только, чтобы въ немъ каждая фраза имѣла значеніе,—тогда прекраснымъ либретто для композитора можетъ послужить греческая грамматика Кюнера, или ариѳметика Меморскаго. Если прибавить къ этому, что „прямая цѣль вокальной музыки — усиливать впечатлѣніе словъ“, въ такомъ случаѣ я не понимаю, почему г. *** ни разу не вздумалъ положить на музыку свои рецензіи, чтобы усиливать впечатлѣніе своихъ словъ? Можетъ, быть тогда теорія кружка была бы понятнѣе, убѣдительнѣе и привлекла бы себѣ болѣе поклонниковъ, чѣмъ она имѣетъ ихъ теперь. Если г. *** полагаетъ, что его рецензіи не нуждаются

въ томъ, чтобы ихъ класть на музыку, — то какъ же ему не пришло въ голову простое соображеніе, что Шекспиръ, Гете, Пушкинъ, еще менѣе нежели онъ, нуждаются въ томъ, чтобы музыка усиливала впечатлѣніе ихъ трагедій? Какъ весь „кружокъ“ не могъ додуматься до того, что превращенный въ оперу текстъ, писанный для драматической, а не для оперной сцены, есть ничто иное, какъ ненужный и скучный плеоназмъ, который не только не усиливаетъ, а напротивъ ослабляетъ впечатлѣніе словъ, уже по одному тому, что онъ не нуженъ и, вслѣдствіе ненужности своей, скученъ? Если „Каменный гость“ Даргомыжскаго не наводитъ скуки, то единственно потому, что онъ слишкомъ коротокъ. Но хоть онъ и не наводитъ скуки, то во всякомъ случаѣ производитъ такое же странное впечатлѣніе, какъ напр. какая нибудь „Буря“ Айвазовскаго, на полотнѣ которой, кромѣ пейзажа былъ бы написанъ еще и усиливающий впечатлѣніе текстъ, сочиненный напр. Гончаровымъ: сама по себѣ картина — хороша, текстъ тоже самъ по себѣ хорошъ, а когда они соединяются, образуя одно цѣлое — картину съ надписью — то въ цѣломъ выходитъ нѣчто странное, даже смѣшное. А что такое опера „Каменный гость“, какъ не пушкинскій текстъ покрытый слоемъ музыки Даргомыжскаго?

Подобно тому, какъ живописецъ не нуждается въ объяснительныхъ и усиливающихъ впечатлѣніе текстахъ, — и произведенія слова не нуждаются въ томъ, чтобы ихъ дополнять музыкою, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, гдѣ самъ поэтъ призываетъ къ себѣ на помощь композитора. Въ свою очередь, музыка имѣетъ свое, вполне независимое и самостоятельное существованіе; она можетъ быть совершенно понятою и достигать своей цѣли сполна безъ помощи другихъ искусствъ. Въ частности, поставить прямою цѣлью вокальной

музыки—усиленіе впечатлѣнія словъ, это значитъ поставить композитора въ служебное подчиненіе поэту. Между тѣмъ, какъ въ оперѣ слово служитъ вспомогательнымъ средствомъ для музыки, а не наоборотъ. Композиторъ и либреттистъ стоятъ между собою почти въ такомъ же отношеніи, въ какомъ находятся драматическій поэтъ и декораторъ: поэтъ не описываетъ того, что у него предоставлено живописи, а только даетъ краткія указанія, отказываясь производить дѣйствіемъ слова то впечатлѣніе на зрителя, которое должна производить на него кисть декоратора. Композиторъ относится къ либреттисту также, какъ относится драматургъ къ декоратору.

Такъ досихъ поръ смотрѣли и смотрятъ на дѣло композитора старыхъ направленій въ оперѣ. Нужно сознаться, что они слишкомъ часто сочиняютъ музыку на слишкомъ глупые тексты; конечно, этимъ они обличаютъ свое литературное безвкусіе и глупыя либретто никто не станетъ рекомендовать, какъ образецъ для подражанія. Но во всякомъ случаѣ ихъ требованія отъ либретто несравненно разумнѣе, нежели взгляды на это дѣло нашего „кружка“.

Не могу не привести, при этомъ случаѣ, отрывка изъ Гофмана, который очень вѣрно дополняетъ и поясняетъ сказанное мною: это—разговоръ между поэтомъ Фердинандомъ и композиторомъ Людвигомъ *).

Фердинандъ.—Ты самъ припоминаешь мнѣ одно изъ затрудненій, въ которое вы, композиторы, ставите оперныхъ поэтовъ. Это невозможная краткость текста, требуемая вами, при соблюденіи чего тщетнымъ становится всякій трудъ разработать то или другое по-

*) См. «Полное собраніе сочиненій Гофмана», т. I, стр. 125—129.

ложение, или правильно, подходящимъ языкомъ, изобразить развитіе страсти. Все по вашему должно заключаться въ двухъ, трехъ стихахъ, да и ихъ вы еще калечите и вывертываете по своей прихоти.

Людвигъ.—*Авторъ опернаго либретто долженъ намътить только общій планъ картины сильными, ясными чертами, а затѣмъ уже дѣло музыки осветитъ все правильнымъ свѣтомъ, привести въ перспективу, словомъ, оживить все такъ, чтобы едва замѣтныя черты превратились въ смѣлыя, выдающіяся фигуры.*

Фердинандъ.—Значитъ, вмѣсто законченныхъ стиховъ, ты требуешь отъ насъ одного наброска?

Людвигъ.—Ни въ какомъ случаѣ! Авторъ долженъ, во первыхъ, относительно общаго расположенія и хода дѣйствія остаться вѣренъ вытекающимъ изъ природы вещей условіямъ драмы; во вторыхъ, онъ обязанъ такъ расположить и связать сцены, чтобы дѣйствіе развивалось предъ глазами зрителей само собой, давая возможность понимать общій смыслъ лицамъ, даже незнающимъ языка, на которомъ текстъ написанъ. Никакое драматическое произведеніе не нуждается болѣе оперы въ точномъ выполненіи этого условія, какъ потому, что слова вообще не такъ ясно слышны при пѣніи, такъ въ особенности вслѣдствіе того обстоятельства, что музыка очень склонна увлекать въ сторону воображеніе слушателя, вниманіе котораго можетъ быть, поэтому, обуздано только постояннымъ давленіемъ на извѣстный пунктъ, сосредоточивающій въ себѣ суть дѣла. *Что касается до характера словъ собственно, то для композитора всего лучше, если они кратко и сильно выражаютъ положеніе и страсть, которая должны быть представлены; всякія же украшенія или образы будутъ излишни.*

Фердинандъ.—А богатый образами Метастазіо?

Людвигъ.—Да, этотъ дѣйствительно задался странною мыслью, что композиторъ долженъ вдохновляться, особенно въ аріяхъ, поэтическими образами. Отсюда вѣчное повтореніе начальныхъ словъ того, что онъ писалъ: *come una tortorella, etc.; come spuma in tempesta etc.*, — причѣмъ и въ аккомпанементѣ слышится то воркованье голубковъ, то шумящее море.

Фердинандъ.—Но неужели мы должны совершенно воздержаться не только отъ поэтическихъ украшеній, но даже отъ живописнаго

изображенія интересныхъ положеній? Такъ напримѣръ: если молодой герой идетъ сражаться и прощается съ старымъ отцомъ, чье царство потрясено въ основахъ побѣдоноснымъ врагомъ-тираномъ, или если злыя обстоятельства разлучаютъ двухъ влюбленныхъ, неужели же въ обоихъ случаяхъ не позволено сказать ничего больше, кроме короткаго «прощай»?

Людвигъ.—Пусть, пожалуй, первый выразитъ въ короткихъ словахъ свое мужество и увѣренность въ правотѣ дѣла, а второй скажетъ своей возлюбленной, что жизнь безъ нея будетъ ему медленной смертью. Но даже и одно простое «прощай», композитору, вдохновляемому не словами, а силой положеній и дѣйствія, дастъ полную возможность выразить могущественными чертами душевное состояніе молодого воина, или покидаемой возлюбленной. Возвращаясь къ твоему же примѣру, я напому, на сколько разнообразнѣйшихъ и глубоко потрясающихъ ладовъ пѣли итальянцы слово „addio“? Трудно себѣ представить, на сколько тысячъ оттѣнковъ способенъ музыкальный звукъ. Дивная тайна музыки заключается именно въ томъ, что она находитъ неизсякаемый источникъ выраженія тамъ, гдѣ бѣдная рѣчь должна умолкнуть.

Фердинандъ.—Значитъ, относительно словъ авторъ либретто долженъ стремиться къ высшей простотѣ, изображая положенія краткимъ, но сильнымъ образомъ?

Людвигъ.—Конечно, потому что, какъ я уже сказалъ, композитора должны вдохновлять сюжетъ, дѣйствіе и положеніе, а не громкія слова. *Всякая погоня за тѣмъ, что выходитъ за предѣлы этого поэтического матеріала, для композитора сущеe самоубійство.*

Фердинандъ.—Но ты долженъ понять, какъ живо я чувствую трудность написать при твоихъ условіяхъ текстъ хорошей оперы! Въ особенности эта краткость въ словахъ!

Людвигъ.—Можетъ быть она дѣйствительно трудна любителямъ болтовни, но я, въ противоположность Месастазіо, показавшему своими оперными либретто, какъ ихъ не слѣдуетъ писать, укажу тебѣ много итальянскихъ стихотвореній, могущихъ служить настоящими образцами музыкальныхъ текстовъ. Что можетъ быть, напри- мѣръ, проще этихъ строкъ:

Almen se non possio

Seguir l'amato bene,
Affetti del cor mio
Seguite lo per me!

Сколько заключается въ этихъ немногихъ простыхъ словахъ матеріала для изображенія пораженнаго любовью и горемъ сердца, но матеріала нетронутаго, и который только подъ рукою композитора можетъ развиваться и выразить вполне это душевное состояніе. Особенность положенія, въ которомъ должно находиться лицо, поющее эти слова, можетъ до того вдохновить и возбудить композитора, что онъ самой музыкѣ придастъ индивидуальный характеръ. Ты часто можешь видѣть, что истинно поэтическіе композиторы писали иногда прекрасную музыку на прескверный текстъ. Въ этомъ случаѣ ихъ вдохновлялъ подходящий къ опернымъ требованіямъ романтической сюжеть. Въ примѣръ я приведу Моцартову „Волшебную флейту“.

Гофманъ коснулся здѣсь одного только необходимаго различія между текстомъ драматическаго произведенія и текстомъ опернаго либретто. Но само собою разумѣется, что это различіе — не единственное.

Письмо второе.

Вопросъ о различіи въ условіяхъ между текстомъ драматическихъ произведеній и оперныхъ либретто — гораздо обширнѣе и важнѣе, чѣмъ это можетъ казаться съ перваго взгляда. Его нельзя разсмотрѣть до корня безъ того, чтобы не разсмотрѣть предварительно вопроса о границахъ компетентности композитора и поэта и о тѣхъ средствахъ, которыми располагаетъ тотъ и другой.

Спеціалистъ, любя предметъ своихъ занятій, очень часто имѣетъ о немъ преувеличенное понятіе, въ родѣ того, какъ нѣжные родители усматриваютъ въ своихъ дѣтяхъ разныя качества и способности, которыхъ тѣ или вовсе не имѣютъ,

или которыми обладают далеко не въ такомъ градусѣ, какъ это кажется папенькѣ съ маминькой.

Композиторъ есть тоже специалистъ и человѣкъ, а слѣдовательно нечего удивляться тому, если въ средѣ композиторовъ находятся люди, неизбѣжные отъ этой слабости, общей большинству специалистовъ. Въ этой слабости заключается и сила композитора: она помогаетъ ему открывать въ музыкѣ такія средства, какихъ не замѣтилъ бы глазъ человѣка, менѣе его вѣрщаго въ могущество музыкальнаго языка; но въ ней же заключается и опасность для композитора задаться невозможною задачею и сбиться съ истинной дороги въ безплодномъ стремленіи къ тому, что для музыки недостижимо.

Игнорированіе истинныхъ границъ музыки и разширеніе ея компетентности за ея истинные предѣлы—вотъ, по моему крайнему убѣжденію, недостатокъ, свойственный не одному только кружку „новой музыки“, но болѣе или менѣе и многимъ музыкантамъ, принадлежащимъ къ другимъ, болѣе разумнымъ направленіямъ.

Возьмите вы композиторовъ. Они называютъ свои произведенія не операми, не симфоніями, а симфоническими поэмами, музыкальными драмами. Уже въ одномъ этомъ названіи высказывается ихъ стремленіе дать оперѣ иной характеръ, иное содержаніе, чѣмъ прежде, и сблизить ее съ произведеніями драматической поэзіи. „Каменный гость“ Даргомыжскаго есть ничто иное, какъ крайнее выраженіе того направленія, которое болѣе или менѣе замѣчается у многихъ современныхъ композиторовъ и не въ одной только области оперной музыки. Возьмите романсы многихъ современныхъ композиторовъ: въ нихъ вы увидите ту же погоню за частностями, то же самое желаніе звуками передать каждый оттѣнокъ мысли, почти то же презрѣніе къ куплетной формѣ, въ

которой одинъ и тотъ же напѣвъ возвращается на слова, несходныя между собою и связанныя только общимъ настроеніемъ. Возьмите вы, наконецъ, большинство современныхъ музыкальныхъ критикъ: они разбираютъ музыку точно также, какъ разбирали бы произведенія слова.

Во всемъ этомъ я вижу симптомъ того, что музыканты, заботясь горячо о подчиненіи музыки тексту, слишкомъ мало задаются вопросомъ о томъ, на сколько равны между собою границы слова и музыки? Какъ будто для нихъ каждое лирическое стихотвореніе можетъ быть превращено въ романсъ и каждая сцена въ драмѣ можетъ быть успѣшно иллюстрирована рукою композитора! Правда, высказывается мысль, что для композитора нужно, чтобы текстъ заключалъ въ себѣ „музыкальные моменты“. Но что такое эти „музыкальные моменты?“ Г-нъ *** увѣряетъ, будто каждый стихъ въ пушкинскомъ „Каменномъ гостѣ“ заключаетъ въ себѣ музыкальный моментъ—и на такое мнѣніе его остальные музыкальные критики даютъ свое молчаливое согласіе. Старые оперные композиторы поступали такъ: они разработывали только тѣ мѣста въ своихъ операхъ, которыя, по ихъ мнѣнію, имѣли музыкальный интересъ; все остальное, служившее только къ поясненію сюжета и т. п., они или вовсе оставляли безъ музыки, или обдѣлывали въ немзыкальный *recitativo secco*. Теперь мы видимъ другое. Даргомыжскій пишетъ своего „Каменнаго гостя“ на неизмѣненный текстъ Пушкина, а г-нъ *** увѣряетъ, будто этотъ текстъ можетъ и долженъ быть положенъ цѣликомъ на музыку,—и музыкальная критика даетъ на это свое хотя и молчаливое, но почти полное согласіе. Для г. Мусоргскаго, на примѣръ, кажутся одинаково сподручными въ музыкальномъ отношеніи и онъ одинаково разработываетъ и свиданіе Лжедмитрія съ Мариною, и географиче-

свѣй разговоръ Бориса Годунова съ сыномъ, и чтеніе указа о поимкѣ самозванца;—какъ же отнеслась къ нему музыкальная критика?

Г. Фаминцынъ находитъ, что построеніе «Бориса» въ общихъ чертахъ «вполнѣ удачно», что «изъ драмы Пушкина взяты г. Мусоргскимъ всѣ сцены, сколько-нибудь заключающія въ себѣ музыкальные моменты»; другіе рецензенты упрекаютъ его въ томъ, что онъ не держался ближе пушкинскаго текста и что пушкинскіе стихи замѣнилъ своими, топорнаго издѣлія. Но выдвинутый на первое мѣсто вопросъ о топорности стиховъ—вовсе не главный въ либретто. Гораздо важнѣе было посмотрѣть на дѣло съ другой стороны: нужны ли были, въ музыкальномъ отношеніи, сдѣланныя г. Мусоргскимъ уклоненія отъ оригинала? А вотъ этотъ-то вопросъ и остался безъ всякаго сколько-нибудь подробнаго разсмотрѣнія.

Но если чтеніе указа о поимкѣ самозванца („а лѣтъ ему 20, а росту онъ средняго, волосы рыжіе, на носу бородавка, на лбу другая“ и т. д.) представляетъ въ себѣ музыкальные моменты,—то становится окончательнo непонятнымъ: что же такое „музыкальные моменты“ и гдѣ же ихъ, послѣ этого, нельзя отыскать?

У композиторовъ нашего „кружка“ особенно ясно высказывается вѣра во всемогущество музыкальнаго языка; они считаютъ возможнымъ говорить звуками точно также, какъ мы говоримъ словами. Крайнимъ выраженіемъ этого направленія явился „Каменный гость“ Даргомыжскаго, не отдѣляющій задачъ оперы отъ задачъ драматическаго произведенія, отвергающій все условное въ оперѣ ради „музыкальной правды“ и поставляющій своею цѣлью слѣдить за текстомъ буква въ букву.

Тотчасъ послѣ перваго представленія «Каменнаго гостя»,

когда «кружокъ» восторженно ревѣль объ этой оперѣ, какъ объ идеалѣ оперной музыки, а противники кружка ограничивались разборомъ частныхъ, какъ-то старательно обходя вопросъ о существѣ этого новаго направленія, — я имѣлъ смѣлость сказать (Бирж. Вѣд. 1872 г., № 50), что вся эта опера есть ничто иное какъ ошибка, хотя бы даже признать ее гениальною ошибкою. „Она есть первое и послѣднее слово новой музыки,— послѣднее не потому, чтобы некуда было уже идти, а потому, что оперная музыка долго не можетъ и не должна идти въ этомъ направленіи“, говорилъ я тогда. Мои слова оправдались болѣе, чѣмъ я ожидалъ: самъ г-нъ *** поторопился объявить „Каменнаго гостя“ исключительнымъ явленіемъ, а композиторы „кружка“, и до этой оперы и послѣ нея, уклоняются отъ слѣдованія цѣликомъ за Даргомыжскимъ: они щедрою рукою вводятъ хоры, которыхъ въ „Каменномъ гостѣ“ нѣтъ, не отказываются отъ дуэтовъ и тріо, которые въ этой оперѣ вовсе отвергнуты, и хотя признають речитативъ единственно дозволенною формою для разговоровъ на оперной сценѣ, однако стараются разнообразить свои оперы мелодическимъ элементомъ посредствомъ пѣсенъ, которыя они кстати (а иногда и совсѣмъ не кстати) влагають въ уста дѣйствующихъ лицъ.

Такое направленіе оперной музыки иные критики, даже не принадлежащіе къ „кружку“, признають „въ высшей степени симпатичнымъ“, видя здѣсь „стремленіе къ правдѣ, къ осуществленію новѣйшаго идеала музыкальной драмы“. Въ частности. и Даргомыжскому, и г. Мусоргскому они ставятъ въ заслугу то, что речитативы ихъ отлично сливаются съ словами текста, удачно передавая даже тонкіе изгибы рѣчи (г. Фаминцынъ). Въ речитативѣ, который, ради передачи акцентовъ простой рѣчи акцентами музыкальными, отрицаетъ

всякую условную форму, всякій мелодическій, гармоническій и ритмическій законъ, въ стремленіи и умѣнни композиторовъ „кружка“ иллюстрировать повышеніе и пониженіе человѣческаго голоса, изображать въ музыкѣ остановки, запинки и скороговорки, — они видятъ „самую свѣтлую сторону“ новой оперной музыки (г. Ларошъ).

Признаюсь, я, съ своей стороны, не вижу здѣсь ничего ни особенно свѣтлаго, ни симпатичнаго.

Композиторы стремятся къ „правдѣ“. Это правдолюбіе есть качество весьма похвальное. Но „правда“ имѣетъ свои границы.

Я помню, какъ Расплюевы «новой музыки», съ голоса г-на В. Стасова, восхищались этою правдою въ „Каменномъ гостѣ“. „Помилуйте (восклицали они), въ итальянщинѣ какой нибудь теноръ, объясняясь въ любви, поетъ арію: развѣ кто аріями объясняется въ любви? Въ итальянщинѣ вы встрѣчаете дуэты, тріо: развѣ двое-трое, въ жизни, говорятъ за разъ! Въ итальянщинѣ поетъ хоръ: развѣ, въ дѣйствительности, люди говорятъ хоромъ! И вотъ, въ „Каменномъ гостѣ“ — одинъ только речитативъ и ничего больше“.

Очевидно, что такое повиманіе правды слишкомъ грубо и позволительно только для доморощенныхъ философовъ, въ родѣ гоголевскаго Аммоса Ѳедоровича. Ужъ если дѣло пошло на музыкальную правду, которая изгоняетъ разговоръ аріями, то мы, строго логическимъ путемъ, дойдемъ до уничтоженія самой оперы. Аріями никто не разговариваетъ, — это правда. Но вѣдь и пѣвучимъ речитативомъ, да еще подъ аккомпаниментъ оркестра, тоже, въ дѣйствительности, не бесѣдуютъ. Стремясь къ такой правдѣ, Даргомыжскому слѣдовало бы изгнать изъ своей оперы и речитативъ, и оркестръ. Что же тогда останется отъ «Каменнаго гостя»? Одна му-

зыка пушкинскаго стиха? Да и ту, ради правды, придется изгнать изъ оперы, потому что стихами тоже никто не говорить и сами поэты, въ обыденной жизни, изъясняются прозою...

Правда—вещь хорошая, но молясь ей, все-таки лба разшибать не слѣдуетъ. А что же такое, какъ не разшибаніе лба, когда композиторъ, ради правды, отказывается отъ такого могучаго средства, какъ ансамбли, которыхъ не имѣеть въ своемъ распоряженіи драматическій поэтъ? Что такое, какъ не разшибаніе лба, замѣна арій речитатизма? Композиторы думаютъ найти правду въ уравненіи, въ сближеніи оперы съ произведеніями драматической поэзіи. Но вѣдь и въ драматической правдѣ слишкомъ много условнаго. Актеръ напр. говоритъ какую нибудь тайну; желая, чтобы о ней никто не узналъ, и говоритъ ее во всеуслышаніе массѣ публики: развѣ это „правда“? Сцена изображаетъ комнату, при чемъ комната оказывается состоящею только изъ трехъ стѣнъ, а всѣ свои разговоры актеры ведутъ у рампы, обращаясь лицомъ къ публикѣ, т. е. уткнувшись носомъ въ воображаемую четвертую стѣну: развѣ это „правда“? Развѣ бываютъ, въ дѣйствительности, комнаты о трехъ стѣнахъ и развѣ разговоры ведутся съ уткнутымъ въ стѣну носомъ? Но если вы желаете «правды», то нѣтъ основанія останавливаться на пол-пути, а нужно идти до конца. Но тогда придется вовсе закрыть и оперные и драматическіе спектакли, а опустѣвшіе театры посвятить Молоху сценической правды.

Вы, многоуважаемый Н. О., уже высказались противъ односторонняго примѣненія музыкальной декламации въ «Кашенномъ гостѣ» и противъ отсутствія въ немъ хоровыхъ силъ. Со всѣмъ этимъ нельзя не согласиться. Но, какъ мнѣ кажется, можно идти еще дальше и возставать не только про-

тивъ сплошнаго речитатива и защищать не только необходимость хоровъ, а ратовать также за ансамбли и за арии.

Возьмите ансамбли, которые Даргомыжскій изъ «Каменнаго гостя» совсѣмъ изгналъ, а гг. Мусоргскій и Корсаковъ, щедрые на хоры, почти не допускаютъ. Почему, при любви «новой оперы» къ хорамъ, она чувствуетъ такое нерасположеніе къ ансамблямъ и почему ансамбли хуже хоровъ?—это объяснять я не берусь, да едва-ли и сами они дадутъ на это основательный отвѣтъ. Не въ этомъ и дѣло. Я согласенъ, что въ старыхъ операхъ вы встрѣтите слишкомъ мало ансамблей, которые бы вытекали изъ развитія дѣйствія съ такою естественностью и необходимостью, какъ напр. квартетъ въ «Риголетто», или пред-финальный ансамбль въ «Севильскомъ цирюльникѣ» (1-й актъ). Въ большинствѣ же случаевъ, актерамъ, въ дуэтахъ и тріо, приходится пѣть одновременно такія вещи, которыя въ дѣйствительности, а также на драматической сценѣ, говорятся послѣдовательно одна за другою. Какіе нибудь влюбленные поютъ, перебывая одинъ другого и не слушая другъ друга, какое нибудь «*io t'amo*», вмѣсто того, чтобы каждый изъ нихъ прислушивался съ сладостнымъ біеніемъ сердца къ словамъ и голосу другаго, пока тотъ говоритъ. И однако, при всей «условности» дуэта, при всемъ несоотвѣтствіи его формы съ порядкомъ веденія любовныхъ разговоровъ въ дѣйствительности,—онъ не шокируетъ васъ и нисколько не напоминаетъ вамъ бесѣду двухъ подгулявшихъ людей, которые, отъ избытка подпившаго сердца, оба за разъ говорятъ и другъ друга не слушаютъ. Отчего это? На мой взглядъ причина ясна. Музыка не только иллюстрируетъ слова дѣйствующихъ лицъ, но и вводитъ васъ въ глубину ихъ душъ, звуками рисуя ихъ настроеніе, которое непрерывно владѣетъ ими, говорятъ ли они сами или слушаютъ рѣчь

другаго. Вотъ эта-то затаенная въ душѣ, одновременная непрерывность настроенія двухъ влюбленныхъ сердець, выступаетъ наружу въ звукахъ. Въ дуэтѣ такъ обр. нѣтъ обыденной правды, но есть та высшая правда, которая заставляетъ васъ забыть условность формы. Жертвовать этою высшею правдою для правды обыденной — нѣтъ ни малѣйшаго основанія: это значитъ отказываться, въ интересѣ уравненія оперы съ драматическимъ произведеніемъ, отъ такихъ средствъ, которыхъ нѣтъ въ драматическихъ произведеніи не потому, чтобы послѣднее больше оперы приближалось къ идеалу «правды», а просто потому, что они физически недоступны для драматурга, потому что поэзія, въ этомъ отношеніи, бѣднѣе музыки.

Столько же нераціональнымъ кажется мнѣ и изгнаніе арій, съ замѣною ихъ речитативомъ. Черезъ это въ оперѣ является недостатокъ мелодичности. Правда, г-нъ *** увѣренъ, будто «всякая послѣдовательность звуковъ есть мелодія» и, слѣдовательно, мелодіи (въ общепринятомъ смыслѣ слова) не нужны оперѣ. Но, во первыхъ, такое опредѣленіе мелодіи (по крайней мѣрѣ для непосвященныхъ) представляется весьма страннымъ: если «всякая» послѣдовательность звуковъ даетъ мелодію, то выходитъ, что самаго Россини можетъ заткнуть за поясъ тотъ гоголевскій поручикъ, который умѣлъ храпѣть во всю носовую завертку... Какъ хотите, а этотъ храпъ не замѣнитъ собою для слушателя даже худшей изъ россиніевскихъ арій. Во вторыхъ, сами речитативисты понимаютъ неодолимость для слушателя сплошнаго речитатива и, вслѣдствіе того, хлопчутъ разнообразить его вставными пѣснями дѣйствующихъ лицъ и хорами. Къ чему такая уловка?

Выигрываетъ ли отъ этого правда? Нѣтъ. Въ жизни

(какъ я уже сказалъ) точно также не говорятъ пѣвучими речитативами Даргомыжскаго, Корсакова и Мусоргскаго, какъ не говорятъ и аріями.

Выигрываетъ ли отъ этого эффектъ оперы? Нѣтъ,—напротивъ, проигрываетъ. Помимо общей монотонности, печать которой накладывается речитативомъ на оперу, недостаточность его особенно сильно чувствуется въ такихъ мѣстахъ, гдѣ (какъ напр. сцена у фонтана въ «Борисѣ Годуновѣ»), есть такія рѣчи, есть такія ситуации въ пьесѣ, въ которыхъ самый лучший драматическій актеръ не произведетъ такого сильнаго впечатлѣнія, какое произведетъ мелодію посредственный пѣвецъ. Возьмите вы ту сцену изъ «Marion Delorme», когда Маріонъ чувствуетъ въ своемъ сердцѣ первый порывъ любви къ Диде,—сцену, которая кончается ея словами: «j'aime». Пусть двѣ г-жи Делапортъ изображаютъ Маріонъ,—онѣ не найдутъ въ своемъ голосѣ тѣхъ чарующихъ нотъ, какими подѣйствуетъ на васъ даже утратившая голосъ пѣвица, какъ г-жа Платонова, если эту сцену положить на музыку даровитый мелодистъ... А композиторы кружка, вмѣсто того, чтобы пользоваться исключительно имъ принадлежащимъ богатствомъ средствъ, отказываются отъ него и своими речитативами заставляютъ пѣвца нисходить до драматическаго актера! Есть-ли тутъ смыслъ?

Достоинство речитатива они полагаютъ въ томъ, чтобы онъ возможно вѣрнѣе изображалъ простую рѣчь. Къ чему эта поддѣлка? Поддѣлка нужна тогда, когда нельзя или трудно достать тотъ предметъ, подъ который поддѣлываются. Но къ чему я буду расписывать свои стѣны подъ обои, если обои съ тѣмъ же самымъ узоромъ я могу просто купить въ магазинѣ—и это мнѣ обойдется и дешевле и скорѣе? Къ чему поддѣлываться въ речитативѣ подъ простую рѣчь, если

гораздо проще ввести эту рѣчь и, вмѣстѣ съ тѣмъ, вовсе уничтожить речитативы?

Композиторы новой музыки, лишая оперу тѣхъ эффектовъ, которые она получала до сихъ поръ отъ арій и ансамблей, думаютъ восполнить этотъ дефицитъ оркестровыми средствами. Свободную форму речитатива, сопровождаемаго оркестромъ, они считаютъ наиболѣе удобною для иллюстрированія текста и наиболѣе способствующею къ тому, чтобы расширить границы оперной музыки. Повидимому, это такъ: съ одной стороны, съ формою речитатива совмѣстны такіе тексты, которые отнюдь не укладываются въ форму арій, — а это даетъ возможность сохранять текстъ драматическихъ произведеній если и не сполна, то по крайней мѣрѣ, въ гораздо большей неприкосновенности, чѣмъ въ операхъ старыхъ направленій. Съ другой стороны, это даетъ полное преобладаніе оркестра надъ пѣніемъ; — а это для композиторовъ «новой музыки» именно и требуется, ибо средства оркестра, по ихъ мнѣнію, безграничны: оркестръ въ состояніи воспроизводить каждую картину, нарисованную поэтомъ, каждый оттѣнокъ его мысли; оркестръ въ состояніи дать характеристику кждаго дѣйствующаго лица, — словомъ, восполнить все то, что не можетъ быть выражено вокальными средствами.

Въ этой вѣрѣ во всемогущество оркестра я вижу крайнее увлеченіе. Отказываться въ музыкѣ отъ чарующей силы мелодіи, замѣняя ее речитативною поддѣлкою подъ простую рѣчь и отрывочными мелодическими фразами, — это значитъ отнимать отъ музыки ея душу. Чѣмъ, какъ не мелодіей, вы лучше всего передадите міръ чувствъ, впечатлѣній, ощущеній? А этотъ міръ и есть та область, которая составляетъ истинное достояніе музыки. Правда, эта область не велика сравнительно съ областью слова, но за то въ ней музыка

всесильна и здѣсь напрасно стала бы съ нею соперничать поэзія. Въ этой области для музыкальнаго языка доступно многое такое, что недостижимо для слова.

Слѣдить за каждымъ словомъ, за каждымъ оттѣнкомъ мысли поэта—композитору нельзя: не по одному только тому, что область слова шире области музыки, но и потому еще, что композиторъ и поэтъ, производя одно и тоже впечатлѣніе, достигаютъ его различными и такъ сказ. обратными путями. Поэтъ рисуетъ вамъ напр. картину тихой ночи, неподвижность теплаго, ароматнаго воздуха, блескъ мѣсяца на густой синевѣ небесъ и т. д. Эта картина возбуждаетъ въ васъ то чувство тишины, которое навѣваетъ на душу ясная, тихая, лѣтняя ночь. Композиторъ, наоборотъ, не имѣетъ у себя красокъ для того, чтобы нарисовать въ звукахъ ночь,—да ему и не зачѣмъ. Онъ безъ помощи этихъ образовъ, силою звуковъ, прямо и непосредственно можетъ пробудить въ васъ чувство, навѣваемое предельною ночью. Уже съ помощью этого чувства вызывается въ вашемъ воображеніи картина нѣмой, ясной, лѣтней ночи; но эта картина все-таки не имѣетъ той реальности, той полноты до мельчайшихъ подробностей, той опредѣленности красокъ и очертаній, какъ въ картинѣ поэта. Вы больше чувствуете ночь, нежели видите ее своими духовными глазами.

Какъ языкъ чувства, музыкальный языкъ долженъ ограничиваться своими средствами и способами выраженія. Онъ не долженъ гнаться за той степенью живописности и опредѣленности, которая для него недостижима. Оставаясь вѣрнымъ своему существу, онъ естественно долженъ отказаться и отъ стремленія слѣдить за каждымъ изгибомъ рѣчи, за каждымъ оттѣнкомъ мысли, за каждымъ образомъ поэта: если онъ дѣйствуетъ иначе, то онъ не только не истолкуетъ текста

и не усилить впечатлѣнія словъ, но (какъ справедливо заиѣтилъ г. Ларошъ) въ погонѣ за частностями у него пропадетъ то общее впечатлѣніе, которое производятъ слова безъ музыки, а прямая задача композитора должна состоять въ томъ, чтобы музыка, по общему дѣйствию, производила то же самое впечатлѣніе, которое производитъ избранный имъ текстъ.

За примѣрами ходить не далеко.

Возьмите знаменитый монологъ Лауры къ дону-Карлосу изъ „Каменнаго гостя“. Въ отвѣтъ на напоминаніе дон-Карлоса Лаурѣ о томъ печальномъ времени, когда для нея наступить старость и разеѣются всѣ ея нынѣшніе поклонники, — она отвѣчаетъ:

Зачѣмъ

Объ этомъ думать? Что за разговоры!
Иль у тебя всегда такіа мысли?
Приди, открой балконъ. Какъ небо тихо!
Недвижимъ теплый воздухъ, ночь лимономъ
И лавромъ пахнетъ, яркая луна
Влестить на синевѣ густой и темной
И сторожа кричать протяжно „ясно“.
А далеко, на сѣверѣ, въ Парижѣ,
Быть можетъ, небо тучами покрыто,
Холодный дождь идетъ и вѣтеръ дуетъ, —
А намъ какое дѣло?

Въ этомъ великолѣпномъ монологе высказывается беззаботность молодой женщины, которая живетъ настоящей минутой, отбрасывая всякую мысль о будущемъ. Противоположность роскошной ночи въ Севильѣ съ парижской, какъ легко видѣть, есть ни что иное, какъ случайное сравненіе, вмѣсто котораго Лаура могла прибѣгнуть къ какому нибудь иному сравненію.

Но что же дѣлаетъ Даргомыжскій? У него, при словахъ „дождь идетъ“, *staccato* изображаетъ паденіе дождевыхъ ка-

пель, а при словах „вѣтеръ дуетъ“ акомпаниментъ, хроматическою гаммою, представляетъ вой вѣтра. Къ чему все это, когда рѣчь идетъ вовсе не о парижской непогодѣ и самое парижское ненастье есть нечто иное, какъ такое предположеніе, которое можетъ быть и можетъ не быть, безъ всякаго различія для дѣла? Тутъ дѣло въ противоположности и въ беззаботномъ отношеніи къ будущему. Между тѣмъ, эта-то главная задача и ускользаетъ: речитативъ досадно замедляетъ естественное теченіе рѣчи, а оркестровая буря затемняетъ истинный смыслъ монолога, затушевывая впечатлѣніе словъ „а намъ какое дѣло“ — въ которыхъ весь смыслъ этого монолога.

И это называется у г-на *** „усиливать впечатлѣніе словъ!“ Признаюсь въ своемъ окаянствѣ: при всѣхъ нападкахъ на „вердятину“, я полагаю, что если бы, вмѣсто своего великолѣпнаго монолога, Лаура, по распоряженію либреттиста, сказала самую прозаическую фразу, напр., „Мнѣ до моей старости такъ же мало дѣла, какъ до прошлагодняго снѣга“, и пропѣла бы эти слова на мотивъ аріи Травіаты „Sempre libera“, — то эта арія была бы здѣсь гораздо умѣстнѣе и гораздо вѣрнѣе выразила бы мысль Пушкина, чѣмъ речитативъ Даргомыжскаго.

Или возьмите знаменитый монологъ Пимена изъ „Бориса Годунова“, когда Пименъ, припоминая прошедшее, говоритъ:

Давно-ль оно несло съ собою событій полно!

Теперь оно спокойно и безмолвно.

При словахъ „давно-ль оно несло съ собою событій полно“, у г. Мусоргскаго черезъ весь оркестръ, снизу наверхъ, проходитъ бурный триллеръ. Самъ г-нъ *** называетъ этотъ триллеръ „безпричиннымъ“, — а между тѣмъ стоитъ вспомнить текстъ Пушкина, чтобы понять причину:

Давно-ль оно неслось событій полно,
Волнуясь какъ море-окіянь,

говорить Пименъ у Пушкина. Вотъ этому-то сравненію и соотвѣтствуетъ триллеръ, изображающій бурное волненіе моря-окіяна. Никто не скажетъ, чтобы этотъ стихъ у Пушкина изображалъ невѣрно тревоженія житейскаго моря: напротивъ, сравненіе съ моремъ-окіяномъ великолѣпно дорисовываетъ картину, не нуждаясь въ помощи композитора. Между тѣмъ, музыкальное волненіе моря-окіяна является совершенно непонятнымъ безъ соотвѣтствующаго пушкинскаго стиха и, во всякомъ случаѣ, столь же неразумнымъ и неумѣстнымъ, какъ дождевое *staccato* и хроматическая гамма въ монологѣ Лауры.

Чтобы не идти слишкомъ далеко, ограничусь приведенными сейчасъ примѣрами. Употребленіе сравненій, уподобленій, метафоръ, въ рукахъ поэта производятъ совсѣмъ не то дѣйствіе, какъ у композитора. Когда поэтъ говоритъ напр. про своего героя, что

Онъ — агнецъ дома, левъ въ бою, —

то эти два сравненія не возбуждаютъ въ читателѣ отдѣльных самостоятельныхъ представленій ни о львѣ, ни объ агнцѣ, а рисуютъ въ его воображеніи только особенности человѣческаго характера. Но если композиторъ, желая передать звуками малѣйшій оттѣнокъ мысли поэта, изобразить кротость героя минорнымъ бляньемъ барана, то его музыка произведетъ на слушателя совсѣмъ иное впечатлѣніе, чѣмъ стихъ поэта. А какъ иначе, если не бляньемъ, дастъ композиторъ почувствовать присутствіе агнца въ своей музыкѣ? У поэта есть въ распоряженіи и „агнецъ“, и „барашекъ“, и „баранъ“; съ каждымъ изъ этихъ словъ въ воображеніи читателя связывается свое особое представленіе, и, притомъ, представленіе одухотворенное, оторвавшееся отъ того предмета,

который обозначается этими словами. Музыкальный языкъ не обладаетъ ни такимъ богатствомъ, ни такою духовностью. Въ подобныхъ случаяхъ *композиторъ тѣмъ вѣрнѣе передастъ мысль поэта, чѣмъ болѣе уклонится отъ буквального слѣдованія за его текстомъ.*

Музыкальный языкъ не способенъ и къ той быстротѣ движенія, къ тому одновременному разнообразію представленій, какъ слово.

Онъ агнецъ дома, левъ въ бою.—

Этимъ краткимъ стихомъ, въ этихъ шести словахъ, поэтъ даетъ вамъ цѣлыхъ четыре представленія: кротости и мирнаго семейнаго очага, мужества и грознаго боя. То, что успѣваетъ высказать поэтъ въ четырехъ стопахъ своего ямба, композиторъ едва ли успѣетъ высказать въ 20—30 тактахъ. Вмѣстѣ съ этимъ очевидно, что тѣ стихи, которые особенно поражаютъ своею краткостью и силою, не годятся для композитора, если онъ желаетъ передать звуками каждый оттънокъ мысли, почти сохранивъ безъ измѣненія и сжатость текста и быстроту движенія стиха.

Помимо того, нельзя не замѣтить и другой особенности музыкальнаго языка. Онъ не обладаетъ способностью изъ двухъ, трехъ и болѣе разнообразныхъ изображеній вызвать передъ вами новое, самостоятельное, особое представленіе, подчинивъ второстепенные образы главному. Отсюда выходитъ, что и *способъ живописи у поэта и композитора не можетъ быть одинаковъ.* Композиторъ напр. хоть и можетъ дать въ звукахъ характеристику героя, кроткаго въ семьѣ и мужественнаго въ бою, но отнюдь не тѣмъ способомъ, къ какому прибѣгаетъ поэтъ. Если же онъ задумалъ бы, по примѣру поэта, изобразить и шумъ боя, и блеянье, и тишину семейнаго очага, то мы получимъ не единое представленіе о характерѣ героя,

а три-четыре разнообразныя, самостоятельныя представленія, лишеныя между собою всякой связи. Они, пожалуй, могутъ быть связаны текстомъ поэта, — но эта связь будетъ чисто виѣшнею, насильственной. Безъ этого объяснительнаго текста, каждый слушатель не въ состояніи будетъ понять, въ чемъ тутъ дѣло: онъ можетъ подумать, что композиторъ желалъ изобразить или драку барановъ, или эпизодъ войны, когда непріятельскіе мародеры нападаютъ на мирно пасущееся стадо; но едва ли кто, кромѣ самого композитора, догадается, что тутъ заключается характеристика человѣка, мужественнаго въ бою и кроткаго въ семьѣ.

Ограничусь приведенными примѣрами. Мнѣ кажется, сказаннаго вполне достаточно, чтобы видѣть всю несостоятельность „новой“ оперной музыки съ ея стремленіемъ сохранять текстъ въ его первоначальной неприкосновенности, воспроизводя его іота въ іоту звуками и тѣмъ „усиливая впечатлѣніе словъ“. Въ предыдущемъ письмѣ я, сколько мнѣ думается, достаточно доказалъ, что драматическое произведеніе не нуждается въ композиторской помощи. Какъ бы хорошо оно ни было положено на музыку, все-таки на оперной сценѣ его будутъ смотрѣть изъ-за музыки; желающій же слушать не музыку на драматическое произведеніе, а самое произведеніе, въ его первоначальной неприкосновенности, — отправится смотрѣть его въ исполненіи на драматической сценѣ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, становится излишнею вся трогательная заботливость композитора о томъ, чтобы не обижать автора и сохранить въ неприкосновенности его текстъ. Автору нѣтъ ни малѣйшаго дѣла до композитора, и онъ съ полнымъ правомъ можетъ сказать ему: „Не трудитесь заботиться обо мнѣ, потому что драматической поэзіи нѣтъ до васъ ни малѣйшаго дѣла и моей драмѣ отъ вашей оперы ни тепло ни холодно;

лучше позаботьтесь о самомъ себѣ и, не стѣсняясь, дѣлайте съ моимъ произведеніемъ все, что вамъ понадобится въ интересѣ вашей оперы“.

Въ оперѣ музыкальный интересъ стоитъ на первомъ планѣ, — о немъ и долженъ прежде всего заботиться композиторъ; слова же служатъ только необходимымъ поясненіемъ къ музыкѣ. Поэтому, мнѣ представляется какою-то напрасною и безцѣльною рекламою, когда панегиристы покойнаго Даргомыжскаго кричали, что въ пушкинскомъ „Каменномъ гостѣ“ не измѣненъ ни одинъ стихъ, или когда г. Мусоргскій заявляетъ на оберткѣ либретто своего „Бориса“, что оно „составлено по Пушкину и Карамзину“ и, затѣмъ, въ выноскахъ усердно отмѣчаетъ всѣ тѣ сцены и монологи, которыя взяты изъ Пушкина безъ измѣненія или почти безъ измѣненія. Отъ либретто нужно только то, чтобы оно служило для композитора такую канвою, по которой ему удобно было бы выводить свои музыкальные узоры. Совершенно напрасно думать, что качества музыки находятся въ полной зависимости отъ качества текста, — напротивъ! Композитору гораздо легче написать прекрасную музыку на плохой, но удобной для него построенной текстъ, нежели сдѣлать хорошую оперу изъ прекрасной драмы, сохранивъ ея текстъ во всей его неприкосновенности, — не по одному только тому, что при этой неприкосновенности текста композиторъ лишается возможности разнообразить свою музыку ансамблями и хорами, но и потому еще, что, во многихъ случаяхъ, сцены, обладающія въ высокой степени драматическими и поэтическими достоинствами, совсѣмъ не сподручны для композитора. Возьмите, на примѣръ, одну изъ лучшихъ сценъ не только въ „Борисѣ Годуновѣ“, но и въ драматической литературѣ, — сцену въ кельѣ. Эта сцена у г. Мусоргскаго выпускается при представленіи „Бориса“ и, по словамъ самаго г-на *** „при-

надлежитъ въ цѣломъ къ числу неудачныхъ“. Причину этого г-нъ *** видитъ въ томъ, что „въ ней музыки очень мало, а речитативъ ея не мелодическій. Разказы Пимена объ Иванѣ Грозномъ и царѣ Феодорѣ ярки по краскамъ, но пусты по музыкальному содержанію: они состоятъ изъ незначащихъ речитативовъ, а оркестръ стремится главнымъ образомъ къ грубому декоративному звукоподражанію и рисовкѣ мелочей“. На мой взглядъ, коренная причина этой неудачи заключается въ томъ, что эта сцена не сподручна для композитора. Она слишкомъ длинна для оперы, въ ней слишкомъ много спокойнаго повѣствованія, которое даетъ поэту прекрасный случай обрисовать личность Пимена, но которое, попавши въ руки композитора, превышаетъ его средства. Какъ бы „звукъ двигающихся на нижнихъ нотахъ альтовъ ни хорошо олицетворялъ спокойствіе и правдивость Пимена“ (слова г-на ***)— все-таки его длинныя повѣствованія и разсужденія, по разнообразію своего содержанія, мало доступнаго для музыкальнаго изображенія, и по однообразію проникающаго ихъ настроенія, ведутъ къ тому, что композитору приходится или быть монотоннымъ, скучнымъ, или (какъ и поступилъ г. Мусоргскій) потеряться въ „рисовкѣ мелочей и грубомъ звукоподражаніи,“ которое затемняетъ общее впечатлѣніе, производимое этою классическою сценою.

До сихъ поръ, къ сожалѣнію, музыкальная наша критика не подвергла тщательному разбору ни пушкинскаго „Каменнаго гостя“, ни либретто „Бориса“, съ точки зрѣнія удобства ихъ для музыкальной композиціи. Но если бы критика серьезно занялась этимъ предметомъ, то (я увѣренъ) она могла бы несомнѣнно доказать, вопреки мнѣнію „кружка“, что пушкинскій „Каменный гость“ во многихъ своихъ мѣстахъ налагаетъ на композитора „бремя неудобноносимое“, а г. Фамин-

цынь, конечно, не сказалъ бы того, что говорить теперь, увѣряя будто „построеніе драмы у г. Мусоргскаго *вполнѣ удачно*“; онъ скорѣе пришелъ бы къ такому заключенію, что въ ея текстѣ слѣдовало передѣлать и вовсе исключить разныя вещи, въ которыхъ или слишкомъ мало, или даже вовсе нѣтъ „музыкальныхъ моментовъ“.

Отъ либретто нельзя требовать той отдѣлки въ очертаніи подробностей, той разработки характеровъ и положеній, какъ отъ драматическаго произведенія, какъ потому, что (какъ я уже говорилъ выше) способы музыкальнаго и поэтическаго изображеній различны, такъ и потому, что музыка своею силою можетъ дорисовывать то, что не досказано словомъ. Я уже не говорю про то, что, при тождественности текста, одно и то же произведеніе сколько нибудь значительнаго объема можетъ быть удобно представлено на драматической сценѣ, а на оперной сценѣ оно потребуеетъ столько времени для своего исполненія, что утомить самаго фанатическаго меломана.

Медленность движенія музыкальной рѣчи и неопредѣленность музыкальнаго языка обусловливають другое свойство опернаго либретто: въ немъ не должно быть той быстроты дѣйствія, того множества смѣняющихся событій, которыя нужны для произведенія драматической поэзіи. Съ такимъ богатствомъ дѣйствія композиторъ не успѣетъ справиться въ предѣлахъ того времени, которое можетъ быть отведено для сценическаго представленія его оперы. Безъ пользы для композитора тормозить его также и то обиліе мѣтко очерченныхъ драматургомъ дѣйствующихъ лицъ, которое составляетъ одно изъ великихъ достоинствъ Шекспира. Эта масса лицъ хороша разнообразіемъ ихъ характеровъ, различающихся иногда между собою весьма мелкими и тонкими чертами. У компози-

ора же, при упомянутой мною выше неопредѣленности музыкальнаго языка, не найдется столько красокъ, чтобы онъ могъ нарисовать массу лицъ со всѣми ихъ мелкими индивидуальными особенностями. Для композитора столько же нужна рельефность характеровъ въ его дѣйствующихъ лицахъ, какъ недоступна для его изображенія напр. та парадоксальность мыслей и тонкость почувствъ, которыми щеголяютъ „пословицы“ (proverbs) Альфреда Мюссе *).

Въ драматическомъ произведеніи, каждое лишнее дѣйствующее лицо, каждое лишнее слово, каждая сцена не существенно необходимая для хода дѣйствія составляютъ существенно-важный недостатокъ растянутости, которая охлаждаетъ впечатлѣніе. Въ такой мѣрѣ, какъ для драматическаго произведенія, строгая экономія въ постройкѣ для либретто

*) Я напередъ знаю, что на счетъ неопредѣленности музыкальнаго языка многіе музыканты не согласятся со мною. Можетъ быть, я ошибаюсь. Но въ пользу моего взгляда говорятъ многіе, на мой взглядъ, неопровержимые факты. Возьмите того же „Бориса Годунова“ г. Мусоргскаго. Въ концѣ предсмертнаго монолога Бориса къ сыну, въ оркестрѣ встрѣчается фраза, прямо заимствованная у Даргомыжскаго изъ любовныхъ воспоминаній Донъ-Жуана объ Инесѣ. Что менѣе этой фразы подходит къ монологу Бориса? — и однако она не рѣжетъ слухъ. Представлю другой примѣръ, еще болѣе рѣзкій. Представьте, что идетъ на драматической сценѣ „Борисъ Годуновъ“ и пьяный Варлаамъ произноситъ фразу „ну какой я Гришка“ такимъ страстнымъ тономъ, какимъ Донъ-Жуанъ, въ своемъ объясненіи съ донною Анною, говоритъ: „Когда-бъ я былъ безумецъ“ и проч. Фальшивость тона рѣзала бы ухо каждому самому невзыскательному и неразвитому слушателю. Между тѣмъ у г. Мусоргскаго эта фраза Варлаама есть ничто иное какъ фраза Донъ-Жуана, — и однако это тождество проходитъ для публики, даже для музыкально образованныхъ людей, незамѣченнымъ.

вовсе не требуется. Конечно, чѣмъ меньше лишнихъ лицъ и вводныхъ сценъ, тѣмъ лучше. Но экономію постройки всегда можно пожертвовать для того, чтобы имѣть случай разнообразить музыку ансамблями, хорами и дать композитору возможность разработать то или другое положеніе, не заботясь о томъ, что этимъ онъ замедляетъ ходъ дѣйствія.

Въ либретто „Бориса Годунова“ г-нъ *** находитъ тотъ недостатокъ, что въ немъ „нѣтъ сюжета, нѣтъ развитія характеровъ, обусловленнаго ходомъ событій, нѣтъ цѣльнаго драматическаго интереса,... такъ что васъ вовсе не занимаетъ, что будетъ дальше. Конечно, отчего не писать музыку и на отдѣльныя сцены,—но все же жалко, что въ этомъ случаѣ авторъ лишаетъ себя силы, происходящей отъ цѣльности впечатлѣнія“.

На мой взглядъ, сюжетъ, въ смыслѣ интриги, играетъ въ оперѣ второстепенную роль. Вполнѣ согласно съ сущностью музыки, какъ языка чувствъ, въ оперѣ интересъ отдѣльныхъ положеній всегда отодвигаетъ далеко на второй планъ интересъ общаго содержанія, завязки и развязки. Вопросъ „а что дальше будетъ“? — васъ всего менѣе занимаетъ въ оперѣ. Даже слушая оперы композиторовъ „кружка“, которые такъ выработаны о сюжетѣ, вы, оглушенные диссонансами ихъ, зѣвая до слезъ, томитесь только вопросомъ: „скоро ли кончится?“ — но и это нетерпѣливое ожиданіе относится только къ вамъ самимъ, а отнюдь не къ дѣйствующимъ лицамъ оперы. Сила музыки заключается въ томъ, что опера можетъ и восхитить васъ до неистовства. и растрогать до слезъ даже тогда, когда вы вовсе незнакомы съ либретто и представленіе идетъ на непонятномъ для васъ языкѣ. Пренебрегать этимъ свойствомъ музыки, которое сообщаетъ оперѣ международный характеръ и такъ сказ. вселенское значеніе, ради подчиненія

музыки тексту (какъ къ этому стремится „кружокъ“) — это значитъ бессмысленно бросать дѣйствительное сокровище ради какого-то фантома. Если же это такъ, то отъ либретто нужно требовать простоты сюжета и такого расположенія сценъ и связи ихъ между собою, чтобы (говоря словами Гофмана, см. цитату въ предыд. письмѣ) „дѣйствіе развивалось передъ глазами зрителя само собою, давая возможность понимать общій смыслъ пьесы лицамъ, даже непонимающимъ языка, на которомъ текстъ написанъ“ *).

Многое можно было бы и еще сказать, но предпочитаю кончить. Моя бесѣда съ вами, многоуважаемый Н. О., и безъ того перешла далеко тѣ границы, какія я предполагалъ въ началѣ, такъ что, пользуясь пріятнымъ правомъ на ваше вниманіе, я боюсь, не злоупотребилъ ли ужъ я этимъ правомъ?

*) Кстати на счетъ международности. Новаторы „бружка“ замѣняютъ установившіеся музыкальные термины русскими словами, напр. вмѣсто *moderato*—умѣренно и т. д. Не знаю, какъ вы, а я нахожу это нововведеніе, заимствованное нашимъ кружкомъ отъ нѣмецкихъ музыкальных новаторовъ, которые замѣняютъ итальянскіе термины нѣмецкими,—крайне непохвальнымъ. Въ настоящее время музыканту достаточно знать значеніе этихъ техническихъ словъ на одномъ итальянскомъ языкѣ, который въ области музыки играетъ роль въ родѣ той, какая принадлежитъ французскому языку въ мірѣ дипломатическихъ сношеній. Къ чему-жъ безъ нужды и безъ достаточнаго повода лишать музыкантовъ этого удобства? Каково-то имъ придется тогда, если явятся композиторы персидскіе, турецкіе, китайскіе — и всякій изъ нихъ примется обозначать музыкальные термины на своемъ родномъ языкѣ! Вѣдь бѣднымъ музыкантамъ придется посвящать много дорогого времени на обученіе всевозможныхъ алфавитовъ и обзавестись лексиконами языковъ всего земнаго шара.

Я не хотѣлъ (и не будучи записнымъ музыкантомъ, даже не могъ имѣть дерзкаго намѣренія) подробно, сполна исчерпать вопросъ о границахъ и средствахъ музыки и слова. Мнѣ хотѣлось только указать тѣ стороны вопроса, на которыя, какъ мнѣ кажется, не обращено до сихъ поръ достаточнаго вниманія въ спорѣ приверженцевъ „кружка“ съ его противниками. Если, въ настоящихъ моихъ письмахъ къ вамъ, мнѣ удалось указать на важность замѣченныхъ мною „недомолвокъ“ для повиманія и оцѣнки направленія „кружка“ нашихъ новаторовъ, то моя цѣль вполне достигнута. Если же, паче чаянія, въ моихъ письмахъ найдется хоть одинъ новый, дѣльный аргументъ противъ этого анти-музыкальнаго направленія „новой музыки,“ въ такомъ случаѣ я буду считать себя вознагражденнымъ „превыше мѣры содѣяннаго“.

1874.

ИЗЪ МОЕГО АЛЬБОМА ФОТОГРАФИЧЕСКИХЪ КАРТОЧЕКЪ.

I.

П. М. Садовскій.

Телеграфъ за послѣднее время принесъ намъ печальную новость, что 16 іюля скончался П. М. Садовскій. Со смертью его русское искусство понесло трудно вознаградимую потерю: такіе таланты, какъ говорится, рождаются вѣками и въ области искусства мы далеко не всегда можемъ воскликнуть: „Le roi est mort, vive le roi“! Много высокаго, чистаго наслажденія доставилъ онъ намъ, многими минутами разумнаго, человѣческаго смѣха обязаны мы великому нашему комику. Миръ его праху!

Покойный родился въ 1818 г. и, будучи четырнадцати лѣтъ, дебютировалъ въ Тулѣ, въ водевилѣ Скриба—„Ватель или потомокъ великаго человѣка“ въ роли Сезара, а черезъ семь лѣтъ, 6 апрѣля 1839 г., дебютировалъ въ Москвѣ, на Большомъ театрѣ, въ роли Жана Бижу, въ водевилѣ „Любовное зелье, или цирюльникъ-стихотворецъ“; онъ былъ принятъ въ московскую труппу и вскорѣ сдѣлался любимцемъ публики. Я былъ еще ребенкомъ, когда, въ первый разъ, видѣлъ Садовскаго въ роли купца, въ пьесѣ — „Складчина на ложу въ итальянскую оперу“ *). Я не помню ни содер-

*) Сколько помнится, въ этой же пьесѣ тогда игралъ и г. Шум-

жанія піесы, ни того, какъ исполнялъ свою роль Садовскій; у меня осталось только въ памяти, что онъ былъ въ лисьей шубѣ, крытой синимъ сукномъ, а декорация изображала корридоръ театра. Въ то время Садовскій уже былъ любимцемъ публики. Я помню тѣ толки, которые шли въ публикѣ, въ антрактѣ передъ этою піесою, что-моль мы увидимъ Садовскаго, который безподобенъ на этихъ роляхъ (т. е. въ роляхъ купцовъ); я помню тотъ смѣхъ, который вызвала его игра, и тѣ рукоплесканія, которыми награждала публика своего любимца. И я, ребенокъ, увлеченный общимъ одушевленіемъ, тоже хлопалъ и, вслѣдъ за другими во всю мочь кричалъ: Садовскаго! Садовскаго! съ такимъ усердіемъ, что мнѣ посовѣтовали умѣрить мои восторги. Публика такъ приняла его, что, съ этого спектакля, имя Садовскаго неизгладимо врѣзалось въ моей дѣтской головѣ. А онъ въ то время еще далеко не достигъ апогея своей славы.

Въ 1844 г. онъ получилъ первый бенефисъ и въ томъ же году женился. А между тѣмъ его репертуаръ все увеличивался новыми ролями, въ которомъ его могучій талантъ могъ все болѣе и болѣе проявлять свою силу. Такъ, напримеръ, покойный Щепкинъ передалъ ему свою роль Подколесина въ „Женитьбѣ“; вслѣдствіе отставки Орлова, ему перешла роль Осипа въ „Ревизорѣ“,—и кто не помнитъ, съ какимъ неподражаемымъ совершенствомъ созданы были имъ эти

скій, въ то время еще юный, начинавшій свою артистическую карьеру актеръ. Его знаменитость началась гораздо позже. Если я не ошибаюсь, онъ выдвинулся на первый планъ уже въ прїездъ въ Москву В. В. Самойловой, исполненіемъ ролей: поэта—въ „Житейской школѣ“, графа—въ „Провинціалѣ“ Тургенева, Загорѣцкаго въ „Горѣ отъ ума“ и др.

два типа! Въ половинѣ сороковыхъ годовъ онъ уже считался звѣздою первой величины въ московской драматической труппѣ, — той труппѣ, въ рядахъ которой стояли такіе художники, какъ Щепкинъ, Живокини, Мочаловъ, Сабурова, Рѣпина... *).

Въ 1851 г. Садовскій, въ свой бенефисъ, далъ „Короля Лира“, въ которомъ исполнялъ роль Лира. Этотъ бенефисъ былъ, что называется, событіемъ для Москвы. Не знаю, какъ теперь, но въ мое время русскій театръ былъ для Москвы вовсе не тѣмъ, чѣмъ здѣшній—для насъ, петербуржцевъ. Это—не Александринка, гдѣ, за исключеніемъ двухъ-трехъ театраль-ныхъ рецензентовъ, собираются люди балаганнаго пошиба. Русскій театръ въ Москвѣ нельзя приравнять даже къ Михайловскому театру, въ которомъ бываетъ нашъ „свѣтъ“,— бываетъ преимущественно потому только, что тамъ „принято“ бывать. Русскій театръ для Москвы былъ въ мое время дѣйствительно „храмомъ искусства“, привлекавшимъ

*) Нужно замѣтить, что московская драматическая труппа и въ послѣдующее время не оскудѣвала замѣчательными актерами (вспомнимъ гг. Шумскаго, Васильева, г-жъ Бороздину, Косицкую, Васильеву-Лаврову и др.); только въ послѣднее время и для нея наступаетъ нѣкоторое безвременье. Въ 1866 г., весной, мнѣ привелось быть въ Москвѣ и я видѣлъ комедію Мольера „Le mariage forcé“ („Хоть гресни, а женись“, въ пер. Ленскаго) въ исполненіи Садовскаго, Никифорова, Дмитревскаго и Сахарова. Эту же пьесу въ 1869 г., мнѣ удалось видѣть въ Парижѣ, въ знаменитомъ „Théâtre français“, который держится классическаго репертура и славится составомъ своей труппы. Пьеса Мольера прошла здѣсь не съ большимъ ансамблемъ, чѣмъ въ Москвѣ, а роли философъ были исполнены гг. Дмитревскимъ и Сахаровымъ положительно лучше, чѣмъ пресловутыми актерами театра „Comédie française“, пользующагося всесвѣтною извѣстностью

въ свои стѣны всю интеллигентную часть тамошняго общества. Вы встрѣчали тамъ нашего кавказскаго героя А. П. Ермолова, эту тучную, монументальную фигуру съ львиною головою подъ густою шапкою сѣдыхъ волосъ; покойнаго Н. Ф. Павлова чопорно одѣтаго, въ сѣдомъ паричкѣ, съ нервически моргающими глазами, человѣка, обладавшаго блестящимъ, нѣсколько парадоксальнымъ умомъ, замѣчательнымъ остроуміемъ и даромъ слова; знаменитаго автора „Семейной хроники“ и театрала С. Т. Аксакова; незабвеннаго Т. Н. Грановскаго, съ его какою-то симпатичною застѣнчивостью въ манерахъ и кроткимъ блескомъ задумчивыхъ глазъ; вѣчно взъерошеннаго, небрежно одѣтаго, съ угловатыми манерами, Ап. Григорьева, одного изъ лучшихъ нашихъ критиковъ, принадлежавшаго тогда къ такъ называемой „молодой редакціи Москвитянина“ и т. д. Въ партерѣ, въ фойе, вы могли услышать серьезные, поучительные, оживленные толки объ игрѣ актеровъ. Всѣ эти люди смотрѣли на сценическое искусство, какъ на дѣло серьезное, какъ на дѣло общественной важности, и съ живымъ интересомъ слѣдили за жизнью московскаго театра.

Помню я, съ какимъ трудомъ мнѣ пришлось доставать билетъ на бенефисъ Садовскаго. Вся Москва собралась смотрѣть знаменитаго комика въ роли Лира. Попытка Садовскаго не удалась: онъ не былъ тѣмъ „царемъ съ головы до ногъ“, какимъ создалъ своего героя Шекспиртъ; его игра не отличалась надлежащимъ одушевленіемъ; ему ставили въ упрекъ, что онъ былъ слишкомъ реаленъ. Дѣйствительно, онъ отбросилъ всю трагическую рутину и, можетъ быть, многіе упреки ему были справедливы. Но, во всякомъ случаѣ, въ исполненіи Лира были моменты, дышавшіе силою и поразительною правдою. Можно было бы пожалѣть, что Садовскій, подчинясь суж-

денію знатоковъ, не попробоваль своихъ силъ въ другихъ роляхъ этого рода; но ему и безъ того привелось сполна попытать свою силу на разнообразныхъ роляхъ и выказать всю мощь и разносторонность своего таланта.

Всѣ предшествующіе успѣхи Садовскаго блѣднѣють предъ тѣми восторгами, какіе въ 1853 году онъ имѣлъ въ комедіи Островскаго „Не въ свои сани не садись“ и потомъ (особенно) въ роли Любима Торцова. Тутъ его слава достигла своего зенита. Даже знаменитость Щепкина не могла сравниться съ тою популярностью, какою пользовался Садовскій. Я помню, съ какимъ уваженіемъ глядѣла наша университетская молодежь на Садовскаго, встрѣчая его въ знаменитомъ Барсовомъ трактирѣ, мѣстѣ сборища студентовъ и актеровъ. У Садовскаго гдѣ-то (кажется, около Патріаршихъ прудовъ) былъ свой собственный домикъ и онъ нерѣдко, въ халатѣ, сиживаль, въ послѣ-обѣденное время, на улицѣ, на столбикѣ передъ воротами; каждый проходящій москвичъ, увидавъ его тутъ, не могъ воздержаться, чтобы не сообщить шопотомъ своему сосѣду: „Садовскій“! Каждый пріѣзжій столько же обязанъ былъ видѣть на сценѣ Садовскаго, какъ посѣтить Новотроицкій трактиръ: быть въ Москвѣ и не видать Садовскаго, это было все равно, что быть въ Римѣ и не видать папы. Благодаря комедіямъ Островскаго, благодаря тому, что на московской сценѣ въ послѣдніе годы стали ставиться комедіи классическаго репертуара, Садовскій имѣлъ случай выказать всю мощь своего таланта, какъ въ бытовыхъ роляхъ, такъ и въ исполненіи общечеловѣческихъ типовъ, созданныхъ Шекспиромъ и Мольеромъ.

Въ 1859 году я уѣхаль изъ Москвы и потому, къ сожалѣнію, мнѣ удавалось видать Садовскаго на сценѣ изрѣдка, то во время моихъ наѣздовъ въ Москву, то во время пріѣздовъ его въ Петербургъ.

Садовскій не любилъ Петербурга, неохотно посѣщалъ его — и онъ былъ правъ. Правда, Александринскій театръ, на представленіяхъ Садовскаго, бывалъ биткомъ набитъ, а партеръ и бельэтажъ блистали фешенебельнымъ людомъ, который въ обыкновенное время не заглядываетъ въ нашу демократическую Александринку; Садовскаго осыпали рукоплеканіями. И не смотря на это, все-таки нужно сказать, что Петербургъ не могъ сполна понимать и цѣнить Садовскаго; покойный артистъ чувствовалъ, что онъ имѣетъ передъ собою не ту публику, какъ въ Москвѣ, а сортомъ далеко ниже. Такъ этому и слѣдовало быть. Какъ ни былъ высокъ Садовскій въ роляхъ общечеловѣческаго репертуара, онъ тѣмъ не менѣе былъ преимущественно дорогъ Москвѣ, какъ великій исполнитель бытовыхъ ролей, да и самому ему эти бытовые роли были болѣе по сердцу. Но именно въ этихъ-то роляхъ и не способенъ оцѣнить артиста Петербургъ. Ему плохо извѣстны типы тѣхъ самодуровъ Китовъ Китычей, тѣхъ Любимовъ Торцовыхъ, тѣхъ Осиновъ, тѣхъ отставныхъ подъячихъ Замухрышкиныхъ, которыми еще кипитъ коренная Русь и которыхъ съ такимъ неподражаемымъ совершенствомъ изображалъ Садовскій: не даромъ здѣшніе актеры въ такихъ роляхъ даже одѣться и гримироваться не умѣютъ, какъ слѣдуетъ. То, въ чемъ истый русакъ видитъ живье-живьемъ, то петербуржцу представляется простымъ буфонствомъ. Петербуржцу понятнѣе, родственнѣе какая-нибудь Фру-фру, или Беранжеровская гризетка

FretiПón

Qui mourra sans cotillon,

чѣмъ такіе коренные русскіе типы, какъ Китъ Китычъ и другіе герои Замоскворѣчья, которые мало по малу переводятся даже въ Москвѣ, а ужъ Петербургу и подавно кажутся какими-то допотопными мастодонтами. Петербургъ болѣе

понимаетъ общечеловѣческій трагизмъ и болѣе способенъ оцѣнить Рашель, когда та произносила свой знаменитый монологъ —

Rome, unique objet de mes ressentiments,—

чѣмъ реальный трагизмъ, чѣмъ Любима Торцова и жизненную правду той знаменитой сцены, которую заканчивалъ покойный Садовскій потрясающею фразою: „Прочь съ дороги! Любимъ Торцовъ идетъ!“ (я помню, какъ холодно въ послѣдній прїѣздъ Садовскаго въ Петербургъ отнеслась публика къ этой потрясающей сценѣ). Петербургъ болѣе способенъ оцѣнить внѣшній комизмъ актера, прибѣгающаго къ сверхъестественной гримировкѣ, къ какому-нибудь чудовищному картузу и невозможному фраку, нежели оцѣнить тотъ жизненный комизмъ, тѣ неутрированныя, но полныя высокой художественности и правды детали, какими отличалась игра Садовскаго въ его любимыхъ, бытовыхъ роляхъ.

Мнѣ скажетъ иной прогрессистъ: „И слава Богу, если Петербургъ такъ далеко ушелъ отъ нашей срединной Россіи, что ему мало понятны тѣ герои „темнаго царства“, тѣ самодуры, тѣ униженные, оскорбленные и нравственно искаленные самодурами личности, которыхъ рисуетъ Островскій и воспроизводитъ на сценѣ Садовскій. Слава Богу, если Петербургу все это „темное царство“ кажется не близко знакомою и родною картиною, а какою-то чудовищною фантазмагорією, о которой онъ знаетъ только по наслышкѣ!“

Конечно, это хорошо. Но знаете ли, читатель, что мнѣ приходится на мысль по этому поводу на счетъ Петербурга? На мой взглядъ, ни одно государство Европы не имѣетъ у себя такой оригинальной столицы, какъ мы. Въ самомъ дѣлѣ возьмите Лондонъ, Парижъ. Что такое Парижъ въ сравненіи, на примѣръ, съ Монпелье, или Кюлозомъ? Парижъ—тотъ же

Монпелье, тотъ же Кюлозь, но только разросшійся физически, развившійся умственно, роскошно обставившійся; Парижъ — это старшій братъ провинціальныхъ городовъ Франціи; въ его жилахъ течетъ та же кровь; у него съ его меньшими братьями одинъ складъ ума, одни вкусы, одинъ характеръ; они живутъ одною жизнью и хорошо понимаютъ другъ друга. Что же касается до Петербурга, то онъ — совсѣмъ не то, что Парижъ для Франціи: онъ какой-то обрусѣвшій иностранецъ, или обиностранившійся русскій, не помнящій родства. Ему мало понятно „темное царство“ Островскаго не потому, чтобы онъ слишкомъ далеко ушелъ отъ него въ своемъ развитіи а главнымъ образомъ по той причинѣ, что онъ — человѣкъ чужой, посторонній, у котораго кровной связи съ нашими захолустьями почти нѣтъ: никогда не было этой связи, или была она, да порвалась, и позабыта, — это все равно; дѣло только въ томъ, что кровной связи съ остальною Россіею и съ ея темными и свѣтлыми царствами Петербургъ почти не имѣетъ. Не будучи кровнымъ русскимъ, Петербургъ въ то же время и не чистый иностранецъ. Петербургъ болѣе всего походитъ на тѣхъ русскихъ, которые вырастаютъ за границую, знаютъ иностранные языки, какъ прекрасно обученные имъ русскіе, и владѣютъ своимъ роднымъ языкомъ, какъ обрусѣвшіе иностранцы; эти люди отрываются отъ своего роднаго корня и остаются межеумками, не имѣя возможности стать ни кровнымъ русскимъ, ни истымъ французомъ, ни настоящимъ англичаниномъ. Такіе люди иногда принимались за литературную дѣятельность, писали на разныхъ языкахъ — но, не имѣя корня (а „только коренью основаніе крѣпко, то и древо неподвижно“), они не могли занять виднаго мѣста ни въ одной литературѣ. Таковъ Петербургъ. Въ немъ жили и дѣйствовали многіе изъ нашихъ лучшихъ писателей, но Петер-

бургъ не далъ Россіи ни одного знаменитаго писателя, который былъ бы кореннымъ петербуржцемъ. Отсюда же объясняется, почему у насъ на александринской сценѣ идетъ гораздо глаже Оффенбахъ, чѣмъ Грибоѣдовъ, Гоголь, Островскій... Французскіе актеры нашего Михайловскаго театра считаютъ необходимымъ ѣздить, время отъ времени, во Францію, чтобы подкрѣплять свои силы французскими впечатлѣніями, французскимъ духомъ. Весьма похвальное обыкновеніе! Нашимъ александрійскимъ актерамъ тоже нужно было бы, время отъ времени, проживать въ провинціи, чтобы не забывать Россіи. Садовскій чувствовалъ себя иностранцемъ въ Петербургѣ, ему здѣсь было не по себѣ, да и Петербургу была не совсѣмъ къ лицу мѣшковатая фигура, московскіе вкусы и чисто русскій складъ ума нашего геніальнаго актера...

1872.

II.

В. И. Кельсіевъ.

На дняхъ въ Палюстровѣ умеръ, на 38-мъ году своей жизни, извѣстный Кельсіевъ. Узнавъ объ его смерти, я невольно порадовался за него: тяжела была ему, въ послѣдніе годы, его бесполезная, никому не нужная, разбитая, неудавшаяся жизнь! Онъ самъ это мучительно чувствовалъ, хоть, можетъ быть, и не сознавалъ ясно. Можно было напередъ сказать, что и люди, сторонившіеся отъ него послѣ возвращенія его въ Россію, и люди, принявшіе съ распростертыми объятіями этого раскаявшагося блуднаго сына, — одинаково постараются обойти молчаніемъ его смерть: первые — потому, что осуждать его неудобно, вторые — потому, что хвалить его не за что, ибо этотъ блудный сынъ оказался вовсе не та-

кимъ, какимъ они надѣялись его видѣть послѣ его возвращенія въ домъ отчій.

Я не затрудняюсь сказать о немъ нѣсколько словъ, потому что не имѣю въ виду ни сочинить въ честь его похвального слова, ни (всего менѣе) бросить въ него камень осужденія: въ него, и безъ меня (какъ выразился одинъ писатель) была брошена цѣлая мостовая. На этой свѣжей, преждевременной, сиротствующей могилѣ нельзя не пожалѣть о печальной судьбѣ человѣка, достойнаго лучшей участи. Въ его жизни было много увлеченій и ошибокъ, было—пожалуй—много смѣшнаго и жалкаго. Но онъ не былъ дурнымъ человѣкомъ и въ его жизни не было ничего безчестнаго, такъ чтобы забвеніе было для него всего необходимымъ.

Я познакомился съ нимъ осенью 1870 года и, въ теченіи зимы, встрѣчалъ его на литературныхъ журъ-фиксахъ въ одномъ домѣ. Потомъ, года полтора назадъ, я совсѣмъ потерялъ его изъ виду. Тяжелое, грустное впечатлѣніе производило на меня мои встрѣчи съ нимъ. Здоровье его въ то время было уже въ корень потрясено; имъ овладѣвала все больше и больше пагубная страсть къ вину, погубившая не одного русскаго человѣка: всякій разъ, когда бы я ни встрѣтилъ его, отъ него несло водкой, а руки тряслись, какъ у чистокровнаго пьяницы. Тѣ же самые люди, у которыхъ, въ первое время послѣ его возвращенія въ Россію, онъ былъ въ страшной модѣ, и которые приглашали къ себѣ гостей „на Кельсіева“, —потомъ стали тяготиться его посѣщеніями и начали относиться къ нему съ какимъ-то высокомернымъ пренебреженіемъ. Онъ какъ будто или не замѣчалъ этого, или не хотѣлъ замѣчать,—но атмосфера холодности тѣмъ не менѣе давала ему себя чувствовать. Онъ больше сидѣлъ молча-

ливо гдѣ-нибудь въ сторонкѣ; иногда, съ какою-то навязчивостью и апломбомъ, вступалъ онъ въ общій разговоръ. Но его не охотно слушали, его сужденія пропускались мимо ушей, его рассказы „о прожитомъ“ и видѣнномъ не вѣрили... Мнѣ бывало жаль его—и во мнѣ онъ находилъ внимательнаго собесѣдника и терпѣливаго слушателя.

Это былъ человѣкъ простой, довольно искренній, не рисовавшійся (какъ рисовался бы иной на его мѣстѣ) и всего менѣе обладавшій ловкостью и хитростью тѣхъ проходимцевъ, которыми кишитъ Петербургъ и которые очень ловко умѣютъ обдѣлывать свои дѣлишки. Въ его рассказахъ о заграничной жизни онъ мало говорилъ о себѣ и въ немъ я не замѣчалъ той хвастливости, которую его литературные враги находили въ его печатныхъ воспоминаваніяхъ. Въ немъ не замѣчалъ я также и той рьяности, которая свойственна вновь обратившимся неопитамъ. О своемъ эмигрантствѣ онъ вспоминалъ безъ горечи, но и безъ фатовства, хотя онъ, какъ я замѣчалъ, былъ доволенъ своею бывалостью; его отзывы о лицахъ, съ которыми ему привелось водиться въ этотъ періодъ жизни, были добродушны, беззлобны, а объ иныхъ онъ отзывался даже съ теплымъ сочувствіемъ. Словомъ, онъ производилъ на меня такое впечатлѣніе: это былъ человѣкъ мало симпатичный, для меня было бы въ тягость болѣе короткое знакомство съ нимъ (вообще, знакомство съ запивающимъ человѣкомъ не совсѣмъ пріятно). Но какъ человѣкъ, онъ былъ на самомъ дѣлѣ гораздо лучше, чѣмъ могутъ представлять его себѣ люди, лично не знавшіе его, по тѣмъ враждебнымъ отзывамъ, которыми были встрѣчены въ печати его рассказы о своихъ заграничныхъ походахъ,—и во всякомъ случаѣ лучше многихъ тѣхъ людей, которые позволяли себѣ глядѣть на него свысока.

Его недостатки и особенности его характера свойственны многим русскимъ людямъ, и несчастіе Кельсіева заключалось только въ томъ, что ему въ жизни выпала роль не по силамъ. Онъ принадлежалъ къ разряду тѣхъ талантивыхъ и самолюбивыхъ людей, изъ которыхъ обыкновенно не выходитъ ничего особеннаго. Всю жизнь ихъ гложетъ червь неудовлетворенной жажды дѣятельности, но никакой дѣятельности они беззавѣтно не въ состояніи полюбить и предаться ей вполне не могутъ. Они способны пожертвовать даже своею жизнью ради задуманной ими цѣли,—но долго, упорно, непреклонно преслѣдовать эту цѣль они не въ силахъ. Каждое возможное и доступное для нихъ дѣло, которому они на первыхъ порахъ предаются со всемімъ увлеченіемъ страсти, потомъ скоро представляется имъ мелкимъ, скучнымъ,—и они бросаютъ его и принимаются искать другаго дѣла, болѣе крупнаго, которымъ бы они сразу могли облагодѣтельствовать міръ и мгновенно прославить свое имя въ вѣкахъ. Имъ нравится не столько самъ подвигъ, сколько его красота. Они не могутъ посвятить себѣ такому дѣлу, гдѣ вся честь подвига не можетъ принадлежать имъ. Ихъ неустойчивость равняется ихъ заносчивости; они считаютъ, что человѣчество должно преклониться передъ ними прежде, чѣмъ они приобрѣтутъ на то право,—не ради того, что они сдѣлали, а ради того, что собираются сдѣлать. Но человѣчество, какъ извѣстно, не даетъ знаменитости въ кредитъ, въ честь будущихъ доходовъ,—а это недовѣріе человѣчества дѣйствуетъ на такихъ людей охлаждающимъ образомъ. „Нѣтъ, это не мое призваніе, надо попробовать другое поприще“, думаютъ они—и въ этомъ бесплодномъ исканіи проходитъ вся ихъ жизнь.

Таковъ былъ Кельсіевъ. Еще съ дѣтства (по разсказу одного его товарища) онъ любилъ читать романы, перепол-

ненные разными заговорщиками и кровавыми сценами. „Онъ имѣлъ склонность ко всему особенному и часто, закутываясь въ одѣяло на постели, мечталъ видѣть себя или въ битвѣ, впереди войска, или ночью, въ черномъ плащѣ на красной подкладкѣ, при свѣтѣ факеловъ, на какомъ-нибудь тайномъ совѣщаніи“. Послѣ коммерческаго училища, въ 1855 г., онъ поступилъ въ здѣшній университетъ по факультеру восточныхъ языковъ. Въ то время шла крымская война—и были радикалы, (какимъ вскорѣ потомъ сдѣлался Кельсіевъ), которые желали, чтобы эта компанія кончилась для насъ неудачно. Кельсіевъ въ то время не только не принадлежалъ къ числу такихъ радикаловъ, но даже пожелалъ было идти на защиту отечества. Впрочемъ, это его намѣреніе не осуществилось: тогда вышелъ указъ о томъ, чтобы вольно-опредѣляющіеся новобранцы оставались въ резервахъ, — и Кельсіевъ, мечтавшій о военной славѣ, разумѣется отложилъ намѣреніе поступать въ военную службу. Въ 1857 году онъ вышелъ изъ университета, не кончивъ курса, и вскорѣ поѣхалъ на службу сѣверо-американской компаніи, но до Ситхи не доѣхалъ, а попалъ въ Плимуть, остался въ Лондонѣ и изъ защитниковъ отечества вступилъ въ кружокъ русскихъ эмигрантовъ. Уже въ это время онъ производилъ впечатлѣніе чловѣка, который „учился всему на свѣтѣ и ничему не научился до тла, читалъ всякую всячину и надо всѣмъ ломалъ довольно бесплодно голову, который отъ постоянной критики всего общепринятаго раскачалъ въ себѣ всѣ нравственныя понятія и не приобрѣлъ никакой нити поведенія. Онъ не осѣлся, не дошелъ ни до какого центра тяжести, но былъ въ полной ликвидаціи всего нравственнаго имущества. Равно подозрительно и съ недовѣріемъ относился онъ и къ вѣрѣ, и къ невѣрію, къ русскимъ порядкамъ и къ поряд-

камъ западнымъ“. Онъ почерпнулъ знаній на столько, чтобы во всемъ сомнѣваться, и не могъ выйти изъ этого заколдованнаго круга, не могъ шагнуть еще далѣе на столько, чтобы къ чему-нибудь примкнуть. Такимъ, сколько я понимаю его, онъ остался и до конца жизни: онъ усталъ, но не измѣнился; онъ вѣрилъ, что дошелъ до положительныхъ убѣжденій, но не имѣлъ ихъ на самомъ дѣлѣ.

И вотъ, застрявъ въ Лондонѣ, Кельсіевъ примкнулъ къ кружку нашихъ эмигрантовъ, увлекся ихъ идеями и поторопился сжечь за собою корабли. «Не было (говоритъ онъ самъ) ни малѣйшаго повода отрѣзываться отъ Россіи и идти въ наше генеральное консульство, чтобы объявлять, что я не считаю себя болѣе русскимъ подданнымъ. Никто меня не зналъ, ни во что я не былъ замѣшанъ, впереди мнѣ предстояла довольно не дурная карьера; впереди все было свѣтло и даже завидно. Но я все бросилъ безъ всякой причины, безъ всякаго толчка. Подробнаго отчета я дать себѣ не могъ». Для него причина была непонятна; для всякаго другаго она ясна: это — тотъ червякъ, который вѣчно гложетъ душу иного русскаго человѣка, это — страсть къ скитанью, желаніе громаднаго подвига, жажда великой судьбы. Иному человѣку полученіе выгоднаго мѣста при сѣверо-американской компаніи было бы предѣломъ желаній, по крайней мѣрѣ на первое время. Но для Кельсіева, жаждавшаго быть виднымъ дѣятелемъ всемірной исторіи, такая карьера, конечно, не улыбалась. Въ то время, въ его руки отдала свою судьбу женщина, поѣхавшая съ нимъ въ Ситху; у нихъ былъ уже ребенокъ и скоро долженъ былъ родиться другой. Промѣнять покойную и достаточную жизнь на рискованную, исполненную тревоженій жизнь эмигранта, — значило поставить на невѣрную карту не только свою будущность, но и будущность се-

мейства. Къ сожалѣнію, такіе люди, какъ Кельсіевъ, всего менѣе способны на то, чтобы пожертвовать для счастья своихъ близкихъ своими фантастическими планами и смирять беспокойныя порыванія своего эгоизма.

Въ Лондонѣ онъ нашель себѣ занятія и могъ жить безбѣдно; его переводъ библіи и сборникъ о раскольникахъ расходились успѣшно. Но такая дѣятельность не удовлетворяла его. На время успокоившійся червякъ скоро проснулся и снова сталъ тревожить его. Онъ непрерывно бросался отъ одного дѣла къ другому, привимался за новую работу, не кончивъ старой, работалъ и ничего не дѣлалъ запоемъ, схватывалъ вещи легко и тотчасъ удовлетворялся до пресыщенія. Между прочимъ, изучая расколъ, онъ увлекался имъ и ставилъ идеаломъ своей жизни скитаться между сектантами, стать во главѣ ихъ и сдѣлаться учителемъ соціально-христіанскаго раскола въ Бѣлорусіи или Россіи.

Поѣздка его въ Петербургъ, въ званіи лондонскаго эмиссара (1862 г.), окончательно вскружила ему голову. Эта поѣздка дала ему случай отвѣдать сладость быть на первомъ планѣ. Возвратясь въ Лондонъ, онъ уже не могъ снова сойти на второй планъ въ кружкѣ тамошнихъ эмигрантовъ. Его прежняя скромная литературная дѣятельность уже окончательно перестала удовлетворять его; работать онъ не могъ; имъ все сильнѣе и сильнѣе овладѣвала ипохондрія и жажда попасть въ самый водоворотъ жизни и практической дѣятельности.

И вотъ, Кельсіевъ отправился въ Турцію и поселился въ Тульчѣ, желая тамъ учредить средоточіе своей пропаганды между раскольниками и сдѣлать опытъ общинной жизни. Въ слѣдующемъ году пріѣхалъ туда къ нему изъ Россіи его меньшой братъ.

Въ Тульчѣ, повидимому, нашель наконецъ Кельсіевъ ту дѣятельность, которая должна была удовлетворить его. Тутъ, повидимому, онъ наконецъ попалъ на ту судьбу, о которой мечталъ съ дѣтства. Но здѣсь-то и начался для него рядъ тяжелыхъ неудачъ и горькихъ разочарованій. Общинное житье распалось, пропаганда не удавалась, раскольники оказались вовсе не такими людьми, какими воображалъ ихъ Кельсіевъ, и всего менѣе склонны были къ тому, чтобы идти послушнымъ стадомъ за нимъ, какъ за своимъ пастыремъ. Между тѣмъ, средствъ къ жизни не было; бывали дни, когда онъ съ семействомъ буквально сидѣлъ безъ хлѣба. Эти удары были выше его силъ; онъ запилъ. Послѣ долгихъ стараній ему удалось получить въ Галацѣ скромное мѣсто надсмотрщика за шоссевыми дорогами. На такую мизерную роль свела судьба его широкіе замыслы! Его грызла скука, онъ задыхался въ дикой атмосферѣ азіатскихъ порядковъ. Ко всему этому присоединились еще и семейныя несчастія. Въ 1864 году умеръ отъ тифа его братъ, котораго онъ горячо любилъ; въ слѣдующемъ году холера похитила у него дѣтей; вслѣдъ за ними умерла и страдалица, его жена, отъ острой чахотки.

Революціонная дѣятельность не удалась ему; въ Тульчѣ онъ поставилъ самую крупную ставку и позорно проигралъ ее. Эта ставка была послѣдней; онъ усталъ, изнемогъ. Еще два года онъ пространствовалъ за границей, но жизнь эмигранта сдѣлалась ему невыносимой,—и въ 1867 году онъ предался въ руки русскаго правительства.

Онъ получилъ полное прощеніе съ правомъ поступить на службу и жить въ Петербургѣ.

Первое время по возвращеніи въ Россію отчасти могло напомнить ему тѣ дни, когда онъ пріѣзжалъ сюда лондонскимъ эмигрантомъ. Онъ сдѣлался героемъ дня; въ его скромной квар-

тирѣ бывали не только литераторы, но и тузы нашей бюрократіи, которые никогда не заглядываютъ въ такіе скромные кабинеты не эмигрировавшихъ литераторовъ. Кельсіевъ былъ на столько неловокъ и прямодушенъ, что не успѣлъ извлечь для себя матеріальныя выгоды въ періодъ своихъ успѣховъ и не могъ упрочить за собою своего моднаго положенія. Къ нему скоро привыкли, мода на него прошла, привилегированное его положеніе кончилось,—а червякъ опять проснулся и снова принялся его глотать. Все, что онъ писалъ, не выходило изъ уровня посредственности и встрѣчало или враждебные отзывы, или обходилось молчаніемъ, еще болѣе оскорбительнымъ, чѣмъ брань. И вотъ къ чему онъ пришелъ! Позади — ничего утѣшительнаго, впереди — скромная карьера второстепеннаго русскаго литератора; испробованные пути не удались, новыхъ — нѣтъ; силы истрачены напрасно: пришлось смириться! Но смириться и войти въ мирную колею зауряднаго человѣка такіе люди не могутъ. Кельсіевъ снова началъ пить: здоровье его окончательно распаталось; жизнь семьею ему не удалась; тотъ литературный кружокъ, къ которому единственно онъ могъ примкнуть, отшатнулся отъ него; онъ все болѣе и болѣе становился никому ненужнымъ человѣкомъ. Понятно, что онъ долженъ былъ впасть въ апатію; онъ сталъ чуждаться общества; ему хотѣлось уйти отъ людей куда-нибудь и домаачить жизнь въ глуши; ему нужно было забвеніе и покой—а гдѣ ихъ взять? Тяжелое состояніе!.. А ему еще не было сорока лѣтъ и будущность грозила долгой жизнью, которой некуда было дѣвать... Къ счастью, онъ никогда не обладалъ крѣпкимъ здоровьемъ и смерть пришла къ нему на выручку скорѣе, чѣмъ можно было ожидать.

4-го октября онъ умеръ, отъ паралича сердца, забытымъ, бездомнымъ бѣднякомъ—и только немногіе изъ друзей пришли

бросить горсть земли на его могилу... *Sit tibi terra levis!* Этой тревожной натурѣ, этому неудачливому человѣку, больше чѣмъ кому, нуженъ былъ вѣчный отдыхъ...

«*P n'y a du bonheur que dans les voies communes*», сказалъ Пушкинъ. Великая истина! Но дѣло въ томъ, что не всякій человѣкъ можетъ идти по этой торной дорожкѣ и довольствоваться мѣщанскимъ счастьемъ...

1872.

III.

И. Д. Бѣляевъ.

Съ грустнымъ чувствомъ прочелъ я въ газетахъ извѣстіе о смерти московскаго профессора И. Д. Бѣляева... Однимъ глубоко добрымъ и честнымъ человѣкомъ стало меньше на свѣтѣ....

«*Auch bin ich in Arcadien geboren*». И я былъ московскимъ студентомъ. Къ сожалѣнію, я уже не засталъ его въ томъ полномъ блескѣ, какой окружалъ его въ 40-хъ годахъ. Незабвенный инспекторъ Платонъ Степанычъ Нахимовъ,—этотъ безконечно добрый и честный «Флаконъ Стаканычъ», этотъ чистый душою младенецъ до сѣдыхъ волосъ, имя котораго дорого сердцу каждаго студента его временъ,—уже лежалъ въ могилѣ, когда я еще учился въ гимназіи. Та плеяда профессоровъ, которые дали московскому университету вполне заслуженную и всероссійскую извѣстность, распадалась, потому что инья свѣтила или умерли (напр. Павловъ, Крюковъ), или оставили профессуру (напр. П. Г. Рѣдкинъ), а другіе—тускнѣли (напр. покойный Морошкинъ). Словомъ, я засталъ уже закатъ величественнаго дня; но и закатъ этотъ былъ прекрасенъ, и московскій университетъ все еще состоялъ въ рангѣ какой-то Мекки, куда на научное богомолье рва-

лась съ благоговѣніемъ молодежь со всѣхъ концовъ Россіи. На моихъ глазахъ сошли въ могилу послѣднія свѣтила, до конца разливавшія вокругъ себя свѣтъ и теплоту: Рулье, Грановскій, Кудрявцевъ... На моихъ глазахъ кончилъ свою славную жизнь старый «строгоновскій» университетъ и передалъ свое дѣло сыну и наслѣднику—«новому» московскому университету. Рушились прежніе патріархальные порядки, которые въ свое время давали такъ много пищи студенческому остроумію, но которые и до сихъ поръ воспоминаются бывшими студентами съ добродушнымъ умиленіемъ; рушились прежнія отношенія между профессорами и студентами, потому что измѣнились и студенты и профессора. Кружокъ Грановскаго смѣнился кружкомъ Чичерина и К^о. вмѣсто кроткаго, полного любви къ молодежи и тихой грусти, вдохновеннаго слова Грановскаго раздался крикливый, жесткій, нестерпимо самоувѣренный голосъ новыхъ свѣтилъ съ ихъ черствымъ доктринерствомъ, съ безсердечнымъ мудрованіемъ... Эти новыя свѣтила горделиво вели свой родъ отъ Грановскаго; но между нимъ и ими лежала такая же бездна, какъ между соколовыми и началомъ шестидесятыхъ годовъ. Правда, и Грановскій считалъ ихъ своими учениками, но они еще были птенцами, когда онъ жилъ... Если бы онъ дождался того времени, когда его птенцы оперились и стали дѣйствовать и мудрить,—что сказалъ бы онъ? Кто знаетъ! Мнѣ кажется впрочемъ, что онъ сдѣлалъ бы то же, что Лафатеръ, когда тотъ увидалъ портретъ Гете, котораго до тѣхъ поръ зналъ по его сочиненіямъ и представлялъ совсѣмъ не такимъ, какимъ былъ въ дѣйствительности великій поэтъ: — Лафатеръ увидалъ свою ошибку и заплакалъ...

Я не жалѣю о прошломъ. Къ чему жалѣть? Что было, то было; поросло и того не вороташь; что умираетъ, то

умерло очевидно потому, что не может существовать при новыхъ условіяхъ жизни. Къ чему же бесплодное сожалѣніе? Я могу только желать, чтобы московскій университетъ снова занялъ, такъ или иначе, то мѣсто, какое онъ занималъ прежде. Я ему искренно желаю этого въ благодарность за тѣ свѣтлые дни молодой жизни, которые я провелъ въ немъ, за дорогія воспоминанія, за ту облагороживающую человѣка любовь къ нему, какую онъ вселялъ студентамъ моего времени... Жалокъ тотъ изъ моихъ товарищей, кто не вынесъ этихъ чувствъ! Жалокъ тотъ кто имѣлъ ихъ, да растерялъ!

И. Д. Вѣляевъ хотъ и вступилъ, впервые, на университетскую кафедру уже въ мое время, но по всему своему складу принадлежалъ къ порядкамъ добраго, стараго время. За это онъ всегда былъ особенно дорогъ моему сердцу.

Старый холостякъ, простодушный какъ младенецъ, чуждый всякихъ свѣтскихъ условій и приличій, недоступный голосу тщеславія и честолюбія, не знавшій никакихъ развлеченій, незнакомый съ комфортомъ жизни, вѣчно зарытый въ своихъ рукописяхъ и книгахъ, безкорыстно и беззавѣтно преданный изученію русской исторіи, — И. Д. Вѣляевъ принадлежалъ къ числу тѣхъ аскетовъ науки, которые переводятся теперь даже въ Москвѣ; это былъ (какъ выразился про него одинъ его пріятель) „евангельскій человѣкъ“; кто его зналъ, тотъ не могъ не любить его и не уважать.

Какъ теперь вижу я его нескладную, некрасивую, вѣчно наклоненную впередъ фигуру съ вихрастой головой и кривой ногой. Какъ живой рисуется онъ передо мной, когда онъ, бывало, ковлялся на лекцію въ университетъ въ картузѣ и камлотовой шинели, или когда бывалъ на вечернихъ сходкахъ въ домахъ своихъ собратьевъ по службѣ или литературѣ, „прифрантившись“ въ поношенный сюртукъ, въ какой-нибудь

клѣтчатый жилетъ, съ серебряной луковицей въ карманѣ и въ миткалевой манишкѣ безъ воротничковъ. Замѣчательно, что, не смотря на всю его чудаковатую внѣшность, въ немъ не было ничего смѣшнаго, ничего рѣжущаго глазъ,—можетъ быть потому, что въ немъ не было ничего напускнаго, дѣланнаго. Онъ былъ простъ въ обращеніи и одинаковъ всегда—сидѣлъ ли онъ въ своемъ убогомъ кабинетѣ, среди своихъ учениковъ-студентовъ, или находился въ какомъ нибудь великолѣпномъ салонѣ московскаго мецената. Онъ не зналъ тѣхъ различій въ обхожденіи съ людьми, смотря по ихъ общественному положенію, на которыя такъ изобрѣтателенъ русскій человѣкъ, по замѣчанію Гоголя. Онъ былъ застѣнчивъ со студентомъ, пока не ознакомится съ нимъ; но въ то же время, съ тою же скромной простотой, онъ могъ понюхать табакъ изъ табакерки самого Далай-Ламы, не подозрѣвая того, что передъ такой важной персоной нужно сдѣлать руки по швамъ, а не то, чтобы залезать пальцами къ нему въ табакерку. Этихъ тонкостей Иванъ Дмитріевичъ не понималъ до конца своей жизни.

Въ первый разъ я былъ у него въ домѣ въ 1853 году, въ одно изъ воскресеній утромъ, когда покойный принималъ у себя и студентовъ, и знакомыхъ (четверговъ въ то время у него еще, сколько мнѣ помнится, не было). Онъ жилъ въ деревянномъ, некрашенномъ домѣ на углу Проточнаго и какого-то другаго переулка (имя его я теперь не помню). Дѣло было въ концѣ марта и стоялъ тотъ ясный, жаркій, почти лѣтній день, когда (говоря словами Тургенева) „все таетъ, валится, течетъ, въ воздухѣ стоитъ тяжелый, сильный, душный запахъ разрытой земли, а солнце такъ и бьетъ, такъ и разитъ“. Еле пробравшись по лужамъ и грязи Проточнаго переулка, я окончателно рисковалъ завязнуть въ грязи на дворѣ

дома, гдѣ жилъ Бѣляевъ. (У него изъ квартиры была дверь, хотя и выходящая на улицу, но безъ звонка и постоянно на заперти, такъ что все ходили черезъ дворъ, кромѣ особенно почетныхъ лицъ, прїѣзжавшихъ съ ливрейными лакеями: лакей доложить, бывало, о прїѣздѣ такого-то, и тогда кто нибудь изъ домашнихъ Бѣяева, въ торопливыхъ поспѣхахъ, скажетъ ему о прїѣхавшемъ и поспѣшитъ отпереть парадную дверь на улицу). На дворѣ разгуливаетъ разная домашняя птица; меня осадил двѣ собаки лаемъ. Кое-какъ защищаясь отъ нихъ, всхожу по узенькой, скользкой лѣстницѣ, съ мокрыми, обмерзлыми ступенями, на крытую „галдарейку“; тутъ окончательно осаждаютъ меня третья, презлая бѣлая дворняшка. Послѣ разныхъ эволюцій съ собакой и не смотря на ея отчаянный лай, не вызвавшій на галдарейку никого ко мнѣ на помощь, я достигъ какой-то двери и вошелъ, на удачу, въ маленькую, темную кухню, гдѣ меня обдало дымомъ и запахомъ жаренаго масла. „Здѣсь живетъ профессоръ Бѣляевъ?“ спросилъ я у старой женщины, возившейся, съ засученными рукавами, около печи. „Здѣсь“. — Въ то время въ Москвѣ не было обычая говорить прислугѣ *вы* и потому я сказалъ: „Доложи, матушка, ему...“ Но судите о моемъ конфузѣ, когда эта женщина, вытаскивая горшокъ изъ печи, отвѣчала: „А идите просто, у Вани ужъ есть гости“. Я узналъ потомъ, что эта старушка была мать Бѣяева. Бѣляевъ имѣлъ порядочныя средства и не былъ скупъ; много денегъ уходило у него на помощь многочисленной роднѣ, но и самъ онъ, и его мать не понимали комфорта, не чувствовали потребности жить лучше, чѣмъ они жили, а мать справляла разныя, бѣлыя и черныя дѣла по хозяйству, потому что считала это непремѣннымъ долгомъ хорошей хозяйки дома.

Изъ темной кухни вхожу въ слѣдующую, маленькую ком-

нату совсѣмъ безъ оконъ: это—передняя. Не смотря на то, что она выходитъ на парадный (какъ я уже сказалъ, вѣчно запертый) подъѣздъ и что, слѣдовательно, черезъ нее проходятъ самые почетные гости, въ ней—вижу—стоитъ убогая кровать, на которой (какъ я узналъ потомъ) спалъ помѣшанный братъ Бѣляева. Былъ у него и еще одинъ братъ, неудавшійся живописецъ, проживавшій тоже при немъ, скрывавшійся отъ воскресныхъ посѣтителей, угрюмо-молчаливый, взъерошенный — одинъ изъ тѣхъ типовъ московскаго захолустья, которые съ такимъ мастерствомъ рисуетъ Островскій... Все это семейство такъ и просится подѣ его кисть.

За передней идетъ гостиная, бѣдно меблированная разноколиберными старозавѣтными стульями и крашенымъ диваномъ съ кожаной подушкой; въ углу—цѣлая груда „Полнаго собранія законовъ“, которое Иванъ Дмитріевичъ только что купилъ наканунѣ у какого-то букиниста на Никольской *); на окнахъ бутылки съ настойками — плодъ хлопотъ домовитой хозяйки. Направо — кабинетъ, убого меблированная большая комната, разгороженная на-двое книжными шкапами. Тамъ, около небольшого письменнаго столика, сидѣлъ Бѣляевъ въ ситцевомъ засаленномъ халатѣ съ трубкой Жукова табаку въ рукѣ. Онъ уже сходилъ къ обѣднѣ, побывалъ у букинистовъ на Смоленскомъ рынкѣ, раздѣлся, натянулъ халатъ и теперь бесѣдуетъ съ своими посѣтителями, кто бы къ нему ни явился. Въ жаркіе лѣтніе дни, на своихъ приѣмныхъ воскресеньяхъ, онъ бывалъ въ парусинномъ, вѣчно невымытомъ пальто, но

*) Эта улица—мѣсто мелкихъ книгопродавцевъ, которые по буднямъ торгуютъ старыми книгами въ лавкахъ и палаткахъ, а по воскресеньямъ выходятъ торговать на Смоленскій рынокъ и къ Сухаревой башнѣ

также безъ галстука и безъ жилета, въ засаленомъ ситцевомъ нагрудникѣ.

Я сдѣлался усерднымъ посѣтителемъ этихъ воскресеній, на которыхъ, кромѣ студентовъ, я чаще другихъ встрѣчалъ: неистощимаго и мастерскаго рассказчика, нашего извѣстнаго ученаго П. М. Снегирева, вѣчно съ своимъ Владиміромъ на шеѣ; знаменитаго библіофила В. М. Ундольскаго, который подавлялъ самого Ивана Дмитріевича необъятнымъ знаніемъ древней русской письменности; рано погибшаго для русской науки и литературы Ил. В. Бѣляева; П. А. Безсонова и нѣкоторыхъ другихъ знатоковъ и любителей русской исторіи. На этихъ воскресеньяхъ никогда не было никакого угощенія; даже стакана воды, бывало, попросить не у кого; только для Снегирева подавался иногда подносъ съ графинчикомъ водки и скромной закуской.

Такова была обстановка, среди которой жилъ Бѣляевъ. Жить лучше онъ не считалъ нужнымъ и не умѣлъ.

Бѣляевъ былъ плохой разговорщикъ и уже совсѣмъ не ораторъ на кафедрѣ: лекціи свои, не блестящія по изложенію и крайне сухія по содержанію, онъ читалъ слово въ слово по заранѣ написаннымъ тетрадкамъ. При своихъ громаднхъ познаніяхъ по исторіи древне-русской жизни и допетровскаго права, онъ былъ скорѣе начетчикомъ, нежели ученымъ въ строгомъ смыслѣ этого слова. Онъ зналъ только русскіе памятники,— правда, онъ зналъ ихъ какъ свои пять пальцевъ, но за то все новѣйшее движеніе историко-юридической литературы на западѣ Европы оставалось ему совершенно неизвѣстнымъ. У него не было солиднаго общаго образованія и въ его сужденіяхъ обо всемъ, что выходило изъ круга его спеціальности, блестѣлъ не возвышенный взглядъ европейски-просвѣщеннаго человѣка, а слышался не болѣе,

какъ здравый смыслъ простаго русскаго человѣка. Наконецъ, онъ не желалъ, да и не умѣлъ импонировать передъ студентами. Не смотря, однако, на всѣ эти неблагоприятныя въ глазахъ университетской молодежи условія, студенты всегда съ уваженіемъ относились къ его лекціямъ, цѣнили его громадныя знанія и считали его однимъ изъ лучшихъ своихъ профессоровъ. Онъ не заискивалъ популярности, — и тѣмъ не менѣе студенты любили его, чувствуя ту сердечность, ту любовную готовность помочь молодому человѣку и словомъ и дѣломъ, которымъ дышали его отношенія къ своимъ слушателямъ. И дѣйствительно, онъ готовъ былъ помочь всѣмъ, чѣмъ могъ, тому студенту, отъ котораго надѣялся добрыхъ плодовъ для русской науки и, какъ родной отецъ, радовался успѣхамъ своихъ бывшихъ учениковъ. На его сердечность студенты отзывались любовью. Не смотря на его чудаковатую фигуру, на его обстановку, на угловатость его обращенія, — между университетской молодежью я ни разу не слышалъ ни одной изъ тѣхъ беззлыхъ насмѣшекъ надъ нимъ, ни одного забавнаго анекдота про него, на выдумки которыхъ такъ изобрѣтательны были тогдашніе студенты на счетъ другихъ профессоровъ.

Публика знаетъ Бѣляева только какъ изслѣдователя русской старины. Немногіе близкіе ему люди (въ числѣ которыхъ и я былъ) знаютъ, что ему принадлежатъ не одни ученые труды по русской исторіи. Въ „Русской Бесѣдѣ“ (А. И. Кошелева) онъ помѣстилъ двѣ-три статьи публицистическаго характера: не имѣя въ настоящую минуту подъ рукою этого изданія, я не могу назвать заглавія этихъ статей, въ которыхъ онъ проводилъ мысль о необходимости общественнаго самоуправленія и самодѣятельности. Въ газетѣ „Молва“ онъ напечаталъ нѣсколько беллетристическихъ очерковъ, подъ об-

щимъ названіемъ „Богомольцы и богомолки“; эти очерки отличаются большимъ мастерствомъ разсказа, мягкимъ колоритомъ и чарующею задушевностью, теплотою чувства. Всѣ эти вещи онъ печаталъ не подъ своимъ именемъ и строго скрывалъ, что онъ ихъ авторъ. Наконецъ, однажды онъ читалъ мнѣ написанную имъ пѣсню въ древне-русскомъ складѣ: вещь весьма хорошую. Не знаю, сохранилась ли она въ бумагахъ покойнаго; знаю только, что онъ не предназначалъ ее для печати, да по содержанію своему она (кажется) и не могла пройти сквозь цензуру, потому что (если не обманываетъ меня память) направлена была противъ тогдашняго московскаго генералъ-губернатора, гр. Закревскаго.

Въ 1858 г. я покинулъ Москву и съ тѣхъ поръ видѣлся съ Бѣляевымъ только во время рѣдкихъ и короткихъ моихъ наѣздовъ туда. Нынѣшнимъ лѣтомъ получилъ я тревожную вѣсть, что Бѣляевъ серьезно боленъ и, по совѣту врачей, живетъ на дачѣ въ Сокольникахъ. „Онъ — этотъ неподвижнѣйшій изъ москвичей, безвыѣздно прожившій чуть не полжизни въ Проточномъ переулкѣ, въ приходѣ Николая на Щепкахъ — переѣхалъ на дачу... Дѣло плохо! Видно, начался послѣдній актъ этой честной, трудовой жизни“, подумалъ я. И предчувствіе мое, къ сожалѣнію, оправдалось...

Послѣ Бѣяева осталась большая библіотека съ рѣдкими книгами и множествомъ рукописей: что со всѣмъ этимъ станется?

1873, Декабрь.

